

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Коллективный Запад в условиях
глобальной неопределенности:
возможности изменений*

*The Collective West amidst
Global Uncertainty:
Ways for Readjustment*

ТОМ 17 • НОМЕР 1 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 1 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.00

Содержание

Проблемы Старого Света

ДЕМЕШКО Н.Э., ИРХИН А.А., МОСКАЛЕНКО О.А. Черноморский регион как новая геополитическая реальность в материалах западных и турецких аналитических центров (2014–2023) 6–29

КУЛЕШОВА Н.С., ХВАЛЕЙ А.А. Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки 30–53

В национальном разрезе

АЛОНЦИ Р., ЛЮБИН В.П. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) 54–68

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Р.И. Евроскептицизм в Германии: исторический обзор и основные факторы 69–85

США: новые реалии

ТРАВКИНА Н.М. США: ренессанс забастовочных форм борьбы за права трудящихся 86–104

Право и политика

ЛОПУШИНСКАЯ А.А., КУДИНОВ А.С., АРАПОВА Е.А. Параметры санкционного законодательства Канады и тенденции судебной практики по делам об обжаловании санкций 105–121

КОРОЛЬКОВА Е.Е. Современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний ... 122–135

Особенности современного экономического развития

ЧЕРНЫШЕВА Т.К. Европейские подходы к разработке концептуальных основ политики в области ESG 136–155

ШАТИЛО Д.П. Взаимосвязь между расселением иммигрантов и стоимостью жилья в глобальных немецких городах 156–195

В рамках дискуссии

СКИПИН Н.С. Инвайронментализм как постидеология: концептуальная рамка постмодерна 196–208

Вокруг книг

ВИЛИСОВ М.В. «Как выжить в поле»: альтернативы научно-образовательной карьере в области общественных наук 209–222

DOI: 10.31249/kg/2024.01.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgf/2024.01.00

Contents

Problems of the Old World

DEMESHKO N.E., IRKHIN A.A., MOSKALENKO O.A. The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023) 6–29

KULESHOVA N.S., KHVALEY A.A. The Strategy of Information Confrontation of the Countries of the Collective West in the Arab Countries of the Middle East and North Africa 30–53

National Peculiarities

ALONZI R., LJUBIN V.P. Italy: The gaps in the Foreign Policy of the Meloni Government (between Atlanticism, Europeanism and the Search for Self-determination) 54–68

BLAGOVESCHENSKIY R.I. Euroscepticism in Germany: Historical Review and Main Factors 69–85

USA: New Realities

TRAVKINA N.M. The USA: Renaissance of Strike Forms of Struggle for Workers’ Rights 86–104

Law and Politics

LOPUSHINSKAYA A.A., KUDINOV A.S., ARAPOVA E.YA. Features of Canada’s Sanctions Legislation and Trends in Sanctions Appeal Jurisprudence. 105–121

KOROLKOVA E.E. The Evolution of International Legal Regulation for the Activities of Private Military and Security Companies 122–135

Specifics of Modern Economic Development

CHERNYSHEVA T.K. European Approaches to the Development of Conceptual Frameworks for ESG Policy 136–155

SHATILO D.P. The Relationship between Immigrant Settlement and Housing Costs in Global German Cities 156–195

Under Discussion

SKIPIN N.S. Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity 196–208

Spotlight on New Academic Arrivals

VILISOV M.V. “How to Survive in the Field”: Alternatives to a Scientific and Educational Career in the Field of Social Sciences 209–222

Проблемы Старого Света

УДК 327[(73)+(4)+(560)]:(262.5)

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.01

Черноморский регион как новая геополитическая реальность в материалах западных и турецких аналитических центров (2014–2023)

Наталья Эдуардовна ДЕМЕШКО

кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки»

Института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053

E-mail: natalidem93@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9620-2410

Александр Анатольевич ИРХИН

доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки»

Института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053

E-mail: alex.irhin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7895-550X

Ольга Александровна МОСКАЛЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода»

Института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053

E-mail: kerulen@bk.ru

ORCID: 0000-0002-4162-3162

ЦИТИРОВАНИЕ: Демешко Н.Э., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион как новая геополитическая реальность в материалах западных и турецких аналитических центров (2014–2023) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 6–29. DOI: 10.31249/kgt/2024.01.01

Статья поступила в редакцию 04.12.2023.

Исправленный текст представлен 15.03.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917 (<https://rscf.ru/project/23-28-00917/>).

АННОТАЦИЯ. В последние несколько лет наблюдается резкий рост интереса зарубежных «фабрик мысли» к проблемам развития Черноморского региона, что отражается в материалах американского, европейского и турецкого экспертно-аналитических сообществ. В настоящем исследовании авторы ставят цель выявить и исследовать основные подходы к формированию различных геополитических конфигураций Черноморского региона и собственной политики в дискурсе западных и турецких «фабрик мысли». Методологической основой исследования стали системный, геополитический и дискурсивный подходы. Методы дискурс-анализа были применены для интерпретации материалов зарубежных аналитических центров, посвященных изучению проблем региона. Анализ экспертно-аналитических докладов позволил выявить ключевые рекомендации зарубежных «фабрик мысли», которые можно рассматривать в качестве возможных дальнейших шагов США и их союзников в Черноморском регионе: (1) усиление военного присутствия США и НАТО в регионе; (2) выстраивание эффективной коммуникации с Турцией с целью размывания существующего режима Черноморских проливов; (3) достижение активного сотрудничества черноморских государств с Вашингтоном, Брюсселем, Берлином, Лондоном и Парижем для привлечения внимания к Черноморскому региону и его стратегической значимости; (4) усиление позиций Запада в Черноморском регионе через влияние на «умы и сердца» населения посредством распространения универсальных ценностей; (5) вытеснение России из Черноморского региона через сокращение российского военно-морского присутствия в Чёрном море.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Черноморский регион, дискурс, аналитические

центры, специальная военная операция, украинский кризис.

Введение

С 2014 г. Черноморский регион (ЧР) стал центром военно-политической конкуренции, которая перешла на новый уровень с февраля 2022 г. с началом специальной военной операции России на Украине, которой Москва бросила вызов западноцентричному мироустройству. Динамика развития геополитической ситуации в Черноморском регионе быстро меняется за счет попыток Соединённых Штатов и ведомой ими коалиции пересмотреть сложившийся региональный баланс сил, который открывал бы им путь к масштабной военно-политической экспансии в Центральную Азию и сопредельные регионы (в рамках Балто-Черноморско-Каспийской и Черноморско-Каспийской проекции Черноморского региона), что является одним из путей консервации уходящей однополярности за счет построения однополярной дуги от Прибалтики через Чёрное море и до Центральной Азии.

Эта тенденция проявляется с начала 2000-х годов в концептуальном оформлении таких проектов, как Большой Черноморский регион (*Wider Black Sea Region*) и Евро-атлантическое Причерноморье, а также других проектов в рамках экспансии западной цивилизации в ЧР. В настоящее время стратегия Запада в ЧР оформляется в Акте по безопасности в Чёрном море (*Black Sea Security Act of 2023*) США, направленном на создание постоянного присутствия в Чёрном море США и сил НАТО, совместные инициативы в регионе США, стран ЕС и кандидатов в ЕС, реализацию Инициативы трех морей, сдерживание Турции и вытеснение России из региона, которая на уровне дискурса уже исключена в тексте законопроекта из перечня чер-

номорских государств («Под «черноморскими государствами» понимаются Турция, Румыния, Болгария, Молдова, Украина и Грузия»)¹.

Черноморский регион в современных международно-политических реалиях обладает значимым геостратегическим положением, поскольку находится на пересечении интересов ключевых как глобальных, так и региональных держав. Возвращение Крыма в состав Российской Федерации рассматривается субъектами международных отношений в качестве начала новой геополитической реальности из-за угрозы существующему балансу сил, сложившемуся в регионе после окончания холодной войны [Ирхин, Москаленко, 2021, с. 510]. Пристальное внимание к ЧР международных акторов в рассматриваемый период отразилось и в материалах американских, европейских, турецких экспертно-аналитических центров (таблица 1).

Изучение отдельных политических аспектов ЧР нашло отражение в работах В.А. Аваткова, П.А. Гудева [Аватков, Гудев, 2021], М.М. Агазаде [Агазаде, 2021], С.С. Жильцова [Жильцов, 2019], М.В. Ильина [Ильин, 2020], А.А. Ирхина, О.А. Москаленко, Н.Э. Демешко [Ирхин, Москаленко, 2021; Имперское возрождение ..., 2023; Демешко, Ирхин, 2022], К.П. Курылева [Курылев, 2013], А.Р. Никифорова [Никифоров, 2016; Никифоров, 2018], И.А. Чихарева [Чихарев, 2021], С.В. Юрченко [Юрченко, 2008] и др.

Анализ дискурса западных и турецких аналитических центров позволяет выявить и исследовать отдельные

аспекты политической и военно-политической стратегии держав в ЧР. Данная научная задача имеет прикладное и теоретическое измерение и связана прежде всего с национальной безопасностью Юга России и предотвращением возможных дальнейших эффектов домино по развалу России, к реализации которого стремятся Запад и его союзники, с которыми Москва вступила в прямое противоборство.

В качестве материалов исследования привлекаются доклады ведущих аналитических центров США, Великобритании, стран ЕС и Турции, которые проводят экспертную оценку международно-политических процессов ЧР: *Center for Strategic and International Studies*, *Heritage Foundation*, *Center for European Policy Analysis*, *Hudson Institute*, *RAND Corporation*, *Atlantic Council*, *Chatham House*, *Stiftung Wissenschaft und Politik*, *German Marshall Fund of the United States*², *European Union Institute for Security Studies*, *Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı*, *Avrasya İncelemeleri Merkezi*, *İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi* и др.

В настоящем исследовании авторы ставят перед собой цель выявить и исследовать основные аспекты геополитической характеристики ЧР в дискурсе западных и турецких «фабрик мысли». В рамках достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: (1) на основании количественных данных определить динамику публикаций, посвященных ЧР; (2) выявить ключевые цели стратегии США и их союзников в регионе;

1 Black Sea Security Act of 2023. 118th Congress (2023–2024) // Congress.gov. – 2023. – March 21. – URL: <https://www.congress.gov/bills/118th-congress/house-bill/1680? s=1&r=1&q=%7B%22search%22%3A%22Black+Sea+Security+Act+of++2023%22%7D> (дата обращения: 02.10.2023).

2 Атлантический совет (*Atlantic council of the United States*), Центр анализа европейской политики (*Center for European Policy Analysis, CEPA*), Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, CSIS*), Гудзоновский институт (*Hudson Institute*), Корпорация RAND (*RAND Corporation*), Королевский институт международных отношений (*The Royal Institute of International Affairs, Chatham House*), Германский фонд Маршалла (*The German Marshall Fund of the United States, GMF*) внесены Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Таблица 1. Черноморский регион в публикациях западных и турецких аналитических центров (2014–2023)

Table 1. The Black Sea region in the publications of Western and Turkish analytical centers (2014–2023)

Название/ Title	Количество публикаций / Number of publications	Страна/ Country
Atlantic Council	91	USA
Center for European Policy Analysis (CEPA)	199	USA
Center for Strategic and International Studies (CSIS)	178	USA
Heritage Foundation	81	USA
Hudson Institute	124	USA
RAND Corporation	58	USA
Chatham House	38	United Kingdom
Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP)	71	Germany
Institut français des relations internationales (IFRI)	73	France
Avrasya İncelemeleri Merkezi (AİİM)	44	Türkiye
Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi (ANKASAM)	150	Türkiye
İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi (İNSAMER)	55	Türkiye

Источник: составлено авторами на основе мониторинга материалов аналитических центров³.

(3) обозначить характеристику региональных позиций Российской Федерации после воссоединения Крыма с Россией; (4) изучить особенности рассмотрения политики черноморских государств в материалах западного научно-экспертного сообщества.

Методологической основой исследования являются системный, геополитический и дискурсивный подходы. Методы дискурс-анализа были применены для интерпретации материалов зарубежных экспертно-аналитических центров, посвященных изучению проб-

лем региона. Мониторинг и анализ экспертно-аналитического дискурса позволил рассмотреть вероятные модели конфигурации ЧР, так как действия региональных и нерегиональных акторов отрабатываются на дискурсивном и публично-информационном уровне, а успешность подачи того или иного аспекта напрямую связана с принятием политических решений.

Учитывая тот факт, что социальная действительность существует в сознании людей в виде когнитивных моделей, а в экспертно-аналитическом и инфор-

3 Таблица составлена авторами на основании мониторинга материалов аналитических центров США, Великобритании, Германии, Франции и Турции, посвященных Черноморскому региону. Мониторинг публикаций, размещенных на официальных сайтах западных «фабрик мысли», осуществлялся по ключевым словосочетаниям «Чёрное море», «Черноморский регион». Хронологические рамки исследования – 2014–25.09.2023.

мационном дискурсе она вербализирована совокупностью текстов, моделирование региона возможно рассматривать как структурирование информации о действительности, производимой и воспроизводимой в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур. В широком смысле репрезентационные структуры – это объективируемые в дискурсе ментальные конструкции разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации. Их основная функция – ориентировать адресата и формировать общественное мнение в соответствии с потребностями коллективов или определенных социальных групп [Кушнерук, 2020, с. 94].

Таким образом, дискурс воспринимается не только как отражающий политическую реальность, но и как создающий ее. Концепция искусственного конструирования регионов через дискурс путем постоянного обновления определений того или иного региона была озвучена И. Нойманном в 1994 г. [Neumann, 1994]: опираясь на нее, И. Цантулис показал, как с начала 2000-х годов западные акторы конструировали пространство Большого Черноморского региона посредством дискурсивных практик («регионы обретают существование в речах и на бумаге» – «regions are talked and written into existence») [Tsantoulis, 2016]. В настоящий момент в зарубежном научном дискурсе мы наблюдаем возрождение риторики Большого Черноморского региона и его реконцептуализацию как критически значимого геополитического пространства.

Черноморский регион в материалах западных и турецких «фабрик мысли»

В период 1990–2000-х годов проблемы ЧР заняли одну из ключевых позиций в рамках научно-исследовательской и практической деятельности западных аналитических центров [Ирхин, Москаленко, 2021, с. 502]. Однако интерес международного сообщества к рассматриваемому региону значительно возрос после начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г. Данный тезис подтверждают и результаты мониторинга материалов американских, европейских и турецких «фабрик мысли» (рисунок 1).

Черноморский регион находится на важном перекрестке между Европой, Ближним Востоком и Большим Каспийским регионом. Значимость Чёрного моря, в том числе для нерегиональных государств, отмечают фактически все ведущие западные и турецкие аналитические центры [Kochis, Sadler, 2023, р. 2]. Так, эксперты американского Гудзоновского института выделяют пять ключевых причин, по которым Чёрное море имеет стратегическое значение для США.

Во-первых, три причерноморских государства (Болгария, Румыния и Турция) входят в НАТО и подпадают под гарантии коллективной безопасности Альянса. Во-вторых, в данном регионе прослеживаются перспективы для расширения НАТО и ЕС за счет включения Молдовы, Грузии и Украины⁴. В-третьих, Черноморский регион – важный региональный транзитный и судоходный узел, а также

4 Молдова, Украина и Грузия в 2022 г. официально подали заявки на членство в ЕС. Три страны участвуют в программе ЕС «Восточное партнёрство» и имеют соглашения об ассоциации с ЕС. Грузия и Украина стремятся вступить в НАТО, но пока их попытки не увенчались успехом. Молдова оценивается авторами доклада как государство, которое может рассмотреть вариант вступления в НАТО, но официально не заявляла о данном намерении.

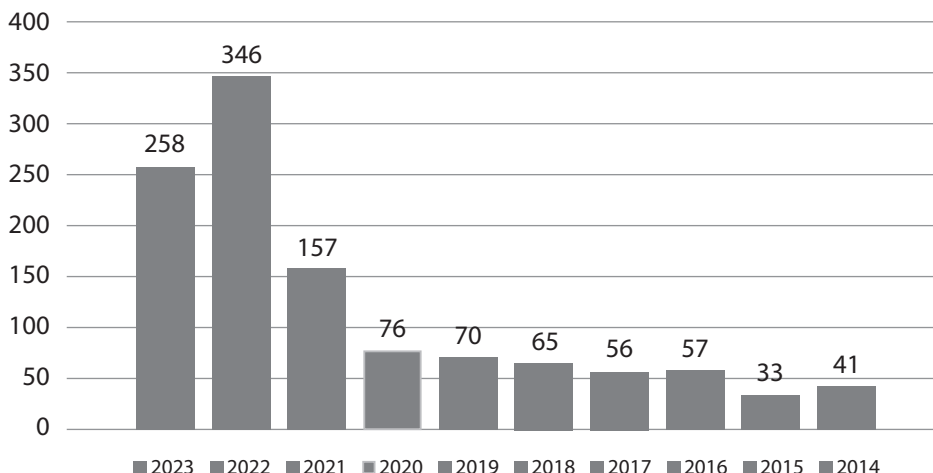

Рисунок 1. Динамика публикаций западных и турецких аналитических центров по Черноморскому региону (2014–2023)

Figure 1. Dynamics of publications of Western and Turkish analytical centers on the Black Sea region (2014–2023)

Источник: составлено авторами на основе мониторинга материалов аналитических центров⁴.

территория, обладающая богатыми природными ресурсами (нефтью, газом и др.). В-четвертых, Чёрное море выступает российским плацдармом для проведения военных операций, оказывающих существенное влияние и на другие геостратегические регионы (например, Ближний Восток). Наконец, в-пятых, Черноморский регион является пространством конкуренции великих и региональных держав. Особый акцент сделан на Китае и Иране. Последний рассматривается в качестве активного союзника России. По мнению экспертов, в силу новой геополитической реальности военная ось Россия – Иран является более опасной, чем была

когда-либо. В свою очередь, Китай выступает главной угрозой доминированию США, что находит отражение и в конкуренции американского плана «Большой Черноморский регион»⁶ и китайского проекта «Пояс и путь», в котором Чёрное море рассматривается как часть его европейской конечной точки [Coffey, Kasapoğlu, 2023, p. 4–5].

О китайской угрозе и рассмотрении западным научно-экспертным сообществом возможного сценария военных действий с Китаем свидетельствуют и другие публикации: «Как растущий Китай усложняет будущее Европы» (*How A Rising China Complicates Europe's Future*)⁷, «Применение уроков морской

⁵ Мониторинг публикаций аналитических центров осуществлялся авторами по словосочетаниям Black Sea/Black Sea region с 2014 г. по сентябрь 2023 г.

⁶ Старший научный сотрудник, а затем – глава брюссельского отделения Фонда Маршалла «Германия – США» Р. Асмус сформулировал концепцию Большого Черноморского региона (БЧР), в состав которого им была включена территория девяти государств: Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Молдавии, России, Румынии, Турции и Украины [Нукифоров, 2016, с. 79].

⁷ Carafano J., Colibasanu O.-A., Nate S. How A Rising China Complicates Europe's Future // Heritage Foundation. – URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/how-rising-china-complicates-europes-future> (дата обращения: 25.09.2023).

войны на Украине для потенциальной войны с Китаем» (*Applying Lessons of the Naval War in Ukraine for a Potential War with China*) [Sadler, 2023].

По мнению экспертов американского фонда «Наследие», ключевая цель, которая должна быть достигнута в ближайшее время странами Запада, – увеличение экономического и военного присутствия США и их союзников в ЧР. Это обосновывается не только необходимостью «защиты» союзников США по НАТО от «гнусной деятельности» Китая и «военных авантюр» России и значимостью оказания поддержки Грузии и Украины, которые стремятся вступить в военный блок. Одной из весомых причин, указывающих на необходимость усиления американского присутствия в регионе, называется «агрессия» России против Украины, поскольку «поражение» первой не только сделает возможный будущий конфликт с союзниками по НАТО менее вероятным, но и сдержит «агрессию» Китая в Индо-Тихоокеанском регионе [Kochis, Sadler, 2023, p. 2].

Новое геостратегическое значение Черноморского региона

Черноморский регион представлен в зарубежной аналитике в качестве одного из ключевых геополитических пространств, от положения которого зависит безопасность Запада, и одновременно с этим – как некая граница, отделяющая его от антидемократических сил [Hodges, 2021, p. 2]. Так, эксперты базирующегося в Вашингтоне

Центра анализа европейской политики (СЕРА) в докладе 2016 г. «Черноморские императивы. Обеспечение безопасности НАТО и Америки. Интересы будущей администрации США» (*Black Sea Imperatives. Ensuring NATO Security and American Interests for the Incoming U.S. Administration*) отмечают, что значимость ЧР обусловлена тем, что стабильный восточный фланг военного блока позволяет США проецировать и защищать свои национальные интересы в других регионах – от Центральной Европы до Ближнего Востока, и наоборот, дестабилизация региона ослабляет позиции как США, так и Альянса в целом. Черноморский регион представляется экспертами в качестве уязвимой зоны, так как данное геополитическое пространство длительный период времени не являлось приоритетным для Вашингтона и Североатлантического альянса, из-за чего своевременно не была разработана эффективная стратегия, которая могла бы сдерживать усиление позиций России [Bugajski, Doran, 2016, p. 1, 11].

О необходимости создания таковой заявляли эксперты как американских, так и британских «фабрик мысли»: «Безопасность и развитие Черного моря: необходимость региональной стратегии» (*Black Sea Security and Development: The Need for a Regional Strategy*)⁸, «Морская стратегия НАТО сильно устарела» (*NATO's Maritime Strategy Is Badly Outdated*)⁹, «НАТО нужна стратегия противодействия России в Арктике и Черном море» (*NATO Needs a Strategy for Countering Russia in the Arctic and the Black Sea*)¹⁰, «Штормовое преду-

8 Inayah A. Black Sea Security and Development: The Need for a Regional Strategy // German Marshall Fund of the United States. – 2022. – December 12. – URL: <https://www.gmfus.org/news/black-sea-security-and-development-need-regional-strategy> (дата обращения: 21.10.2023).

9 Horrell S. NATO's Maritime Strategy Is Badly Outdated // Center for European Policy Analysis. – 2023. – July 10. – URL: <https://sepa.org/article/natos-maritime-strategy-is-badly-outdated/> (дата обращения: 24.10.2023).

10 Boulègue M. NATO Needs a Strategy for Countering Russia in the Arctic and the Black Sea // Chatham House. – 2018. – July 2. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2018/07/nato-needs-strategy-countering-russia-arctic-and-black-sea> (дата обращения: 02.10.2023).

прежде в Чёрном море: пришло ли время для новой стратегии безопасности?» (*Storm warning in the Black Sea: Is it time for a new security strategy?*)¹¹, «Разработка стратегии сдерживания России и ослабления Путина» (*Devising the strategy to deter Russia and weaken Putin*)¹². При этом в сводке Фонда «Наследие» от 28 июня 2023 г. «Почему новая черноморская стратегия отвечает интересам США» (*Why a New Black Sea Strategy is in the U.S. Interest*) Акт по безопасности в Чёрном море 2022 г. (*Black Sea Security Act of 2022*) оценивается как ключевой документ, предназначенный для устранения прежних недостатков в политике США в Черноморском регионе [Kochis, Sadler, 2023, p. 2].

Доминирование России в Черноморском регионе рассматривается американскими аналитиками как вопрос ее национального выживания: черноморские порты, будучи незамерзающими, в различные исторические периоды представляли военную и экономическую значимость для государства, что остается актуальным и в настоящее время [Coffey, Sadler, 2021, p. 4]. В силу этого Российская Федерация демонстрирует достаточно высокий уровень активности в регионе, последовательно подрывая интересы США и их союзников [Coffey, Kochis, Mrachek, 2021, p. 2]. Данные действия Москвы характеризуются как проявление ее «неоимперского ревизионизма» [Bugajski, Doran, 2016, p. 2] и «агрессивной» политики¹³ [Coffey, Kochis, 2021, p. 5]. Схожие характери-

стики прослеживаются и в материалах польских «фабрик мысли». Так, в материалах Фонда Казимира Пуласки указывается, что Черноморский бассейн имеет жизненно важное экономическое и стратегическое значение для России. Это ключевой центр экспорта природного газа, нефти и других российских продуктов, а также база для российской «интервенции» в Сирию. Российское военное «вторжение» в Грузию в 2008 г., а также последующая «незаконная аннексия» Крымского полуострова в 2014 г. были преднамеренной попыткой «дестабилизировать» и ослабить ее соседей для восстановления бывшего значения России в регионе¹⁴.

Представители западного научно-экспертного сообщества подчеркивают, что в то время, как НАТО якобы стремится обеспечить постоянную «безопасность» своих членов и «помочь» другим государствам защитить свою независимость, для Москвы Чёрное море является стартовой площадкой для доминирования над своими бывшими «сателлитами» и проецирования своей военной мощи на Центральную Европу, Балканы и Восточное Средиземноморье¹⁵. Кроме того, по мнению экспертов Германского фонда Маршалла (GMF) и Центра стратегических и международных исследований (CSIS), Россия использует весь ЧР в качестве своего образного буфера между собой и Западом и в основе ее усилий по легитимизации создания буферной зоны якобы

11 Storm warning in the Black Sea: Is it time for a new security strategy? // Chatham House. – 2021. – June 8. – URL: <https://www.chathamhouse.org/events/all/research-event/storm-warning-black-sea-it-time-new-security-strategy> (дата обращения: 12.10.2023).

12 Shea J. Devising the strategy to deter Russia and weaken Putin // Chatham House. – 2022. – March 8. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/03/devising-strategy-deter-russia-and-weaken-putin> (дата обращения: 02.10.2023).

13 Stent A. Russia's Battle for the Black Sea // Foreign Affairs. – 2021. – August 16. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2021-08-16/russias-battle-black-sea> (дата обращения: 10.11.2023).

14 Rising Tensions in the Black Sea – Lessons for Nato // The Casimir Pulaski Foundation. – 2021. – July 28. – URL: <https://pulaski.pl/en/rising-tensions-in-the-black-sea-lessons-for-nato/> (дата обращения: 12.03.2024).

15 Bugajski J. NATO's Black Sea Horizons // Center for European Policy Analysis. – 2019. – March 12. – URL: <https://cepa.org/article/natos-black-sea-horizons/> (дата обращения: 04.11.2023).

находится национальный вопрос, актуализация которого позволила ей «разжечь» затяжные этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии¹⁶.

Украинский кризис также расценивается как очередное проявление «агрессивной политики» России, направленной на восстановление власти над «бывшими колониями»¹⁷. Эксперты Фонда «Наследие» в публикации 2021 г. строят безапелляционную логическую цепочку аргументов для виктимизации Украины: «Россия вторглась на Украину; Россия незаконно оккупирует Крым; Россия спровоцировала и продолжает поддерживать сепаратистское движение на востоке Украины, которого не существовало до 2014 г.; Россия – агрессор, а Украина – жертва» [Coffey, Kochis, Mrachek, 2021, p. 3]. Схожая риторика характерна и для Института исследований безопасности Европейского союза (EUISS). В экспертно-аналитическом докладе 2023 г. отмечается, что Россия превратила ЧР в пространство конфликта: «агрессия» В.В. Путина против Украины превратила Чёрное море в арену конфронтации между возрождающейся Россией и Западом. При этом США и ЕС ожидаемо представлены в качестве основных «защитников» суверенитета Украины [Bechev,

2023, p. 1]. Нарратив необходимости для коллективного Запада выступить «защитником» стран ЧР от «российской агрессии» и «гарантом» региональной стабильности явно продемонстрирован и в названиях публикаций других зарубежных экспертно-аналитических центров: «Лидерство США необходимо для улучшения морской безопасности в Чёрном и Азовском морях» (*Leadership Needed to Improve Maritime Security in the Black Sea and the Sea of Azov*) [Coffey, Sadler, 2021], «Чтобы обезопасить Чёрное море, Запад должен помочь Молдове противостоять российской агрессии» (*To Secure the Black Sea, the West Must Help Moldova Stand Up to Russian Aggression*)¹⁸, «Запад должен поддерживать Украину и Турцию, чтобы противостоять попыткам России контролировать Чёрное море» (*The West Must Back Ukraine and Turkey to Counter Russia's Attempts to Control the Black Sea*)¹⁹, «Аппетит России может распространиться за пределы Украины» (*Russia's Appetite May Extend Beyond Ukraine*)²⁰.

В материалах Германского фонда Маршалла, Атлантического совета и «Наследия» прослеживается общий тезис: Москва пытается превратить Чёрное море фактически в «российское озеро», что, в свою очередь, представляет прямую угрозу для безопасности

16 Inayah A. Black Sea Security and Development: The Need for a Regional Strategy // German Marshall Fund of the United States. – 2022. – September 12. – URL: <https://www.gmfus.org/news/black-sea-security-and-development-need-regional-strategy> (дата обращения: 21.10.2023); Toucas B. Russia's Design in The Black Sea: Extending the Buffer Zone // Center for Strategic and International Studies. – 2017. – June 28. – URL: <https://www.csis.org/analysis/russias-design-black-sea-extending-buffer-zone> (дата обращения: 02.11.2023).

17 Gaidai O. Decolonizing Crimean History // Atlantic Council. – 2022. – August 30. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/decolonizing-crimean-history/> (дата обращения: 03.11.2023).

18 Dupuy A. To Secure the Black Sea, the West Must Help Moldova Stand Up to Russian Aggression // Atlantic Council. – 2023. – May 5. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/turkeysource/to-secure-the-black-sea-the-west-must-help-moldova-stand-up-to-russian-aggression/> (дата обращения: 01.11.2023).

19 Gaber Y. The West Must Back Ukraine and Turkey to Counter Russia's Attempts to Control the Black Sea // Atlantic Council. – 2023. – August 3. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/turkeysource/the-west-must-back-ukraine-and-turkey-to-counter-russias-attempts-to-control-the-black-sea/> (дата обращения: 02.11.2023).

20 Courtney W. Russia's Appetite May Extend Beyond Ukraine // RAND Corporation. – 2023. – February 17. – URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/02/russias-appetite-may-extend-beyond-ukraine.html> (дата обращения: 22.11.2023).

США и НАТО²¹ [Coffey, Kochis, 2021, p. 1]. Реализация данной цели, как отмечают Л. Коффи и Б. Сэдлер, стала возможной благодаря восстановлению российской юрисдикции над Крымом в 2014 г., которое именуется «беспрецедентным актом внешней агрессии в XXI веке» [Coffey, Sadler, 2021, p. 4].

Геостратегическое и символическое значение Крыма

В публикациях Атлантического совета, основанного в 1961 г. при Организации Североатлантического договора, отмечается, что российская «оккупация» Крыма – переломный момент в современной европейской истории. При этом данные действия стали возможными благодаря «ложным» утверждениям Москвы о том, что Крым является «исторически русской землей». С целью делегитимизации воссоединения Крыма с Россией Олександра Гайдай предлагает фактически развенчать представления о Крыме как «части исторического наследия России». Эксперт отмечает, что необходимы инициативы²², направленные на «деколонизацию» истории Крыма и противодействие многочисленным «имперским нарративам» российского государства, которые сохраняются не только на полуострове, но и на постсоветском пространстве в целом²³.

Схожие тезисы встречаются и в докладе 2021 г. британского аналитиче-

ского центра *Chatham House* «Мифы и ложные представления в спорах о России: их влияние на политику Запада и способы преодоления» (*Myths and Misconceptions in the Debate on Russia: How they Affect Western Policy, and What Can be Done*). Основная цель исследования – деконструировать 16 наиболее распространенных «мифов» и «заблуждений», которые формируют современные западные представления о России. Авторы раскрывают их негативное влияние на разработку и реализацию внешнеполитических инициатив Запада в отношении России. Фактически во всем докладе красной линией проходит ключевая идея: в обозримом будущем у России мало шансов стать для западных государств более конструктивным и готовым к сотрудничеству партнером. Эксперты опровергают представления о воссоединении Крыма с Россией как об исправлении исторической несправедливости [Myths..., 2021, p. 75]. Кроме того, по их мнению, поддержка действий Российской Федерации поощряет российские «неоимперские представления» и логику «сфер влияния», которые «ошибочно» подразумевают, что Россия имеет право действовать так, как она считает нужным, по отношению к меньшим и более слабым соседям [Myths..., 2021, p. 78–79].

В свою очередь, в турецком экспертно-аналитическом отчете 2020 г. «Доклад по Крыму: узловая точка геополитической конкуренции» (*Kırım Raporu: Jeopolitik Rekabette Düşüm Noktası*) ана-

21 Dalay G. Turkey's Recurring Quest for Security, Status, and Geopolitical Identity // German Marshall Fund of the United States. – 2022. – April 1. – URL: <https://www.gmfus.org/news/turkeys-recurring-quest-security-status-and-geopolitical-identity> (дата обращения: 26.11.2023); Haring M. Putin Must Not be Allowed to Turn the Black Sea into a Russian Lake // Atlantic Council. – 2023. – August 17. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/putin-must-not-be-allowed-to-turn-the-black-sea-into-a-russian-lake/> (дата обращения: 02.11.2023).

22 Автор приводит в качестве примера проект «Крым: история и люди», разработанный при поддержке Международного фонда «Возрождение». В рамках данной инициативы история Крыма рассматривается с точки зрения истории и культуры крымских татар. Данный проект фактически направлен на формирование представлений о том, что полуостров якобы никогда не являлся символическим местом для России и действия России в 2014 г. «нелегитимны».

23 Gaidai O. Decolonizing Crimean History // Atlantic Council. – 2022. – August 30. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/decolonizing-crimean-history/> (дата обращения: 03.11.2023).

лиз современных геополитических процессов в Черноморском регионе сопровождается историческим экскурсом, согласно которому с 1475 по 1774 г. Крымское ханство входило в состав Османской империи, а после «оккупации» Крыма царской Россией в 1783 г. коренное население полуострова – крымские турки/тюрки (*Kırım Türkleri*) были «взяты в плен», после чего началась политика русификации и разрушения исторических памятников турецко-исламской/тюрко-исламской цивилизации (*Türk-İslam medeniyeti*). Кроме того, проводится параллель с воссоединением Крыма с Россией в 2014 г., которое также якобы способствовало возникновению различных «гонений» со стороны российских органов власти в отношении данного народа. Турции отводится роль его защитника и, одновременно с этим, медиатора российско-украинских отношений. При этом, по мнению эксперта Центра гуманитарных и социальных исследований (*İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi*), Россия в краткосрочной перспективе «не откажется от оккупации Крыма» [*Çalışkan*, 2020, s. 2; 14–15; 28].

Но хотя в западной и турецкой аналитике заметна яркая тенденция рассматривать значение Крыма для России на символическом уровне, он является лишь вспомогательным для геостратегического анализа. В публикации Центра стратегических и международных исследований (CSIS) 2014 г. отмечается, что контроль над полуостровом дает России возможность проецировать

военно-политическую силу как в Чёрном море, так и вокруг него, а также служит мощным символом российского могущества²⁴. Более того, эксперты британского Королевского института международных отношений в 2019 г. на панельной дискуссии, посвященной милитаризации Чёрного моря после «аннексии» Крыма, указывали, что Россия фактически превратила регион в «военную крепость», увеличив военный контингент на местах и разработав многоуровневую систему воздушной, морской и береговой обороны²⁵. По мнению экспертов Немецкого института по международным отношениям и безопасности, указанные действия предоставили России возможность противостоять потенциальным угрозам в ЧР и эффективно бороться с ними в местах, удаленных от ее территории. С этой целью Российская Федерация не только расширила системы раннего предупреждения и вооружения на суше, но и оснастила Черноморский флот ракетами наземного и морского базирования большой дальности. Милитаризация ЧР, проводимая Москвой, была воспринята НАТО как «величайшая угроза евроатлантической безопасности», что было отмечено в Стратегической концепции, принятой на Мадридском саммите в июне 2022 г. [*Isachenko, Swistek*, 2023, p. 2, 3]. Военное значение Крыма для Российской Федерации отмечается и в материалах украинского аналитического центра «Национальный институт стратегических исследований»²⁶.

24 Crime's Strategic Value to Russia // Center for Strategic and International Studies. – 2014. – March 18. – URL: <https://www.csis.org/blogs/post-soviet-post/crimeas-strategic-value-russia> (дата обращения: 05.11.2023).

25 The Militarization of the Black Sea After the Annexation of Crimea // Chatham House. – 2019. – March 13. – URL: <https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/militarization-black-sea-after-annexation-crimea> (дата обращения: 05.11.2023).

26 Парахонський Б.О. Чорноморський регіон: виклики та загрози регіональній безпеці. Аналітична записка // Національний інститут стратегічних досліджень. – 2015. – 21 грудня. – URL: <https://niss.gov.ua/doslidzhennya/mizhnarodni-vidnosini/chornomorskiy-region-vikliki-ta-zagrozi-regionalniy-bezpeci> (дата обращения: 12.03.2024); Паливода В. Росія на Чорному морі реалізує стратегію «Маре Нострум»: думка експерта НІСД // Національний інститут стратегічних досліджень. – 2019. – 2 липня. – URL: <https://niss.gov.ua/news/statti/rosiya-na-chornomu-mori-realizue-strategiyu-mare-nostrum-dumka-eksperta-nisd> (дата обращения: 12.03.2024).

При этом военное присутствие Российской Федерации в Крыму оценивается в качестве прямой угрозы не только для Востока НАТО, но и для его Юга, поскольку полуостров фактически превратился в «средиземноморский трамплин» для «великодержавных амбиций» Кремля. Именно поэтому в материале Гудзоновского института Украина рассматривается как противовес превращению Чёрного моря в «российское озеро»²⁷, а помощь в возвращении ей Крыма именуют «стратегическим приоритетом» для обеспечения военно-политической безопасности Альянса [Coffey, Kasapoğlu, 2023, p. 3].

Зарубежные эксперты моделируют сценарии возвращения полуострова Украине. Так, в публикации корпорации RAND «Почему блокада, а не возвращение Крыма может быть лучшим вариантом для Киева» от 10 апреля 2023 г. отмечается, что Украине не хватит военных возможностей для десантных операций на полуострове. Однако Крым является «уязвимой зоной» и для России, так как фактически существует только два сухопутных маршрута, связывающие Крым и континентальную Россию: один проходит через территории, расположенные относительно близко к линии фронта, а другой – Крымский мост, повреждение которого уже усложняло логистику между Российской Федерацией и Крымом. При этом Перекопский перешеек – место с минимальным противостоянием для маневра и к тому же находящееся в пределах досягаемости

нынешнего украинского оружия. С. Савиц и У. Кортни, используя логику географического детерминизма, приходят к выводу, что географическое положение, которое затрудняет вторжение ВСУ в Крым, одновременно с этим облегчает его осаду, и рассматривают данный вариант развития событий как наиболее вероятный²⁸.

Украинский кризис и геополитическая архитектура Черноморского региона

Украинский кризис, демонстрирующий якобы «агрессивную» политику России, оценивается исследователями как возможность продвижения и усиления евроатлантических интеграционных проектов в ЧР. Так, в материалах Германского фонда Маршалла Соединённых Штатов (GMF) 2022 г. отмечается, что трансатлантическое сообщество совершит крупную стратегическую ошибку, если не воспользуется восстановлением Украины для более прочного закрепления экономики и безопасности Молдовы на Западе. По мнению научного сотрудника GMF, как страна-кандидат в ЕС Молдова имеет возможность интегрироваться в трансатлантическое сообщество, чтобы противодействовать усилиям России по «дестабилизации» региона²⁹. Ключевыми местами для сотрудничества, которые обеспечат консолидацию для коллективной безопасности Альянса, обозначаются Румыния, Грузия и Болгария³⁰.

27 Kasapoğlu C. A Winning Strategy in Ukraine // Hudson Institute. – 2022. – March 7. – URL: <https://www.hudson.org/foreign-policy/a-winning-strategy-in-ukraine> (дата обращения: 07.11.2023).

28 Savitz S., Courtney W. Why Blockading Rather Than Retaking Crimea Might Be Kyiv's Best Option // RAND Corporation. – 2023. – April 10. – URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/04/why-blockading-rather-than-retaking-crimea-might-be.html> (дата обращения: 07.11.2023).

29 Inayeh A. Black Sea Security and Development: The Need for a Regional Strategy // German Marshall Fund of the United States. – 2022. – December 12. – URL: <https://www.gmfus.org/news/black-sea-security-and-development-need-regional-strategy> (дата обращения: 21.10.2023).

30 Carafano J., Colibasanu O.-A., Nate S. How To Make Sure the Black Sea Doesn't Become a Geopolitical Black Hole // Heritage Foundation. – 2021. – July 6. – URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/how-make-sure-the-black-sea-doesnt-become-geopolitical-black-hole> (дата обращения: 07.11.2023).

Румынии не только отводится одна из ключевых ролей в проекте «нового Междуморья»³¹, но в силу геостратегического положения Констанца рассматривается экспертами Гудзоновского института как будущий центральный хаб для НАТО. Эксперты отмечают, что именно «в ответ на возросшую российскую угрозу европейской безопасности» Альянс усилил военное присутствие союзников на своих восточных границах, создав там новые многонациональные боевые группы (Болгария, Словакия, Румыния и Венгрия). Следующим логическим шагом, по мнению аналитиков, было бы увеличение возможностей Румынии по ПВО за счет развертывания комплексных средств сдерживания, состоящих из противокорабельных ракет, эшелонированных средств ПВО, тяжелых реактивных систем залпового огня (РСЗО) и систем тактических баллистических ракет (например, HIMARS/ATACMS), а также мощных воздушных и морских роботизированных боевых систем [Coffey, Kasapoglu, 2023, p. 3].

Грузия, как и Украина, представляется в качестве жертвы «имперской России» [Coffey, 2018, p. 9], так как эти два черноморских государства «знают, что значит страдать от российской агрессии» [Coffey, Kochis, 2021, p. 5]. При этом подчеркивается, что без тесного сотрудничества НАТО с Украиной и Грузией невозможно разработать эффективную стратегию на Чёрном море. Именно поэтому эксперты рекомендуют открыть в Грузии сертифици-

рованный Центр передового опыта по безопасности на Чёрном море [Coffey, Kochis, 2021, p. 5], а на Украине сертифицированный НАТО Центр передового опыта в области современной войны³².

В материале CSIS 2017 г. Болгария оценивается в качестве государства, чья политическая элита сохраняет деловые взаимоотношения с Россией и, кроме того, не желает играть ведущую роль в усилении присутствия НАТО на Чёрном море³³. Однако после начала СВО на Украине в СМИ появилась информация о планах модернизации вооруженных сил Болгарии, строительстве еще одной военной базы³⁴ для размещения многонациональной боевой группы НАТО, увеличении войскового контингента Североатлантического альянса на ее территории³⁵.

Позиции Турецкой Республики в Черноморском регионе

Эксперт турецкого Центра евразийских исследований (*Avrasya İncelemeleri Merkezi*) указывает, что Турция рассматривает сохранение устойчивой ситуации в акватории Чёрного моря как важную составляющую своей собственной безопасности и является самым влиятельным членом НАТО в Черноморском бассейне. Она также решительно соблюдает Конвенцию Монтрё – ключевое международное соглашение в области безопасности на Чёрном море. Политика Турции опирается на прочную правовую осно-

31 Carafano J., Colibasanu O.-A., Nate S. How A Rising China Complicates Europe's Future // Heritage Foundation. – 2021. – September 23. – URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/how-rising-china-complicates-europes-future> (дата обращения: 25.09.2023).

32 Coffey L. Seven Ways to Deepen NATO-Ukraine Relations at the Vilnius Summit // Heritage Foundation. – 2023. – April 25. – URL: <https://www.hudson.org/foreign-policy/seven-ways-deepen-nato-ukraine-relations-vilnius-summit> (дата обращения: 07.11.2023).

33 Toucas B. NATO and Russia in the Black Sea: A New Confrontation? // Center for Strategic and International Studies. – 2017. – March 6. – URL: <https://www.csis.org/analysis/nato-and-russia-black-sea-new-confrontation> (дата обращения: 07.11.2023).

34 На данный момент в стране их четыре.

35 Болгария построит на своей территории базу НАТО за \$ 55 млн // РБК. – 2023. – 14 сентября. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2023/65023ae19a794741d043d472> (дата обращения: 17.11.2023).

ву, однако время от времени публикуются комментарии, демонстрирующие подозрительность в отношении черноморской политики Турции [Yaşin, 2022, s. 2]. Так, в публикации Немецкого института по международным отношениям и безопасности от 21 июня 2023 г. «Черное море как закрытое море. Особая роль Турции в архитектуре региональной безопасности» (*The Black Sea as Mare Clausum. Turkey's special role in the regional security architecture*) подчеркивается, что для Турции именно данный международный договор является рычагом власти и «вторжение» России на территорию Украины в феврале 2022 г. позволило Украине еще в большей степени использовать его в своих собственных интересах. В силу этого пространство для маневра НАТО в нынешней ситуации сократилось. Турция является важным элементом коллективной обороны Североатлантического союза. Однако с началом СВО на Украине военный блок больше не присутствует в Чёрном море³⁶. Это означает, что для Альянса отсутствует важная основа сдерживания и обороны. В этом отношении проявляется дуализм политики Турции в ЧР на двух уровнях: региональном и глобальном [Isachenko, Swistek, 2023, p. 1].

При этом Д. Кочис и Б. Сэдлер справедливо отмечают, что ныне действующий режим Черноморских проливов ослабляет и позиции Москвы. Это объясняется тем, что прибрежные страны не способны перебрасывать корабли, базирующиеся в других портах, хоть и могут возвращать военные корабли в порты приписки в Чёрном море. Это фактически замораживает российское военно-морское присутствие в зоне боевых действий и в случае необходимости делает невозможным переброску

кораблей других российских флотов в регион. Положение России стало особенно уязвимым после гибели флагмана Черноморского флота «Москва» в апреле 2022 г. [Kochis, Sadler, 2023, p. 4]. Однако американские аналитики при исследовании этого аспекта замалчивают тот факт, что в настоящий момент исключительно благодаря Конвенции Монтрё и действиям Турецкой Республики по ее соблюдению Россия защищена от присутствия в Чёрном море крупных нерегionalных военных сил, прежде всего НАТО.

В аналитике Гудзоновского института 2023 г. черноморская политика Турции характеризуется как сложная и неоднозначная. Более того, эксперты именуют Турцию «химерой» Чёрного моря, так как, подобно мифологическому существу, которое было частично львом, частично козлом и частично змеей, политика Турции в отношении ЧР сочетает в себе разрозненные элементы. То есть современная турецкая черноморская парадигма является многофакторной и основана на четырех ключевых столпах: (1) примат режима Конвенции Монтрё в политике Турции на Чёрном море; (2) важность сохранения «дипломатического преимущества» в регионе; (3) статус Турции в НАТО; (4) растущие оборонные связи Турции с Украиной [Coffey, Kasapoğlu, 2023, p. 6].

Достаточно высокий уровень субъектности Турции в ЧР и политика балансирования между Западом и Россией оцениваются как проблема для Соединённых Штатов и их союзников. Б. Тукас в публикации 2018 г. «У Турции нет союзников на Чёрном море, есть только интересы» (*Turkey Has No Allies in the Black Sea, Only Interests*) отмечает, что фактически историческое соглашение между Россией и Турцией

36 Исключением являются черноморские государства.

построено на том, что «внерегиональные державы» не должны допускаться в Черноморский регион. Это, в свою очередь, препятствует перспективам укрепления позиций НАТО на этой территории. Более того, эксперт Центра стратегических и международных исследований (CSIS) указывает, что «особые отношения» с Россией могут стать ахиллесовой пятой Турции и подорвать ее позиции в ЧР³⁷. Схожие представления демонстрируются и в публикации фонда *Chatham House*: если Москва принципиально изменит баланс сил в свою пользу, это создаст долгосрочную угрозу для Турции и сократит ее пространство для маневра в регионе. Однако когда дело доходит до конфронтации между Россией и Западом, Анкара фактически придерживается геополитического баланса и не присоединяется к международным санкциям. До сих пор такой подход позволял Турции играть несколько ролей: (1) дипломатическую, которая проявляется в попытках урегулировать российско-украинский конфликт; (2) гуманитарную, содействуя заключению зерновой сделки вместе с Организацией Объединённых Наций (ООН); (3) геополитическую, контролируя проход в Черное море и обратно через турецкие проливы³⁸. Положительный эффект от балансирования Анкары подчеркивается и в материалах Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA), который эксперты связывают с Партией справедливости и развития (ПСР) [Аватков, 2022,

с. 181]: «...для всего мира, западного альянса и, конечно же, нашей страны очень ценно то, что Турция остается на той стадии, когда она может вести переговоры как с Россией, так и с Украиной»³⁹. При этом «возможность встретиться с обеими сторонами не только увеличивает бремя Турции, но и открывает для нее определенные возможности»⁴⁰. Значимая роль Анкары в сохранении безопасности Черноморского региона, благодаря роли посредника в российско-украинских отношениях, отмечается и в статье «Турецко-российские отношения: от России петровской до России путинской» (*Petro'nun Rusya'sından Putin'in Rusya'sına Türk-Rus İlişkileri*)⁴¹. Эксперт подчеркивает, что взаимоотношения между двумя государствами в различные исторические эпохи носили крайне изменчивый характер: от жесткой конкурентной борьбы на Балканах, Кавказе и в регионе Чёрного моря до взаимовыгодных партнерских отношений. По мнению М. Канджи, геополитическое влияние России в условиях экономической и дипломатической осады будет неизбежно продолжать уменьшаться; по этой причине Турция должна предпринять шаги по усилению своих внешнеполитических позиций на территориях, оставленных Российской Федерацией, и не допустить построения американо-британской гегемонии⁴².

После начала СВО Турция воспринимается Соединёнными Штатами как один из ключевых региональных игроков и союзников в ЧР, без кото-

37 Toucas B. Turkey Has No Allies in the Black Sea, Only Interests // Center for Strategic and International Studies. – 2018. – February 13. – URL: <https://www.csis.org/analysis/turkey-has-no-allies-black-sea-only-interests> (дата обращения: 07.11.2023).

38 Dalay G. How will geopolitics shape Turkey's international future? // Chatham House. – 2023. – June 5. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2023/06/how-will-geopolitics-shape-turkeys-international-future> (дата обращения: 07.11.2023).

39 Duran B. Türkiye'nin Rusya Politikasını Doğru Anlamak. // SETA. – 2022. – Ağustos 12. – URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-rusya-politikasini-dogru-anlamak/> (дата обращения: 12.03.2024).

40 Там же.

41 Kancı M. Petro'nun Rusya'sından Putin'in Rusya'sına Türk-Rus İlişkileri. // SETA. – 2023. – Ekim 25. – URL: <https://www.setav.org/petronun-rusyasindan-putinin-rusyasina-turk-rus-iliskileri/> (дата обращения: 12.03.2024).

42 Там же.

рого усиление позиций США и НАТО не представляется возможным [Aronson, Mankof, 2023, p. 24]. Данный тезис подтверждают и материалы американских аналитических центров: «Турция – непростой союзник, но не время списывать ее со счетов» (*Turkey is not an Easy ally, but it's not time to write it off*)⁴³ [Brannen, Dalton, 2017], «Чтобы вернуться в Чёрное море, США должны обратить внимание на Турцию» (*To re-engage in the Black Sea, the US must look to Turkey*)⁴⁴, «Прочное партнерство Украины и Турции является ключом к безопасности на Чёрном море» (*Strong Ukraine-Turkey partnership holds the key to Black Sea security*)⁴⁵.

Таким образом, Анкара придерживается логики «турецкого баланса»: являясь региональным центром силы, стремится повысить свой статус до мировой державы за счет своего уникального геополитического положения и при умелом маневрировании получает максимальные геополитические и геоэкономические дивиденды, используя глобальные противоречия между Западом и Востоком [Имперское возрождение..., 2023, с. 233].

Выводы

С учетом достаточно сложной геополитической архитектуры и высокой динамики развития региона анализ экспертно-аналитических докладов позволяет выявить ключевые рекомендации зарубежных «фабрик мысли», ко-

торые можно рассматривать в качестве возможных дальнейших шагов США и их союзников в Черноморском регионе.

1. Усиление военного присутствия США и НАТО в регионе, в том числе через создание Черноморской эскадры и связанной с ней постоянной военно-морской группы НАТО.

2. Выстраивание эффективной коммуникации с Турцией с целью размытия существующего режима Черноморских проливов. США и их союзники по НАТО будут настаивать на отсутствии законодательных ограничений на плавание через Турецкие проливы, ссылаясь на тот факт, что они являются «невоюющими государствами», а также на содержание статьи 19 Конвенции Монтрё 1936 г.⁴⁶ [Kochis, Sadler, 2023, p. 5–7].

3. Достижение консенсуса между игроками-единомышленниками в отношении ЧР на дипломатическом уровне. Подразумевается активное сотрудничество черноморских государств с Вашингтоном, Брюсселем, Берлином, Лондоном и Парижем для привлечения внимания к ЧР и его стратегической значимости [Hodges, 2021, p. 3–4].

4. Усиление позиций Запада в Черноморском регионе через влияние на «умы и сердца» населения посредством распространения универсальных ценностей, прежде всего расширения прав и свобод личности и т.д. Заведующий кафедрой стратегических исследований Першинга в Центре анализа европейской политики Б. Ходжес

43 Brannen S., Dalton M. Turkey Is Not an Easy Ally, But It's Not Time to Write It Off // Center for Strategic and International Studies. – 2017. – May 16. – URL: <https://www.csis.org/analysis/turkey-not-easy-ally-its-not-time-write-it> (дата обращения: 20.11.2023).

44 Dupuy A. To re-engage in the Black Sea, the US must look to Turkey // Atlantic Council. – 2022. – September 1. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/turkeysource/to-re-engage-in-the-black-sea-the-us-must-look-to-turkey/> (дата обращения: 10.11.2023).

45 Kuleba D. Strong Ukraine-Turkey partnership holds the key to Black Sea security By Dmytro Kuleba // Atlantic Council. – 2021. – October 28. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/strong-ukraine-turkey-partnership-holds-the-key-to-black-sea-security/> (дата обращения: 10.11.2023).

46 Статья 19 Конвенции Монтрё касается прохода судов через проливы во время войны, когда Турция не является воюющей стороной. Судам невоюющих держав юридически не запрещено плавание через проливы при условии соблюдения других условий транзита.

отмечает, что для данных целей важно поддерживать независимые СМИ, а также новостные агентства, например, такие как «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» и «Голос Америки». Кроме того, для повышения эффективности «мягкой силы» США в ЧР стоит увеличить количество образовательных программ. В качестве примера эксперт приводит Программу стипендий Эдмунда С. Маски для выпускников, благодаря которой на постсоветском пространстве была сформирована проамериканская элита [Hodges, 2021, p. 6].

5. Вытеснение России из ЧР через сокращение российского военно-морского присутствия в Чёрном море. Американские эксперты отмечают, что на любых постконфликтных переговорах между Россией и Украиной Соединённым Штатам следует предложить сократить российское присутствие в Чёрном море ниже доконфликтного уровня, чтобы Россия не смогла «угрожать» Украине или любому черноморскому государству [Kochis, Sadler, 2023, p. 5–7]. То есть в случае военно-политической неудачи России на Украине можно говорить о разработке Западом так называемой модели «Парижский мир 2.0», когда Россия фактически лишится своей субъектности в Черноморском регионе.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, количественные и качественные показатели мониторинга публикаций американских, европейских и турецких «фабрик мысли» продемонстрировали, что интерес научно-экспертного сообщества в отношении ЧР в рассматриваемый период (2014–2023) традиционно сохраняется и достиг своего пика в 2022 г., после начала СВО на Украине. При этом, несмотря на общие темы («украинский кризис», «стратегия России в ЧР», «агрессия России» и т. д.), западный и турецкий нарративы

в отношении данного геополитического пространства несколько разнятся: «фабриками мысли» Турецкой Республики в большей степени исследуются локальные темы, делается акцент на цивилизационных и исторических связях Крыма и России, вопросах зерновой сделки, энергетической безопасности региона, влиянии украинского вопроса на Сирию, российско-украинских отношениях и посреднических функциях Анкары. В свою очередь, западные аналитические центры сконцентрированы на разработке эффективной стратегии Запада и анализе геополитической архитектуры региона. Кроме того, прослеживается тенденция оценки ЧР как пространства конкуренции двух интеграционных проектов: американского Большого Черноморского региона и китайского «Пояс и путь».

Во-вторых, популяризация представлений о «русской агрессии» и «неоимперском ревизионизме» как об угрозе для черноморских государств со стороны России позволили Соединённым Штатам военно-политически усилить и консолидировать страны ЧР в рамках инициатив НАТО, в сравнении с докризисным периодом. При анализе ЧР Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдова рассматриваются американскими и европейскими экспертами в качестве объектов влияния Запада, достаточно комплементарно воспринимающих военно-политическое доминирование США и НАТО. Исключением является Турецкая Республика, которая, благодаря своему геополитическому положению и статусу «хранителя ключей» от Черноморских проливов, демонстрирует более высокий уровень субъектности в регионе, виртуозно балансирует между Западом и не-Западом и претендует на статус глобального актора и одного из архитекторов нового мирового порядка.

В-третьих, ключевая цель Запада в краткосрочной перспективе – получение доминирующего положения в ЧР за счет вытеснения России из региона и сокращения субъектности Турецкой Республики. Поэтому помощь Украине, в том числе в вопросе «возвращения» Крыма, именуется «приоритетной» для обеспечения военно-политической безопасности Североатлантического альянса. Ожидаемое США и НАТО «поражение» России на Украине выступает одним из элементов многоуровневой системы сдерживания Китая. Фактически именно ЧР в настоящий момент выступает полем битвы великих и региональных держав, итог которой и решит, каким будет этот мир – западноцентричным или китаеццентричным.

Список литературы

- Аватков В.А. Аналитические центры и научная политика Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 173–190. – DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09.
- Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. – 2021. – № 3 (23). – С. 348–363. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.
- Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2021. – № 3 (21). – С. 429–440. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440.
- Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Турецкая Республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 755–770. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770.
- Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 149–164. – DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164.
- Ильин М.В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // Project: Greater Mediterranean. – 2020. – 32 с. – DOI: 10.13140/RG.2.2.22076.18569.
- Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / Ирхин А.А., Москаленко О.А., Кабанова Н.Е., Демешко Н.Э. // Регионоведение. – 2023. – № 2 (31). – С. 214–237. – DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2021. – № 3 (21). – С. 498–516. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516.
- Курылев К.П. Вызовы и угрозы интересам России и Украины в Черноморском регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 – С. 109–112.
- Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 67. – С. 92–111. – DOI: 10.17223/19986645/67/5.
- Никифоров А.Р. Черноморский регион: опыт пространственных измерений // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 47–52.

Никифоров А.Р. Черноморский регион: пространство и время // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 78–87.

Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 129–146. – DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09.

Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. – 2008. – № 4 (10). – С. 3–5.

Aronsson L., Mankof J. The Inhospitable Sea: Toward a New U.S. Strategy for the Black Sea Region // Center for Strategic and International Studies. – 2023. – 41 p. – URL: https://csis-web-site-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-02/230202_Aronsson_Inhospitable_Sea.pdf?VersionId=yxrFjIN9HUGUztgvCUWGGmdOEy3.QZsI (дата обращения: 20.11.2023).

Bechev D. Sailing Through the Storm. Türkiye's Black Sea Strategy Amidst the Russian-Ukrainian War // European Union Institute for Security Studies. – 2023. – Brief 1. – 8 p. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISS-Files/Brief_1_Turkey%20in%20the%20Black%20Sea%20%282%29.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

Bugajski J., Doran P. Black Sea Imperatives. Ensuring NATO Security and American Interests for the Incoming U.S. Administration // Center for European Policy Analysis. – 2016. – November 21. – 40 p. – URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/black-sea-imperatives/> (дата обращения: 10.10.2023).

Coffey L., Kasapoğlu C. A New Black Sea Strategy for a New Black Sea Reality // Hudson Institute. – 2023. – 14 p. – URL:

<https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/A+New+Black+Sea+Strategy+for+a+New+Black+Sea+Reality.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).

Coffey L., Kochis D., Mrachek A. Time for Action: The U.S. and NATO Cannot Afford to Ignore the Black Sea Region // Heritage Foundation. – 2021. – N 5229. – 7 p. – URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-10/IB5229.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).

Coffey L., Kochis D. NATO Summit 2021: Black Sea Strategy Needed // Heritage Foundation. – 2021. – N 6087. – 7 p. – URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6087.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).

Coffey L., Sadler B. U.S. Leadership Needed to Improve Maritime Security in the Black Sea and the Sea of Azov // Heritage Foundation. – 2021. – June 3. – URL: <https://www.heritage.org/global-politics/report/us-leadership-needed-improve-maritime-security-the-black-sea-and-the-sea> (дата обращения: 10.11.2023).

Hodges B. The Black Sea ... or a Black Hole? // The Center for European Policy Analysis. – 2021. – 15 p. – URL: <https://cepa.org/wp-content/uploads/2021/01/CEPA-SP-Black-Sea-Strategy-v2-1.19.21.pdf> (дата обращения: 24.10.2023).

Isachenko D., Swistek G. The Black Sea as Mare Clausum. Turkey's special role in the regional security architecture // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2023. – N 33. – 7 p. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2023C33_BlackSea_MareClausum.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

Kochis D., Sadler B. Why a New Black Sea Strategy Is in the U.S. Interest // Heritage Foundation. – 2023. – N 5318. – 7 p. – URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2023-06/IB5318.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

Myths and misconceptions in the debate on Russia / Allan D. [et al.]. – London, 2021. – 113 p.

Neumann I. A Region-building Approach to Northern Europe // Review of International Studies. – 1994. – Vol. 20, N 1. – P. 53–74. – DOI: 10.1017/S0260210500117784.

Sadler B. Applying Lessons of the Naval War in Ukraine for a Potential War with China // Heritage Foundation. – 2023. – N 3743. – 13 p. – URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2023-01/BG3743_0.pdf (дата обращения: 24.09.2023).

Tsantoulis I. Towards a genealogy of regions in International Relations: an autopsy of the Black Sea (region) : Doctoral Thesis. – London, 2016. – 312 p.

Чалышкан Б. Доклад по Крыму: узловая точка геополитической конку-

ренции. Çalışkan B. Kırım Raporu: Jeopolitik Rekabette Düğüm Noktası // İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi. – 2020. – 30 p. – URL: https://www.insamer.com/tr/kirim-raporu-jeopolitik-rekabette-dugum-noktasi_2586.html (дата обращения: 04.11.2023). – Турец. яз.

Яшин Г.К. Риски и возможности для безопасности Черноморского региона. Yaşin G.K. Karadeniz Güvenliği İçin Riskler ve Fırsatlar // Avrasya İncelemeleri Merkezi. – 2022. – N 15. – URL: <https://avim.org.tr/tr/Analiz/KARADENIZ-GUVENLIGI-ICIN-RISKLER-VE-FIRSATLAR> (дата обращения: 07.11.2023). – Турец. яз.

Problems of the Old World

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.01

The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023)

Natalia E. DEMESHKO

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Political Science Department,
Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: natalidem93@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Aleksandr A. IRKHIN

Dr. Sc. (Political Sciences), Head, Political Science Department,
Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: alex.irhin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7895-550X

Olga A. MOSKALENKO

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice
of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: kerulen@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4162-3162

CITATION: Demeshko N.E., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2024). The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.01.01

Received: 04.12.2023.

Revised: 15.03.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

ABSTRACT. *In the last few years, attention of world think tanks to the develop-*

ment of the Black Sea region has increased significantly, which is mirrored in the mate-

rials of the American, European and Turkish expert and analytical communities. The authors of the research aim to identify and explore the main approaches to the formation of various geopolitical configurations of the Black Sea region in the discourse of Western and Turkish think tanks as well as the policies of the powers. The methodological basis of the study comprises the systemic, geopolitical and discursive approaches. The methods of discourse analysis are used to interpret the materials of foreign analytical centers devoted to the study of the problems in the region. The analysis of expert and analytical reports revealed the key recommendations of foreign think tanks that can be considered as possible further steps by the United States and its allies in the Black Sea region: (1) strengthening the military presence of the United States and NATO in the region; (2) building effective communication with Türkiye in order to dilute the existing regime of the Black Sea Straits; (3) achieving active cooperation of the Black Sea states with Washington, Brussels, Berlin, London and Paris in order to draw attention to the Black Sea region and its strategic importance; (4) strengthening the position of the West in the Black Sea region through influencing minds and hearts of the population through the dissemination of universal values; (5) expulsion of Russia from the Black Sea region through the reduction of the Russian naval presence in the Black Sea.

KEYWORDS: *Black Sea region, discourse, think tanks, Special military operation, Ukrainian crisis.*

References

- Aghazada M.M. (2021). Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*. No. 3, pp. 429–440 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440.
- Aronsson L., Mankof J. (2023). The Inhospitable Sea: Toward a New U.S. Strategy for the Black Sea Region. *Center for Strategic and International Studies*. 41 pp. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-02/230202_Aronsson_Inhospitable_Sea.pdf?VersionId=yxrFjIN9HUGUztgvCUWGGmdOEy3.QZsI, accessed 20.11.2023.
- Avatkov V.A., Gudev P.A. (2021). Geopolitics of Russian-Turkish relations in the Black Sea Region. *RUDN Journal of Political Science*. No. 3, pp. 348–363 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.
- Avatkov V.A. (2022). Analytical Centers and Scientific Policy of Turkey. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 15, no. 2, pp. 173–190 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09.
- Bechev D. (2023). Sailing Through the Storm. Türkiye's Black Sea Strategy Amidst the Russian-Ukrainian War. *European Union Institute for Security Studies*. 8 pp. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_1_Turkey%20in%20the%20Black%20Sea%20%282%29.pdf, accessed 02.11.2023.
- Bugajski J., Doran P. (2016). Black Sea Imperatives. Ensuring NATO Security and American Interests for the Incoming U.S. Administration. *Center for European Policy Analysis*. 40 pp. Available at: <https://cepa.org/comprehensive-reports/black-sea-imperatives/>, accessed 10.10.2023.
- Chikharev I.A. (2021). The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 129–146 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09.
- Coffey L., Kasapoğlu C. (2023). A New Black Sea Strategy for a New Black Sea Reality. *Hudson Institute*. 14 pp. Available at: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/A+New+Black+Sea+Strategy+for+a+New+Black+Sea+Reality.pdf>, accessed 14.10.2023.

Coffey L., Kochis D. (2021). NATO Summit 2021: Black Sea Strategy Needed. *Heritage Foundation*. No. 6087, 7 pp. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6087.pdf>, accessed 10.11.2023.

Coffey L., Kochis D., Mrachek A. (2021). Time for Action: The U.S. and NATO Cannot Afford to Ignore the Black Sea Region. *Heritage Foundation*. No. 5229, 7 pp. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-10/IB5229.pdf>, accessed 10.11.2023.

Coffey L., Sadler B. (2021). U.S. Leadership Needed to Improve Maritime Security in the Black Sea and the Sea of Azov. *Heritage Foundation*. June 3. Available at: <https://www.heritage.org/global-politics/report/us-leadership-needed-improve-maritime-security-the-black-sea-and-the-sea>, accessed 10.11.2023.

Çalışkan B. (2020). Report on Crimea: a key point of geopolitical competition = Kırım Raporu: Jeopolitik Rekabette Düşüm Noktası. *İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi*. 30 pp. (in Turkish). Available at: https://www.insamer.com/tr/kirim-raporu-jeopolitik-rekabette-dugum-noktasi_2586.html, accessed 04.11.2023.

Demeshko N.E., Irkhin, A.A. (2022). The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar question in foreign policy after 2014. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22, no. 4, pp. 755–770 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770.

Hodges B. The Black Sea ... or a Black Hole? (2021). *The Center for European Policy Analysis*. 15 pp. Available at: <https://cepa.org/wp-content/uploads/2021/01/CEPA-SP-Black-Sea-Strategy-v2-1.19.21.pdf>, accessed 24.10.2023.

Ilyin M.V. (2020). Introductory Essay to the Greater Mediterranean. *Project: Greater Mediterranean*. 32 pp. (in Russian). DOI: 10.13140/RG.2.2.22076.18569.

Imperskoye vozrozhdeniye... (2023). Irkhin A.A. et al. The Rebirth of Empires:

Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis). *Russian Journal of Regional Studies*, no 31 (2), pp. 214–237 (in Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237.

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021). The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations*. No. 3, pp. 498–516 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516.

Isachenko D., Swistek G. (2023). The Black Sea as Mare Clausum. Turkey's special role in the regional security architecture. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. No. 33, 7 pp. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2023C33_BlackSea_Mare-Clausum.pdf, accessed 05.11.2023.

Kochis D., Sadler B. (2023). Why a New Black Sea Strategy Is in the U.S. Interest. *Heritage Foundation*. No. 5318, 7 pp. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2023-06/IB5318.pdf>, accessed 10.09.2023.

Kurylev K.P. (2013). Challenges and Threats to Interests of Russia and Ukraine in Black Sea Region. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 12-1, pp. 109–112.

Kushneruk S.L. (2020). Ideological World Modeling in the American Media Discourse. *Tomsk State University Journal of Philology*. No. 67, pp. 92–111 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/5.

Myths... (2021). Allan D. et al. *Myths and misconceptions in the debate on Russia*. London, 113 pp.

Neumann I. (1994). A Region-building Approach to Northern Europe. *Review of International Studies*. Vol. 20, no. 1, pp. 53–74. DOI: 10.1017/S0260210500117784.

Nikiforov A.R. (2018). The Black Sea Region: The Experience of Spatial Measurements. *Geopolitics and Ecogeodynam-*

ics of Regions. Vol. 2, no. 4, pp. 47–52 (in Russian).

Nikiforov A.R. (2016). The Black Sea Region: Space and Time. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*. Vol. 4, no. 2, pp. 78–87 (in Russian).

Sadler B. (2023). Applying Lessons of the Naval War in Ukraine for a Potential War with China. *Heritage Foundation*. No. 3743, 13 pp. Available at: https://www.heritage.org/sites/default/files/2023-01/BG3743_0.pdf, accessed 24.09.2023.

Tsantoulis I. (2016). *Towards a genealogy of regions in International Relations: an autopsy of the Black Sea (region)*. Doctoral Thesis. London, 312 pp.

Yaşın G.K. (2022). Risk and safety in the Black Sea region = Karadeniz Güvenliği İçin Riskler ve Fırsatlar. *Avrasya İncelemeleri Merkezi*. No. 15 (in Turkish). Available at: <https://avim.org.tr/tr/Analiz/KARADENIZ-GUVENLIGI-ICIN-RISKLER-VE-FIRSATLAR>, accessed 07.11.2023.

Yurchenko S.V. (2008). The Main Trends in the Development of the System of International Relations and the Problem of Actualization of Public Influence on the Foreign Policy of States. *Black Sea Security*. No. 4 (10), pp. 3–5 (in Russian).

Zhiltsov S.S. (2019). Russian Policy in the Black Sea region: results and new challenges. *Post-Soviet Issues*. Vol. 6, no. 2, pp. 149–164 (in Russian). DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164.

УДК 327.8[(73)+(410)+(44)]:[(5-012)+(6-011)]

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02

Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки

Наталья Сергеевна КУЛЕШОВАдоктор философских наук, профессор кафедры политологии Востока
факультета глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В), г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: kuleshova-nataly@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-353X

Андрей Андреевич ХВАЛЕЙ

соискатель кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В), г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: a.khvaley@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-4930-3128

ЦИТИРОВАНИЕ: Кулешова Н.С., Хвалеи А.А. Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 30–51.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02

Статья поступила в редакцию 08.11.2023.

Исправленный текст представлен 14.03.2024.

АННОТАЦИЯ. Начиная с середины XX в. феномен информационно-психологического противостояния, его составляющие находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей. По мере развития технологий информационный фронт приобретает всё большую важность: превосходство над противником в информационно-психологической сфере в условиях современного конфликта оказывается порой важнее превосходства на поле боя.

В условиях глобальной напряженности происходит очередное обострение информационного противоборства в арабском мире, участниками которого являются как западные, так и восточные страны, в том числе Россия. Нынешняя конфигурация конфликта значительно отличается от всех предыдущих: в прошлое ушел блочный характер кооперации стран (как это было во времена холодной войны), в то время как развитие информационно-коммуникационных

технологий позволило каждой стороне конфликта оказывать информационно-психологическое воздействие сразу на все страны региона. Объектом исследования являются информационные стратегии ведущих игроков в арабском регионе; цель – исследование новейших практик информационных политик, выявление особенностей новейших форм и методов противодействия важнейших игроков в регионе. Для выявления наиболее эффективной национальной информационной политики необходимо детальное изучение подходов других стран, определение основных и второстепенных векторов их работы, выявление механизмов информационно-психологического воздействия. Анализ стратегий информационно-психологического воздействия ведущих западных государств (США, Великобритании и Франции) показывает отсутствие единого подхода к осуществлению деятельности в информационном поле на теоретическом и практическом уровнях. Нынешнее состояние функциональной разобщенности рассматриваемых стран, при сохранении ведущей роли США как лидера коллективного Запада, вызвано как историческими предпосылками, так и объективными политико-экономическими причинами. Вследствие сложившейся ситуации, а также в связи с активной работой по противодействию западной пропаганде со стороны России, Китая и Ирана информационно-психологические кампании США, Великобритании и Франции оказываются менее эффективными, чем прежде, что тем не менее не означает их полного краха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное противостояние, арабский регион, международные отношения, внешнеполитическая стратегия, международные отношения, геополитика, СМИ, исламский фактор.

Введение

Информационное противостояние в арабском мире наблюдается уже длительный период, что обусловлено борьбой ведущих восточных и западных государств за влияние в регионе. Во время холодной войны, одной из наиболее напряженных фаз этого противоборства, главными действующими государствами были СССР и США – лидеры социалистического и капиталистического лагерей. Однако после распада социалистической системы и Советского Союза активность информационно-психологической деятельности Российской Федерации, ставшей правопреемницей СССР, значительно снизилась, вплоть до полного прекращения ведения данной работы в отдельных странах региона. В процессе операции своих Воздушно-космических сил в Сирии Россия стала наращивать информационное присутствие с высокой интенсивностью. В настоящее время в контексте гибридного противостояния России и США с их союзниками информационно-психологическое противоборство в геостратегически важном арабском регионе имеет как никогда острый характер.

Специальная военная операция России на Украине, которая вывела борьбу за многополярное мироустройство и изменение глобальной архитектуры безопасности на совершенно новый уровень, явилась катализатором оживления ближневосточного вектора внешней политики России. Современные арабские государства, которые стремятся к подлинной независимости как от влияния бывших метрополий, так и от безраздельно доминировавших после холодной войны США, представляют для России интерес с точки зрения экономического и военно-политического партнерства.

Сближению государств арабского региона с другими государствами,

конечно, способствуют тенденции общемирового характера: глобализация и интернационализация мирового хозяйства, ведущие к расширению внешнеэкономических связей; цифровая трансформация; технологический прогресс; глобальная пандемия и ее последствия; экологические стандарты, социокультурные трансформации и другие глобальные тренды, которые будут влиять на развитие в ближайшие годы. Указанные обстоятельства влияют на взаимодействие арабских стран и России, на взаимную заинтересованность в экономическом сотрудничестве, что вполне очевидно и объясняется рядом экономических, финансовых и технологических факторов.

Однако в процессе сближения России с государствами арабского мира недостаточно только экономического взаимодействия, необходимо также донести политическую позицию Российской Федерации, обозначить отстаиваемые культурно-нравственные ценности и на этой основе сформировать целостный образ России, который способствовал бы позитивному восприятию ее в глазах местного населения. В этой связи разработка и реализация эффективной информационно-психологической кампании в арабском регионе представляет собой одну из наиболее приоритетных задач в области внешней политики и национальной безопасности России, ее реализация будет способствовать усилению российской геополитической позиции в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в средне- и долгосрочной перспективе. Согласно ст. 17.11 Концепции внешней политики Российской Федерации¹ «формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом ин-

формационном пространстве» являются одними из основных «стратегических целей внешней политики» России.

Информационное противоборство в современных политических условиях является частью конкурентной борьбы и средством этой борьбы, трактуется как внешнеполитическая задача несилового решения с использованием всего спектра информационных возможностей. Информационные стратегии используются для разрешения существующих межгосударственных противоречий, определяются как новые формы борьбы конфликтующих или противоборствующих сторон и направлены на использование в этих целях специальных средств и методов в отношении информационных ресурсов противной стороны, на защиту собственных ресурсов, в конечном результате – для достижения поставленных целей. Глобальные сети используются как инструмент воздействия на общественное сознание для формирования необходимого общественного мнения у населения на основе, как правило, дезинформации. В условиях геополитической борьбы представляется крайне важным системный анализ национальных стратегий в информационной сфере, направленных на властные, управленческие и информационные ресурсы противника, на навязывание своих ценностей, понимание миропорядка и его устройства по их видению. Национальная безопасность как многоаспектная проблема обеспечения безопасности и одновременно составляющая стабильного развития – сегодня одна из центральных в политической повестке арабских государств.

Научная новизна предлагаемого исследования выражается в попытке осуществить комплексный анализ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229). – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.02.2024).

информационных стратегий ведущих игроков в арабском регионе, их особенностей, в том числе в аспекте противостояния и в период конфликтов регионального и локального уровней. Таким образом, авторы рассматривают информационную безопасность как часть национальной безопасности и считают, что необходим комплексный и междисциплинарный подход к исследованию информационной политики и методам информационного противоборства, анализ полного инструментария, в том числе информационных стратегий государств, с целью наибольшего достижения результата в противостоянии стран в арабском регионе в конкретных исторических обстоятельствах. Изучение концептуальных документов и обобщение опыта политического руководства в информационно-психологической сфере в конкретных политических условиях будут способствовать активизации Российской Федерации в сфере защиты своих интересов, повышения эффективности конкретных операций и в целом повышения значимости роли России на международной арене. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о необходимости разработки в современных политических условиях специальной модели информационной политики для арабского региона с целью отражения информационных угроз.

Анализ научных исследований, посвященных обозначенной проблематике, указывает на очевидный недостаток как профильного теоретического материала, так и эмпирических данных. Вместе с тем необходимо отметить всесторонний подход к различным аспектам информационной войны и особенностям ее ведения в современных условиях, специфике информационно-психологического противоборства в работах зарубежных исследователей Р.А. Кларка [Clarke, Knake, 2010],

Дж. Ная [Nye, 2005], Т.Л. Томаса [Thomas, 1997] и других, а также отечественных мыслителей И.И. Абылгазиева [Война..., 2021], А.М. Васильева [Васильев, Жерлицына, 2019], С.Н. Гриняева [Гриняев, 2004], А.А. Денисова [Денисов, Денисова, Хомяков, 2018], Д.Г. Евстафьева [Евстафьев, Манойло, 2021], О.Г. Карповича [Карпович, Манойло, 2017], А.В. Манойло [Манойло, Костогрызлов, 2023], И.Н. Панарина [Панарин, 2006], Д.Г. Фролова [Фролов, 2005] и др.

Резюмируя подходы российских и зарубежных авторов по проблеме, можно условно разделить их на несколько групп. Самую распространенную составляют работы по технико-технологическому направлению с построением моделей мира и информационных систем: здесь следует назвать, например, работы С.Н. Гриняева [Гриняев, 2004] и А.А. Стрельцова [Стрельцов, 2010]. Представители другой группы акцентируют внимание на понятии информационной войны как средстве в конкурентной борьбе в межгосударственном противоборстве или вооруженном конфликте. При этом большое значение уделяется отдельным информационным операциям. В качестве примера можно привести работы Г.Г. Почепцова [Почепцов, 2015] и С.П. Расторгуева [Расторгуев, 2001]. Представители третьей группы относят информационную войну исключительно к мирному периоду межгосударственного противоборства, то есть к несиловому средству решения внешнеполитических задач.

Несмотря на растущую популярность феномена информационно-психологического противостояния в общественной и научной сферах, он является предметом изучения достаточно узкого круга экспертов. Существующая на настоящий момент исследовательская база нуждается в постоянном обновлении, сопоставимом по скорости

и объему с темпами развития самого информационного противостояния. Активная в данный момент фаза процесса требует непрерывной корректировки практических направлений с учетом геополитических тенденций, а также научно-технологического прогресса.

Недостаточная изученность, чрезвычайная важность и оперативность влияния данной темы делают ее приоритетным направлением исследований в области внешней политики и международных отношений в рассматриваемом регионе. Методология и инструментарий ведения информационного противостояния государствами, изменяющиеся подходы, совокупность применяемых действий, технологический арсенал (то есть весь используемый комплекс) нуждаются в систематическом изучении, особенно в условиях расширения гибридных конфликтов в исследуемом регионе. Совершенно очевидна взаимозависимость информационного противоборства и геополитических целей государств – игроков в регионе. Особенность обеспечения безопасности в конфликтогенном арабском регионе заключается в ее зависимости от структуры и формата всей глобальной системы, в отсутствии региональной системы безопасности, что безусловно влияет на процесс реализации информационной политики и требует учета данного фактора.

Информационная уязвимость России в современных условиях политической неопределенности и санкционных мер нуждается, наряду с другими составляющими, в адекватных мерах по информационному противодействию и расширению политического влияния России в арабском мире, в том числе на основе комплексного подхода

к изучению и учету особенностей информационных стратегий других игроков в регионе. Необходим системный мониторинг информационного пространства, выявление особенностей информационного противостояния, его сущностных характеристик на конкретном историческом этапе.

США

Соединённые Штаты традиционно являются одним из сильнейших политических и экономических игроков в арабском мире. С момента своего первого появления на Ближнем Востоке в 1914 г. для контроля нефтяных месторождений на юге Ирака США на протяжении XX и XXI вв. всё больше и больше втягивались во внутреннюю политику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), несмотря на то, что первоначально это направление не было приоритетным. Можно сказать, что в активную фазу американская ближневосточная политика вступила лишь после Второй мировой войны и она началась с укрепления связей с Ираном времен шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, а также с участия в процессе создания Израиля².

Основу внешней политики США на Ближнем Востоке составляют тесное всеобъемлющее сотрудничество с еврейским государством, экономическое взаимодействие с богатыми углеводородами монархиями Персидского залива, а также участие во всех вооруженных конфликтах в регионе или в качестве «союзника израильской демократии», или в качестве «миротворца». Однако никаких подлинно мирных целей американское руководство не преследует: Ближний Восток – это не более, чем сырьевой придаток и полигон для во-

2 Необходимо отметить, что в американской политологии, в отличие от российской, Иран традиционно рассматривается как часть Ближнего Востока.

енных испытаний США. Одним из наиболее вопиющих случаев проявления агрессивной внешней политики стало создание и финансирование США террористических сетей «Талибан» и «Аль-Каида», последняя из которых стала настоящей катастрофой для стран БВСА. Как отмечает выдающийся российский политик и востоковед Е.М. Примаков, «свой личный вклад в интенсификацию холодной войны внес и лауреат Нобелевской премии мира президент Джимми Картер. По совету своего помощника по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского 3 июля 1979 г. он подписал секретную директиву о выделении 500 млн долларов на «создание международной террористической сети, которая должна распространять исламский фундаментализм в Средней Азии и дестабилизировать таким образом Советский Союз» [История..., 2021, с. 14]. Из этого следует, что уже более сорока лет назад принцип «разделяй и властвуй», а также концепция «управляемого хаоса» (в интерпретации американского дипломата С. Манна [Mann, 1992]³) находились в центре внимания американского правительства. С тех пор в американском подходе ничего не изменилось: именно эти принципы и теории определяют в том числе современный информационно-психологический аспект политики США в арабских странах.

Изначально, в 50-х годах прошлого века, США рассматривали в качестве приоритетных целей информационно-психологического противостояния в арабском регионе «разоблачение заблуждений коммунизма и опасностей

коммунистического пути», усиление «западно-ориентированных элементов», информирование населения о «советской угрозе», а также продвижение сотрудничества по линии «арабский мир – Запад»⁴. Соединённые Штаты, уже тогда осознававшие непрочность своей политической позиции среди арабских стран, старались всячески преодолеть антиамериканские тенденции и если не направить арабское общество против Советского Союза, то хотя бы сделать его политически нейтральным. Подход в реализации намеченных целей отличался от страны к стране, менялась его направленность, упор в информационной войне делался то на становление гражданского общества, то на экономическое сотрудничество с США, то на противоречия арабских стран с СССР.

Однако в последнее время арабское направление информационной политики становится для Соединённых Штатов всё менее приоритетным, акцент смещается на Европу и Азию, – об этом говорит в том числе сама американская пресса. Так, 3 года назад в *The Atlantic*, одном из старейших американских журналов, вышла статья с названием «Америка прошла полный круг на Ближнем Востоке», согласно которой истеблишмент США боится «трагических последствий открытого Д. Эйзенхауэром ящика Пандоры», ключом к которому послужила первая военная операция в регионе⁵.

Вместе с тем США продолжают вести относительно активную внешнюю информационную политику в арабских странах. Сегодня в ее основе ле-

3 Данный вариант теории «управляемого хаоса» подразумевает ее применение в геополитической сфере. Согласно теории Стивена Манна, переход к качественно новому состоянию сложной системы возможен через искусственно запущенный кризисный переходный этап.

4 Battle J.U. S. Propaganda in the Middle East – The Early Cold War Version // The National Security Archive. – URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/essay.htm> (дата обращения: 23.07.2023).

5 Friedman U. America Has Come Full Circle in the Middle East // The Atlantic. – 2020. – January 24. – URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/01/america-intervene-middle-east-iraq/605299/> (дата обращения: 23.07.2023).

жит стремление ослабить геополитические позиции России, Ирана и Китая в арабском мире, нормализовать постепенно деградирующее экономическое сотрудничество с поставщиками углеводородов и разрушить нарастающее межарабское и арабо-иранское сотрудничество, повысив тем самым зависимость арабских стран от США. На практике это выражается главным образом в ожесточенной информационно-психологической войне сразу на три фронта (с Россией, Ираном и Китаем), а также в разнообразной подрывной деятельности, включающей в себя организацию психологических операций, применение санкционного давления, спонсирование радикальной оппозиции и террористических группировок и т.д.

Следует отметить, что пропаганда США в арабских странах менее «изобретательна», чем в Европе или Азии: для арабской аудитории Россия, Иран и Китай представляются как некое единое абстрактное зло, повинное как во всех провалах американской внешней политики в регионе, так и в неблагоприятной экономико-политической обстановке в отдельных арабских государствах. Как правило, при упоминании России, Ирана и Китая употребляются фразы «авторитарные режимы» и «угрозы демократии и свободы»; однако если такие ярлыки работают для внутренней американской аудитории, то их эффективность в среде арабского населения представляется сомнительной. Более того, позиционирование США в качестве борца с указанными «авторитарными режимами», близкими по духу ближневосточным

и североафриканским странам, закономерно не получает должной поддержки населения БВСА – напротив, американский «экспорт свободы, демократии и либерализма» вызывает многочисленные вопросы, на которые у США есть только один ответ: «Мы лучше знаем, что вам нужно». Это в целом прямо коррелирует с самовосприятием американцев: согласно опросам, каждый второй взрослый житель США считает американцев «величайшей, лучшей в мире нацией»⁶.

Подтверждения вышесказанному можно найти не только в публикациях СМИ, но и в значительной части американских аналитических и экспертных статей. Так, например, высокопоставленные американские военные, разрабатывающие материалы для *Fikra Forum*, определяют Россию, Иран и Китай как «ось дезинформации» на Ближнем Востоке, что весьма показательно, поскольку вся статья написана как будто по типичной антироссийской методичке⁷. При детальном изучении становится понятно, что звание «оси дезинформации» Россия получила за распространение данных о потенциальном искусственном происхождении коронавируса при прямом или косвенном участии США. Разумеется, данное предположение не было беспочвенным, это понимали и на самом Ближнем Востоке, где представители ряда стран, в первую очередь Сирии, Ливана, Ирана и Йемена, сразу поддержали российское предположение. В свою очередь американские официальные лица и СМИ дежурно заявили, что верить любой информации, отличной от американской, нельзя, что полно-

6 Ballard J. Who believes America is the greatest nation on Earth? // YouGov America. – 2021. – August 16. – URL: <https://today.yougov.com/topics/politics/articles-reports/2021/08/16/america-greatest-nation-poll> (дата обращения: 23.07.2023).

7 Вискман Э., Берджер М. Ось дезинформации: иранская, российская и китайская пропаганда в контексте пандемии коронавируса = Вискман Э., Берджер М. Михвар ат-тадил: ал-бругаганда ал-ирания ва ал-русия ва ал-сынния бишаан куфид-19 // Fikra Forum. Policy Analysis. – 2021. – 25.02. – Араб. яз. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/mhwr-altldyl-albrwbaghnda-alayranyt-walrwsyt-walsynyt-bshan-kwfyd-19> (дата обращения: 23.07.2023).

стью противоречит продвигаемым ими идеям демократии и либерализма.

Аналогичным образом ситуация складывалась и в случае с американским «миротворческим и антитеррористическим» присутствием в Сирии, когда всем стало ясно, что оно носит ярко выраженную экономическую заинтересованность (в сирийской зоне контроля США находятся нефтяные месторождения), и в случае с американской миссией в качестве регионального медиатора, когда все реальные усилия США были направлены на усугубление ирано-израильского и сирийско-израильского кризисов, а также во множестве других ситуаций и сценариев. Пропаганда и публичная дипломатия Соединённых Штатов в регионе БВСА декларируют цели и задачи, которые никак не коррелируют с их действиями «на земле», и если в начале нулевых годов это расхождение было заметно в основном политикам и экспертам, то сегодня оно становится очевидно практически всем.

Еще в 2011 г. американский журналист К. Морафф, исследовавший «рассинхронизацию слов и дел» в политике США на Ближнем Востоке, пришел к выводу, что сложившаяся ситуация стала следствием нежелания американского руководства учитывать специфику арабского менталитета, особенности истории развития региона и даже «обратную связь» от населения при разработке информационно-психологической стратегии. Поэтому, как считает К. Морафф, при всём обилии технических средств и политических возможностей проводить эффективную информационно-психологическую работу «до осуществления фундаментальных изменений в политике США на Ближнем Востоке, включая свер-

тывание милитаризации в регионе (то есть закрытие пресловутого ящика Пандоры, о котором говорил Д. Эйзенхауэр), <...> американская риторика свободы, равенства и демократии не будет услышана»⁸.

Однако, на наш взгляд, корни американских неудач лежат глубже. Моральные ориентиры, ценности и идеалы, пропагандируемые США, часто оказываются чужды населению ближневосточных и североафриканских стран. Арабские государства, следующие по своему собственному пути политического и социально-экономического развития, даже при заимствовании целого ряда западных политических, экономических и социальных институтов не готовы перенять американское видение мира. В условиях всё большего отхода от глобализма они, напротив, готовы защищать свою культуру и уклад жизни от негативного внешнего воздействия. Не желая стать частью западной неоимперской системы, арабские страны ищут тех, с кем можно взаимодействовать на партнерских началах, а не по принципу «вассал – сюзерен». В свою очередь, настоящее долгосрочное партнерство, как становится понятно из уроков истории, возможно лишь при схожем или, по крайней мере, однонаправленном миропонимании.

Усиливающиеся процессы регионализации оставляют США всё меньше места для маневра на Ближнем Востоке и заставляют искать новые подходы. Становится ясно, что большую роль в обозримом будущем будет играть Израиль, которому Соединённые Штаты отводят роль проводника своих интересов. В этой связи советник президента Сирии Б. Шаабан полагает, что сегодня «США дают Израилю «мандат» – делать то, что Америка хотела бы сделать

8 Moraff C. Lessons from the Failure of U.S. Propaganda in the Middle East // Highbrow magazine. – 2011. – September 20. – URL: <https://www.highbrowmagazine.com/lessons-failure-us-propaganda-middle-east> (дата обращения: 23.07.2023).

в регионе»⁹. Используя этот вариант, американцы стараются изменить формат информационно-психологического противостояния в регионе с прямого на опосредованный (прокси-война или прокси-конфликт), видя для себя в этом явную выгоду: риски быть «пойманными за руку» уменьшаются (военные и политические риски), а возможностей для воздействия на местное население – больше, увеличиваются шансы на победу. Согласно опросу, проведенному Арабским центром исследований и разработки политики (Доха, Катар), более 84% арабов рассматривают Израиль в качестве угрозы региональной безопасности, в то время как 76% респондентов уверены, что палестинский вопрос – дело всех арабских стран. Таким образом, совершенно неудивительно, что для большинства арабов события, связанные с Израилем, вызывают наиболее активный отклик, что является ценным в условиях информационно-психологической борьбы, даже несмотря на весь негатив по отношению к еврейскому государству со стороны арабского населения региона¹⁰.

Необходимо признать, что геополитическая позиция США в регионе, при всех концептуальных недостатках их информационной политики в арабских странах, остается достаточно прочной, хотя и не такой надежной, как при других исторических обстоятельствах. Стабильность обеспечивается благодаря эффективности трех основных американских информационно-психологических «столпов»:

- проамериканских СМИ, которые, базируясь в арабских странах, по своей

воле или по указанию из США действуют в фарватере западных нарративов;

- контроля социальных сетей и информационно-развлекательных ресурсов, по крайней мере их англоязычного сегмента, позволяющего американцам практически полностью монополизировать эти каналы информационно-психологического влияния;

- сети американских (а также находящихся под прямым или косвенным контролем США) НКО и НПО в регионе БВСА, которые предоставляют Соединённым Штатам возможность активизировать лоббистские усилия и использовать мягкую силу «на земле».

В сфере СМИ лучшим примером может служить катарский проект «Аль-Джазира», обладающий колоссальной аудиторией. В арабской среде существует множество различных мнений относительно «Аль-Джазир» (от полной поддержки до абсолютного недоверия к материалам издания), однако ее влияние на социоэкономические и политические процессы трудно переоценить. Для рядового зрителя связь «Аль-Джазир» с американцами вплоть до последних лет оставалась практически незаметной, поскольку, позиционируя себя в качестве рупора катарского правительства, канал часто выступает с критикой американского руководства и западной политической системы, за что был заблокирован на территории Соединённых Штатов. Вместе с тем сегодня становится предельно ясно, что политика «Аль-Джазир» вовсе не независима. Резкая и неоправданная критика воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и СВО на Украине в 2022 г. всё больше

9 Советник Асада рассказал о смене формата влияния Запада на Ближнем Востоке // РИА «Новости». – 2023. – 28 февраля. – URL: <https://ria.ru/20230228/vostok-1854831972.html> (дата обращения: 23.07.2023).

10 The 2022 Arab Opinion Index: Main Results in Brief // Arab Center for Research and Policy Studies. – 2023. – January 4. – URL: <https://www.dohainstitute.org/en/Lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/the-2022-arab-opinion-index-in-brief.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

и больше заставляет арабскую аудиторию, несогласную с позицией издания, считать «Аль-Джазиру» «говорящей головой НАТО»¹¹. При этом с прошлого года катарское СМИ стало работать по западным методикам в открытую, даже не пытаясь претендовать на какую-либо объективность, что служит еще одним доказательством его контролируемости. Стоит отметить, что еще в 2011 г., в разгар «арабской весны», на сайте *WikiLeaks* были обнародованы данные, подтверждающие сотрудничество катарского СМИ с ЦРУ, РУМО, Госдепом и другими американскими организациями. В результате разгоревшегося в то время скандала изданию пришлось уволить директора новостной службы, но это не означает, что катарско-американское сотрудничество прекратилось, в это не верят даже сами арабы¹².

Относительно контроля Соединённых Штатов над информационно-развлекательными платформами можно отметить, что наиболее ярким примером может служить американский ресурс *Reddit*. Согласно аналитическому агентству *Statista*, в 2020 г. было зафиксировано более 7,5 млн уникальных пользователей, подключившихся к *Reddit* из арабских стран (для сравнения: американских пользователей – 223 млн, российских – 4,5 млн)¹³. Находясь под контролем американских леволиберальных политических кругов, *Reddit* в настоящее время являет-

ся одной из наиболее цензурируемых интернет-площадок. Так, например, платформа запрещает создавать посты со ссылкой на российские или сирийские правительственные ресурсы или СМИ, поскольку рассматривает их в качестве «недостовверных источников информации»¹⁴. В то же время последнее пророссийское сообщество (*r/Russophobic*) было удалено руководством *Reddit* из-за «нарушений внутренних правил ресурса о нераспространении ненависти» в апреле 2022 г., а деятельность крупнейшего русскоязычного сообщества (*r/Russia*) была временно приостановлена на неопределенный срок без указания причины. Помимо этого, на площадке действует система как автоматической, так и ручной модерации, которая не пропускает публикации или комментарии, противоречащие позиции руководства. За открытую или косвенную поддержку России, Сирии, Ирана, КНДР, Китая и ряда других стран, которые рассматриваются американским руководством в качестве враждебных, пользователи *Reddit* либо получают временные ограничения, либо сразу же теряют свои аккаунты. В то же время сообщества или отдельные пользователи, действительно нарушающие правила ресурса или местное законодательство, могут «откупиться» от блокировки, публично оклеветав «врагов Америки», а также выказав свою приверженность официальному американскому социально-по-

11 Российские эксперты: Катар использует «Аль-Джазиру» для продвижения экстремизма // Ал-Баян = Ал-хубара ар-рус: катр тастахдим ал-джазира ли таквиль ат-тариф // Ал-Баян. – 2017. – 27.05. – Араб. яз. – URL: <https://www.albayan.ae/one-world/arabs/2017-05-29-1.2961664> (дата обращения: 23.07.2023).

12 Kirkpatrick D. After Disclosures by WikiLeaks, Al Jazeera Replaces Its Top News Director // The New York Times. – 2011. – September 20. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/09/21/world/middleeast/after-disclosures-by-wikileaks-al-jazeera-replaces-its-top-news-director.html> (дата обращения: 23.07.2023); Chatriwala O. What Wikileaks Tells Us About Al Jazeera // Foreign Policy. – 2011. – September 19. – URL: <https://foreignpolicy.com/2011/09/19/what-wikileaks-tells-us-about-al-jazeera/> (дата обращения: 23.07.2023).

13 Ranking of the number of Reddit users by country 2020 // Statista. – URL: <https://www.statista.com/forecasts/1174696/reddit-user-by-country> (дата обращения: 23.07.2023).

14 На *Reddit* запретили делать ссылки на российские СМИ // Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/internet/48242829-na-reddit-zapretili-delat-sylki-na-rossiyskie-smi/> (дата обращения: 23.07.2023).

литическому курсу. Именно поэтому на главных страницах сообществ, деятельность которых находится на грани законности (или уже перешла ее), можно часто встретить оскорбления в адрес России, украинские флаги и символику различных американских социальных движений (от ЛГБТ до радикального феминизма) – иными словами, всё то, что сейчас популярно поддерживать на Западе.

Что касается деятельности иностранных НКО и НПО, ставших в своем большинстве проводниками проамериканской политики, то она регламентирована и ограничена в большинстве стран БВСА. Тем не менее целый ряд подконтрольных западным странам организаций в настоящее время ведет активную деятельность. Среди наиболее активных НКО и НПО можно выделить следующие:

- *Human Rights Watch* (США),
- *World Vision International* (США),
- *Search for Common Ground* (США),
- *Oxfam* (Великобритания),
- *Amnesty International* (Великобритания),
- *Human Relief Foundation* (Великобритания),
- *Medical Aid for Palestinians* (Великобритания),
- *Islamic Relief Worldwide* (Великобритания),
- *Embrace the Middle East* (Великобритания),
- *Asfar* (Великобритания),
- *French Platform of NGOs for Palestine* (Франция),
- *Norwegian Church Aid* (Норвегия),
- *European Instrument for Democracy and Human Rights* (ЕС).

Несмотря на то что штаб-квартиры 7 из 13 организаций находятся на территории Великобритании, которая сегодня всё больше стремится стать таким же геополитическим центром, как США, будет неправильным утвер-

ждать, что они работают исключительно в британских интересах и используют только британское финансирование. Наиболее верно будет их объединить с американскими организациями, поскольку многие из них находятся под патронажем американских спецслужб и проводят прозападную политику. Как считает канд. ист. наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО М.В. Морозов, подобные организации, при всём их позитивном гуманитарном и социально-экономическом потенциале, используются коллективным Западом в качестве «политических инструментов для достижения корыстных целей», а следовательно, «они должны рассматриваться арабскими странами как косвенное вмешательство, социальная инженерия и импорт чуждых населению [арабских стран] ценностей» [Lebedeva, Morozov, 2022, с. 19].

Помимо официально заявленных целей, основным видом деятельности западных НКО и НГО является работа по сбору и анализу информации о стране пребывания, внедрение западных нарративов во внутреннюю политическую среду, а также, что наиболее важно, создание агентурных сетей и «спящих» антиправительственных ячеек. Учитывая, что вербуемые для работы в западных интересах индивиды подчас занимают должности, позволяющие вести активную информационно-психологическую деятельность – от преподавателей образовательных учреждений до политиков и лидеров общественного мнения, – опасность подобного рода организаций сложно переоценить.

В целом, как и в случае с Россией, успех информационно-психологической кампании США напрямую связан с достижениями в других областях: военной, торгово-экономической и дипломатической. В рамках нынешней тенденции на постепенное сближение арабских стран с Китаем и Россией

на основе общих политико-экономических целей роль Соединённых Штатов уменьшается в различных арабских государствах. Широкое американское военное присутствие уже трудно оправдать в глазах местного населения борьбой с терроризмом, а череда неудач на политическом фронте, в том числе на фоне ярких успехов китайской дипломатии, заставляет задуматься о способности США исполнять уже ставшую исторической роль переговорщика¹⁵. Всё это в совокупности с идеологическими и культурными противоречиями, возникающими по линии «левый глобализм – исламский традиционализм», значительно осложняет для США проведение эффективной информационной политики. В то же время борьба в информационно-психологической сфере сразу с тремя крупными державами (Россией, Ираном и Китаем), баланс сил в которой ныне складывается не в пользу США, позволяет предположить, что в среднесрочной перспективе произойдет очередное ослабление геополитической позиции Соединённых Штатов в регионе БВСА. Однако его масштаб, который будет зависеть от множества различных факторов – от внутренней политики арабских стран до разрешения локальных конфликтов и кризисов (украинского, тайваньского, палестинского, центральноафриканского и других), – в условиях сегодняшней всемирной политической турбулентности предсказать трудно. В целом необходимо отметить, что руководство США придает большое значение информационной политике, определяя ей во внешнеполитической стратегии глобальную функцию управления политическим процессом.

Великобритания

Военно-политическое присутствие Великобритании на Ближнем Востоке началось в XIX в.: тогда с целью контроля над богатой нефтью зоной Персидского залива Лондон смог добиться установления протектората над Бахрейном, Кувейтом, Маскатом и Оманом. Затем, в начале XX в., Великобритания, желавшая распространить свое политическое влияние на весь Машрик, стала продвигать переселение евреев на палестинские территории, а также участвовать руками своих военных в повстанческой деятельности арабов против османского правительства на Аравийском полуострове, обещая содействовать установлению арабской государственности. Усилия британской дипломатии сделали возможным получение в 1922 г. мандата на управление землями современного Израиля, Палестины, Иордании и Ирака, а успех арабского восстания на территории нынешней Саудовской Аравии гарантировал установление прочных связей между местными элитами и помогавшей им Великобританией. Однако обнародованный советским правительством в 1917 г. текст соглашения Сайкса-Пико, раскрывший подлинные намерения европейских империй, а также стремительное превращение подмандатных областей в колонии были однозначно восприняты местным населением как жестокое предательство. Разумеется, для Великобритании как страны с богатым колониальным прошлым это было привычным и не вызывало значительного беспокойства – военное превосходство служило гарантией повиновения. Тем не менее нараставшие противоречия с Италией и Германией, стремившимися любым способом ос-

15 Robertson N. China has shattered the assumption of US dominance in the Middle East // CNN. – 2023. – March 15. – URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/15/world/us-saudi-china-relations-intl/index.html> (дата обращения: 23.07.2023).

лабить геополитические позиции Лондона на Ближнем Востоке, заставили британцев задуматься об обеспечении информационно-психологического влияния на местное население подмандатных территорий с целью противодействия итальянской и немецкой пропаганде, а также упрочнения своей собственной позиции в арабском регионе. Решением стало создание в 1938 г. арабской службы *BBC*, или, как ее запомнили сами арабы, هنا لندن («хуна лондон», с араб. «здесь Лондон»), ознаменовавшую собой целую эпоху, продолжившуюся 85 лет.

Эфир *BBC* на арабском смог быстро завоевать популярность как среди населения подмандатных территорий, так и среди жителей других арабских государств. Радио, которое на момент запуска первого эфира *BBC* было далеко не в каждом доме, с течением времени смогло получить большую популярность среди арабов. Британские передачи слушали правители в своих резиденциях, средний класс – в квартирах и даже бедуины – в шатрах посреди пустынь. Стоит отметить, что большую роль в арабском мире радио играет и сейчас – это самый простой и достаточно действенный способ информационного воздействия на местное население.

В первой половине XX в. приоритетными целями британской информационно-психологической кампании являлись создание позитивного имиджа Британской империи и препятствование распространению профашистских настроений среди политической активной части арабского общества, поскольку в свете надвигающейся военной угрозы со стороны Италии и Германии англичанам было жизненно необходимо удержать подмандатные территории, богатые столь нужными

для войны запасами нефти. Более того, Лондону приходилось находить баланс между центробежными и центростремительными тенденциями, существовавшими в местных политических кругах. Панарабизм и арабский национализм в равной степени были опасны для непрочной позиции Англии. Наконец, пропаганда *BBC* работала и против еще одного геополитического оппонента британской Короны – Франции, которая также получила подмандатные территории в арабском регионе.

Вторая мировая война обострила борьбу за симпатии жителей арабских стран между Великобританией и нацистской Германией. Гитлеровский лозунг «Победа держав «оси» несет народам Среднего Востока освобождение от английского ига» был сразу же подхвачен разрастающимися и всё громче заявлявшими о себе антибританскими элементами, что явно свидетельствовало об ухудшении политической позиции Великобритании. Поэтому в 1941 и 1943 гг. британскому правительству пришлось публично поддерживать идеологию панарабизма, не прекращая поддержку декларации А. Бальфура, – подобная двойственная позиция была всегда свойственна Лондону. В дальнейшем разгром сил вермахта на Ближнем Востоке избавил Великобританию от немецкой угрозы, что тем не менее не спасло британцев от потери большей части своего информационно-психологического влияния в регионе. Набравшие силу Соединённые Штаты сумели «потеснить» своего союзника по коалиции, Великобритании уже не хватало дипломатических усилий для убеждения Вашингтона уступить ей политический контроль над территориальным «поясом» Средиземное море – Индия¹⁶.

16 Barr J. How a Forgotten Rivalry Between Superpowers Helped Shape the Modern Middle East? // Time. – 2018. – September 12. – URL: <https://time.com/5393023/british-american-middle-east-history/> (дата обращения: 23.07.2023).

взглядам арабам пагубно сказывается на двусторонних и многосторонних отношениях с региональными арабскими державами. Во-первых, игнорирование симпатий и волеизъявления коренного населения арабских стран приводит к тому, что подавляющая часть арабов оказывается по другую сторону «политических баррикад» британцев и американцев. Во-вторых, англосаксы зачастую сами не могут определить, кто из местных политических деятелей «хороший», а кто «плохой». А.Д. Миллер пишет: «Ошеломляющим свидетельством затруднительного положения Америки на Ближнем Востоке является то, что в течение двух лет после свержения Хосни Мубарака, с которым администрация Обамы справлялась относительно хорошо, за одновременную поддержку Мухаммеда Мурси и генералов мы подверглись нападкам и критике со стороны почти всех, даже светской [египетской] оппозиции».

- «Непоследовательность и лицемерие, ставшие частью «должностной инструкции»» англосаксов, вызывают крайне негативный отклик среди арабской аудитории. Яркой иллюстрацией этого служат обширные торгово-экономические связи Великобритании и США со столь неприятными им «авторитарными режимами» монархий Персидского залива: публичное осуждение (вплоть до угроз) правительств этих государств на фоне импорта их энергоресурсов показывает слабость и неготовность англосаксов к решительным действиям.

При этом в экспертной английской среде существует мнение, что «в некотором смысле Британия больше напоминает частный клуб, чем страну. <...> Королевские визиты помогают

налаживать отношения с ключевыми режимами и продавать больше оружия на Ближний Восток. Система построена на патронаже, выдвинутом на первый план Палатой лордов, средневековым анахронизме, набитом назначениями правительства». Если это так, то в этой схеме действительно не остается места для грамотной информационно-психологической политики¹⁹.

В целом нынешнее стремление Лондона занять позицию одного из региональных центров влияния формирующегося многополярного мира побуждает его к активным внешнеполитическим и внешнеэкономическим действиям во всем мире, в том числе и в регионе БВСА. Вместе с тем в арабском мире, в отличие от соседней Африки, возможности Великобритании серьезно ограничены и сводятся главным образом к торгово-экономическому сотрудничеству с монархиями Персидского залива и Иорданией. Ни BBC, ни развитая сеть британских НКО, ни популярное среди арабской элиты британское образование уже не дают былого информационно-психологического эффекта, поскольку им приходится конкурировать с более сильными американскими аналогами. В то же время отсутствие значимого пробританского сегмента в средствах массовой информации и (что даже более важно) в социальных сетях и на информационно-развлекательных площадках не позволяют поддерживать высокий уровень информационной активности. Таким образом, можно предположить, что в среднесрочной перспективе Великобритания не будет способна конкурировать в информационно-психологической сфере на равных с США, Россией или Китаем, тем не менее пол-

19 Curtis M. British foreign policy in the Middle East: A secret history of self-interest // Middle East Eye. – 2019. – March 27. – URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/british-foreign-policy-middle-east-secret-history-self-interest> (дата обращения: 23.07.2023).

ностью списывать ее со счетов было бы стратегической ошибкой.

Франция

Франция, подобно Великобритании, присутствует в арабских странах на протяжении более века (не считая, разумеется, средневековые контакты с населением стран БВСА). Важной вехой в арабо-французских отношениях стала экспедиция Н. Бонапарта. С того времени государства Северной Африки и Ближнего Востока всегда играли большую роль во французской внешней политике: Наполеон III хотел, как известно, создать вассальное арабское королевство, а веком позднее Шарль де Голль поставил себе приоритетную задачу восстановить утраченные после двух мировых войн позиции Франции в арабском мире [Абдулай, 2010, с. 82].

Франция, равно как и ее северный сосед, начинала свою современную политическую историю в арабских странах с установления в середине XIX в. протектората над североафриканскими государствами: Алжиром, Тунисом и Марокко. Затем, после получения соответствующего мандата, руководила Ливаном и Сирией, чьи политические границы по сей день являются исключительно французским «творчеством». Франция, силой удерживавшая подконтрольные ей территории вплоть до середины XX в., практически не была заинтересована в информационно-психологической работе с местным населением, уделяя большее внимание противостоянию со своими геополитическими соперниками: Великобританией, Италией и Германией.

Однако, в отличие от Великобритании, связи Франции с арабскими странами носят не только деловой (полити-

ко-экономический), но также и культурный характер. Высокий уровень взаимопроникновения французской и арабо-мусульманской культур сначала оказывал влияние на непростые взаимоотношения метрополии и ее колоний, а сегодня во многом определяет информационную политику Франции в странах БВСА. О высоком уровне культурного взаимопроникновения и взаимодействия говорит, среди прочего, открытие в 1987 г. в Париже Института арабского мира, призванного способствовать «установлению прочных связей между культурами для развития подлинного диалога между арабским миром, Францией и всей Европой»²⁰.

В современном виде французская информационно-психологическая кампания в подконтрольных арабских странах изначально была развернута для противодействия странам «оси» перед Второй мировой войной, а затем для противодействия патриотическим настроениям в протекторатах, желающих обрести независимость. В настоящее время французские пропагандисты действуют в фарватере общезападного антироссийского дискурса: являясь членом НАТО и претендуя на главенство в ЕС, Франция естественным образом поддерживает практически любые русофобские позиции. Хотя информационная политика Парижа более независима, чем у других европейских стран, она всё же во многом опирается на позицию Соединённых Штатов как в методологической, так и в практической областях.

В краткосрочной перспективе Париж стремится, по словам президента Э. Макрона, сделать информационную войну в интересующих ее регионах «стратегическим приоритетом, реализация которого будет осуществлять-

20 Missions et fonctionnement // Institut du Monde Arabe. – Франц. яз. – URL: <https://www.imarabe.org/fr/missions-fonctionnement/missions> (дата обращения: 23.07.2023).

ся на межминистерском уровне» (при этом в МИД Франции уже в 2022 г. было создано подразделение по мониторингу и стратегии)²¹. В этой связи летом 2022 г. Министерством обороны Франции была принята Военная доктрина информационной войны за влияние, отдельные элементы которой были обнародованы. Доктрина предоставляет вооруженным силам и специальным ведомствам право на ведение полноценной информационно-психологической войны и дает им практически неограниченные полномочия в данной сфере. Примечательно, что при составлении документа его авторы вспомнили информационно-психологическую войну в колониальном Алжире и попытались воспроизвести ее наиболее успешные элементы в современной оболочке, включая наработки Секретной вооруженной организации²². Тем не менее в настоящее время Франция является не самой активной стороной информационно-психологического противостояния в арабском регионе по целому ряду причин. Во-первых, французское правительство постоянно занято борьбой с внутренним социальным кризисом, который в последнее время только усиливается. Одним из основных противоречий во французском обществе остается вопрос о «традиционном секуляризме», выражающийся в столкновении двух пока что непримиримых позиций: автохтонное французское население считает гражданским долгом отстаивать оставшиеся традиционные ценности (прежде всего свободу и светскость), в то время как мигранты-мусульмане, подавляю-

щее большинство которых составляют выходцы из арабских стран, требуют пересмотра и смягчения политики в отношении ислама, в том числе в ущерб секулярной традиции.

С одной стороны, подобный внутренний конфликт оттягивает на себя материальные и людские ресурсы, которые могли бы быть использованы Францией за рубежом. С другой стороны, отголоски этого кризиса доходят до самих арабских стран и осложняют и без того непростую позицию Парижа. Профессор Колумбийского университета арабского происхождения Д. Массад емко выразил отношение к Франции традиционалистской части арабского общества: «Кризис, с которым Франция продолжает сталкиваться в отношении мусульман, – это кризис французского шовинизма и отказ сторонников превосходства белой расы, христиан и «светских» французов признать, что их страна – третьеразрядная неоколониальная держава с доминирующей ретроградной культурой, которая продолжает придерживаться незаслуженной славы прошлого, в то время как им нужно покаяться в своем главном грехе – геноциде народов, простирающихся от Карибского бассейна до Юго-Восточной Азии и Африки, который унес жизни миллионов людей с конца XVIII века»²³.

Во-вторых, арабский регион перестал быть приоритетом французской внешней политики. Череда внешнеполитических неудач 2000–2010-х годов заставила французских экспертов признать, что Ближний Восток и Северная Африка стали «Ватерлоо французской

21 La France veut être plus active dans la guerre de l'information // Le Figaro. – 2022. – 09.11. – Франц. яз. – URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/la-france-veut-etre-plus-active-dans-la-guerre-de-l-information-20221109> (дата обращения: 23.07.2023).

22 Thibout C. La guerre de l'information: la doctrine française de lutte informatique d'influence (L2I) // Institut de Relations Internationales et Stratégiques. – 2022. – 21.06. – Франц. яз. – URL: <https://www.iris-france.org/168355-la-guerre-de-linformation-la-doctrine-francaise-de-lutte-informatique-dinfluence-l2i/> (дата обращения: 23.07.2023).

23 Massad J. France's 'crisis' with Islam: A legacy of 200 years of colonial brutality // Middle East Eye. – 2020. – October 7. – URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/france-islam-crisis-macron-secular> (дата обращения: 23.07.2023).

дипломатии» или, по меньшей мере, «ясно показали пределы, противоречия и определенный дилетантизм Франции» [Dalle, 2016, с. 13]. Практически весь арабский мир, единый и в то же время разнородный, одинаково негативно воспринимает Францию еще с XX в., и ни одна французская дипломатическая или информационно-психологическая стратегия (начиная со времен Шарля де Голля) до сих пор не смогла изменить этого.

В результате в 2020-х годах приоритет всё больше отдается бывшим колониям в Африке, расположенным ниже Сахары, в частности Мали и ЦАР, где положение французской стороны ухудшается с каждым годом. Примечательно, что и в этом регионе Франция вновь сталкивается с Россией в информационно-психологическом и политическом противоборстве, однако уже не в качестве части коллективного Запада, а как бывшая метрополия, стремящаяся вернуть себе прежний статус. Столкновение носит гибридный характер: со стороны России основным действующим лицом является ЧВК «Вагнер», демонстрирующая высокие результаты как в области борьбы с терроризмом, так и на информационном фронте²⁴. При этом Франция, желая сохранить свое военное и экономическое присутствие в этих странах, вынуждена привлекать специалистов самого высокого уровня, зачастую переводя их с других направлений работы. Тем не менее, как отмечает эксперт Института международных отношений (Штутгарт, ФРГ)

Д. Талл, «Париж «находится в процессе проигрыша в битве за общественное мнение почти во всей франкоязычной Африке»²⁵.

В-третьих, конкурирующие страны, в первую очередь Великобритания, активно способствуют ухудшению восприятия Франции за рубежом, в частности в арабских странах. Так, например, британское издание *The Guardian*, известное своей пропагандистской деятельностью, обвиняло руководство Франции в поддержке радикальных исламистов в Сирии во время «арабской весны»²⁶; сегодня оно же разоблачает попытки французского лидера Э. Макрона воссоздать «Франсафрику 2.0»²⁷ в неокOLONиальной форме. *The Guardian*, естественно, является лишь одним из элементов антифранцузской британской политики, медийные атаки в которой носят систематический характер. Все эти удары, наносимые по Франции, создают классический вариант «дипломатической вилки»: французские отговорки или оправдания будут восприняты арабоязычной аудиторией как откровенная слабость, что спровоцирует очередной виток эскалации внутреннего кризиса, а также сильнее подорвет позиции Франции в арабских странах; тогда как признание этих фактов в качестве достоверных еще больше «демонизирует» французов в глазах арабов, что также неминуемо приведет к ухудшению положения на «внутреннем и внешнем» фронтах.

Исходя из этого, можно небезосновательно предполагать, что в обозри-

24 Petite S. La France ensablée dans une guerre de l'information au Sahel // Le Temps. – 2022. – April 27. – Франц. яз. – URL: <https://www.letemps.ch/monde/france-ensablee-une-guerre-linformation-sahel> (дата обращения: 23.07.2023).

25 France struggling in Sahel «information war» // France 24. – 2021. – February 11. – URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210211-france-struggling-in-sahel-information-war> (дата обращения: 23.07.2023).

26 Chulov M. France funding Syrian rebels in new push to oust Assad // The Guardian. – 2012. – December 7. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/dec/07/france-funding-syrian-rebels> (дата обращения: 23.07.2023).

27 Tampa V. Françafrique is back: Macron's visit to Cameroon signals Colonisation 2.0 // The Guardian. – 2022. – July 26. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2022/jul/26/francafrique-is-back-macrons-visit-to-cameroon-signals-colonisation-20> (дата обращения: 23.07.2023).

мом будущем (по крайней мере в этом десятилетии) мечтам Парижа о восстановлении политического и информационно-психологического влияния на арабский регион не суждено сбыться. Франция с большим трудом и без видимых успехов конкурирует с Россией в менее технологически развитой Африке, не говоря об арабских странах, где информационно-психологическое противостояние ведется на совершенно ином уровне. При этом слова президента Э. Макрона о всеобъемлющем противодействии «хищническим» амбициям России в интересующих Париж регионах всё еще не получили практического воплощения и, учитывая все вышеприведенные факторы, скорее всего, не получат его в ближайшее время²⁸. Таким образом, Франция ведет борьбу лишь силами немногочисленных НКО и арабоязычных редакций СМИ, чьих усилий явно недостаточно для проведения эффективной информационно-психологической кампании.

Заключение

В последнее время конфликт в информационной сфере арабского мира разгорается всё сильнее. Наблюдается прямая взаимосвязь между усилением глобальной напряженности и интенсификацией информационно-психологического противостояния: политические, экономические и военные кризисы, охватывающие другие части света, неизбежно находят отражение в ближневосточной политике крупнейших мировых держав. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на меньшую активность информационной среды в регионе БВСА по сравнению, например, с европейской, именно эта сфера во многом определяет развитие

как двусторонних, так и многосторонних межарабских связей, а также коммуникации по линии «арабский мир – Россия».

Подводя итог рассмотрению информационных кампаний некоторых стран Запада в арабском регионе, необходимо отметить, что ни США, ни европейские страны в настоящее время не смогли в достаточной степени завоевать симпатии арабской аудитории. Основная работа с их стороны ведется с целью дискредитации России и ее геополитических союзников, а не на улучшение восприятия имиджа собственных стран местным населением, что, как показывает практика, является недостаточно продуманным и действенным решением. В этой связи можно привести результаты опроса общественного мнения, проведенного весной 2022 г. англоязычным саудовским СМИ *Arab News* в кооперации с британской исследовательской компанией *YouGov*, которые показывают, что большую часть «арабской улицы» не волнует конфликт на Украине: всего 34% опрошенных респондентов поддерживают ту или иную сторону, из них 16% выступают за Россию, 18% поддерживают Украину. При этом, по словам Ф.Д. Аббаса, главного редактора *Arab News*, наиболее важным открытием стал тот факт, что из почти 8 тыс. опрошенных 3 тыс. человек заявили, что вину за развязывание военных действий стоит возложить на НАТО и лично на президента США Дж. Байдена, в то время как Россию осудили чуть более 1 тыс. человек. Самая высокая поддержка России, согласно результатам опроса, зафиксирована в арабских странах Северной Африки. Однако в благополучное для России завершение конфликта сильнее всего верят в Сирии, Ливане и Пале-

28 France's Macron accuses Russia of «predatory» influence in Africa // Reuters. – 2022. – November 21. – URL: <https://www.reuters.com/world/frances-macron-accuses-russia-predatory-influence-africa-2022-11-20/> (дата обращения: 23.07.2023).

стине, где 52% респондентов заявили, что по результатам СВО Россия либо полностью, либо частично займет территорию Украины, и только 7% опрошенных уверены, что России придется отступить²⁹.

Более того, внутренние распри, разгорающиеся как между англосаксонскими странами, так и между европейскими, требуют подчас задействования критически важных ресурсов, что препятствует достижению коллективных целей. Таким образом, западные государства собственными действиями готовят почву для усиления влияния других стран, в первую очередь России и Китая.

Позиция США в настоящее время постепенно ослабевает. Соединённым Штатам, желающим сохранить гегемонию в ближневосточном и североафриканском регионах, приходится бороться в информационно-психологической сфере сразу с тремя крупными геополитическими игроками: Россией, Китаем и Ираном. При этом эффективность американской информационной политики даже при превосходящем научно-техническом уровне остается невысокой. Позиция США заключается в нежелании рассматривать арабские государства в качестве равноправных партнеров, что отражается как в стремлении американского политического руководства навязать свою волю арабским народам, так и в игнорировании историко-культурных особенностей арабов и их менталитета при разработке информационно-психологической стратегии.

Одновременно с этим осложняет ситуацию реакция властей США на проводимую Россией СВО. В частно-

сти, египетский писатель А. Салех отмечает, что «позиция Запада относительно украинского кризиса свидетельствует о двойных стандартах и противоречит преобладающему (на Западе) дискурсу об арабских кризисах», что лишь усиливает позицию России в информационном поле³⁰. Более того, арабы в целом, как подчеркивает Х. Ибиш, старший научный сотрудник Института арабских государств Персидского залива в Вашингтоне, «не рассматривают войну на Украине как своего рода окончательный трансформационный момент в международных отношениях», а следовательно, основные тезисы антироссийской информационной кампании США, можно сказать, не находят никакого отклика у местного населения³¹.

Европейские страны, в том числе Великобритания, действуют исключительно в американском фарватере и не отличаются высоким уровнем самостоятельности в проведении собственных информационно-психологических кампаний в арабском регионе, активно применяют методы информационной манипуляции. При этом внутренние разногласия сторон приводят к негативным последствиям при достижении коллективных целей. В некоторых случаях противостояние с Россией для них отходит на второй план и заменяется стремлением как можно сильнее ослабить позиции друг друга: внутриевропейские противоречия относительно арабского мира, зародившиеся еще в XX в., до сих пор дают о себе знать.

Необходимо учесть и возрастающую роль исламского фактора в политическом процессе в арабских государствах.

29 Russia-Ukraine: Where Do Arabs Stand? // Arab News. – URL: https://www.arabnews.com/sites/default/files/anyg_rusukr_report_web_compressed.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

30 Salah A. Why Does Some of the Arab Public Support Putin's War in Ukraine? // SADA. – 2022. – June 16. – URL: <https://carnegieendowment.org/sada/87353> (дата обращения: 19.02.2024).

31 Analysis: The Russia-Ukraine war and the view from Saudi Arabia // Al Jazeera. – 2022. – October 24. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/10/24/analysis-russia-ukraine-war-view-from-saudi-arabia> (дата обращения: 19.02.2024).

Отчасти доказательством (на примере Египта) может служить растущая популярность среди населения в последние годы религиозных радиостанций. Далее в рейтинге идут станции музыкальной и лишь потом информационной направленности. Самой популярной радиостанцией является «Аль-Куран Аль-Карим», затем идут две станции музыкальной направленности «Неджум FM» и «Радио Хитс FM».

Таким образом, проведенный анализ показывает необходимость исследования полного цикла и координации усилий по всем направлениям, а также учета факторов внутреннего риска и внешнего воздействия при разработке государствами стратегий информационно-психологического противостояния.

Список литературы

- Абдулай К.Б. Исторические и культурные связи Франции с арабским миром // Вестник РУДН. Серия : Международные отношения. – 2010. – № 2. – С. 82–85.
- Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия : История и политические науки. – 2019. – № 2. – С. 210–221.
- Война США за «мир» в Сирии / Абылгазиев И.И. [и др.]. – Москва : Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2021. – 96 с.
- Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – Минск : Харвест, 2004. – 448 с.
- Денисов А.А., Денисова Е.В., Хомяков В.А. Цель и характер постиндустриальной войны. Универсальный классификатор войны // Экономические стратегии. – 2018. – № 8. – С. 110–119.
- Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Информационное воздействие в гибридных войнах: новые возможности и кризис пропаганды // Дипломатическая служба. – 2021. – № 4. – С. 318–331. DOI: 10.33920 / vne-01–2101–06.
- История российской внешней разведки: Очерки. Том 6. 1966–2005 годы / под ред. Лебедева С.Н. – Москва : Международные отношения, 2021. – 264 с.
- Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – Москва : Юнити-Дана, 2017. – 111 с.
- Манойло А.В., Костогрызлов А.И. О вероятностном прогнозировании рисков в информационной войне. Часть 1. Анализ стратегий операций и контропераций для математического моделирования // Вопросы кибербезопасности. – 2023. – № 6 (58). – С. 2–19. DOI: 10.21681/2311-3456-2023-6-2-19.
- Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. – Москва : Поколение, 2006. – 560 с.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. – Москва : Алгоритм, 2015. – 254 с.
- Расторгуев С.П. Философия информационной войны. – Москва : Вузовская книга, 2001 – 468 с.
- Стрельцов А.А. Государственная информационная политика: основы теории. – Москва : МЦНМО, 2010. – 112 с.
- Фролов Д.Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. – 2005. – № 5. – С. 121–142.
- Чикаидзе Ц.М. Проблема арабского единства и политика Великобритании на арабском Востоке в первой половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4-3. – С. 262–267.
- Clarke R.A., Knake R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do about It. – New York : Ecco, 2010. – 310 p.

Dalle I. Les relations entre la France et le monde arabe // Confluences Méditerranée. – 2016. – N 1 (96). – P. 13–28. – Франц. яз.

Lebedeva M., Morozov V. Turning Points of World Transformation: New Trends, Challenges and Actors. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. – 256 p.

Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. – 1992. – Autumn. – P. 54–68.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York : Public Affairs, 2005. – 192 p.

Thomas T.L. Deterring Information Warfare: A New Strategic Challenge // Parameters. – 1997. – Winter. – P. 81–91.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02

The Strategy of Information Confrontation of the Countries of the Collective West in the Arab Countries of the Middle East and North Africa

Natalya S. KULESHOVA

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Political Science of the East
Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, building 13A (building B), Moscow, Russian Federation, 119991
E-mail: kuleshova-nataly@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5103-353X

Andrey A. KHVALEY

PhD Student, Department of Political Science of the East
Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, building 13A (building B), Moscow, Russian Federation, 119991
E-mail: a.khvaley@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-4930-3128

CITATION: Kuleshova N.S., Khvaley A.A. (2024). The Strategy of Information Confrontation of the Countries of the Collective West in the Arab Countries of the Middle East and North Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 30–53 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02

Received: 08.11.2023.

Revised: 14.03.2024.

ABSTRACT. *Since the middle of the 20th century, the phenomenon of information-psychological confrontation and its*

components have been in the focus of attention of domestic and foreign researchers. As technology develops, the information front

has been growing in importance/significance superiority over the enemy in the information and psychological sphere in the conditions of modern conflict is sometimes more important than superiority on the battlefield. Currently, in the context of global tension, there is another aggravation of information confrontation in the Arab world, the participants of which are both Western and Eastern countries, including Russia. The current configuration of the conflict is significantly different from all previous ones: the bloc nature of cooperation between countries is gone (as it was the case during the Cold War), while the development of information and communication technologies has allowed each side of the conflict to have an information and psychological impact on all countries of the region at once. To build the most effective national information policy, it is necessary to study in detail the approaches of other countries, determine the main and secondary vectors of their work, and identify the mechanisms of information and psychological impact. The analysis of the information and psychological strategies of the leading Western states (the USA, Great Britain and France) showed the absence of a unified approach to the implementation of activities in the information field at the theoretical and practical levels. The current state of disunity of the countries under consideration, while maintaining the leading role of the United States as the leader of the collective West, is caused by both historical prerequisites and objective political and economic reasons. Due to the current situation, as well as in connection with the active work to counter Western propaganda by Russia, China and Iran, the information and psychological campaigns of the United States, Great Britain and France are less effective than before, which nevertheless does not mean their complete collapse.

KEYWORDS: information confrontation, Arab region, foreign policy strategy, international relationships, geopolitics, media.

References

- Abdulai K.B. (2010). Historical and cultural links between France and the Arab world. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2, pp. 82–85 (in Russian).
- Chikaidze Ts.M. (2007). The problem of Arab unity and British policy in the Arab East in the first half of the 20th century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–3, pp. 262–267 (in Russian).
- Clarke R.A., Knake R. (2010). *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do about It*. New York: Ecco, 310 pp.
- Dalle I. (2016). Les relations entre la France et le monde arabe. *Confluences Méditerranée*. No. 1 (96), pp. 13–28 (in French).
- Denisov A.A., Denisova E.V., Khomyakov V.A. (2018). The purpose and nature of the post-industrial war. The universal classifier of war. *Economic strategies*. No. 8, pp. 110–119 (in Russian).
- Evstafiev D.G., Manoilo A.V. (2021). Information impact in hybrid wars: new opportunities and the crisis of propaganda. *Diplomatic Service*. No. 4, pp. 318–331 (in Russian).
- Frolov D.B. (2005). Information warfare: the evolution of forms, means and methods. *Sotsiologiya vlasti*. No. 5, pp. 121–142 (in Russian).
- Grinyaev S.N. (2004). *The battlefield is cyberspace. Theory, techniques, means, methods and systems of information warfare*. Minsk: Harvest, 448 p. (in Russian).
- Istoriya... (2021). Lebedeva S.N. (ed.) *History of Russian foreign intelligence: Essays*. Volume 6. 1966–2005. Moscow: International Relations, 264 pp. (in Russian).
- Karpovich O.G., Manoilo A.V. (2017). *Color revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes*. Moscow: Unity-Dana, 111 pp. (in Russian).
- Lebedeva M., Morozov V. (2022). *Turning Points of World Transformation: New*

Trands, Challenges and Actors. Singapore: Palgrave Macmillan, 256 pp.

Mann S.R. (1992). Chaos Theory and Strategic Thought. *Parameters*, Autumn, pp. 54–68.

Manoilov A.V., Kostogryzov A.I. (2023). On probabilistic risk forecasting in information warfare. Part 1. Analysis of strategies of operations and counter-operations for mathematical modeling. *Issues of cybersecurity*. No. 6 (58), pp. 2–19 (in Russian).

Nye J. (2005). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 192 pp.

Panarin I.N. (2006). *Information warfare and geopolitics*. Moscow: Pokoleniye, 560 pp. (in Russian).

Pochepstov G.G. (2015). *Information wars. A new policy tool*. Moscow: Algoritm, 254 pp. (in Russian).

Rastorguev S.P. (2001). *Philosophy of information warfare*. Moscow: Vuzovskaya kniga, 468 pp. (in Russian).

Streltsov A.A. (2010). *State information policy: fundamentals of theory*. Moscow: ICNMO, 112 pp. (in Russian).

Thomas T.L. (1997). Detering Information Warfare: A New Strategic Challenge. *Parameters*. Winter, pp. 81–91.

Vasiliev A.M., Zherlitsyna N.A. (2019). Dynamics of state policy towards the media in the countries of the Middle East and North Africa. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences*. No. 2, pp. 210–221 (in Russian).

Voyna... (2021). Abylgaziev I.I. et. al. *US war for “peace” in Syria*. Moscow: Institute of Foreign Policy Research and Initiatives (in Russian).

В национальном разрезе

УДК 327(450)

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.03

Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения)

Роберта АЛОНЦИ

PhD, профессор филологического факультета

Российский университет дружбы народов (РУДН)

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198

E-mail: alonziroberta@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3604-3283

Валерий Петрович ЛЮБИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9530-3968

ЦИТИРОВАНИЕ: Р. Алонци, В.П. Любин. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 54–68.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2024.

Исправленный текст представлен: 25.03.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются направления внешней политики правительства Дж. Мелони. Признается, что атлантизм и европеизм по-прежнему остаются ее константами. Реинтеграция Италии «в мир protagonists» происходит через восстановление стратегической роли в Средиземноморье путем укрепления южного фланга НАТО и завоевания Италией лидерской роли в этом регионе. Рассматриваются отношение к конфликту Россия – Украина, обновление связей с державами Азии и странами Афри-

ки, изменения миграционной политики с помощью экстернализации миграционных процессов. Авторы предлагают следить за тем, как правительство Мелони решает важные внешнеполитические вопросы в международном контексте, в котором Италия больше не играет стратегической роли, а ЕС постепенно теряет свой потенциал самоопределения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Италия, внешняя политика, правительство Мелони, атлантизм, европеизм, пат-

риотизм, национализм, отношение к конфликту России и Украины, связи с державами Азии, саммит «Италия – Африка» и «план Маттеи», политика в сфере миграции.

Введение

Правительство Мелони пришло к власти после победы на парламентских выборах 25 сентября 2022 г. партии «Братья Италии» (*Fratelli d'Italia*) (она получила 26% голосов и большинство в парламенте благодаря исправленному в очередной раз в 2017 г. избирательному закону, хотя на предыдущих выборах партия едва перешагнула проходной барьер; прибавка в 2022 г. составила 24,7%).

Сформированное лидером партии Джорджей Мелони правокоалиционное правительство («Братья Италии» + «Лига» + «Вперед, Италия») начало деятельность 22 октября 2022 г. Правительство смогло опереться на широкое парламентское большинство, несмотря на стремление трех основных партий правительственной коалиции утверждать свою идентичность, в том числе и во внешней политике [Il governo..., 2024, р. 4].

В этом контексте анализ внешней политики Джорджи Мелони чрезвычайно интересен в свете множества факторов: во-первых, потому что внешняя политика вновь приобрела фундаментальную роль в итальянском политическом дискурсе и СМИ, став главным критерием самоопределения правительства Мелони и его характеристики по сравнению с предыдущими правительствами. Во-вторых, потому что именно внешняя политика представляет собой точку разграничения между большинством и оппозицией, а также в структуре самого правительственного большинства. В-третьих, потому что на нынешнем этапе

пересмотра международного порядка выбор внешней политики оказывает всё более сильное влияние на экономику отдельных стран и групп, к которым они принадлежат.

В свете геостратегического положения Италии анализ ее позиции на международной шахматной доске, то есть оценка внешней политики страны, является важным элементом для понимания глобальных механизмов, которые регулировали действия и выбор сменяющих друг друга правительств и формировали политическую идентичность страны в целом. В случае с правительством Мелони можно наблюдать элементы преемственности, но также и разрывы по отношению к характерной для политической истории страны модели правоцентристских правительств.

Структурные особенности итальянской внешней политики и прерогативы правительства Мелони

Со времени вступления Италии в НАТО в 1949 г., осуществленного правительством А. Де Гаспери, атлантическая лояльность никогда не ставилась под сомнение последующими правительствами [Varès, 1983]. Кризисы после распада биполярной системы породили много вызовов, в том числе в регионах, гораздо более важных для национальных интересов Италии, в рамках меньшей возможности обращаться к традиционному союзнику – США – для решения своих фундаментальных проблем безопасности [Bellucci, Isernia, 1999, р. 441–480].

Европейский выбор представлял собой другую константу итальянской внешней политики и в целом был связан и функционировал вместе с атлантическим выбором. Если НАТО гарантировала безопасность Италии, то участие

в процессе европейского строительства ставило ее в равные условия с другими крупными западноевропейскими странами [Любин, 2004, с. 160]. Более того, европейская приверженность Италии со временем стала элементом, призванным, с одной стороны, компенсировать слабость национальной идентичности, а с другой – способствовать достижению четкого видения национальных интересов.

Политическая приверженность Италии строительству политической Европы (от А. Де Гаспери до А. Спинелли) позволила стране сохранить свои международные позиции в западной системе. В период после Второй мировой войны и до падения Берлинской стены итальянские национальные интересы совпадали, по словам историка Л. Инчиза ди Камерана, с образом трех концентрических кругов: атлантического, обеспечивавшего безопасность, европейского, гарантировавшего социально-экономическую модернизацию страны, и, наконец, средиземноморского, допускавшего некоторую оригинальность [*Incisa di Camerana*, 1996, p. 50].

После падения Берлинской стены Италия продолжала рассматривать НАТО, то есть Соединённые Штаты, как неотъемлемый краеугольный камень, а Евросоюз – как неотъемлемую цель своей внешней политики [Braghi, 2007], но с некоторыми изменениями в акцентах, которые зависели от состава ее правительств. Левоцентристские правительства в целом были более европейскими, чем атлантическими, а правительство С. Берлускони – более проамериканским, чем европейским¹. Техническое правительство М. Монти

с 2011 г. преследовало цель полной рекомпозиции этих двух фундаментальных направлений, атлантизма и европеизма. Занимавший далее пост премьер-министра Италии бывший руководитель Европейского центрального банка М. Драги продолжил эту линию.

Следует отметить, что с окончанием холодной войны и крахом традиционной итальянской партийной системы в начале 1990-х годов, то есть с падением так называемой Первой Республики, прекратилось и существование внешних гарантов баланса сил в Европе, принимавшегося прежними умеренными партиями. Возникла тенденция, согласно которой демократические администрации Клинтона и Обамы способствовали диалогу с бывшими коммунистами из Демократической партии левых сил (ПДС), Левых демократов (ДС) и Демократической партии (ДП) больше, чем, например, с правоцентристскими силами².

Правительство Мелони, похоже, меняет эту тенденцию. Ее поездки в США демонстрируют стремление правительства Мелони превратить отношения между Италией и США в особое партнерство [Алонци, Любин, 2023] и теперь, в продолжение линии, проводившейся председателем Совета министров Италии в 2021–2022 гг. Марио Драги. В этом смысле внешняя политика Мелони может характеризоваться как «национально-консервативная» [Politica in Italia..., 2023, p. 39–58; Vassallo, 2024].

После визита Мелони в Белый дом уже в качестве премьер-министра журнал *Time* писал, что «с момента вступления в должность в октябре (2022 г.)

1 Romano S. La politica estera italiana: tra europeismo e atlantismo // Atlante geopolitico. – 2013. – Итал. яз. – URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/la-politica-estera-italiana-tra-europeismo-e-atlantismo_\(Atlante-Geopolitico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/la-politica-estera-italiana-tra-europeismo-e-atlantismo_(Atlante-Geopolitico)/) (дата обращения: 14.02.2024).

2 Varsori A. Come la fine della guerra fredda mise in crisi l'Italia // ILB – Università di Padova. – 2019. – 17 novembre. – Итал. яз. – URL: <https://ilbo.live.unipd.it/it/news/come-fine-guerra-fredda-mise-crisi-litalia> (дата обращения: 15.02.2024).

итальянский лидер намного превзошла ожидания Запада и даже заслужила похвалу за свои сильные атлантистские позиции»³, хотя накануне выборов 2022 г. наблюдатели полагали, что Мелони сможет перенять подход Драги, основанный на «национальных интересах» и опирающийся на международные нормы, но уже с более правыми нотками⁴.

Действительно, хотя партию Мелони «Братья Италии» связывают с популизмом, внешняя политика ее правительства не содержит риторических моментов по поводу перемен или разрыва с прошлым [Betti, 2023].

Для Мелони в настоящее время не существует конфликта между защитой национальных интересов и соблюдением международных обязательств⁵, как это всё же проявлялось несколько лет назад, когда она предлагала изменить статьи 11 и 117 Конституции в направлении установления принципа суверенности по отношению к предписаниям Европейского союза⁶.

Реинтеграция Италии «в мир протагонистов», в отличие от традиционного измерения итальянской внешней политики как средней державы [Santoro, 1991], должна происходить через восстановление стратегической роли в Средиземноморье путем укрепления южного фланга НАТО и завоевания Италией лидерской роли в этом регионе. Пункт 25 избирательной программы

партии «Братья Италии» на выборах 25 октября 2022 г. озаглавлен «Италия как протагонист в Европе и мире». «Колыбель западной цивилизации, экономическая и культурная мощь, государство-основатель Европейского союза и Атлантического альянса: после слишком многих лет маргинализации при левых правительствах Италия должна снова стать главным действующим лицом в Европе, в Средиземноморье и на международной арене»⁷.

В 2024 г. Италия председательствует в G7, очередной саммит «семерки» проводится в Апулии с 13 по 15 июня. По словам Мелони, центральными темами станут Африка и миграция. «Повестка будет развиваться весь год при помощи инициатив различных министерств»⁸.

Последствия особого партнерства с США: от Китая до Индии

Отдаваемый особому партнерству с Соединёнными Штатами приоритет существенно влияет на внешнеполитические ориентиры правительства Мелони в стратегических сферах в новом многополярном порядке, который сейчас выстраивается. Однако неясно, в какой степени «возвращение» Италии в мир протагонистов соответствует национальным интересам. На встре-

3 De Palo F. Così la destra atlantista si è fatta strada in Europa // Formiche. – 2023. – 30 luglio. – Итал. яз. – URL: <https://formiche.net/2023/07/destra-atlantista-europa-meloni/> (дата обращения: 05.11.2023).

4 Varvelli A. Effetto Draghi: L'Italia e il vecchio-nuovo interesse nazionale // European Council of Foreign Relations. – 2022. – 30 settembre. – Итал. яз. – URL: <https://ecfr.eu/rome/article/effetto-draghi-litalia-e-il-vecchio-nuovo-interesse-nazionale/> (дата обращения: 07.11.2023).

5 Graziosi S. Atlantismo e difesa dell'interesse nazionale: la dottrina Meloni in politica estera // Panorama. – 2022. – 25 ottobre. – Итал. яз. – URL: <https://www.panorama.it/news/politica/atlantismo-e-difesa-dell-interesse-nazionale-la-dottrina-meloni-in-politica-estera> (дата обращения: 06.11.2023).

6 Camera dei Deputati, Proposta di legge: proposta di legge costituzionale Meloni ed altri: «Modifiche agli articoli 11 e 117 della Costituzione, concernenti l'introduzione del principio di sovranità rispetto all'ordinamento dell'Unione europea» (291). – Итал. яз. – URL: <https://www.camera.it/leg18/126?tab=2&leg=18&idDocumento=291&sede=&tipo=> (дата обращения: 20.03.2024).

7 Giorgia Meloni, Fratelli d'Italia. Il programma. Pronti a risolvere l'Italia. Elezioni politiche 25 settembre 2022. – Итал. яз. – URL: https://www.fratelli-italia.it/wp-content/uploads/2022/08/Brochure_programma_Fdl_qr_def.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

8 В Италии объявили время и место проведения саммита G7 в 2024 году // Лента.ру. – 2023. – 10 ноября. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/10/v-italii-ob-yavili-vremya-i-mesto-provedeniya-sammita-g7-v-2024-godu/> (дата обращения: 24.01.2024).

че с Дж. Байденом 15 ноября 2022 г. в рамках саммита G20 на Бали глава итальянского правительства пообещала замедлить темпы реализации соглашений с Пекином в обмен на большее количество поставок газа из США по более низкой цене. В декабре 2023 г. правительство Мелони официально объявило о выходе из участия в «программе Шёлкового пути» («Организация международного сотрудничества Шёлковый путь» – BRL), в то время как подписанное в 2004 г. соглашение с Китаем о глобальном стратегическом партнерстве осталось в силе.

Уже в 2019 г., когда подписывался этот меморандум, было ясно, что Италии необходимо иметь долгосрочный план развития отношений с Китаем [Dossi, 2020].

Италия, помимо прочего, является единственной страной G7, присоединившейся к «Шёлковому пути», но с наименьшим торговым оборотом с Китаем среди западных стран. В 2022 г. товарооборот между Италией и Китаем достиг 73,9 млрд долларов⁹, что является самым низким показателем после США, Японии, Германии, Великобритании, Канады и Франции.

В целом с 2019 по 2023 г. объем торговли между Италией и Китаем увеличился с 50 до 84 млрд долларов США. Но преимущество практически одностороннее в пользу Пекина. В то время как итальянский экспорт за пятилетний период вырос на 4 млрд долларов США (с 14,5 до 18,6), китайский экспорт увеличился почти вдвое – с 35 до 66 млрд долларов США¹⁰. Пик ки-

тайских прямых инвестиций в Италию пришелся на 2015 г. – за несколько лет до подписания соглашения. С точки зрения торгового и инвестиционного баланса меморандум не принес ожидаемых выгод. Напротив, в 2022 г. дефицит торгового баланса Италии с Китаем установил рекорд (– 47 млрд долларов), а китайские инвестиции в Италию прекратились задолго до того, как Рим начал их опасаться и активно «останавливать»¹¹. Даже на «фронте» культурных отношений и обменов соглашения не имело положительных последствий. Гораздо больший, но негативный эффект был отмечен во время пандемии, которая привела к краху сотрудничества между итальянскими и китайскими университетами. После отмены ограничительных мер это сотрудничество так и не было возобновлено.

Одновременно Италия стала участником поддержанных США и представленных на саммите G20 в августе 2023 г. планов по созданию торгового коридора, конкурирующего с инициативой «Один пояс – один путь»¹², или экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*India – Middle East – Europe Economic Corridor (IMEC)*). В то время как Запад видит в IMEC возможность конкурировать с растущим влиянием Китая на Ближнем Востоке, страны Персидского залива рассматривают его как конкретный пример нового глобального порядка, в котором они уравнивают свои связи как с Китаем, так и с Западом, чтобы максимизировать свои собственные преимущества, стремясь к своего рода

9 Ambasciata d'Italia a Pechino. Diplomazia economica. – Итал. яз. – URL: <https://ambpechino.esteri.it/italia-economica/diplomazia-economica/#:~:text=I%20rapporti%20commerciali%20tra%20Italia,57%2C5%20miliardi%20di%20euro> (дата обращения: 07.11.2023).

10 ISPI DataLab. Italia fuori dalla Via della Seta cinese: un bilancio in 5 grafici. – Итал. яз. – URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/italia-fuori-dalla-via-della-seta-cinese-un-bilancio-in-5-grafici-155935> (дата обращения: 06.02.2024).

11 Ibid.

12 Rizzi A. Grand designs: Linking Europe to India via the Gulf // European Council of Foreign Relations. – 2023. – 14 settembre. – Итал. яз. – URL: <https://ecfr.eu/article/grand-designs-linking-europe-to-india-via-the-gulf/> (дата обращения: 24.02.2024).

многовекторности¹³. В соглашении подчеркивается важность отношений с Индией, особенно в рамках будущей G21 (расширение G20 за счет Африканского союза). В июне 2022 г. Россия провела испытания конкурентного транспортного коридора «Север – Юг», который должен ускорить сообщение и увеличить объем торговли с Индией через Иран.

IMEC представляет «концепцию Индо-Средиземноморья», геостратегической сферы, в которой Италия играет центральную роль, в преемственности и взаимосвязи с Индо-Тихоокеанским регионом. Италия приобретает значение фундаментального узла в новом проекте, в том числе благодаря своему положению в Средиземноморье, способном объединить не только Восток и Запад, но и Север и Юг мира. Таким образом, именно стратегические инвестиции в отношения с Индией могут стать для Италии элементом, дополняющим ее европейскую и атлантическую политику.

Весной итальянское правительство подняло отношения с Нью-Дели до уровня стратегического партнерства. В течение нескольких лет двусторонние отношения между Италией и азиатским гигантом были заморожены, на них повлиял ряд событий, не в последнюю очередь – «конфликт двух маро»¹⁴, который омрачил дипломатический диалог между двумя странами, несмотря на хорошие экономические отношения. В 2022 г. торговый обмен с Италией составил около 15 млрд евро, из которых 10 млрд пришлось на импорт Рима из Нью-Дели, а оставшиеся 5 млрд евро составили экс-

портную квоту Италии в азиатский гигант. Эти цифры, которые уже означают общее увеличение на 42% по сравнению с 2021 г.¹⁵, будут расти и дальше, вместе с секторами, в которых Нью-Дели и Рим будут развивать новые формы сотрудничества в сфере обороны, энергетики, высоких технологий, космоса, а также искусственного интеллекта, полупроводников. Другие области сотрудничества – мобильность и миграция, научно-техническое сотрудничество, академическое и культурное сотрудничество (оно поддерживается интенсивным сотрудничеством в сфере высшего образования: с более чем 250 университетскими соглашениями Индия является пятой страной по количеству студентов, обучающихся в Италии).

В том же ключе, как и развитие экономических связей с Китаем и Индией, следует рассматривать стремление развивать отношения с Японией, также важнейшей экономикой мира, совместно с которой Италия входит в организацию G7. Визит Мелони в Японию в феврале 2024 г. был призван подкрепить и дать новый импульс этим отношениям.

Отношение правительства Мелони к российско-украинскому конфликту в контексте европейской политики

Отношения с Россией представляют собой довольно противоречивое поле внешней политики Дж. Мелони, если рассмотреть те позиции, которые она

13 Rossi E. Così IMEC disegna l'Indo-Mediterraneo // Med-or. – 2023. – 9 ottobre. – Итал. яз. – URL: <https://www.med-or.org/news/cos%C3%AC-imec-disegna-lindo-mediterraneo> (дата обращения: 07.11.2023).

14 Трения с правительством Индии возникли из-за ареста там в 2012 г. двух итальянских морских пехотинцев, сопровождавших нефтяной танкер, по подозрению в расстреле двух индийских рыбаков, принятых за пиратов. Судебный процесс над ними не состоялся из-за obstructive действий Италии, она выплатила 190 тыс. долларов компенсации семье каждого погибшего.

15 Governo italiano // infoMercatiEsteri. – Итал. яз. – URL: https://www.infomercatiesteri.it/scambi_commerciali.php?id_paesi=128# (дата обращения: 11.02.2024).

и ее партия занимали вплоть до начала российско-украинского конфликта.

Дж. Мелони призвала отказаться от санкций в 2014 г., это отражено в предложении в парламенте и в видео лидера «Братья Италии» на сайте *giorgiameloni.it*¹⁶. Она сказала, что ее особенно беспокоит итальянский бизнес. В 2017 г. она продолжала призывать положить конец охлаждению в экономических отношениях между ЕС и Россией. В контексте кризиса COVID Мелони заявляла, что российская вакцина «Спутник» является потенциальным лекарством, здесь не должно быть никаких геополитических предрассудков. В феврале 2022 г. на шоу «Порта а Порта» санкции против России были названы ею неверным шагом. Еще до российской специальной операции на Украине она заявила: «Нам нужен светский мир с Россией, но мне кажется, что Байден использует внешнюю политику, чтобы прикрыть проблемы, которые у него есть дома». Европа «должна сыграть свою роль в обеспечении мира... Я против санкций не потому, что я друг Путина, но в наших интересах не подталкивать Россию к Китаю»¹⁷.

Предписанный ЕС после начала специальной военной операции России на Украине отказ от российских энергоносителей, нефти и газа, потребителем которых издавна была и Италия, получавшая ее через созданную Э. Маттеи фирму *ENI*, разумеется, сказался на итальянской экономике, как,

впрочем, и на экономике всех стран ЕС, снизив ее конкурентоспособность. Но Италия поддержала эту общую линию стран Запада, голосуя за все санкции против России. Многие итальянские предприниматели, успешно развивавшие свой бизнес и получавшие неплохие доходы в России, подчиняясь указаниям политического руководства ЕС, вынужденно покидали страну, уступая конкурентам привычный обширный рынок.

Интересно проследить, как изменялась позиция Мелони в период между началом спецоперации на Украине и всеобщими выборами в Италии, то есть во время ее предвыборной кампании. С февраля 2022 г. Мелони сделала ставку на победу Украины, поддерживая ее вступление в Евросоюз. На саммите G7 в Хиросиме в 2023 г. Мелони подтвердила поддержку Украины, но не была против переговоров России и Украины, сочтя лучшим местом для этого Ватикан¹⁸. В первый день июня 2023 г. она подчеркнула, что «украинцы» «защищают нашу безопасность и международное право». По ее словам, Италия поддерживает путь к членству в ЕС Украины, Молдовы, Грузии и Западных Балкан, а «Европа не клуб, а наша судьба»¹⁹.

В этот же период существенно изменилась и позиция Мелони по отношению к Европейскому союзу, подход к украинскому вопросу которого был полностью воспринят как ее партией,

16 Meloni G. Le sanzioni contro la Russia sono inutili e masochiste. Non è con l'ambiguità e la superficialità che l'Italia può tutelare i propri interessi // *giorgiameloni.it*. – 2014. – 4 marzo. – Итал. яз. – URL: <https://www.giorgiameloni.it/2015/03/04/le-sanzioni-contro-la-russia-sono-inutili-e-masochiste-non-e-con-lambiguita-e-la-superficialita-che-litalia-puo-tutelare-i propri-interessi/> (дата обращения: 27.01.2024).

17 Ricciardi V. Quando Giorgia Meloni stava con Putin // *Domani*. – 2023. – 14 settembre. – Итал. яз. – URL: <https://www.editorialedomani.it/politica/italia/quando-giorgia-meloni-stava-con-putin-w72j6i7i> (дата обращения: 07.11.2023).

18 Сергеев А. Премьер Италии Мелони поддержала присоединение Африканского союза к G20 // *Газета*. – 2023. – 20 мая. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/05/20/20478362.shtml?ysclid=lsna89qmn5549316> (дата обращения: 11.11.2023).

19 Ue: Meloni, «Italia sostiene cammino per adesione di Ucraina, Moldova, Georgia e Balcani occidentali». «Europa non è un club, è il nostro destino» // *Agensir*. – 2023. – 1 giugno. – Итал. яз. – URL: <https://www.agensir.it/quotidiano/2023/6/1/ue-meloni-italia-sostiene-cammino-per-adesione-di-ucraina-moldova-georgia-e-balceni-occidentali-europa-non-e-un-club-e-il-nostro-destino/> (дата обращения: 09.01.2024).

так и итальянским правительством. Следует напомнить, что с 2014 по 2020 г. Мелони занимала откровенно антиевропейские позиции, не принимая многих постулатов ЕС. С 2020 г. лидер партии «Братья Италии» говорила о его реформировании. Во время избирательной кампании в апреле 2022 г. она заявляла о неактуальности Евросоюза. По мнению Мелони, ЕС принял глобалистскую, ультраэкологическую и «слишком радужную» политическую повестку дня. На всё более стареющем и демографически ущербном континенте вместо того, чтобы поставить во главу угла семью и рождаемость, ЕС продолжает переступать границы своих полномочий, пытаясь вмешиваться в вопросы, которые должны оставаться в исключительной компетенции стран-членов [Алонци, Любин, 2023, с. 514].

Затем позиция Мелони в отношении Евросоюза не только смягчилась, но и изменила направление, очевидно, с целью усиления роли Италии в этой группировке. Об этом свидетельствует политика итальянского правительства в отношении помощи Украине. В конце 2023 г. Совет министров Италии по предложению Дж. Мелони и министра обороны Г. Крозетто принял решение о продлении военной помощи Украине до 2024 г.²⁰ Это решение совпало с утверждением 27 членами ЕС дополнительного пакета помощи в размере 50 млрд евро в рамках бюджета ЕС. Мелони способствовала принятию пакета, выступив посредником в пе-

реговорах с премьер-министром Венгрии В. Орбаном²¹.

Безоговорочная поддержка Украины со стороны Дж. Мелони вызвала напряженность в отношениях с партией «Лига» М. Сальвини. М. Ромео, один из лидеров «Лиги», глава ее фракции в Сенате, настаивал на «прекращении помощи Украине». «Итальянское общественное мнение больше не поддерживает военную помощь, которую наша страна продолжает направлять в поддержку украинской армии, и надеется на мирное и дипломатическое решение конфликта», – отмечает он²². Выступая на заседании комиссии по иностранным делам обеих палат парламента при обсуждении соглашения между Украиной и Италией, А. Таяни заявил: «Наше соглашение, как и подписанные Германией, Великобританией и Францией, не будет юридически обязывающим. Из текста не вытекает никаких международно-правовых или финансовых обязательств. Не предусматривается автоматических гарантий политической или военной поддержки»²³. По словам Таяни, в соглашении подтверждается поддержка суверенитета Украины и путь страны к евроинтеграции. О соглашении собирались объявить 24 февраля 2024 г. на первом виртуальном саммите лидеров G7, в год председательства Италии.

Это заседание, проведенное 24 февраля 2024 г. как пиар-акция из Киева с прибывшей туда Мелони в качестве ведущей этого больше интернет-шоу,

20 Governo italiano. Presidenza del Consiglio dei Ministri // Comunicato stampa del Consiglio dei Ministri n. 62. – 2023. – 19 dicembre. – Итал. яз. – URL: <https://www.governo.it/it/articolo/comunicato-stampa-del-consiglio-dei-ministri-n-62/24626> (дата обращения: 11.02.2024).

21 Michel: «Trovato l'accordo a 27 sui fondi all'Ucraina». Meloni media con l'Ungheria: «Soddisfatti dell'intesa» // ANSA. – 2024. – 1 febbraio. – Итал. яз. – URL: https://www.ansa.it/europa/notizie/qui_europa/2024/02/01/michel-trovato-laccordo-a-27-sui-fondi-allucraina_6a463906-613a-4ab4-80ba-3d3f140a2de3.html (дата обращения: 02.02.2024).

22 La Lega insidia Meloni. Romeo ipotizza di sospendere l'invio di armi a Kiev: «Non può vincere» // Huffpost. – 2024. – 24 gennaio. – Итал. яз. – URL: https://www.huffingtonpost.it/politica/2024/01/24/news/lega_sospensione_armi_ucraina-14883336/ (дата обращения: 11.02.2024).

23 МИД Италии назвал соглашение с Украиной по безопасности необязывающим // РИА Новости. – 2024. – 22 февраля. – URL: <https://ria.ru/20240222/ukraina-1928933262.html> (дата обращения: 22.02.2024).

чем серьезного политического мероприятия, еще раз подчеркнуло зависимость внешней политики Италии и итальянского премьер-министра от настроений и желаний тех, кто реально правит на коллективном Западе. Кроме показной поддержки Италией проигрышных позиций Киева, эта акция вряд ли выльется в конкретную материальную поддержку. Во внутренней политике эта пиар-акция испортит отношения Мелони как с партнерами по коалиции, так и с оппозицией, не согласными с ее действиями. А начавшиеся в феврале 2024 г. протестные демонстрации в Италии из-за не решаемых правительством политических и экономических проблем негативно скажутся для ее партии на итогах выборов в июне 2024 г. в Европарламент, а также приведут к потерям на местных выборах в стране для «Братьев Италии» и правящей коалиции.

Результаты президентских выборов в России в марте 2024 г. также стали моментом напряженности в коалиции под руководством Мелони. М. Сальвини заявил, что «когда народ голосует, он всегда прав», и это вызвало реакцию министра иностранных дел А. Таяни, который заявил, что голосование в пользу Путина связано с насильственным давлением. Такие заявления в любом случае свидетельствуют об отсутствии единства в коалиции парламентского большинства, о чем также говорят высказывания М. Гаспарри, представителя партии «Вперед, Италия», считающего необходимым попытаться наладить диалог с Россией, чтобы избежать начала третьей мировой войны. С этой точки зрения представляется, что в оппозиционных силах в Италии больше сплоченности, чем у сил правящей коалиции. Политическая линия правительства Мелони на самом деле продолжает линию предшествующего правительства Драги. По этой причине

она одобряется оппозицией, которая, однако, критикует противоречивые аспекты политики Мелони в отношении России и осуждает жесткий тон ее высказываний, наносящих ущерб перспективе дипломатического решения конфликта на Украине. В целом подход правительства к украинскому вопросу показывает, как проевропейская линия его политики сопрягается с атлантистской, которой отдается преимущество.

Отношения с Африкой и стремление к самоопределению

Развитие отношений с Африканским континентом, точнее с некоторыми африканскими государствами, является пробой «высокой политики» для правительства Мелони в надежде обрести заметную роль на мировой шахматной доске и избежать ущерба для своей внешней политики в позиционировании между диктатом Вашингтона и обязательствами перед Европейским союзом.

Мелони подчеркивает важность развития отношений Италии со странами Африки. В мае 2023 г. во время сессии саммита «Большой семерки» в японской Хиросиме Мелони поддержала предложение о включении Африканского союза в число участников G20, сделав его 21-м участником этого объединения.

Интересны итоги состоявшегося в конце января 2024 г. саммита «Италия – Африка». Разворачивается жесткая борьба за страны Африки и их ресурсы (мощными конкурентами странам Запада здесь выступают Китай, Индия, Россия, Турция, Иран и уверенные в своих силах арабские страны, в основном из Северной Африки). В свое время страны Запада, в первую очередь Великобритания, Франция и присоединившаяся к ним Италия, су-

мели подчинить крупные африканские территории, сделав их своими колониями, и это бросает тень на их отношения с Африкой.

Правительство Мелони в конце января 2024 г. собрало в Риме представителей более 40 африканских стран, около половины из них были представлены на уровне глав государств и правительств. «Национальной идеей от Мелони» стал «План Маттеи»²⁴. (Энрико Маттеи реорганизовал после войны созданную еще при фашизме в 1926 г. компанию *Agip* и основал в 1953 г. государственную энергетическую компанию *ENI*. Он заложил основы энергетической политики с равноправным сотрудничеством со странами – производителями энергоносителей, заключил соглашения *ENI* с Египтом, Ираном, Индией, Тунисом, Марокко, Суданом, а в 1960 г. – о поставках нефти из СССР. Маттеи погиб в 1962 г. в авиакатастрофе при таинственных обстоятельствах.) Следуя по его стопам, Мелони предложила инвестировать в развитие Африки. Еще при Джузеппе Конте, главе двух правительств с 2018 по 2021 г., было учреждено специальное агентство по взаимодействию с африканскими странами.

«План Маттеи» призван содействовать развитию Африки путем инвестиций в реализацию совместных проектов и передачу технологий. Приоритетные темы – вода, образование, сельское хозяйство, здравоохранение, энергетика. Предлагаются пилотные проекты отдельно по странам. Наряду с удовлетворением насущных нужд гостей из Африки (орошение и мелиорация, обеспечение медицинской помощи, в том числе путем подготовки специалистов (пред-

полагается создание нескольких образовательных центров)) учли и потребность ЕС в энергии. «План Маттеи» довольно призрачный. На итало-африканском саммите 29 января 2024 г. Мелони заявила, что в него «планируется влить 5,5 млрд евро (столько же в свое время обещал С. Берлускони лишь одной Ливии)»²⁵. На саммит «Италия – Африка» в Рим пригласили главу Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, председателя Европейского совета Ш. Мишеля, главу Европарламента Р. Метсолу.

Возможно, намеченные к выделению 5,5 млрд евро (на слишком общие приоритеты – энергетику, инфраструктуру, здравоохранение, образование) – это приличная цифра для одной европейской страны. Но если присмотреться к содержанию данных ресурсов, то окажется, что 3 млрд евро поступают из Климатического фонда (выделенного к тому же еще правительством Драги) и 2,5 млрд евро – из финансирования сотрудничества, то есть из средств, уже предназначенных для итальянской государственной помощи развитию. Таким образом, это другое распределение тех же средств. Есть риск, что они не будут использованы по назначению, то есть для борьбы с изменением климата, голодом и бедностью, а пойдут на соглашения с африканскими странами по блокированию миграционных потоков²⁶.

Мелони пытается возвести свой «План Маттеи» в разряд национальной идеи и преподносит его как новый подход в рамках миграционной политики, проводимой Италией и Европейским союзом. Она хочет получить поддержку США (в частности, через «Большую се-

24 Щербакowa В. Мода на Африку: что предлагает Италия богатому бедному континенту // ТАСС. – 2024. – 31 января. – URL: <https://tass.ru/opinions/19864811> (дата обращения: 01.02.2024).

25 Там же.

26 Petrelli F. Piano Mattei per l'Africa: da scatola vuota può diventare un'opportunità? // Il Fatto Quotidiano. – 2024. – 13 febbraio. – Итал. яз. – URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2024/02/13/piano-mattei-per-lafrika-da-scatola-vuota-puo-diventare-unopportunita/7445455/> (дата обращения: 14.02.2024).

мерку») и ЕС. Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен совместно с Мелони посетила Лампедузу и побывала в Тунисе. «Бывший глава Еврокомиссии и экс-премьер Италии Романо Проди назвал Мелони «страховкой для фон дер Ляйен», которая надеется продлить свое председательство в Еврокомиссии»²⁷.

Для Мелони в ходе председательства Италии в G7 важны три ключевые темы: поддержка экономического развития Африки и борьба с опасностями, создаваемыми искусственным интеллектом (ИИ), а также «жизненно важно повысить в странах Африки местную экономику и уровень жизни, чтобы убедить потенциальных мигрантов отказать от переезда в Европу»²⁸.

Пытаясь решить острую проблему миграции, 16 июля 2023 г. ЕС подписал меморандум о взаимопонимании с Тунисом, куда для его заключения приехали Мелони, премьер-министр Нидерландов М. Рютте и председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. Идея предоставления третьей стране, такой как Тунис, финансовых ресурсов в обмен на более активные действия по контролю и управлению миграционными потоками в Европу уже содержалась в соглашении с Турцией 2016 г. и в соглашении Италии с Ливией 2017 г.

Миграционная политика, разработанная Мелони, основана на смене парадигмы «большой акцент на привлечении третьих стран» (то есть на экстернализации миграционного потока). Заключено соглашение с Албанией, подписанное Мелони и премьер-министром Албании Э. Рамой 6 ноября 2023 г., предусматривающее создание двух приемных центров, управляемых Италией. В них будут размещены не более 3 тыс. спасенных

на море просителей убежища в ожидании рассмотрения их заявлений.

Внешнеполитическая переориентация в сфере миграции привела к разногласиям со странами ЕС, в частности с Германией, суда которой, призванные оказать гуманитарную помощь, перевозят африканских мигрантов в Италию. Разница в подходах очевидна: итальянское правительство считает, что эти суда привлекают мигрантов к европейским берегам. Германия утверждает, что они спасают жизни мигрантов, и даже финансирует их из федерального бюджета.

Заключение

Принимая внешнюю политику за единицу измерения при анализе идентичности правительства Мелони, можно сделать вывод, что это правительство представляет собой случай *sui generis* в политической истории республиканской Италии, но не с точки зрения результатов, а, скорее, предпосылок и методов, принятых для легитимации определенных политических решений. Анализ содержания внешней политики, проводимой правительством Мелони, показывает, что она, хотя и остается в русле исторической эволюции международных прерогатив объединенного государства, нетипична по сравнению с политикой, традиционно проводившейся правоцентристскими правительствами (кабинетами Берлускони). Для правоцентристских правительств Берлускони был характерен атлантизм, в рамках которого оставалось место для поддержания хороших отношений с Россией, и скептическое, но отличающееся от атлантизма виде-

27 Щербакowa B. Мода на Африку: что предлагает Италия богатому бедному континенту // ТАСС. – 2024. – 31 января. – URL: <https://tass.ru/opinions/19864811> (дата обращения: 01.02.2024).

28 Арбатова Н.К. «Большая семерка» в руках Италии. В приоритете у Рима Африка и искусственный интеллект // НГ-Дипкуррьер. – 2024. – 11 февраля. – URL: https://www.ng.ru/courier/2024-02-11/9_8945_italy.html (дата обращения: 18.02.2024).

ние Европы. Аналогичным образом левоцентристские правительства выступали за развитие отношений с Россией в рамках атлантизма и культивировали приоритетное видение процесса европейской интеграции.

Политика правительства Мелони квалифицируется прежде всего как атлантистская. Атлантизму подчинены ее проевропейская коннотация и другие аспекты внешней политики, включая отношения с Россией. Во внешней политике правительства Мелони содержится много неизвестных величин.

Предпринятые шаги по укреплению особых отношений с Соединёнными Штатами могут в долгосрочной перспективе привести к потере интереса к улучшению отношений с Германией и Францией. Возможное ухудшение отношений Рима с Берлином и Парижем теоретически совместимо с улучшением отношений между Римом и Вашингтоном. В глобальной перспективе такая политика ставит Италию в ряд сторонников создания нового разделения мира на системные блоки, еще более крупные, чем традиционные блоки, которые были характерны для холодной войны.

Практические последствия европеизма Джорджи Мелони ощутимы. По представлениям Мелони, членство Италии в ЕС отождествляется с членством Италии в НАТО. Как она сама считает, ее правительство не может называть себя атлантистским, не будучи при этом проевропейским. Но полное отождествление атлантизма и европеизма означает преуменьшение политического характера Европейского союза в пользу его экономического характера.

Миграционная политика правительства Мелони включается в соответствующие рамки. «План Маттеи», по сути, является национальным вариантом альтернативы отсутствию общего европейского решения воп-

роса регулирования миграционных потоков. В то же время он подчиняется внешнеполитической стратегии, не связанной напрямую с Европейским союзом и направленной более всего на укрепление роли Италии в глобальной динамике, завоевание более крепких позиций в Средиземноморье. Эта линия связана с межправительственными подходами Европейского союза. Но непонятно, насколько успешным окажется нынешний поворот в попытках решения проблемы миграции путем экстернализации миграционных потоков.

В целом внешняя политика Италии следует устоявшимся национально-консервативным курсом, хотя сама Мелони (в приоритетах партии «Братья Италии» которой значителен стремление к акцентированию у итальянцев чувств национальной гордости и патриотизма) пытается преодолеть традиционные внешние ограничения для придания ей новых возможностей. Будет интересно видеть, как правительство справляется с важными вопросами в международном контексте, в котором Италия больше не играет стратегической роли, а ЕС постепенно теряет свой потенциал самоопределения.

Список литературы

Алонци Р., Любин В.П. Национальная идентичность и европейская интеграция в политике правительства Мелони // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – С. 513–518.

Варес П.А. Рим и Вашингтон: История неравного партнерства. – Москва : Наука, 1983. – 319 с.

Любин В.П. Внешняя политика Италии в трудах Серджо Романо // Современная Италия. – Москва : ИНИОН РАН, 2004. – С. 155–168.

Bellucci P., Isernia P. Opinione pubblica e politica estera in Italia: Il caso della Bosnia // *Italian Political Science Review / Rivista Italiana di Scienza Politica*. – 1999. – Vol. 29, Issue 3. – P. 44–480. – Итал. яз. – DOI: 10.1017/S0048840200028914.

Betti A. La política exterior de Fratelli de Italia y del gobierno de Giorgia Meloni hacia las grandes potencias // *Democracias y autocracias frente a la guerra en Ucrania / Coord. por S. Gratius*. – Madrid : Tecnos, 2024. – P. 132–156. – Исп. яз.

Braghi E. Europe, the USA and the ‘policy of the pendulum’: the importance of foreign policy paradigms in the foreign policy of Italy (1989–2005) // *Journal of Southern Europe & the Balkans*. – 2007. – Vol. 9, Issue 2. – P. 99–115. – DOI: 10.1080/14613190701414103.

Dossi S. Italy-China relations and the Belt and Road Initiative. The need for a long-term vision // *Italian Political Science*. – 2020. – Vol. 15, Issue 1. – P. 60–76.

Il governo Meloni alla prova. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2023 / A cura di F. Nelli Feroci, L. Goretti. – Roma : IAI, 2024. – 83 p. – Итал. яз. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683128.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

Incisa di Camerana L. La vittoria dell'Italia nella terza guerra mondiale. – Roma-Bari : Laterza, 1996. – 102 p. – Итал. яз.

Politica in Italia: i fatti dell'anno e le interpretazioni. Edizione 2023 / A cura di S. Vassallo, F. Genovese. – Bologna : Mulino, 2023. – 304 p. – Итал. яз.

Santoro C.M. La politica estera di una media potenza: l'Italia dall'unità ad oggi. – Bologna : Mulino, 1991. – 352 p. – Итал. яз.

Vassallo S. La destra di Giorgia Meloni // *Mulino. Rivista trimestrale di cultura e di politica*. – 2024. – N 1. – P. 120–130. – Итал. яз. – DOI: 10.1402/112721.

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.03

Italy: The Gaps in the Foreign Policy of the Meloni Government (between Atlanticism, Europeanism and the Search for Self-determination)

Roberta ALONZI

PhD, Professor, Department of Philology
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, Russian Federation, 117198
E-mail: alonziroberta@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3604-3283

Valerij P. LJUBIN

Dr. Sc. (History), Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9530-3968

CITATION: Alonzi R., Ljubin V.P. (2024). Italy: The gaps in the Foreign Policy of the Meloni Government (between Atlanticism, Europeanism and the Search for Self-determination). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 54–68 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.03

Received: 15.02.2024.

Revised: 25.03.2024.

ABSTRACT. *The article analyses the foreign policy trends of the G. Meloni government. It is stated that Atlanticism and Europeanism remain its constants. Italy's reintegration "into the world of protagonists" takes place through the restoration of a strategic role in the Mediterranean by strengthening NATO's southern flank and Italy's gaining a leadership role in the region. The attitude to the Russia-Ukraine conflict, renewal of ties with Asian powers and African countries, changes in migration policy through the externalization of migration processes are con-*

sidered. The authors suggest following the Meloni government's handling of important foreign policy issues in an international context in which Italy no longer plays a strategic role and the EU is gradually losing its potential for self-determination.

KEYWORDS: *Italy, foreign policy, Meloni government, Atlanticism, Europeanism, patriotism, nationalism, attitudes towards the Russia-Ukraine conflict, ties with Asian powers, Italy-Africa summit and the Mattei Plan, migration policy.*

References

- Alontsi R., Ljubin V.P. (2023). National Identity and European Integration in the Policy of the Government of Meloni. In: *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook*. Vol. 6. Part 1. Moscow: INION RAN, pp. 513–518 (in Russian).
- Bellucci P., Isernia P. (1999). Opinione pubblica e politica estera In Italia: Il caso della Bosnia = Public opinion and foreign policy In Italy: The case of Bosnia. *Italian Political Science Review / Rivista Italiana di Scienza Politica*. Vol. 29, Issue 3, pp. 441–480 (in Italian). DOI: 10.1017/S0048840200028914.
- Betti A. (2024). La política exterior de Fratelli de Italia y del gobierno de Giorgia Meloni hacia las grandes potencias = The foreign policy of Fratelli d'Italia and the government of Giorgia Meloni towards the great powers. In: Gratius S. (ed.). *Democracias y autocracias frente a la guerra en Ucrania*. Madrid: Tecnos, pp. 132–156 (in Spanish).
- Braghi E. (2007). Europe, the USA and the 'policy of the pendulum': the importance of foreign policy paradigms in the foreign policy of Italy (1989–2005). *Journal of Southern Europe & the Balkans*. Vol. 9, issue 2, pp. 99–115. DOI: 10.1080/14613190701414103.
- Dossi S. (2020). Italy-China relations and the Belt and Road Initiative. The need for a long-term vision. *Italian Political Science*. Vol. 15, issue 1, pp. 60–76.
- Il governo... (2024). Nelli Feroci F., Goretti L. (eds.). *Il governo Meloni alla prova* = The government Meloni to the test. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2023. Roma: IAI, 83 pp. (in Italian). Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683128.pdf>, accessed 06.02.2024.
- Incisa di Camerana L. (1996). *La vittoria dell'Italia nella terza guerra mondiale* = Italy's victory in World War III. Roma-Bari: Laterza, 102 pp. (in Italian).
- Ljubin V.P. (2004). *Foreign Policy of Italy in the Works of Sergio Romano*. In: *Contemporary Italy*. Moscow: INION RAN, pp. 155–168 (in Russian).
- Politica in Italia... (2023). Vassallo S., Genovese F. (eds.). *Politica in Italia: i fatti dell'anno e le interpretazioni. Edizione 2023* = Politics in Italy: the facts of the year and interpretations. Edition 2023. Bologna: Mulino, 304 pp. (in Italian).
- Santoro C.M. (1991). La politica estera di una media potenza: l'Italia dall'unità ad oggi = The foreign policy of a medium power: Italy from unity to today. Bologna: Mulino, 352 pp. (in Italian).
- Vares P.A. (1983). *Rome and Washington: A History of Unequal Partnership*. Moscow: Nauka. 319 pp. (in Russian).
- Vassallo S. (2024). La destra di Giorgia Meloni = The right of Giorgia Meloni // *Mulino, Rivista trimestrale di cultura e di politica*. No. 1, pp. 120–130 (in Italian). DOI: 10.1402/112721.

УДК 323.2 (430)

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.04

Евроскептицизм в Германии: исторический обзор и основные факторы

Роман Игоревич БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская набережная, д. 7/9, г. Санкт-Петербург,

Российская Федерация, 199034

E-mail: roman10.89@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3022-8180

ЦИТИРОВАНИЕ: Благовещенский Р.И. Евроскептицизм в Германии: исторический обзор и основные факторы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 69–85. DOI: 10.31249/kgt/2024.01.04

Статья поступила в редакцию 23.10.2023.

Исправленный текст представлен 02.03.2024.

АННОТАЦИЯ. Долгое время Германия считалась оплотом стабильности, где, несмотря на историческое прошлое (а возможно, из-за его горького опыта) евроскептические партии не играли большой роли в политической жизни страны. На фоне соседних Франции, Австрии, Нидерландов и Дании, где крайне правые (а в случае с Францией еще и крайне левые) силы добились значительных электоральных успехов, волны евроскептицизма, казалось, обошли Германию стороной. Даже основанная в 2013 г. партия «Альтернатива для Германии» на тот момент не была ни крайне правой, ни националистической и придерживалась умеренных евроскептических взглядов. Основной целью ее был выход Берлина из еврозоны, что отличало партию на фоне программ евроскептиков в соседних странах, которые хотели выхода своих стран из процесса евроинтеграции. Однако за последние 10 лет «Альтернатива для Германии» трансформировалась из партии, настроенной критично

исключительно по отношению к участию Германии в еврозоне, до националистической и исламофобной партии, а далее – до партии «жестких» евроскептиков, призывающих к выходу Германии из Евросоюза и его самороспуску. Ни одна другая евроскептическая сила на континенте не проходила через такую серьезную трансформацию за такой короткий срок. Более того, другие евроскептики стараются отходить от своих наиболее радикальных требований, чтобы расширить электоральную базу. Однако «Альтернатива для Германии» следует обратным путем, при этом она не просто не теряет своего избирателя, но в последнее время даже прирастает новыми сторонниками. И если другие евроскептики оказывают серьезное давление на правительства своих стран и добиваются от них уступок, не входя в правящую коалицию, то в Германии, несмотря на падение рейтингов двух ключевых партий, не происходит изменения их риторики по европейско-

му вопросу. Более того, на немецком политическом олимпе недавно появилась новая политическая сила с левой экономической политикой и с правым уклоном в культурной сфере – «Союз Сары Вагенкнехт», которая потенциально может претендовать на участие в правительственной коалиции. Таким образом, данная статья исследует феномен евроскептических сил в Германии (правых и левых), уделяет особое внимание новой партии левых евроскептиков и прослеживает серьезную трансформацию партии «Альтернатива для Германии», которая уникальна еще и тем, что обладает широкой поддержкой среди местных русскоязычных граждан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Альтернатива для Германии» (АдГ), Левая партия, Национал-демократическая партия Германии, евроскептицизм, Евро-союз, Вагенкнехт.

Введение

Последнее десятилетие ознаменовалось стремительным ростом евроскептических настроений по всему континенту [Работяжев, 2022, с. 159]. Достаточно упомянуть победу «жестких» евроскептиков на референдуме о членстве Великобритании в ЕС в июне 2016 г., что в дальнейшем привело к власти «главного архитектора» Брекзита – Бориса Джонсона. Его без преувеличения можно назвать самым евроскептическим премьер-министром в истории Соединённого Королевства, поскольку именно Джонсон с самого начала настаивал на «жестком» варианте Брекзита – с выходом из единого рынка и прекращением свободы передвижения лиц – и именно при Джонсо-

не Лондон окончательно покинул Евро-союз в начале 2020 г.

Важно отметить, что евроскептики добились существенных успехов не только в Соединённом Королевстве, но и в других странах. К примеру, они в настоящее время возглавляют правительство Венгрии (с 2010 г.), находились у власти в Польше с 2015 по 2023 г., а также некоторое время входили в правящую коалицию в Австрии (в 2017–2019 гг.) и Италии (в 2018–2019 гг.). Несмотря на то, что правящая коалиция в обоих случаях распалась, тем не менее Австрийская партия свободы и итальянская «Лига» продолжают играть важную роль в политической жизни своих стран. Партия «Лига», к примеру, снова вернулась в правительство в 2022 г. на правах младшего партнера, а Австрийская партия свободы на данный момент является самой популярной политической силой в стране¹.

Параллельно с ростом евроскептических настроений всё последнее десятилетие наблюдалось также снижение популярности традиционных левоцентристских и правоцентристских партий в Европе [Работяжев, 2022, с. 163]. К примеру, на президентских выборах сразу в двух странах ЕС во второй тур прошли только протестные политики, в обоих случаях обойдя представителей крупнейших традиционных партий. Речь идет об Австрии и Франции. В конце 2016 г. Норберт Хофер от вышеупомянутой Австрийской партии свободы потерпел поражение от представителя «зеленых» Александра ван дер Беллена (49 и 51 % соответственно). В конце 2022 г. последний переизбрался на президентский пост, причем на этот раз в первом же туре, однако второе место снова занял представитель националистической Австрийской партии

1 Energy crisis and inflation help push Austrians towards far right // Financial Times. – 2023. – January 10. – URL: <https://www.ft.com/content/b2f3894e-1bf2-465f-ac4b-d3e71d6ab685> (дата обращения: 23.10.2023).

свободы, а представители социал-демократов и правоцентристов в этот раз даже не вошли в тройку².

Во Франции же в 2017 и 2022 гг. многолетний евроскептик от «Национального фронта» (с 2018 г. – «Национальное объединение») Марин Ле Пен уступила независимому кандидату Эммануэлю Макрону. Снова ни традиционные левые, ни традиционные правые не смогли выйти во второй тур. Кстати, так же, как в Австрии, третье место в 2022 г. занял еще один внесистемный политик – левый евроскептик Ж.-Л. Меланшон.

И хотя дальнейшие события показали, что евроскептицизм не стал доминирующей идеологией на континенте, за последнее десятилетие он превратился из незначительного течения в мощный фактор, с которым приходится считаться нынешним европейским элитам. Примечательно, что данный тренд не обошел стороной и ФРГ.

Долгое время считалось, что послевоенная Германия обладает «иммунитетом» от праворадикальных движений в целом и евроскептических партий в частности³. Причина кроется в истории: немцы настолько сильно пострадали от правления нацистов, что никто там не хотел снова приводить к власти радикалов [Minkenberg, 1997]. После 1945 г. немцы стали осторожно подходить к вопросу о том, за кого голосовать на выборах, стали больше ценить демократию и личные свободы и потому с подозрением относились к любым крайним политикам – левым или правым [Hainsworth, 2008].

Это привело к тому, что в Германии долгое время не появлялись силь-

ные крайне правые или крайне левые движения. В стране сформировалась стабильная система, при которой левоцентристы сменяли у власти правоцентристов, а те в свою очередь снова сменяли социал-демократов. Часто одна из двух крупнейших партий входила в коалицию с партией поменьше. Но последние (партия «зеленых» или свободные демократы) не были замечены в симпатиях к национализму или евроскептицизму – по этим вопросам в элитах Германии существовал межпартийный консенсус [Williams, 2006]. Конечно, радикальные партии то и дело появлялись (к примеру, национал-демократы или партия «Республиканцы»), но их поддержка со стороны населения была минимальной и в федеральный парламент они не попадали.

Ситуация стала меняться в середине 2010-х годов. В марте 2016 г. умеренные евроскептики из «Альтернативы для Германии» (АдГ) добились значительного успеха сразу в трех федеральных землях: в Баден-Вюртемберге и Райнланд-Пфальце партия стала третьей по величине, а вот в Саксонии-Анхальт – второй⁴. Для совсем молодой партии, не представленной на тот момент в Бундестаге, это стало знаменательным событием, которое лишь подтвердило общеевропейский тренд.

В августе и сентябре 2016 г. «Альтернатива для Германии» получила рекордные 24% в федеральной земле Мекленбург – Передняя Померания, потеснив христианских демократов – партию канцлера Ангелы Меркель.

На парламентских выборах 2017 г. евроскептическая «Альтернатива для

2 Alexander Van der Bellen is re-elected President of the Republic in the first round of voting // European Elections Monitor. – 2022. – October 9. – URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/oeef/oeef-2009-en.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).

3 Евроскептицизм в ФРГ: Истоки, сторонники, перспективы (Часть 2) // The Wall. – 2015. – 24 октября. – URL: <https://thewall-magazine.ru/euroscpticism-2/> (дата обращения: 26.02.2024).

4 Земельные выборы в Германии 13.03.2016: результаты // Деловая Швейцария. – 2016. – 13 марта. – URL: <http://business-swiss.ch/2016/03/vy-bory-v-germanii-13-03-2016-rezul-taty/> (дата обращения: 24.01.2024).

Германии» впервые прошла в федеральный законодательный орган, став третьей по величине политической силой в стране. В 2021 г. АдГ закрепила за собой титул важной политической силы, набрав свыше 10% голосов и получив 83 места в Бундестаге. При этом на выборах в Бундестаг в 2021 г. две ключевые немецкие партии (социал-демократы и ХДС/ХСС) набрали в сумме меньше 50%, что привело к формированию трехпартийного правительства впервые после окончания Второй мировой войны.

Таким образом, череда земельных выборов в 2016–2018 гг., а также федеральные выборы 2017 г. существенным образом изменили политический ландшафт Германии [Бадаева, 2019].

По мнению некоторых экспертов, лучшей преградой против электоральных успехов евроскептиков всегда служила немецкая экономика. Однако начиная с 2022 г. она резко замедлила рост и в конце 2023 г. Германия даже впала в рецессию, отчего ФРГ уже нарекли «больным человеком Европы»⁵. Отсюда следует, что популярность евроскептиков будет только расти, что чревато потрясениями как внутри страны, так и на уровне Евросоюза.

Автор ставит перед собой следующие исследовательские задачи: рассмотреть историю евроскептицизма в ФРГ; изучить евроскептические силы в Германии – крайне левых из партии «Левые» и крайне правых из «Альтернативы для Германии», а также рассмотреть общие черты между ними, при этом не забывая отметить и явные различия между двумя партиями; проследить стремительную эволюцию крайне правых евроскептиков из «Альтернативы для Германии» от противников участия Берлина в еврозоне до сторонников

полного разрыва с Брюсселем; понять причины немецкого евроскептицизма в целом (правого и левого).

Главная цель исследования – выявить причины трансформации АдГ, рассмотреть основные факторы развития партии, а также изучить перспективы левого и правого евроскептицизма в ФРГ.

В настоящей статье были использованы программы партий «Левые», «Союз Сары Вагенкнехт» и «Альтернатива для Германии» (трех евроскептических сил в ФРГ), анализ западной прессы, а также видеовыступления их лидеров, включая руководителя новой «левой» партии Сары Вагенкнехт, и партийные рекламные ролики.

Новизна статьи заключается в том, что в ней представлены оба крыла – левое и правое – евроскептицизма в Германии. Статьи других авторов рассматривают в основном АдГ как единственную евроскептическую силу в ФРГ, в то время как в данной статье показано, что это не так и что в Германии, помимо правого, есть еще и левый евроскептицизм. Стоит отметить, что левый евроскептицизм мало представлен в исследовательской литературе, потому что он является сравнительно недавним феноменом как в Германии, так и в остальных европейских странах. Если в других исследованиях и рассматривается немецкая Левая партия, то не как евроскептическая сила, а как оппозиционная партия, где акцентируется внимание на ее отличиях от других системных партий, но не в контексте ее отношения к евроинтеграции, а только относительно взглядов на экономику и внутреннюю политику [Погорельская, 2019]. Стоит признать, что есть статьи, в которых проводится сравнительный анализ «Левых» не только с системными партиями, но и с АдГ. Правда, там иссле-

5 German Economy Shrinks in 2023. What is Causing the German Recession? // Vantage with Palki Sharma [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EvByTFIQo9o&list=WL&index=36> (дата обращения: 22.01.2024).

дуются факторы популярности обеих протестных сил в бывшей ГДР – снова без привязки к евроскептицизму [Лисенкова, 2023].

Другим важным отличием статьи является детальный анализ Союза Сары Вагенкнехт и его отношения к процессу евроинтеграции. Евроскептицизм долгое время считался идеологией правых политиков. Однако настоящее исследование показывает, что евроскептицизм не обязательно подразумевает национализм, но может также защищать социальные и экономические права человека, такие как право на работу и доступное жилье. Более того, данная статья сочетает исторический экскурс о немецком евроскептицизме, включая левый евроскептицизм, и обзор стремительной эволюции правых евроскептиков в АдГ. Также в статье немецкий феномен рассматривается в контексте общеевропейских течений, но с акцентом на немецких особенностях.

Таким образом, данная статья предлагает по-другому взглянуть на события в Германии. Здесь проводится исследование левого и правого евроскептицизма в ФРГ и уделяется особое внимание новейшей левой евроскептической партии. Это выделяет статью среди других исследований на аналогичную тему.

В последнее время по объективным причинам евроскептицизм стал больше ассоциироваться с Великобританией. Данная статья призвана напомнить, что евроскептицизм не ограничен географически только лишь британскими островами и пользуется влиянием в других странах – членах Европейского союза, где потенциал евроскептиков также достаточно велик.

Исторический обзор немецкого евроскептицизма

Начало немецкому евроскептицизму положила Национал-демократическая партия Германии (НДПГ). Основанная в 1964 г. в Западной Германии, она никогда не преодолевала 5% на федеральных выборах – минимальный порог, необходимый для прохождения в Бундестаг (ее крупнейший успех – 4,3% на выборах 1969 г.). НДПГ с самого своего основания во главу угла ставила национальный суверенитет и строительство национального государства. Второе дыхание партия получила после воссоединения Германии в 1990 г., пройдя в несколько региональных парламентов на востоке страны. Предвыборная программа НДПГ 2013 г. включает в себя выход из Шенгенских соглашений и Европейского союза, а также отказ от участия в еврозоне⁶. Следовательно, национал-демократы являются классическим примером «жестких» евроскептиков. Однако НДПГ не может похвастаться особым электоральным успехом: в 2013 г. они получили лишь 1,5% голосов, а в 2021 г. – всего 0,1%. В 2017 г. Конституционный суд конституировал, что хотя идеология партии противоречит ценностям основного закона ФРГ, у НДПГ нет потенциала нанести сокрушительный удар демократии в Германии⁷.

В 2007 г. на немецком политическом ландшафте впервые появились левые евроскептики – партия «Левые» (*die Linke*), львиную долю которых составляют бывшие коммунисты из ГДР. Правда, в отличие от НДПГ они взяли более мягкий курс по отношению к ЕС: «Левые» не требуют выхода Германии из Евро-

6 Выборы в Бундестаг 2013 – обзор программ партий // ТУПА-Германия. – URL: <http://www.tupa-germania.ru/politika/vybory-bundestag-2013-partii-obzor.html> (дата обращения: 24.01.2024).

7 Что известно об ультраправых политических движениях в Германии // ТАСС. – 2022. – 7 декабря. – URL: <https://tass.ru/info/16531065> (дата обращения: 23.01.2024).

союза, Шенгенской зоны или еврозоны, но при этом признают, что ЕС мог бы сделать для своих граждан гораздо больше. Оставаясь протестной партией (характеристика, часто приписываемая евроскептическим движениям), «Левые» предлагают реформировать Евросоюз изнутри – к примеру, усилить роль Европарламента (предоставить ему право законодательной инициативы) и чаще проводить референдумы на общеевропейские темы⁸. Другими словами, они, с одной стороны, ратуют за усиление полномочий Брюсселя (что характерно для евроэнтузиастов), но, с другой стороны, критичны по отношению к «демократическому дефициту» в ЕС и предлагают внедрить прямую демократию. Это предложение можно часто услышать именно от евроскептиков, потому что они полагают, что рядовому гражданину Евросоюз несимпатичен и тот при любой возможности проголосует против всего, что связано с европейской интеграцией. Тем не менее позицию партии «Левые» нельзя назвать противоречивой: ее представители считают, что Евросоюз не является полностью демократическим образованием, и поэтому призывают устранить так называемый демократический дефицит путем усиления роли единственного института, избираемого напрямую гражданами ЕС, и путем проведения постоянных консультаций с населением по ряду важнейших вопросов⁹. С НДПГ партию «Левые» объединяет лишь нелюбовь к НАТО, которую обе партии предлагают распустить¹⁰.

На выборах 2021 г. партия «Левые» не смогла преодолеть 5%-й барьер

(их результат – 4,9%). Хотя ее представители получили прямые мандаты в Берлине и Лейпциге¹¹ и продолжают заседать в федеральном парламенте, общий результат свидетельствует о том, что избиратели в целом разочаровались в партии. Это необычная тенденция, учитывая, что в последние годы наблюдался последовательный прирост электората оппозиционных сил, что связано с падением популярности двух крупнейших традиционных немецких партий. Однако «Левые» стали единственной оппозиционной силой, представленной в Бундестаге, у которой в период между 2015 и 2019 гг. отсутствовал прирост избирателей [Погорельская, 2019, с. 80].

Одна из причин электорального краха партии «Левые» – их реакция на миграционный кризис 2015 г., когда рядовые немцы столкнулись со сложностями на рынке жилья и труда, а также в сфере личной безопасности. В ответ на это партия призвала видеть зло не в беженцах, а в глобальной системе капитализма, согласилась с принятием людей, которых «Левые» считали жертвами и обездоленными. Подобные программные установки не нашли отклика у сторонников партии, которые отвернулись от «Левых» [Погорельская, 2019]. В результате этого сотни тысяч сторонников партии «Левые» перебежали в оппозиционную «Альтернативу для Германии», единственную из партий, представленную в Бундестаге, которая осудила решение А. Меркель принять свыше миллиона беженцев [Мельник, 2020].

После событий на Украине в 2022 г. «Левые» подвергли Россию резкой кри-

8 What does the Left Party want for Europe? // The Local. – 2014. – May 14. – URL: <https://www.thelocal.de/20140514/what-does-die-linke-want-for-europe> (дата обращения: 23.01.2024).

9 Die Linke – Policies. – URL: <http://en.die-linke.de/die-linke/policies/> (дата обращения: 23.01.2024).

10 Programme Of the DIE LINKE Party. – URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/grundsatzdokumente/programm_englisch/englisch_die_linke_programm_erfurt.pdf (дата обращения: 23.01.2024).

11 Партия Меркель проиграла выборы в бундестаг // Deutsche Welle. – 2021. – 14 марта. – URL: <https://www.dw.com/ru/partija-merkel-proigrala-vybory-v-bundestag/a-59320712> (дата обращения: 23.01.2024).

тике и стали чаще заигрывать с социальными темами, такими как политика идентичности¹². По мнению видного «левого» политика Сары Вагенкнехт, партия в последние годы сильно изменилась, поскольку отошла от своей заявленной цели – защиты прав трудящихся – и стала больше похожей на партию «зелёных». Сара Вагенкнехт хочет создать движение с истинно левой идеологией, для которого экономическая повестка и мирное сосуществование с соседями будут главными приоритетами¹³. Последнее подразумевает борьбу с инфляцией, поиск дешевых энергоресурсов путем отмены санкций против России, дипломатическое разрешение конфликтов, а также создание рабочих мест через сокращение иммиграции¹⁴. С. Вагенкнехт хочет совместить два пункта, которые обычно относили к противоположным политическим лагерям: политик выступает за левую социальную политику с жесткой иммиграционной системой¹⁵. Ее партию уже окрестили «крайне левой версией АдГ»¹⁶ из-за схожести идеологии и партией правой в культурном плане и левой в экономике¹⁷.

По мнению ряда наблюдателей, Сара Вагенкнехт популярнее, чем вся Левая партия, и ее новое движение вполне может добиться серьезных электоральных успехов. К примеру, призывы со-

здать консервативное общество с социалистической экономической моделью нашли отклик у жителей Тюрингии, где почти 25% жителей готовы проголосовать за гипотетическую партию С. Вагенкнехт¹⁸. Новое движение, скорее всего, будет более евроскептическим, чем Левая партия, поскольку идеология С. Вагенкнехт зиждется на сокращении иммиграции (что невозможно без реформы Шенгенской зоны), подразумевает нейтралитет или, как это называет сама Сара Вагенкнехт, «политику мира»¹⁹ (то есть отказ от участия в военных структурах ЕС и НАТО), а также более мягкий подход в отношении России (которую брюссельские бюрократы считают экзистенциальной угрозой). Зарегистрированная 8 января 2024 г. партия на момент завершения статьи не издавала своего предвыборного манифеста, в связи с чем единственным программным документом можно считать онлайн-платформу движения «Поднимемся» (*Aufstehen*), которое Сара Вагенкнехт создала в 2018 г. и в которое призывала войти все левые силы Германии.

Согласно манифесту, многие немцы рассматривают свободу передвижения и иммиграцию как конкуренцию за и без того низкооплачиваемые рабочие места, а рост числа беженцев, по мнению представителей движения, привел к увеличению чувства нестабильности

12 Why the Right is on the Rise in Germany // TLDR New EU [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U8N-pl4Af2l&list=WL&index=35> (дата обращения: 26.02.2024).

13 Bündnis für Unzufriedene? Sahra Wagenknecht im Interview // ZDFheute Nachrichten [YouTube]. – 2023. – 23. Oktober. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UujSIKA1jKM&list=WL&index=3> (дата обращения: 26.02.2024).

14 Wo Sahra Wagenknecht hinwill // Tagesschau. – 2023. – 20. Oktober. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/wagenknecht-neue-partei-100.html> (дата обращения: 26.02.2024).

15 Sahra Wagenknecht: Neue Partei, neues Spiel? | WDR Doku // WDR Roku [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cfyhZs1rCnw&list=WL&index=4> (дата обращения: 26.02.2024).

16 Germany Might Soon Have a Far-Left Version of the AfD // World Politic Review. – 2023. – August 16. – URL: <https://www.world-politicsreview.com/wagenknecht-germany-left-party-politics-democracy-far-right/> (дата обращения: 26.02.2024).

17 Sahra Wagenknecht: German politician launches 'left-wing conservative' party // BBC. – 2024. – January 8. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-67914273> (дата обращения: 26.02.2024).

18 The far-left challenge to Germany's far-right AfD // Deutsche Welle. – 2023. – October 23. – URL: <https://www.dw.com/en/sahra-wagenknecht-the-far-left-challenge-to-germanys-rising-far-right-afd/a-66470345> (дата обращения: 26.02.2024).

19 Sahra Wagenknecht: Neue Partei, neues Spiel? WDR Doku // WDR Roku [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cfyhZs1rCnw&list=WL&index=4> (дата обращения: 26.02.2024).

в обществе²⁰. Эти положения можно рассматривать как прямой выпад против фундаментальной ценности ЕС – свободы передвижения лиц. Далее авторы манифеста называют иммиграционную политику Меркель безответственной, что, по их словам, вылилось в чрезмерную нагрузку на жилье и школы, отчего пострадали неимущие слои ФРГ. Здесь явно прослеживается недовольство не только правительством Ангелы Меркель, но и неспособностью Еврокомиссии решить вопросы с беженцами. Говоря о внешней политике, члены движения подвергли жесткой критике субординацию немецких интересов к непредсказуемой внешней политике США, которая, по их мнению, к тому же «ориентирована на конфликты». Избегая упоминать НАТО напрямую, движение *Aufstehen* тем не менее предлагает вернуться к политике разрядки с Востоком времен Вилли Брандта и взять судьбу европейского континента в свои руки²¹. Это также можно считать скрытой критикой Евросоюза, который вместо того, чтобы работать на благо всего европейского континента, подчинился воле Вашингтона. Поскольку ни одно из этих программных заявлений не противоречит публичным выступлениям Сары Вагенкнехт, вышеупомянутые пункты (а именно социальная справедливость для немцев (а не мигрантов) в условиях перезапуска европейской политико-экономической системы с учетом интересов всех европейских стран, включая Россию), скорее всего, можно считать предвы-

борной программой нового «Союза Сары Вагенкнехт – За разум и справедливость».

В своей программной речи на первом съезде новой партии в январе 2024 г. Сара Вагенкнехт подвергла резкой критике потенциальное соглашение о свободной торговле между ЕС и странами Меркосур (Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай и Венесуэла) за то, что оно ослабляет позиции немецких фермеров и подрывает немецкое сельское хозяйство. Сара Вагенкнехт обвинила политиков, выступающих за такое соглашение, в том, что «они живут в параллельной вселенной»²². Она в очередной раз призвала к прекращению санкционного противостояния с Россией, которое «уничтожает немецкую экономику»²³, а также подвергла резкой критике «исламистские параллельные сообщества» в Германии, в очередной раз призвав к более разумной миграционной политике. По мнению С. Вагенкнехт, резкий рост популярности антииммиграционной партии АдГ связан не с «гениальной политикой» партийной верхушки самой АдГ, а является результатом провалов нынешнего правительства²⁴.

Стоит признать, что НДПГ и Левая партия всегда были более популярны на востоке Германии и не смогли добиться признания на западе страны (впрочем, «Левые», в отличие от НДПГ, всё-таки долгое время были представлены в Бундестаге). «Союзу Сары Вагенкнехт» еще предстоят первые выборы, чтобы доказать свою популяр-

20 Aufstehen – Gründungsaufruf. – Нем. яз. – URL: <https://aufstehen.de/web/gruendungsaufruf/> (дата обращения: 26.02.2024).

21 Aufstehen – Gründungsaufruf. – Нем. яз. – URL: <https://aufstehen.de/web/gruendungsaufruf/> (дата обращения: 26.02.2024).

22 BSW: Sahara Wagenknecht hält Rede auf ersten Parteitag – scharfe Kritik an Ampel, Union und AfD // WELT [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z73Rrke3B3yc> (дата обращения: 26.02.2024).

23 BSW: Sahara Wagenknecht hält Rede auf ersten Parteitag – scharfe Kritik an Ampel, Union und AfD // WELT [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z73Rrke3B3yc> (дата обращения: 26.02.2024).

24 BSW: Sahara Wagenknecht hält Rede auf ersten Parteitag – scharfe Kritik an Ampel, Union und AfD // WELT [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z73Rrke3B3yc> (дата обращения: 26.02.2024).

ность. Таким образом, «Альтернатива для Германии» (АдГ) стала первой евроскептической партией в ФРГ, которая добилась значительных электоральных успехов и в западной Германии и закрепила на национальном уровне [Грибовский, 2017].

«Альтернатива для Германии»

АдГ – одна из самых молодых партий в Германии. Ее основали в 2013 г. немецкие интеллектуалы из экономической среды, которые полагали, что Германии стоит отказаться от участия в еврозоне и вернуть национальную валюту дойчмарку²⁵. Эта партия евроскептиков разительно отличалась от своих собратьев из других европейских стран. Выразителями немецкого евроскептицизма стали уважаемые профессора университетов и другие представители интеллектуальной элиты страны, которые говорили на языке цифр без ненависти к каким-либо этническим или религиозным группам. К примеру, среди основателей партии были такие личности, как Бернд Люке, профессор макроэкономики Гамбургского университета, Конрад Адам, бывший редактор отдела политики ведущей немецкой газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Йоахим Штарбати, профессор экономики Тюбингенского университета. Глава партии в 2015–2017 гг. Фрауке Петри является по образованию химиком и имеет докторскую степень (что в чем-то делает ее похожей на евроэнтузиаста Ангелу Меркель, которая имеет степень доктора естественных наук). В то же время в других странах ЕС сформиро-

вался совершенно противоположный образ среднестатистического евроскептика: без высшего образования, часто безработный, радикал и националист [Drake, 2005, p. 46]. АдГ образца 2013 г. никак не подходила под шаблон.

На выборах в Бундестаг в 2013 г. АдГ не хватило десятых долей процента, чтобы попасть в парламент (4,7% против необходимых 5%). В 2014 г. АдГ прошла в Европарламент, получив уже около 7% голосов. Тем не менее почти на полтора года партия пропала из сообщений СМИ. Казалось, немецкий евроскептицизм повержен²⁶. Однако в конце лета 2015 г. начался миграционный кризис, и Германия неожиданно оказалась в самом эпицентре событий. Спорное решение канцлера Ангелы Меркель открыть границы для беженцев из Ближнего Востока привело к резкому росту популярности АдГ, которая немедленно, в пике Меркель, высказалась против неконтролируемого приема мигрантов. Последующие события только укрепляли популярность партии. В ноябре 2015 г. произошли теракты в Париже, рядом с одним из террористов был обнаружен сирийский паспорт. В ночь с 31 декабря 2015 г. на 1 января 2016 г. в Кёльне произошла серия нападений на женщин со стороны выходцев с Ближнего Востока. Домогательствам подверглись сотни немок. Летом 2016 г. был совершен ряд нападений на юге Германии, и каждый раз в них были замешаны беженцы или выходцы из Ближнего Востока.

АдГ с самого начала миграционного кризиса высказалась за ужесточение миграционной политики²⁷. Из-за идео-

25 Правые Германии приняли антиисламский манифест // BBC. – 2016. – 1 мая. – URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/05/160501_germany_afd_congress (дата обращения: 26.02.2024).

26 Евроскептицизм в ФРГ: Истоки, сторонники, перспективы (Часть 2) // The Wall. – 2015. – 24 октября. – URL: <https://thewall-magazine.ru/euroscpticism-2/> (дата обращения: 26.02.2024).

27 Herbert Kickl empfängt AfD–Chefin Alice Weidel // OE24.TV [Youtube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p-wEsnThzIP4&list=WL&index=6&t=11s> (дата обращения: 26.02.2024).

логических разногласий партию покинули многие интеллектуалы, которые испугались радикализации АдГ, зато в ее ряды влились новые лица, которые резко сменили курс: вместо неприятия еврозоны партия стала делать акцент на враждебность по отношению к иммигрантам и исламу. С 2015 г. АдГ является в первую очередь крайне правой и антииммигрантской партией, и только потом – евроскептической. В 2015–2021 гг. ее критика была направлена преимущественно против Ангелы Меркель и политики открытых дверей. В АдГ считают, что исламу нет места в Германии (в отличие от Меркель, которая заявила, что ислам принадлежит Германии²⁸). Бывший лидер АдГ Фрауке Петри полагает, что канцлер должен был провести референдум о приеме беженцев из Ближнего Востока, а не принимать такое важное решение без предварительной консультации с населением страны²⁹. Тема проведения референдумов является важным инструментом в руках евроскептиков, что очередной раз «роднит» АдГ с другими крайне правыми.

Таким образом, если причиной основания партии стал кризис в еврозоне 2008–2013 гг. [Басов, 2017, с. 45], то главной причиной роста популярности АдГ стал иммиграционный кризис 2015 г., который в какой-то степени продолжается до сих пор.

Европейский совет по международным отношениям провел масштабное исследование в ряде стран, результаты которого были опубликованы в начале

2024 г. и которые показали, что электоральные предпочтения европейцев определяются их отношением к пяти главным вызовам последних лет: иммиграционному кризису (вопрос национальной идентичности), изменению климата, последствиям пандемии (обеспокоенность состоянием системы здравоохранения), конфликту на Украине (риск вооруженной эскалации), глобальному экономическому кризису (финансовая стабильность и благополучие). Отмечается, что Германия стала единственной страной, в которой вопрос иммиграции занял первое место (31% опрошенных поставили его на первое место среди всех остальных вызовов, хотя в среднем за иммиграционный кризис как самый серьезный вызов, стоящий перед страной, проголосовало только 12% опрошенных). Интересно, что именно иммиграционный вопрос стал тем вызовом, решением которого недовольно подавляющее большинство всех опрошенных (не только немцев). 91% респондентов указали на то, что ни ЕС, ни национальные правительства не могут успешно разрешить данный вопрос (это самый низкий показатель того, как успешно решается вопрос, среди всех 5 вышеуказанных вызовов)³⁰. Как следует из исследования, немцев больше всего заботит вопрос иммиграции и именно он определяет их электоральные предпочтения.

Исследователи отмечают, что в АдГ борются два крыла – умеренное и радикальное (поэтому в партии в настоящее время два председателя – по одному

28 Меркель: Ислам – это часть Германии // Deutsche Welle. – 2015. – 12 января. – URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D1%8C-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8/a-18186757> (дата обращения: 26.02.2024).

29 The Immigration of Muslims Will Change Our Culture // Spiegel International. – 2016. – March 30. – URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/interview-with-frauke-petry-of-the-alternative-for-germany-a-1084493.html> (дата обращения: 26.02.2024).

30 A crisis of one's own: The politics of trauma in Europe's election year // European Council on Foreign Relations. – 2024. – January 17. – URL: <https://ecfr.eu/publication/a-crisis-of-ones-own-the-politics-of-trauma-in-europes-election-year/> (дата обращения: 26.02.2024).

от каждого крыла) [Максимов, 2021]. Однако очевидно, что АдГ постепенно сдвигается всё более вправо³¹.

Существуют и другие признаки, по которым АдГ можно считать не просто крайне правой, но и евроскептической. В Европарламенте представители партии входили в политическую группу «Европейские консерваторы и реформисты» – вместе с такими евроскептиками, как британские консерваторы (которые в настоящее время более не представлены в Европарламенте из-за того, что Великобритания покинула ЕС), Датская народная партия, польская партия «Право и справедливость». Все эти политические движения выступали и продолжают выступать в той или иной степени за ограничение влияния Брюсселя и возврат полномочий в национальные столицы. Программа АдГ, принятая весной 2016 г., подтвердила курс партии на противостояние с Брюсселем; в частности, там повторяется приверженность отказу от единой европейской валюты и призыв ограничить роль европейских институтов³². Таким образом, АдГ на тот момент являлась классической умеренной евроскептической партией: она критиковала отдельные «дефекты» Евросоюза, но не критиковала Евросоюз как таковой и не ставила своей целью борьбу за вы-

ход из него (как, скажем, в свое время «Национальный фронт» во Франции).

В предвыборном манифесте АдГ 2017 г. говорится о том, что партия отвергает идею превращения Европейского союза в централизованное федеративное государство. Вместо этого немецкие евроскептики предлагали вернуться к экономическому союзу, состоящему из национальных государств³³. В случае провала «фундаментальной реформы» Евросоюза АдГ обещала вывести Германию из объединения в результате «демократического самороспуска Европейского союза», за которым должно последовать создание Европейского экономического союза³⁴. В программе 2021 г. они уже более категорично повторили, что попытки реформирования ЕС неосуществимы, следовательно, Германия должна покинуть объединение и сконцентрироваться на создании экономического союза³⁵. Данную позицию об «откате» евроинтеграции до экономического объединения можно часто слышать из уст партийных руководителей АдГ³⁶. По словам Хрупаллы, АдГ – единственная партия в ФРГ, которая защищает национальный суверенитет, это ее своеобразный «товарный знак»³⁷. Он обещает, что АдГ станет не только альтернативой для Германии, но и «альтернативой для Европы»³⁸. Его напарница,

31 How much of a neo-Nazi party is the German AfD? // DW News [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OEI-JmszgyHg&list=WL&index=6> (дата обращения: 26.02.2024).

32 6 важнейших «альтернатив» для Германии от партии АдГ // Deutsche Welle. – 2016. – 2 мая. – URL: <http://www.dw.com/ru/6-%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%88%D0%B8%D1%85-%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%82-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D0%B0%D0%B4%D0%B3/a-19230124> (дата обращения: 26.02.2024).

33 AfD – Manifesto for Germany. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatz-programm-englisch_web.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

34 Ibid.

35 AfD – Deutschland. Aber normal. – Нем. яз. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (дата обращения: 06.05.2024).

36 EU? Nur noch dort, wo es sinnvoll ist! // AfD TV. [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U1BNQp4fQA> (дата обращения: 26.02.2024).

37 Klartext in Magdeburg: EU schafft Trümmerfelder statt blühender Gemeinden // AfD TV [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N6vHI250hqM> (дата обращения: 26.02.2024).

38 Klartext in Magdeburg: EU schafft Trümmerfelder statt blühender Gemeinden // AfD TV [YouTube]. – Нем. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N6vHI250hqM> (дата обращения: 26.02.2024).

сопредседатель партии Алис Вайдель, также высказалась о том, что выход из Евросоюза является «абсолютно верным» решением³⁹.

Таким образом, АдГ прошла путь от умеренных евроскептиков, которые изначально выступали исключительно против участия Берлина в еврозоне, до умеренно «жестких» евроскептиков, которые на определенном этапе хотели реформировать Евросоюз изнутри и трансформировать его в межправительственную экономическую организацию, а далее превратились в «жестких» евроскептиков, которые требуют самороспуска объединения или, по крайней мере, выхода Германии из ЕС. И всё это в течение очень короткого срока – 8 лет (2013–2021 гг.).

Помимо критики Евросоюза, АдГ поддерживает укрепление отношений с Россией, призывает отменить анти-российские санкции⁴⁰, а молодежное крыло АдГ «Молодая Альтернатива» в апреле 2016 г. заключило соглашение о сотрудничестве с «Молодой гвардией» (молодежное крыло «Единой России»⁴¹). В феврале 2017 г. бывший сопредседатель АдГ Фрауке Петри встретила в Москве с представителями Госдумы и обсудила возможности сотрудничества⁴². После выхода конфликта на Украине на новый уровень в феврале 2022 г.

представители АдГ осудили российскую специальную военную операцию [Аксенов, Богданова, 2022, с. 14]. Тем не менее один из лидеров АдГ, Хрупалла, объявил о том, что «это не наша война», и выступил против поставок оружия Украине⁴³. В отличие от «Левых» или национал-демократов, АдГ не поддерживает выход Германии из НАТО и считает США партнером [Мельникова, Парфенов, 2022, с. 173–174] с оговоркой, что НАТО останется оборонительным союзом, а Германия будет проводить более самостоятельную внешнюю политику, которая включает в себя переговоры о выводе с территории ФРГ ядерного оружия и союзных войск⁴⁴. Политики из АдГ считают, что для достижения мира в Европе требуется взаимодействие между США и Россией⁴⁵.

Считается, что иммиграционный кризис 2015 г. не просто придал импульс партии «Альтернатива для Германии», но и принес партии новую категорию избирателей – русских немцев, которые оказались восприимчивы к высказываниям представителей АдГ, направленным против беженцев⁴⁶. По мнению обозревателя журнала *The Times*, на выборах в Бундестаг в 2017 г. Ангела Меркель проиграла 2 млн русских немцев евроскептикам из АдГ. Русские немцы раньше традиционно поддерживали

39 Far-right AfD leader vows to campaign for Brexit-style EU exit vote in Germany // The Guardian. – 2024. – January 22. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/22/germany-far-right-afd-leader-alice-weidel-eu-exit-campaign> (дата обращения: 26.02.2024).

40 Евроскептики Германии заключили союз с путинской Молодой гвардией // Liga.net. – 2016. – 23 апреля. – URL: https://news.liga.net/politics/news/evroskeptiki_germanii_zaklyuchili_soyuz_s_putinskoy_molodoy_gvardiey (дата обращения: 26.02.2024).

41 Молодежное крыло «Альтернативы для Германии» вступило в союз с «Молодой гвардией» // InoPressa. – 2016. – 25 апреля. – URL: <https://www.inopressa.ru/article/25Apr2016/spiegel/afd.html> (дата обращения: 26.02.2024).

42 Путин как икона европейских консерваторов // Независимая газета. – 2017. – 29 марта. – URL: http://www.ng.ru/editorial/2017-03-29/2_6960_red.html (дата обращения: 26.02.2024).

43 Лидеры «Альтернативы для Германии» выступают за переговоры между Россией и Украиной // Независимая газета. – 2022. – 20 июня. – URL: https://www.ng.ru/world/2022-06-20/8_8465_germany.html (дата обращения: 26.02.2024).

44 AfD – Manifesto for Germany. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatz-programm-englisch_web.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

45 AfD – Deutschland. Aber normal. – Нем. яз. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

46 How Russian Voters Fueled the Rise of Germany's Far-Right // Time. – 2017. – September 25. – URL: <http://time.com/4955503/germany-elections-2017-far-right-russia-angela-merkel/> (дата обращения: 26.02.2024).

ХДС/ХСС, однако на выборах 2017 г. перешли в лагерь АдГ, поскольку она поддерживает укрепление отношений с Россией. Таким образом, «Альтернатива для Германии» уникальна еще и тем, что не просто высказывается за улучшение отношений с Москвой (как и многие другие евроскептики), но также опирается на широкую электоральную базу внутри Германии, состоящую в том числе из выходцев из бывшего СССР [Свечникова, Вайсеро, 2021].

Рейтинг партии в последнее время значительно вырос и перешел психологическую отметку 20%⁴⁷, связи с чем есть основания полагать, что АдГ продолжит играть в жизни страны всё более важную роль. Не случайно крупнейшая оппозиционная партия и единственная политическая сила (более популярная, чем АдГ) – союз ХДС/ХСС под руководством Фридриха Мерца – ушла резко вправо по вопросу беженцев и иммиграции, предлагая депортировать нелегальных иммигрантов в третьи страны⁴⁸. Даже нынешнее правительство социал-демократа Олафа Шольца было вынуждено ужесточить иммиграционную политику, введя временный пограничный контроль с Польшей, Чехией и Швейцарией, сократив пособия просителям убежища и ускорив процесс депортации нелегальных иммигрантов из Германии⁴⁹. И, как уже было сказано выше, партия «Левые» раскололась на две группы, одна из которых (изначальная партия) отказалась менять риторику и имеет все шансы уйти с политической сцены Германии навсегда, в то время как вторая часть (под руководством Сары Вагенкнехт) ушла впра-

во по вопросам иммиграции и, скорее всего, будет играть более заметную роль в жизни страны.

Общая тенденция налицо: Германия сдвигается вправо – не в последнюю очередь благодаря АдГ.

Заключение

В то время как целый ряд стран в Европе периодически сотрясали новости о победе евроскептиков на выборах и референдумах, а также о формировании правительств с участием евроскептических сил, Германия всегда стояла особняком и считалась форпостом стабильности, где поочередно руководили традиционные партии. В ФРГ долгое время существовал межпартийный консенсус по европейскому вопросу: предполагается, что членство в ЕС необходимо для Германии и для остальной Европы в первую очередь по экономическим соображениям, а также в силу исторических причин (ЕС служит преградой против возрождения нацизма). Однако ситуация стала постепенно меняться в 2013 г. с возникновением партии «Альтернатива для Германии», которая за очень короткий срок (10 лет) прошла путь от противницы членства в еврозоне до крайне правой силы, выступающей против неконтролируемой иммиграции и за выход Берлина из Евросоюза и формирование Европейского экономического союза без единой валюты. Пожалуй, ни одна протестная партия в Европе не прошла через такую глубокую трансформацию за столь короткое время. На этом фоне остальные евроскептики отходят от жесткой ли-

47 Germany's political landscape is shifting, with the far-right AfD party ahead in the polls // CNBC. – 2023. – October 3. – URL: <https://www.cnbc.com/2023/10/03/germany-shifts-to-the-right-with-anti-immigration-afd-ahead-in-polls.html> (дата обращения: 26.02.2024).

48 Why the Right is on the Rise in Germany // TLDR News EU [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U8N-pl-4Af2I&list=WL&index=35> (дата обращения: 26.02.2024).

49 Why the Right is on the Rise in Germany // TLDR News EU [YouTube]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U8N-pl-4Af2I&list=WL&index=35> (дата обращения: 26.02.2024).

нии в отношении Евросоюза (к примеру, Марин Ле Пен и итальянская «Лига» больше не требуют выхода из ЕС), в то время как АдГ, наоборот, постепенно только радикализируется.

Но несмотря на стремительное падение популярности системных партий (социал-демократы и ХДС/ХСС на выборах 2021 г. в сумме набрали чуть менее 50% голосов), традиционные партии не спешат перенимать евроскептическую риторику АдГ (как это, к примеру, произошло в Великобритании) и не рассматривают вопрос о вступлении в коалицию с АдГ на федеральном уровне (как, например, в Италии или Австрии). Другими словами, АдГ пока не удается влиять на формирование европейской повестки в Германии – ни напрямую через участие в федеральном правительстве, ни опосредованно, вынуждая системные партии перенимать свою риторику по европейскому вопросу.

И всё же нельзя не признать очевидного влияния электорального роста «Альтернативы для Германии» на правоцентристский союз ХДС/ХСС, который до 2021 г. входил в правительство, к примеру, по вопросу о беженцах и немецкой идентичности. Известно, что лидер христианских демократов Фридрих Мерц даже намекнул на возможность сотрудничества его партии с АдГ на региональном уровне (от чего под давлением впоследствии отказался). А в начале 2024 г. в немецкой прессе появились сообщения о тайной встрече в Потсдаме в ноябре 2023 г. представителей АдГ, ХДС и ряда других активистов, которые обсуждали возможность «реэмиграции» (депортации) из страны миллионов мигрантов и так называемых неассимилированных граждан. Очевидно, что АдГ, не оказывая в настоящее время существенного влияния на европейскую повестку, тем не менее способна повлиять на дискуссии об иммиграции и беженцах. Последние крупные протесты немецких фермеров

в начале 2024 г. также обнажили глубокие проблемы в немецком обществе, которые выходят за рамки вопроса дотаций фермерам: речь идет о непопулярной энергетической политике нынешнего правительства, общем падении уровня жизни и проблемах, связанных с иммиграцией. Всё это питательная среда для протестных партий, таких как АдГ и «Союз Сары Вагенкнехт».

АдГ имеет сильные позиции на восходе Германии, где она становилась второй силой на уровне ландтага и по ряду опросов в последние месяцы даже вышла на первое место. И хотя в федеральных землях бывшей ГДР партии пока не удавалось сформировать коалицию, в декабре 2023 г. представитель «Альтернативы» впервые занял пост мэра города Пирна в Саксонии (рядом с Дрезденом). В Западной Германии АдГ в последнее время уверенно занимает второе место, однако остальные партии настроены решительно не допустить евроскептиков к власти, несмотря ни на что, хоть даже и на локальном уровне. Способность АдГ стать реальной альтернативой остальным партиям пока выглядит неубедительно, однако многое зависит от другой политической силы – партии «Союз Сары Вагенкнехт».

Появление на политической арене Германии новой евроскептической силы – обновленных «Левых» под руководством харизматичной Сары Вагенкнехт – способно привнести интригу во внутривнутриполитический процесс в ФРГ. Такая партия может претендовать как на электорат старых «Левых» и АдГ, так и на протестный электорат «зеленых» и СДПГ, которые разочарованы в правящей коалиции, но по каким-то причинам не поддерживают АдГ (к примеру, из-за их национализма). Вопрос в том, как долго при наличии двух крупных оппозиционных партий традиционные партии будут игнорировать АдГ и новых «Левых», а также стоит ли ждать на сле-

дующих выборах в Бундестаг в 2025 г. ужесточения риторики традиционных партий в пользу большего евроскептицизма или даже создания правящей коалиции с одной из евроскептических сил (левой или правой).

Список литературы

- Аксенов Д.Д., Богданова Н.В. Евроскептицизм как перспектива отношений России и Германии // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 22 (45). – С. 7–17. – DOI: 10.48612/rg/RGW.22.1.
- Бадаева А.С. Правый поворот или новая альтернатива для Германии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 2. – С. 61–74. – DOI: 10.20542/afj-2019-2-61-74.
- Басов Ф.А. Германия в Европейском союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 33–52. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-33-52.
- Грибовский В.С. Евроскептицизм в Германии, Австрии и Швейцарии // Современная Европа. – 2017. – № 1. – С. 48–55. – DOI: 10.15211/soveurope120174855.
- Лисенкова А.Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионоведение. – 2023. – Т. 31, № 3. – С. 426–441. – DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441.
- Максимов И.П. Эволюция партии «Альтернатива для Германии» в 2017–2021 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 83–90.
- Мельник Я.В. Причины роста популярности правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 2 (42). – С. 173–180.
- Мельникова И.В., Парфенов А.Д. Сравнительный анализ идеологических и программных позиций крайне правых политических партий в Европейском парламенте девятого созыва // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 167–178. – DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2).167-178.
- Погорельская С.В. Левая альтернатива для Германии // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4 – С. 78–92. – DOI: 10.31249/ape/2019.04.05.
- Работяжев Н.В. «Альтернатива для Германии»: между консерватизмом и правым популизмом // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2022. – № 3 (106). – С. 158–178. – DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178.
- Свечникова С.В., Вайсерио Т.В. Феномен правого популизма в ФРГ на примере партии «Альтернатива для Германии» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 53–58.
- Drake H. French relations with the European Union. – London : Routledge, 2005. – 224 p.
- Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe. – London : Routledge, 2008. – 176 p.
- Minkenberg M. “The New Right in France and Germany: Nouvelle Droite, Neue Rechte, and the New Right Radical Parties” // The Revival of Right Wing Extremism in the 90s / ed. by P.H. Merkl, L. Weinberg. – London : Frank Cass, 1997. – P. 65–77.
- Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies. – Houndmills : Palgrave Macmillan, 2006. – 236 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.04

Euroscepticism in Germany: Historical Review and Main Factors

Roman I. BLAGOVESCENSKIJ

PhD Student

Saint Petersburg State University

Universitetskaya Embankment, 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

E-mail: roman10.89@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3022-8180

CITATION: Blagovescenskij R.I. (2024). Euroscepticism in Germany: Historical Review and Main Factors. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 69–85 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.04

Received: 23.10.2023.

Revised: 02.03.2024.

ABSTRACT. *For a long time, Germany was considered a bastion of stability where, despite the historical past (and, perhaps, because of its bitter experience), anti-systemic and Eurosceptic parties did not play a big role in the political life of the country. While in neighboring France, Austria, the Netherlands and Denmark the Far-Right (and in the case of France also the Far-Left) forces have made significant progress, the waves of Euroscepticism seemed to have bypassed Germany. Even “Alternative for Germany” party, founded in 2013, at that time was neither Far-Right nor nationalist, and held moderately Eurosceptic views. Its main goal was to get Berlin out of the Eurozone, which was in stark contrast to the manifestos of other Eurosceptics in neighboring countries who wanted their countries to leave the European integration process. However, over the past 10 years, “Alternative for Germany” has transformed from a party critical only of Germany’s participation in the Eurozone, to the nationalist and Islamophobic party, and further to “hard” Euroscep-*

tics calling for Germany’s exit from the European Union and its self-dissolution. No other Eurosceptic force has gone through such a major transformation in such a short time. Moreover, other Eurosceptics are trying to move away from their most radical demands in order to expand the electoral base. However, “Alternative for Germany” follows the opposite path – and at the same wins new voters. It is worth nothing that while other Eurosceptics are putting serious pressure on their governments and getting concessions from them, in Germany, despite the fall in the popularity of the key parties, they are not shifting to the right. This article explores the phenomenon of Eurosceptic forces in Germany and focuses on the “Alternative for Germany” party, which is still unique as it enjoys wide support among local Russian-speaking citizens.

KEYWORDS: “Alternative for Germany”, the Left, National Democratic Party of Germany, Euroscepticism, the European Union, Wagenknecht.

References

- Aksyonov D.D., Bogdanova N.V. (2022). Euroscepticism as a Prospect for the Development of Relations between Russia and Germany. *Russia in the Global World*. No. 22 (45), pp. 7–17 (in Russian). DOI: 10.48612/rg/RGW.22.1.
- Badaeva A.S. (2019). Right Turn or the New Alternative for Germany. *Analysis and Prognosis. IMEMO RAN*. No. 2, pp. 61–74 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2019-2-61-74.
- Basov F.A. (2017). Germany in the European Union: from the Economic Locomotive to Political Leadership. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 1, pp. 33–52 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-33-52.
- Drake H. (2005). *French relations with the European Union*. London: Routledge, 224 pp.
- Gribovsky V.S. (2017). Euroscepticism in Germany, Austria and Switzerland. *Contemporary Europe*. No. 1, pp. 48–55 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope120174855.
- Hainsworth P. (2008). *The Extreme Right in Western Europe*. London: Routledge, 176 pp.
- Lisenkova A.D. (2023). Alternative for Germany and Left party in the East Federal lands: Transformation in electoral behavior. *Regionologiya*. Vol. 31, no. 3, pp. 426–441 (in Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441.
- Maksimov I.P. (2021). The Evolution of the Alternative for Germany Party in 2017–2021. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences*. No. 2, pp. 83–90 (in Russian).
- Minkenberg M. (1997). The New Right in France and Germany: Nouvelle Droite, Neue Rechte, and the New Right Radical Parties. In: P.H. Merkl, L. Weinberg (eds.). *The Revival of Right Wing Extremism in the 90s*. London: Frank Cass, pp. 65–77.
- Melnik Ya.V. (2020). Reasons for the rise in popularity of the right-wing Populist Party Alternative for Germany. *Issues of student science*. No. 2 (42), pp. 173–180 (in Russian).
- Melnikova I.V., Parfenov A.D. (2022). Comparative Analysis of the Ideological and Programmatic Positions of Extreme Right Political Parties in the Ninth European Parliament. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. Vol. 9, no. 2, pp. 167–178 (in Russian). DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2).167-178.
- Pogorelskaya S.V. (2019). Left Alternative for Germany. *Urgent Problems of Europe*. No. 4, pp. 78–92 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.05.
- Rabotyzhev N.V. (2022). Alternative for Germany: Between Conservatism and Right Wing Populism. *Journal of political philosophy and sociology of politics "Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz"*. No. 3 (106), pp. 158–178 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178.
- Svechnikova S.V., Vaisero T.V. (2021). The phenomenon of right-wing populism in Germany on the example of the Alternative for Germany party. *Scientific notes of Orel State University*. No. 2, pp. 53–58 (in Russian).
- Williams M.H. (2006). *The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies*. Houndmills: Palgrave MacMillan, 236 pp.

США: новые реалии

УДК 323.4+331.109.32 (73)

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.05

США: ренессанс забастовочных форм борьбы за права трудящихся

Наталья Михайловна ТРАВКИНАдоктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель
Центра внутривосточных исследований

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Хлебный пер., д. 2/3, г. Москва, Российская Федерация, 121069

E-mail: n.travkina@iskran.ru

ORCID: 0000-0001-8215-2101

ЦИТИРОВАНИЕ: Травкина Н.М. США: ренессанс забастовочных форм борьбы за права трудящихся // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 86–104.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.05

Статья поступила в редакцию 23.01.2024.

Исправленный текст представлен 23.02.2024.

АННОТАЦИЯ. Заметный рост как числа забастовщиков, так и количества забастовок в США, охвативших все регионы, объясняется сложным диалектическим взаимоотношением процессов глобализации и деглобализации, при которых тенденции к деглобализации американской экономики начинают оказывать всё большее воздействие на устоявшиеся с 1990-х годов формы отношений между трудом и капиталом. Деглобализация может трактоваться как обращение вспять тенденций социально-экономического и политического развития американского общества, сформировавшихся на протяжении 20–25 лет с начала 1990-х годов. Реверсивный характер социально-экономических процессов в США означает возрождение многих традиционных видов противоречий между трудом и капиталом, характерных для периода, в котором основным фактором экономического роста и раз-

вития была национальная экономика, и которые были отодвинуты на периферию отношений труда и капитала глобализационными процессами. Следует также иметь в виду действие факторов научно-технического прогресса, в частности развитие искусственного интеллекта, и демографических сдвигов, в том числе колоссальный приток незаконных иммигрантов в период 2021–2023 гг., которые проявляют себя до известной степени автономно по отношению как к глобализации, так и деглобализации. Важнейшей силой деглобализации в США считается коронавирусная пандемия, которая обострила отношения социальных низов и социальных верхов Америки. Основные требования бастующих американских работников – повышение заработной платы и должностных окладов, расширение пакета социальных услуг, главным образом медицинских, и упорядочение управля-

ющими кадрового состава фирм и предприятий – также выступают в форме «вневременных требований» фактора труда к фактору капитала, которые неизменно присутствовали в истории забастовочного движения США начиная с 1880-х годов. Тем не менее принципиально важной особенностью современного забастовочного движения является то, что эпицентром забастовок является не промышленность, а сфера услуг – информационных, образовательных, торговых, сферы здравоохранения, что также является признаком роста значимости национальной экономики. Усиление роли и значения забастовочного движения в США в последние годы является симптомом общего обострения взаимоотношений между трудом и капиталом в условиях растущей политической поляризации американского общества, протекающей от усиливающегося конфронтационного характера противостояния поборников либерального неоглобализма и консервативных антиглобалистов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, деглобализация, забастовочное движение, профсоюзы, требования ба-
стующих, коллективные договоры, промышленность, сфера услуг.

Введение

Национальное обострение отношений труда и капитала в США – эффект деглобализации?

В основу статьи положено выступление автора на состоявшейся 16 ноября 2023 г. общероссийской конференции «**Социальный протест в современном мире**», организованной Отделом глобальных проблем, Отделом Европы

и Америки, Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН.

После финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. в мировой экономике всё отчетливее стали заявлять о себе явления замедления и даже обращения вспять процессов глобализации, которые в совокупности стали называть *деглобализацией*. В противоположность *глобализации*, под которой понимается растущая взаимозависимость национальных экономик, культур и стран под влиянием международной торговли товарами и услугами, всё более широкой диффузии достижений и плодов потоков инвестиций, людских ресурсов, информации и свободного обмена валют, *деглобализация* трактуется как «движение к менее интегрированному миру, характеризующемуся решениями на местном уровне, размещением и организацией экономической деятельности в пределах национальных границ и на близлежащих территориях, ростом экспортно-импортных пошлин и усилением пограничного контроля»¹.

Фактически речь идет о реверсивных процессах в эволюционном развитии мировой экономики, о возвращении ко многим особенностям ее развития в период до рубежа 1980–1990-х годов, то есть до начала современной фазы глобализации, когда основная роль принадлежала крупнейшим национальным экономикам и ориентированным на них экономическим объединениям. Важнейшей особенностью реверсивных процессов в развитии мировой экономики явилось возрождение национальных особенностей социально-экономического развития, которые, казалось, сошли на нет или были «попридавлены» процессами глобализации. Глобализа-

¹ Weiss R. Globalization vs. Deglobalization: Rethinking the World Economy // American Century Investment. – 2023. – May 4. – URL: <https://www.americancentury.com/insights/globalization-vs-deglobalization-rethinking-the-world-economy/> (дата обращения: 20.02.2024).

ция привнесла в механизм функционирования ведущих экономик мира, в том числе США, сложную систему наднациональных правил, регулирующих многие сегменты экономической жизни, в то время как «деглобализация получила мощный толчок от такой формы мышления, которая считает наднациональные правила, необходимые для эффективной международной координации, излишними, неэффективными или даже вредными» [James, 2018, p. 233].

Глобализация возвела в абсолют принцип свободного перемещения капитала и перевода промышленных мощностей за пределы национальных границ, который стал краеугольным камнем деятельности созданной в 1995 г. по инициативе США Всемирной торговой организации (ВТО), в результате чего произошло «резкое снижение количества забастовок» в экономике США, поскольку «профсоюзы смирились с постоянными угрозами менеджмента компаний покинуть США и переместиться в экономики с более дешевой рабочей силой» [Abouharb, Fordham, 2020, p. 3].

Глобализация, способствуя большей открытости американской экономики, увеличила неравенство в распределении трудовых доходов, главным образом между высокооплачиваемыми категориями работников и рабочими и служащими с самыми низкими ставками заработной платы и окладов. Этот факт в настоящее время считается твердо установленным среди американских специалистов по трудовым отношениям. Так, по заключению профессора Гарвардского университета Э. Хелпмана, глобализация «повлияла на заработную плату разных категорий работников в разной степени, но в основном она способствовала увеличению заработной платы квалифицированных рабочих по отношению к доходам неквалифицированных рабочих по нескольким векторам» [Helpman,

2016, p. 39]. Основным направлением роста разрывов в трудовых доходах высоко- и низкоквалифицированных категорий трудящихся стала межотраслевая мобильность работников с высоким уровнем образования и квалификации: юристы, наемные инженеры и техники, управленцы, которые «способны найти работу в других отраслях экономики без значительных потерь в заработках по сравнению с менее квалифицированными и менее образованными категориями занятых, по которым и пришелся основной удар глобализационных процессов» [Senses, 2017, p. 50].

Воздействие деглобализации на взаимоотношения труда и капитала в американской экономике выразилось в том, что она усугубила вышеперечисленные противоречия на рынке труда США, значительно ограничив действие «амортизирующих» эффектов глобальной экономики. Как указал голландский профессор П. ван Бергейк, деглобализация «усилила политический и социальный ущерб фрагментации рынка труда и растущего неравенства между трудом и капиталом» [Van Bergeijk, Van der Hoeven, 2022, p. 198]. Наиболее рельефно действие процессов глобализации и деглобализации проявилось в неуклонном падении доли труда и соответственно в росте доли капитала в валовом внутреннем доходе США; доля труда стала последовательно снижаться с начала XXI в. и в 2022 г. достигла минимального значения за весь период после окончания Второй мировой войны. Динамика соотношения процентных долей труда и капитала в валовом внутреннем доходе США в период 2008–2022 гг., согласно официальным данным Бюро экономического анализа, приводится в таблице.

Глобализация способствовала резкому усилению позиций крупнейших американских корпораций и фирм в амери-

Таблица 1. Соотношение долей труда и капитала в валовом внутреннем доходе США в 2001–2022 гг., %

Table 1. Ratio of shares of labor and capital in US gross domestic income in 2001–2022, %

Годы	Доля труда	Доля капитала
2008	59,2	40,8
2009	58,2	41,8
2010	57,2	42,8
2011	57,2	42,8
2012	56,8	43,2
2013	56,8	43,2
2014	56,5	43,5
2015	57,0	43,0
2016	57,3	42,7
2017	57,6	42,4
2018	57,4	42,6
2019	57,5	42,5
2020	59,0	41,0
2021	57,5	42,5
2022	56,1	43,9

Источник: Bureau of Economic Analysis. Distribution of Income Between Labor and Capital. – URL: <https://apps.bea.gov/well-being/#jump-03> (дата обращения: 20.02.2024).

канской экономике, которые стремились переносить трудоемкие производства за пределы США. Транснациональные корпорации заметно уменьшили роль малых и средних фирм, которые традиционно в большей степени полагались на фактор труда в своей производственной деятельности. Деглобализация в еще большей степени укрепила монопольные позиции крупнейших американских корпораций, поскольку малые и средние фирмы оказались не в состоянии конкурировать с ними. Общим результирующим следствием этих процессов явилась ситуация, при которой «фирмы, получившие первоначально большую долю рынка благодаря честной конкуренции на основе своих инноваций

или большей эффективности и занявшие командные позиции на рынке, стали стремительно возводить различные барьеры для защиты завоеванных позиций» [The Fall..., 2020, р. 704].

В начале 2020-х годов важнейшим фактором социально-экономического положения американских трудящихся стала инфляция, измеряемая индексом потребительских цен, которая в 2021–2023 гг. составила в годовом исчислении соответственно 4,7; 8,0 и 4,1%, которые явились самыми высокими показателями с рубежа 1980–1990-х годов². Возвращение показателей инфляции в экономике США к ее значениям 30-летней давности может служить наглядным доказательством

2 Federal Reserve Bank of Minneapolis. Consumer Price Index, 1913. – URL: <https://www.minneapolisfed.org/about-us/money-policy/inflation-calculator/consumer-price-index-1913-> (дата обращения: 20.02.2024).

реверсивного хода глобализационных процессов. Этот вывод в полной мере может быть применен и к тенденциям забастовочного движения, поскольку деглобализация в еще большей степени ухудшила положение большей части американских трудящихся, что выразилось в заметном снижении их реальной заработной платы. Как указали американские экономисты П. Голдберг и Т. Рид, в США «номинальные средние недельные заработки выросли на 10% с января 2021 г. по декабрь 2022 г., но по причине инфляции в 14% реальная заработная плата фактически снизилась на 4%. Хотя это падение реальных трудовых доходов может быть вызвано действием ряда других факторов помимо деглобализации, одно можно сказать наверняка: положение американских рабочих в 2022 г. не улучшилось по сравнению с прошлыми годами» [Goldberg, Reed, 2023, p. 40].

В итоге на рубеже 2010–2020-х годов и особенно в 2023 г. США стали свидетелями возрождения забастовочного движения американских трудящихся, которое по количеству участников забастовок стало приближаться к показателям первой половины 1980-х годов, что наглядно отражено на графике.

Забастовочное движение в США: статистическое и географическое измерения

Заметное усиление забастовочного движения в США, начавшееся в конце 2010-х годов, не случайно совпало с приходом к власти в январе 2017 г. правоконсервативной республикан-

ской администрации Д. Трампа. Упор на «экономический национализм» и деглобализацию, который с самого начала своей деятельности стала осуществлять администрация Д. Трампа, по сути означал воссоздание в американской экономике и в американском общественном сознании модели и представлений о капитализме в их классических формах. Как указал в этой связи профессор международных отношений университета Макгилл (Канада) Т. Паул, «США стали демонстрировать попятное движение и занимать открыто националистические позиции, отвергая глобалистскую политику, которую они некогда сами и инициировали. Растущий протекционизм и тарифные войны, начатые администрацией Д. Трампа и продолженные президентом-демократом Дж. Байденом, наглядно показали растущее влияние антиглобалистских сил в Вашингтоне» [Paul, 2023, p. 5].

Согласно данным официальной американской статистики, 2018 и 2019 гг. ознаменовались мощным подъемом забастовочного движения; в забастовках приняло участие 485,2 тыс. рабочих и 425,5 тыс. служащих, и такого размаха стачечных протестов в Америке не наблюдалось с 1980-х годов. В течение этих двух лет потери рабочего времени составили порядка 3,0 млн человеко-дней ежегодно, чего также не наблюдалось с начала XXI в.³ В 2018 г. имели место 23 забастовки, в 2019 г. – 25 забастовок, что было самым большим показателем после 2001 г.; в период с 2010 по 2019 г. в США произошло 154 забастовки, или в среднем 15 забастовок в год⁴.

3 Work Stoppages. Annual work stoppages involving 1,000 or more workers, 1947 – Present // U.S. Bureau of Labour Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/web/wkstp/annual-listing.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

4 25 major work stoppages in 2019 involving 425,500 workers // Bureau of Labor Statistics. The Economics Daily. – 2020. – February 14. – URL: <https://www.bls.gov/opub/ted/2020/25-major-work-stoppages-in-2019-involving-425500-workers.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

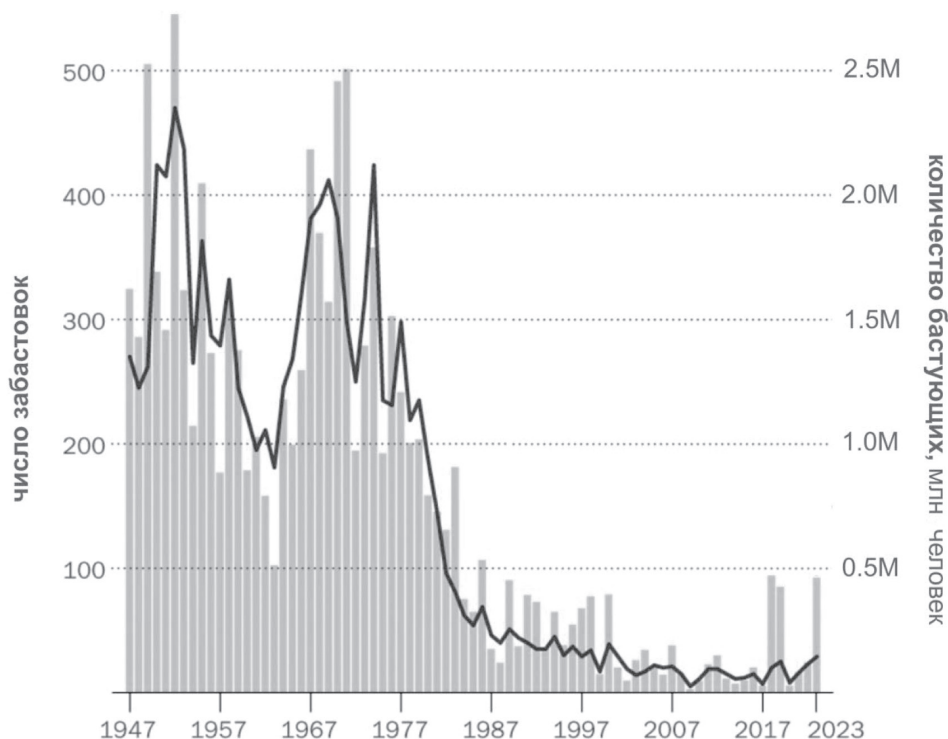

Рисунок 1. Количество участников и забастовок в США с конца 1940-х до начала 2020-х годов

Figure 1. Number of strikers and work stoppages in the USA from the late 1940s to the early 2020s

Источник: Pew Research Center. 2023 saw some of the biggest, hardest-fought labor disputes in recent decades. January 4, 2024. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/01/04/2023-saw-some-of-the-biggest-hardest-fought-labor-disputes-in-recent-decades/>

В кризисном 2020 г. под влиянием коронавирусной пандемии забастовки, казалось, сошли на нет, однако в последующие три года – в 2021–2023 гг. – забастовочное движение стало стремительно нарастать, что, в частности, побудило факультет Промышленных и трудовых отношений Корнеллского университета начать собственную программу сбора статистических данных об истинном размахе забастовочного движения и его влиянии на экономику США. При этом аналитики факультета исходили из того, что, во-первых, Бюро трудовой статистики систематически занижает данные о количестве забасто-

вок и участников, поскольку в 1982 г. (при Р. Рейгане) оно стало учитывать только те забастовки, в которых принимало участие не меньше 1 тыс. человек, и, во-вторых, что в ближайшем будущем социальные протесты в виде забастовок, стачек и локаутов будут расти и шириться, охватывая новые отрасли экономики и географические регионы [Kallas, Gradega, Friedman, 2022, p. 2].

Организацию собственной статистической программы сбора данных аналитики и исследователи Корнеллского университета обосновали также последними имеющимися архивными данными о численности забастовок, ко-

личестве участвовавших в них рабочих и потерях рабочего времени, которые были собраны Бюро трудовой статистики в 1979 г., однако опубликованы только в 1981 г., то есть в самый канун коренного пересмотра данных о размахе забастовочного движения в США, проведенного в 1982 г. в самом начале деятельности республиканской администрации Р. Рейгана руководством Министерства труда во главе с ярким поборником интересов американских деловых кругов Р. Донованом. В результате пересмотра базовых методик сбора данных, действовавших с середины 1920-х годов, количество участников забастовок, если основываться на данных за 1979 г., было сокращено на 41%, количество забастовок – на 95% (! – *H. T.*), а количество потерянного в результате забастовок рабочего времени – на 47%, то есть практически в два раза⁵. Таким образом, важным побочным следствием глобализационных процессов в экономике США явилось значительное преуменьшение размаха забастовочного движения в США, а в более широком смысле – масштабов борьбы американских трудящихся за свои социально-экономические права.

Публикация первого отчета факультета промышленных и трудовых отношений Корнеллского университета о масштабах забастовочного движения в США за 2021 г. наглядно продемонстрировала колоссальную разницу в официальных и академических оценках интенсивности протестных настроений американских трудящихся. Согласно данным Бюро трудовой статистики, в 2021 г. произошло 17 крупных забастовок, в которых приняли участие 82,5 тыс. рабочих, что обернулось поте-

рей порядка 1,6 млн рабочих дней⁶. По оценке же аналитиков и статистиков Корнеллского университета, в 2021 г. в американской экономике произошло 279 забастовок, в которых приняли участие 140 тыс. человек, а потери рабочего времени достигли порядка 3,3 млн человеко-дней, причем в двух однодневных забастовках, проведенных в знак солидарности с рабочими и служащими, бастующими сравнительно долгий период времени, приняли участие 62 тыс. человек [*Kallas, Gradega, Friedman*, 2022, р. 3–4]. Эти данные имеют значение прежде всего для оценки общих настроений в среде американских трудящихся с точки зрения перспектив забастовочного движения в будущем.

Главная современная особенность забастовочного движения в США состоит в том, что большая часть забастовок носит спорадический характер и продолжается всего несколько дней. В 2021 г. порядка 35% общего числа забастовок продолжались всего один день, 20% забастовок – от 2 до 4 дней, порядка 10% – от 5 до 9 дней, 20% – от 10 до 30 дней, 15% – 31 день и больше. Соответственно, большинство рабочих и служащих, бастовавших в 2021 г., участвовали в стачечном движении в течение сравнительно непродолжительного времени. Так, 54% протестующих работников бастовали в течение одного дня, 16% работников – в течение 2–4 дней, 3% – от 5 до 9 дней, 13% – 10–30 дней, 14% – в течение 31 дня и больше. В продолжительных забастовках – от 10 дней и больше – участвовали примерно 51 тыс. рабочих и служащих, хотя именно на эту категорию бастующих пришлось наибольшее потери рабочего времени, которые пре-

5 Рассчитано по: Analysis of Work Stoppages, 1979 // Bulletin of the United States Bureau of Labor Statistics. – 1981. – April (no. 2092). – P. 9.

6 Work Stoppages. Annual work stoppages involving 1,000 or more workers, 1947 – Present // U.S. Bureau of Labour Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/web/wkstp/annual-listing.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

высили 3,0 млн человеко-дней [Kallas, Gradege, Friedman, 2022, p. 11].

Следование принятым официальным оценкам размаха забастовочного движения показывает, что в 2021 г. имели место всего 24 забастовки с числом участников 1 тыс. и более человек; в них приняли участие 111 тыс. рабочих и служащих, а потери рабочего времени достигли порядка 2,35 млн человеко-дней [Kallas, Gradege, Friedman, 2022, p. 12].

В региональном разрезе наиболее активными оказались западные штаты США, главным образом Калифорния, где бастовали примерно 84 тыс. рабочих и служащих, что обернулось потерей 255 тыс. человеко-дней. Наименьшую забастовочную активность проявили рабочие и служащие южных штатов, в которых в 2021 г. бастовали всего 12,1 тыс. рабочих, а наибольшие потери рабочего времени пришлось на северо-восточные штаты, где они превысили 1,5 млн человеко-дней в забастовках, в которых участвовали порядка 23 тыс. человек [Kallas, Gradege, Friedman, 2022, p. 13].

В 2022 г., после того как смертность и заболеваемость от коронавирусной пандемии пошли в США на спад, забастовочное движение стало набирать обороты. В забастовках приняли участие уже 224 тыс. рабочих и служащих, количество забастовок составило 433, а потери рабочего времени – почти 4,5 млн человеко-дней [Kallas, Ritchie, Friedman, 2023, p. 3], что превысило аналогичные показатели за 2021 г. в 1,6; 1,5 и 1,4 раза соответственно. В 2022 г. число забастовок резко увеличилось, в них приняли участие свыше 1 тыс.

работников. Общее число таких забастовок достигло 37, в которых приняли участие 188 тыс. человек, то есть в 1,7 раза больше, чем в предыдущем году, а потери рабочего времени достигли 3,9 млн человеко-дней, или на 65% больше, чем в 2021 г. [Kallas, Ritchie, Friedman, 2023, p. 13].

В целом, если в 2021 г. потери рабочего времени (как следствие забастовок, в которых приняли участие свыше 1 тыс. человек) составили 72,0% общих потерь рабочего времени в этом году, то в 2022 г. эта доля выросла до 87,0% общих потерь рабочего времени в этом году [Kallas, Ritchie, Friedman, 2023, p. 13]. Можно также отметить, что, согласно данным официальной американской статистики, в 2022 г. в американской экономике было зарегистрировано только 26 забастовок, в которых приняли участие 126,5 тыс. человек⁷. Официальный Вашингтон даже в условиях нахождения в Белом доме Дж. Байдена, который называет себя самым «пропрофсоюзным президентом» в американской истории⁸, делает всё от него зависящее, чтобы в максимальной степени снизить накал и общественный резонанс от борьбы американских трудящихся за свои социально-экономические права, подчинив ее достижению исключительно узко-электоральных целей.

Одновременно формируется тенденция к росту продолжительности забастовок, в которых участвует всё большее число работников. Так, в 2022 г. резко сократилось количество рабочих и служащих, участвующих в однодневных забастовках (при общем росте количества таких забастовок), которое уменьшилось почти в 3,5 раза –

7 Work Stoppages. Annual work stoppages involving 1,000 or more workers, 1947 – Present // U.S. Bureau of Labour Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/web/wkstp/annual-listing.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

8 ICYMI: President Biden: I'm 'the Most Pro-Union President In American History. And I Make No Apologies for It' // AFL-CIO. America's Unions. – 2023. – June 29. – URL: <https://aflcio.org/statements/icymi-president-biden-im-most-pro-union-president-american-history-and-i-make-no> (дата обращения: 20.02.2024).

с 79,8 тыс. до 23,2 тыс. человек – при одновременном росте числа работников, участвующих в забастовках продолжительностью от 5 до 9 дней, – с 4,0 тыс. до 87,7 тыс. человек, от 10 до 30 дней – с 18,9 тыс. до 27,1 тыс. человек, свыше 31 дня – с 32,4 тыс. до 66,8 тыс. человек [Kallas, Ritchie, Friedman, 2023, p. 13].

В региональном разрезе в 2022 г. наибольший размах протестного движения был отмечен в западных штатах, где резко выросло число бастующих рабочих и служащих – с 83,8 тыс. до 111,6 тыс. человек, а количество потерянного рабочего времени возросло в 10 раз (!) (с 254,7 тыс. до 2,5 млн человеко-дней); в штатах Среднего Запада количество бастовавших рабочих и служащих выросло более чем в 3 раза (с 20,9 тыс. до 68,8 тыс. человек), а количество потерянного рабочего времени – почти в 1,4 раза (с 592,8 тыс. до 821,1 тыс. человеко-часов), в южных штатах количество бастующих работников выросло в 2 раза (с 12,1 тыс. до 24,0 тыс. человек). Параллельно произошло заметное снижение забастовочной активности в северо-восточных штатах, в которых число бастующих рабочих сократилось с 22,9 тыс. до 19,7 тыс. человек, а количество потерянного рабочего времени – почти в 4 раза (с 1,5 млн до 0,4 млн человеко-дней) [Kallas, Ritchie, Friedman, 2023, p. 15].

Динамика региональных показателей забастовочной активности в 2021–2022 гг. свидетельствует о том, что в США в борьбе американских трудящихся за свои права имеют место существенные географические различия, что напрямую связано как с отраслевой структурой американской экономики, так и с региональными позициями американских профсоюзов.

2023 год ознаменовался взрывным ростом забастовочной активности

американских трудящихся: в 470 протестных акциях приняли участие уже свыше 0,5 млн рабочих и служащих. Потери рабочего времени возросли почти до 25,0 млн человеко-дней, что более чем в 5 раз превысило показатель предыдущего года. По количеству участвующих в забастовках ведущую роль в 2023 г. играли сфера информационных услуг (35,0%), система здравоохранения и социальных услуг (свыше 21,0%), образовательных услуг (свыше 19,0%), отрасли обрабатывающей промышленности (почти 13,0%), гостиничное обслуживание и общественное питание (6,3%) [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 3, 5].

Основными центрами забастовочного движения стали западные и северо-восточные штаты; в забастовках и протестных акциях в этих регионах приняли участие соответственно 320 тыс. и 123 тыс. человек [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 14]. Всего забастовки, локауты и остановки трудового процесса имели место почти в 700 городах и населенных пунктах Америки⁹. Необходимо также указать, что в период 2021–2023 гг. ведущую роль в организации забастовок и протестных акций играли американские профсоюзы: за эти три года доля бастовавших рабочих и служащих, состоящих в американских профсоюзах, составила 96–97% [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 8].

Но главная причина резкого усиления забастовочной активности в 2023 г., по экспертному заключению Дж. Калласа, директора программы сбора статистических данных о забастовочном движении Корнеллского университета, состоит прежде всего в успехах забастовочного движения предыдущих лет, когда бастующим рабочим и служащим удалось добиться реализации немалой

9 Cornell University ILR School. Labor Action Tracker. Strikes. 01.01.2023–31.12.2023. – URL: <https://striketracker.ilr.cornell.edu/> (дата обращения: 20.02.2024).

части заявленных целей. С точки зрения Дж. Калласа, «работчие почувствовали себя воодушевленными предыдущими заметными и успешными забастовками (или угрозами забастовки) и благоприятной ситуацией на рынке труда, что подтолкнуло их к тому, чтобы просить о более высокой зарплате и других льготах, поскольку инфляция забрала значительные средства из их карманов»¹⁰.

Крупнейшие забастовки 2023 г.: особенности и последствия

Наиболее резонансными в 2023 г. стали протестные акции, организованные *профсоюзом Гильдии киноактеров – Американской федерации артистов телевидения и радио*, объединяющим в своих рядах порядка 160 тыс. актеров, сценаристов, тележурналистов, инженеров, техников и работников американского кино и телеиндустрии. Забастовочные пикеты длились почти 4 месяца – с 14 июля по 9 ноября – главным образом в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Профсоюзу актеров и сценаристов противостоял Альянс продюсеров кино и телевидения, с которым в конце концов и был подписан коллективный договор 9 ноября. Забастовка началась в связи с истечением 12 июля 2023 г. срока действия коллективного договора, подписанного в 2020 г. В пользу проведения забастовки высказались 98% членов профсоюза актеров и сценаристов¹¹. Их основные требования свелись к повышению минимальных ставок гонораров актеров и сценаристов как формы компенсации за потери, понесенные

ими в 2021–2022 гг. в результате резкого роста инфляции, к принятию новых формул вознаграждений за прокат кино- и телефильмов во вторичных медиаресурсах, включая их ретрансляцию за пределами США, к финансовому упорядочиванию правил использования искусственного интеллекта (ИИ) во время кино- и телесъемок, что нашло свое отражение как в широком безвозмездном тиражировании образов актеров в сценах и на кадрах, создаваемых ИИ, так и в синтесаторах их голосов, к повышению размеров выплат по медицинским страховкам и пенсионным выплатам.

Протестная активность выразилась в том, что актеры, сценаристы и работники кино- и телеиндустрии, во-первых, прекратили свое сотрудничество с основными телекомпаниями США в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, во-вторых, стали регулярно организовывать и проводить пикетирование студийных комплексов киноконцернов *Paramount, Warner Brothers, Disney, Fox Entertainment, Netflix, NBC Universal*. В забастовочных пикетах появлялись известные американские кино- и телеактеры и актрисы, такие как Э. Дженни, К. Дивер, Л. Лерман, Дж. Кинг, Дж. Гудвин и многие другие. Однако переговоры о заключении нового коллективного договора между профсоюзом актеров и сценаристов и Альянсом продюсеров кино и телевидения начались только в начале октября; до этого владельцы и управляющие американской киноиндустрии встали на путь экономического изматывания бастующих. Самые большие экономические потери понесли рядовые работники Голливуда, которым «пришлось продать или заложить свои дома

10 Today's AFL-CIO Press Clips // Kentucky State AFL-CIO. – 2023. – December 28. – URL: <https://ky.aflcio.org/news/todays-afl-cio-press-clips-580> (дата обращения: 20.02.2024).

11 Sakoui A. SAG-AFTRA members approve strike authorization by overwhelming margin // The Los Angeles Times. – 2023. – June 5. – URL: <https://www.latimes.com/entertainment-arts/business/story/2023-06-05/sag-aftra-strike-hollywood-labor-amtp-strike-authorization> (дата обращения: 20.02.2024).

и потратить свои индивидуальные пенсионные накопления для того, чтобы выжить, поскольку в индустрии развлечений в Калифорнии было потеряно 45 тыс. рабочих мест». Однако во время проведения забастовочных пикетов экономика Калифорнии понесла потери в размере 6,5 млрд долларов¹², и поэтому власти одного из самых продемократически настроенных штатов Америки, по всей видимости, оказали мощное давление на Альянс продюсеров кино и телевидения с целью побудить его к скорейшему заключению нового коллективного договора. Помимо этого, в середине июля президент Дж. Байден поддержал забастовку работников кино- и телеиндустрии США, которая парализовала целую отрасль с ежегодным вкладом в ВВП США в размере 134 млрд долларов. Как заявила в середине лета представитель Белого дома Р. Паттерсон, «президент считает, что все работники, включая актеров, заслуживают справедливой оплаты и льгот. Президент поддерживает право рабочих на забастовку и надеется, что стороны смогут достичь взаимовыгодного соглашения»¹³.

В течение октября 2023 г. между представителями профсоюза актеров и сценаристов и Альянсом продюсеров кино и телевидения шли интенсивные переговоры, которые завершились 8 ноября подписанием рамочного соглашения, во исполнение которого 9 ноября забастовка, продолжавшаяся 118 дней, была прекращена. В общей сложности профсоюз актеров и сценаристов добился увеличения гонораров, пенсионных и медицинских выплат на сумму 1 млрд

долларов, включая кумулятивное повышение на 7% минимального размера гонораров для актеров и сценаристов с 9 ноября, затем на 4% – с 1 июля 2024 г., еще на 3,5% – с 1 июля 2025 г.

Была согласована новая формула выплат за первичный и вторичный прокат кино- и телепродукции, согласно которой 75% доходов получали непосредственно сценаристы, актеры и члены съемочной группы конкретного вида кино- и телепродукта, а остальные 25% шли в профсоюз актеров и сценаристов и Альянс продюсеров, которые добились права распоряжаться полученными средствами по своему усмотрению. Были согласованы также нормы-рамки использования средств ИИ в кино- и телесъемках, которые ограничили их применение в производственной деятельности американской киноиндустрии. Общая направленность «прозрачности» использования средств ИИ при создании образов и голосов актеров состояла в предоставлении им информации о масштабах и формах использования синтезированных образов и голосов, обязательного получения от них согласия на использование средств ИИ, а также порядка вознаграждения за созданные синтетические образы и голоса, которое было приравнено к гонорару или заработной плате актера¹⁴.

Срок действия нового коллективного договора был установлен до 30 июня 2026 г. 86% членов руководства профсоюза актеров и сценаристов поддержали новый коллективный договор, который президент профсоюза Ф. Дешер представила как «огромную победу», однако на общем собрании членов профсоюза

12 Patten D., D'Allessandro A. No Trick, No Treat: SAG-AFTRA & AMPTP End Talks For Day, Will Resume Wednesday // Deadline. – 2023. – October 31. – URL: <https://deadline.com/2023/10/actors-strike-talks-continue-1235588705/> (дата обращения: 20.02.2024).

13 Harvey J. SAG-AFTRA actors strike begins. White House weighs in // Deadline. – 2023. – July 14. – URL: <https://whynow.co.uk/read/sag-aftra-actors-strike-begins-white-house-weighs-in> (дата обращения: 20.02.2024).

14 Patten D. Read Full SAG-AFTRA Deal Summary Released Ahead Of Ratification Vote; Analysis Of AI & Streaming Fund // Deadline. – 2023. – November 12. – URL: <https://deadline.com/2023/11/sag-aftra-deal-summary-released-read-it-1235600852/> (дата обращения: 20.02.2024).

новый коллективный договор одобрили только около 80% членов при явке в 38%¹⁵. Тем не менее забастовка профсоюза актеров и сценаристов была крупнейшей в истории профсоюзного движения Голливуда после 2000 г., и она, учитывая влияние американской кино- и телеиндустрии на формирование стереотипов массового сознания в США, оказала заметное влияние на рост положительного или, скорее, сочувственного восприятия американским общественным мнением забастовочного движения в стране. Согласно опросу социологической службы Гэллага, проведенного в августе 2023 г., 67% респондентов высказали свою поддержку и симпатию актерам, в то время как на сторону студий встали только 24%¹⁶. Сама же эта забастовка, которая привела к потере 13,1 млн человеко-дней, явилась второй самой крупной забастовкой в США за последние 30 лет с 1993 г.¹⁷

Второй крупнейшей забастовкой в 2023 г. стала забастовка **работников Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности (ОПРАП)**, которая продолжалась 1,5 месяца (46 дней) – с 15 сентября по 30 октября 2023 г. В забастовке приняли участие порядка 50 тыс. рабочих и служащих заводов автоконцернов *Ford*, *General Motors*, *Stellantis* – транснациональной кампании, созданной в январе 2021 г. со штаб-квартирой в Амстердаме путем слияния американской корпорации *Chrysler* и французского автогиганта *PSA*. Особенность забастовки

состояла в том, что впервые в своей 88-летней истории ОПРАП проводил забастовку одновременно против трех автокомпаний. Рабочие и служащие – члены ОПРАП – пикетировали главным образом три завода: Мичиганский автосборочный завод компании *Ford* (3,3 тыс. рабочих), автосборочный завод компании *General Motors* в штате Миссури (3,7 тыс. рабочих) и автомобильный завод компании *Stellantis* в городе Тоledo (штат Огайо) (5,8 тыс. рабочих). Однако помимо этих трех автомобильных заводов рабочие и служащие профсоюза периодически организовывали небольшие пикеты по всей территории США в четырех с лишним десятках городов и пригородов¹⁸.

Решающую роль в организации, проведении и успешном завершении забастовки сыграл новый президент ОПРАП Ш. Фейн, приступивший к исполнению своих обязанностей в марте 2023 г. Электрик по профессии, Ш. Фейн, начавший свою трудовую деятельность на одном из заводов корпорации *Chrysler* в 1994 г., зарекомендовал себя как бескомпромиссный борец за права рядовых членов профсоюза; стал во главе ОПРАП в результате прямого голосования всех его членов. Он был избран новым президентом ОПРАП на платформе решительного пересмотра условий коллективного договора (срок действия которого истек в середине сентября 2023 г.), включая проведение мощной общенациональной забастовки как наиболее

15 Saunders A. Actors Approve SAG-AFTRA Deal That Ended 118-Day Strike: 'It's an Enormous Victory' // People. – 2023. – December 6. – URL: <https://people.com/sag-aftra-members-approve-2023-tv-theatrical-contracts-tentative-agreement-8411279> (дата обращения: 20.02.2024).

16 Saad L. More in U.S. See Unions Strengthening and Want It That Way // Gallup. – 2023. – August 30. – URL: <https://news.gallup.com/poll/510281/unions-strengthening.aspx> (дата обращения: 23.01.2024).

17 Desilver D. 2023 saw some of the biggest, hardest-fought labor disputes in recent decades // Pew Research Center. – 2024. – January 4. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/01/04/2023-saw-some-of-the-biggest-hardest-fought-labor-disputes-in-recent-decades/> (дата обращения: 20.02.2024).

18 UAW strike 2023: Map, data shows where, how many US auto workers are on strike. Thousands of UAW workers sent on strike in September // ClickOnDetroit. – 2023. – October 25. – URL: <https://www.clickondetroit.com/news/2023/10/25/uaw-strike-2023-map-data-shows-where-how-many-us-auto-workers-are-on-strike/> (дата обращения: 20.02.2024).

эффективной формы давления на руководство трех автогигантов.

ОПРАП выдвинул широкий спектр требований, включавших, во-первых, увеличение заработной платы рабочих и служащих в среднем на 36% в течение четырех лет к 2027 г.; во-вторых, ежегодные дополнительные выплаты с учетом темпов годовой инфляции; в-третьих, ликвидацию системы двухуровневой оплаты труда, при которой рабочие и служащие, принятые на работу после 2007 г., получали примерно в 2 раза меньше (17 долларов в час по сравнению с 33 долларами) «ветеранов труда» одинакового уровня квалификации и выполняемых производственных функций; в-четвертых, повышение пенсионных выплат; в-пятых, переход на четырехдневную рабочую неделю продолжительностью 32 рабочих часа [Freyre, 2023]. Почти ультимативные требования ОПРАП о резком увеличении оплаты труда были вызваны тем, что в период 2008–2022 гг. реальные заработки рабочих американского автопрома сократились почти на 20%¹⁹. Большая часть этих требований ОПРАП была обусловлена планами автогигантов по пере-профилированию производственных процессов на выпуск электромобилей, что потенциально означало закрытие многих производств и увольнение рабочих и служащих; помимо этого, автоконцернам требовались значительные средства, измеряемые миллиардами долларов, для масштабных инвестиций в производство электромобилей,

и именно этим они мотивировали свое нежелание увеличивать заработную плату и должностные оклады рабочих и служащих ОПРАП.

На протяжении полутора месяцев забастовки Ш. Фейн мастерски применил новую форму организации и проведения пикетов, известную как «стоячие забастовки». Содержание этой формы протестов сводится к тому, что забастовки начинаются в ограниченном числе мест, продолжаютя в течение сравнительно небольшого промежутка времени (несколько дней), и в них участвует немногочисленное число бастующих; однако если профсоюз не добивается своих требований, то «по конвейеру» к забастовкам и к пикетам подключаются новые отряды протестующих, что позволяет, в частности, постоянно держать забастовочную активность на высоком уровне при минимальных усилиях протестующих²⁰.

Забастовка рабочих и служащих автомобильной промышленности США вызвала большой общественный и политический резонанс. 26 сентября в пикет бастующих в Мичигане вместе с Ш. Фейном лично встал президент Дж. Байден, который громогласно заявил о том, что он однозначно поддерживает требование профсоюза о 40%-м повышении средней заработной платы. Он также не преминул в духе риторики в разгар забастовочного движения в США в середине XX в. заявить о том, что ему ближе интересы рабочих, нежели руководства автокорпораций. «Генеральные директора, – сказал президент США, –

19 Key Demands of UAW Strike. 2023 Updates // Dispariti. Law Group. – URL: <https://www.disparitilaw.com/key-demands-of-uaw-strike-in-chicago-2023-updates/> (дата обращения: 20.02.2024); UAW strike 2023: Map, data shows where, how many US auto workers are on strike. Thousands of UAW workers sent on strike in September // ClickOnDetroit. – 2023. – October 25. – URL: <https://www.clickondetroit.com/news/2023/10/25/uaw-strike-2023-map-data-shows-where-how-many-us-auto-workers-are-on-strike/> (дата обращения: 20.02.2024).

20 Ways to Strike // Labour Notes. – 2019. – October 17. – URL: <https://www.labornotes.org/2019/10/ways-strike> (дата обращения: 20.02.2024); UAW strike 2023: Map, data shows where, how many US auto workers are on strike. Thousands of UAW workers sent on strike in September // ClickOnDetroit. – 2023. – October 25. – URL: <https://www.clickondetroit.com/news/2023/10/25/uaw-strike-2023-map-data-shows-where-how-many-us-auto-workers-are-on-strike/> (дата обращения: 20.02.2024).

сидят в своих офисах, сидят на собраниях и принимают решения. Но мы производим продукт. (*Аплодисменты.*) Они думают, что владеют миром, но мы приводим его в движение. (*Аплодисменты.*) Руководители считают, что будущее принадлежит им. День сегодняшний принадлежит автомобильным рабочим и рабочему классу. (*Аплодисменты*)»²¹.

Поддержка Белого дома, возможно, также способствовала тому, что бастующим рабочим и служащим американского автопрома в целом удалось заключить новые коллективные договоры, добившись удовлетворения своих принципиально важных требований. Администрация Дж. Байдена еще до начала забастовки рабочих и служащих автомобильной промышленности, видимо, понимая, что ведущие американские автопроизводители не смогут удовлетворить требования профсоюза без серьезных для себя экономических потерь, в конце лета 2023 г. объявила о выделении 12 млрд долларов (2 млрд в виде грантов и 10 млрд долларов в виде займов) по линии Министерства энергетики для конверсии производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания в гибридные автомобили и электромобили, а также дополнительно 3,5 млрд долларов в виде инвестиций для производителей батарей для расширения уже имеющихся производственных мощностей²². После завершения забастовки американские автопроизводители заявили о том, что

в результате забастовки они понесли суммарные экономические потери почти в 3,0 млрд долларов²³.

На период до весны 2028 г. заработные платы будут в среднем увеличены на 25%, а с учетом ежегодных поправок на темпы инфляции – на 30%. Заработные платы наиболее высококвалифицированных категорий рабочих и служащих должны возрасти на 33%, а минимальные зарплаты для рабочих и служащих, принятых на постоянную работу, – на 70%. Главным организационным успехом забастовки следует считать отмену двухуровневой системы оплаты труда. Рабочие, заключившие временные контракты, увеличили свои зарплаты в среднем на 160% на период действия контракта, при этом после окончания забастовки ставки заработной платы были увеличены на 80%²⁴.

Были оговорены также формы повышения пенсий и гарантий безопасности и занятости при переходе автокорпораций на выпуск электромобилей. В целом, по заключению руководства ОПРАП, суммарное увеличение зарплат, пенсий, дополнительных выплат и гарантий занятости явилось самым большим за весь период XXI в.²⁵ Забастовка американских автостроителей 2023 г. показала возросшую организационную силу их профсоюза, который не просто успешно отстаивал свои права в борьбе с крупным капиталом, но и успешно противостоял одновременно сразу трем автоконцернам США,

21 The White House. Remarks by President Biden at United Auto Workers Picket Line. September 26, 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/09/26/remarks-by-president-biden-at-united-auto-workers-picket-line/> (дата обращения: 20.02.2024).

22 Biden-Harris Administration Announces \$ 15.5 Billion to Support a Strong and Just Transition to Electric Vehicles, Retooling Existing Plants, and Rehiring Existing Workers // Department of Energy. – 2023. – August 31. – URL: <https://www.energy.gov/articles/biden-harris-administration-announces-155-billion-support-strong-and-just-transition> (дата обращения: 20.02.2024).

23 Naughton K., Coppola G. Carmakers Weather \$ 2.9 Billion UAW Strike Chaos With Cost Cuts // Bloomberg Law. – 2023. – October 31. – URL: <https://news.bloomberglaw.com/daily-labor-report/detroit-carmakers-labor-bill-is-surging-and-theyre-ok-with-it> (дата обращения: 20.02.2024).

24 Big 3 Talks. News, Resources & Actions for 2023 Big Three Bargaining // UAW. – URL: <https://uaw.org/uaw-auto-bargaining/> (дата обращения: 20.02.2024).

25 Ibid.

чего раньше не наблюдалось в его почти вековой истории. Помимо это, усилению боевого настроя автостроителей способствовала демократизация профсоюзной жизни, при которой президент профсоюза избирается прямым тайным голосованием всех его членов (что сравнительно редко встречается в профсоюзном движении Америки), которые по исторической инерции полагаются на систему ступенчатых выборов руководящих органов. Как указывал в этой связи профсоюзный активист К. Бонер, анализ борьбы ведущих американских профсоюзов за заключение новых коллективных договоров в последние годы убедительно доказывает, что «ключевым моментом является то, что динамичный демократический процесс – “один член, один голос” – имеет решающее значение для возрождения рабочего движения»²⁶.

И, наконец, **крупнейшей забастовкой в сфере здравоохранения США** стала трехдневная забастовка сотрудников и медицинского персонала кампании «Кайзер Перманенте» со штаб-квартирой в городе Окланде (штат Калифорния) в период с 4 по 6 октября 2023 г. 75 тыс. сотрудников и медицинского персонала встали в пикеты вокруг больниц, поликлиник и административных зданий компании в штатах Калифорния, Колорадо, Орегон и Вашингтон, что создало прямую угрозу в предоставлении медицинских услуг примерно для 13 млн американцев. Сотрудники и медперсонал компании провели однодневную забастовку в штате Вирджиния и в столице США г. Вашингтоне. Руководство компании быстро капитулировало, со-

гласившись на введение минимальной почасовой заработной платы в размере 25 долларов для всех 68 тыс. членов компании в штате Калифорния и 23 долларов для персонала компании в других штатах, а также на общее увеличение зарплаты сотрудников компании на 21% в период до 2027 г.²⁷ Переговорный процесс проходил под «бдительным оком» министра труда Дж. Су, и об их итогах было доложено вице-президенту США К. Харрис, которая в прошлом была сенатором от штата Калифорния. Всего в отрасли здравоохранения США в 2023 г. состоялось по меньшей мере 37 забастовок²⁸, и американские аналитики указывают, что в сфере американского здравоохранения забастовочное движение имеет хорошие перспективы, поскольку эффекты забастовки прежде всего сказываются на состоянии здоровья пациентов больниц и клиник, и только впоследствии – на их прибылях.

Спектр современных требований бастующих трудящихся в США

Наиболее резонансные забастовки американских трудящихся 2023 г. убедительно говорят о том, что основным требованием американских профсоюзов является резкое увеличение заработной платы и должностных окладов работников. Основные требования протестующих свелись к (1) повышению заработной платы (бастовали 0,5 млн человек, потери рабочего времени – 2,5 млн человеко-дней), (2) упорядочению кадровой политики фирм и компаний (бастовали 161 тыс. человек, потери рабочего вре-

26 Bohner Ch. Direct Elections for Labor Leaders Make for More Militant Unions // LaborNotes. – 2024. – January 5. – URL: <https://labornotes.org/2024/01/direct-elections-labor-leaders-make-more-militant-unions> (дата обращения: 20.02.2024).

27 Hwang K. Kaiser unions went on strike twice in 12 months. The latest walkout led to a 'historic' deal // CalMatters. – 2023. – October 17. – URL: <https://calmatters.org/health/2023/10/kaiser-permanente-union-strikes-california-contract/> (дата обращения: 20.02.2024).

28 Nevarez E. The Growing Impact of Healthcare Labor Strikes // Chartis. – 2023. – November 3. – URL: <https://www.chartis.com/insights/growing-impact-healthcare-labor-strikes> (дата обращения: 20.02.2024).

мени – 2,5 млн человеко-дней) и (3) расширению пакета социальных услуг, главным образом медицинских и связанных с охраной труда (бастовали 27 тыс. человек, потери рабочего времени – почти 700 тыс. человеко-дней). Улучшение системы пенсионного обслуживания работников побудило участвовать в забастовках свыше 92 тыс. человек, а потери рабочего времени при этом составили свыше 1,6 млн человеко-дней [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 7].

Среди поводов и причин для проведения забастовок и пикетов значились также такие проблемы, как расовая несправедливость (свыше 21 тыс. бастующих) и условия начального контракта для вновь поступающих на работу (свыше 11 тыс. бастующих). Работодатели и руководство американских фирм достаточно активно противодействуют американским профсоюзам, нередко прибегая к тактике увольнения профсоюзных активистов и организаторов стачек; эти действия менеджмента компаний спровоцировали выступления трудящихся, в которых приняли участие почти 11 тыс. человек [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 7].

Все вышеперечисленные проблемы являются исключительно злободневными, и поэтому есть все основания говорить о том, что они были, есть и будут важнейшими факторами растущих противоречий между трудом и капиталом в США.

Заключение

Стремительный рост протестных настроений в американском обществе, начало которому было положено приходом к власти президента-республиканца, мультимиллиардера Д. Трампа в 2017 г., выразившееся в том числе в заметном по историческим меркам увеличении масштабов забастовочного движения, позволяет сделать вывод о том, что борь-

ба американских трудящихся как в условиях глобализации, так и деглобализации подчиняется циклическим и диалектическим закономерностям. *Циклические закономерности* перепадов в забастовочном движении в США состоят в том, что периоды «перемирия» во взаимоотношениях труда и капитала сменяются временами достаточно напряженного противостояния между рабочими и служащими и высшим управленческим аппаратом фирм и компаний, в том числе считающимися ведущими американским корпорациями. В последние годы наблюдается синхронизация циклов глобализации/деглобализации и смягчения/обострения противоречий между трудом и капиталом. Помимо этого, как показывает опыт последних забастовок и пикетов американских трудящихся ведущих отраслей американской экономики, они также быстро приобретают принципиально важное политическое измерение, при котором усиливается участие и внимание к забастовкам со стороны представителей властвующей элиты США.

Диалектические закономерности забастовочной борьбы определяют постепенную смену авангардов наиболее активных контингентов американских трудящихся: если во второй половине XX в. наиболее активными были рабочие и служащие обрабатывающих отраслей американской промышленности, то в настоящее время самыми боевыми являются работники сферы услуг США: в частности, в 2023 г. по количеству участвующих в забастовках работников доминирующую роль играла сфера услуг, на долю которой пришлось свыше 80% протестующих, в то время как доля рабочих и служащих отраслей обрабатывающей промышленности составила всего 13% [Ritchie, Kallas, Iyer, 2024, p. 5].

И самая главная причина периодически усиливающегося феномена забастовочного движения в США состоит в том,

что за долгие 150 лет существования американского капитализма после Гражданской войны 1861–1865 гг. властвующие элиты США так и не сумели гармонизировать взаимоотношения труда и капитала, и «отношения между работниками и работодателями по-прежнему определяются противоположными интересами, поскольку они объединяются для совместного создания ценностей, но объектами их бесконечных споров являются условия, в которых они будут совместно работать, и как будут распределяться выгоды от этой совместной деятельности» [Doellgast, Bidwell, Colvin, 2021, p. 573].

Список литературы

- Abouharb R., Fordham B. Trade and Strike Activity in the Postwar United States // *Social Sciences*. – 2020. – November. – P. 1–25. – DOI: 10.3390/socsci9110198.
- Doellgast V., Bidwell M., Colvin A. New Directions in Employment Relations Theory: Understanding Fragmentation, Identity, and Legitimacy // *IRL Review*. – 2021. – Vol. 74, N 3. – P. 555–579. – DOI: 10.1177/0019793921993445.
- Freyre J. Current State of United Auto Workers Strike and Demands // *Michigan Journal of Economics*. – 2023. – October 25. – URL: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2023/10/25/current-state-of-united-auto-workers-strike-and-demands/> (дата обращения: 20.02.2024).
- Goldberg P., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? // *World Bank. Policy Research Working Paper*. – 2023. – N 10392. – I, 49 p. – URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-10392.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
- Helpman E. Globalization and Wage Inequality // *NBER Working Paper*. – 2016. – N 22944. – I, 47 p. – URL: <http://www.nber.org/papers/w22944> (дата обращения: 20.02.2024).
- James H. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism // *Annual Review of Financial Economics*. – 2018. – Vol. 10, N1. – P. 219–237. – DOI: 10.1146/annurev-financial-110217-022625.
- Kallas J., Gradega L., Friedman E. Labor Action Tracker. Annual Report 2021. – ILR Worker Institute, 2022. – 14 p. – URL: https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2022-02/ilr-labor-action-tracker-annual-report-2021_1.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
- Kallas J., Ritchie K., Friedman E. Labor Action Tracker. Annual Report 2022. – ILR Worker Institute, 2023. – 16 p. – URL: <https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2023-02/ILR%20Labor%20Action%20Tracker%202022%20Final%201-20-23%20Rev.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
- Paul T. The Specter of Deglobalization // *Current History*. – 2023. – January. – P. 3–8. – DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3.
- Ritchie K., Kallas J., Iyer D.K. Labor Action Tracker. Annual Report 2023. – ILR Worker Institute – University of Illinois Urbana Champaign, 2024. – 15 p. – URL: <https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2024-02/Labor-Action-Tracker-2023-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
- Senses M. Globalization and US Labour Markets // *Economics and Policy in the Age of Trump*/Ed. by Ch. Bown. – London: CEPR Press, 2017. – P. 49–57.
- The Fall of the Labor Share and the Rise of Superfirms/Auton D., Dorn D., Katz L., Patterson Ch., Van Reenen J. // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2020. – May. – P. 645–709.
- Van Bergeijk P., Van der Hoeven R. Deglobalization and Labour: A New Era? // *Global Labour in Distress*, Volume I/ed. by P. Goulart, R. Ramos, G. Ferritu. Palgrave Readers in Economics. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 195–200.

USA: New Realities

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.05

The USA: Renaissance of Strike Forms of Struggle for Workers' Rights

Natalya M. TRAVKINA

Dr. Sc. (Political Sciences), Head of the Center for Internal Political Studies
Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
Khlebny per., 2/3, Moscow, Russian Federation, 121069
E-mail: n.travkina@iskran.ru
ORCID: 0000-0001-8215-2101

CITATION: Travkina N.M. (2024). The USA: Renaissance of Strike Forms of Struggle for Workers' Rights. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 86–104 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.05

Received: 23.01.2024.

Revised: 23.02.2024.

ABSTRACT. *The noticeable increase in both the number of strikers and the number of strikes in the United States, which have covered all American regions, is explained by complex dialectical relationships between the processes of globalization and deglobalization, in which trends towards deglobalization of the American economy are beginning to have an increasing impact on the forms of relations between labor and capital. Deglobalization can be interpreted as a reversal of trends in the socio-economic and political development of the American society that have formed over the course of 20–25 years since the early 1990s. The reverse nature of socio-economic processes in the United States means the revival of many traditional types of contradictions between labor and capital. These contradictions are characteristic of the period in which the main factor of economic growth and development was the national economy and which were pushed to the periphery of the relations between labor and capital by globalization processes. It should also be borne in mind the influence of factors of scientific*

and technological progress, in particular the development of artificial intelligence, and demographic shifts, in particular, the colossal influx of illegal immigrants in the period 2021–2023, in American society, which manifest themselves to a certain extent autonomously in relation to both to globalization and deglobalization. The most important driving force behind deglobalization in the United States is the coronavirus pandemic, which aggravated the relations between the social lower classes and the social upper classes in America. The main demands of striking American workers such as increasing wages and salaries, expanding the package of social services, mainly medical, and streamlining the personnel of firms and enterprises by managers also appear in the form of «timeless demands» of the labor factor to the capital factor, which have always been present in history strike movement in the United States since the 1880s. However, currently the epicenter of strikes is not the manufacturing, but the service sector, that is – information, education, trade, healthcare sector. And it is also a sign of the

growing importance of the national economy. The increasing role and significance of the strike movement in the United States in recent years is a symptom of a general worsening of the relationship between labor and capital in the context of the growing political polarization of the American society that stems from the increasing confrontational nature of the opposition between the champions of liberal neo-globalism and conservative anti-globalists.

KEYWORDS: globalization, deglobalization, strike movement, trade unions, strikers' demands, collective agreements, industry, service sector.

References

- Abouharb R., Fordham B. (2020). Trade and Strike Activity in the Postwar United States. *Social Sciences*. November, pp. 1–25. DOI: 10.3390/socsci9110198.
- Doellgast V., Bidwell M., Colvin A. (2021). New Directions in Employment Relations Theory: Understanding Fragmentation, Identity, and Legitimacy. *IRL Review*. Vol. 74, no. 3, pp. 555–579. DOI: 10.1177/0019793921993445.
- Freyre J. (2023). Current State of United Auto Workers Strike and Demands. *Michigan Journal of Economics*. October 25. Available at: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2023/10/25/current-state-of-united-auto-workers-strike-and-demands/>, accessed 20.02.2024.
- Goldberg P., Reed T. (2023). Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? *World Bank. Policy Research Working Paper*. No. 10392, I + 49 pp. Available at: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-10392.pdf>, accessed 20.02.2024.
- Helpman E. (2016). Globalization and Wage Inequality. *NBER Working Paper*. No. 22944, I + 47 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w22944>, accessed 20.02.2024.
- James H. (2018). Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*. Vol. 10, no. 1, pp. 219–237. DOI: 10.1146/annurev-financial-110217-022625.
- Kallas J., Gradega L., Friedman E. (2022). *Labor Action Tracker. Annual Report 2021*. ILR Worker Institute, 14 pp. Available at: https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2022-02/ilr-labor-action-tracker-annual-report-2021_1.pdf, accessed 20.02.2024.
- Kallas J., Ritchie K., Friedman E. (2023). *Labor Action Tracker. Annual Report 2022*. ILR Worker Institute, 16 pp. Available at: <https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2023-02/ILR%20Labor%20Action%20Tracker%202022%20Final%201-20-23%20Rev.pdf>, accessed 20.02.2024.
- Paul T. (2023). The Specter of Deglobalization. *Current History*. January, pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3.
- Ritchie K., Kallas J., Iyer D.K. (2024). *Labor Action Tracker. Annual Report 2023*. ILR Worker Institute, University of Illinois Urbana Champaign, 15 pp. Available at: <https://www.ilr.cornell.edu/sites/default/files-d8/2024-02/Labor-Action-Tracker-2023-Annual-Report.pdf>, accessed 20.02.2024.
- Senses M. (2017). Globalization and US Labour Markets. In: Bown Ch. (ed.). *Economics and Policy in the Age of Trump*. London: CEPR Press, pp. 49–57.
- The Fall... (2020). Auton D., Dorn D., Katz L., Patterson Ch., Van Reenen J. The Fall of the Labor Share and the Rise of Superfirms. *The Quarterly Journal of Economics*. May, pp. 645–709.
- Van Bergeijk P., Van der Hoeven R. (2022). Deglobalization and Labour: A New Era? In: Goulart P., Ramos R., Ferrittu G. (eds.). *Global Labour in Distress, Volume I*. Palgrave Readers in Economics. New York: Palgrave Macmillan, pp. 195–200.

Право и политика

УДК 341.655 (71)

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.06

Параметры санкционного законодательства Канады и тенденции судебной практики по делам об обжаловании санкций

Анастасия Антоновна ЛОПУШИНСКАЯ

выпускник магистратуры Международно-правового факультета
Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: lopushinskaya_a_a@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0004-1457-9970

Алексей Сергеевич КУДИНОВ

кандидат юридических наук, научный сотрудник Центра экспертизы
санкционной политики

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: kudinov-as@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9223-7678

Екатерина Яковлевна АРАПОВА

кандидат экономических наук, директор Центра экспертизы санкционной
политики, ведущий научный сотрудник

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: arapova_katrin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8765-9825

ЦИТИРОВАНИЕ: Лопушинская А.А., Кудинов А.С., Арапова Е.Я. Параметры санкционного законодательства Канады и тенденции судебной практики по делам об обжаловании санкций // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 105–121.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.06

Статья поступила в редакцию 18.06.2023.

Исправленный текст представлен 01.10.2023.

АННОТАЦИЯ. Авторы исследовали законодательство Канады о санкциях, а также судебную практику по их применению. В результате дана количественная оценка действующих санкционных режимов, проведено классификационное разграничение между тематическими и региональными санкциями. Установлено, что среди юридически оформленных в Канаде санкционных режимов 5 представляют собой тематические санкции, 25 – региональные. Определено, что нормативную базу образуют 4 закона и 27 подзаконных актов. Помимо непосредственно санкционных ограничений (запрет на въезд, заморозка активов), канадская система санкций предусматривает сопутствующие меры – уголовное преследование за нарушение санкционных режимов и ограничения согласно миграционному законодательству. Авторы приходят к выводу о том, что право на судебное обжалование санкций в канадском праве презюмируется, в то время как административное обжалование определяется конкретными нормативными актами. Канада фактически использует эту разницу для активации дополнительных санкционных механизмов. Канадские суды в делах об обжаловании санкций фокусируются больше на правомерности самих актов и уходят от вопроса фактического нарушения прав и законных интересов затронутых санкциями лиц, а также соразмерности принимаемых мер и причин, послуживших для включения лиц в списки. Принятые в апреле 2022 г. поправки в законодательство Канады фактически узаконили конфискацию имущества в рамках санкционных ограничений, что стало первым в мире отступлением от классической формулы блокировки активов при со-

хранении за подсанкционным лицом права собственности. Авторы приходят к выводу о юридически слабой проработанности нововведения и высокой вероятности того, что оно станет предметом судебного обжалования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Канада, санкционная политика, санкции, односторонние ограничительные меры, судебная практика, законодательство, решения международных судов, заморозка активов.

Введение

Изучение законодательства Канады является актуальной задачей, так как эта страна довольно активна в принятии односторонних экономических ограничений и отличается спецификой их правового оформления. При этом русскоязычные исследования посвящены в основном законодательству и санкционной практике США и ЕС (например, [Кёхлер, 2019; Силаева, 2021]).

В последние годы очевидным фактом стало то, что санкции не достигают поставленных целей и показывают низкую эффективность [Тимофеев, 2022, с. 137]. Это вынуждает государства, принимающие санкционные решения, прибегать к использованию вторичных санкций (главным образом США)¹ и усиливать меры контроля за соблюдением ограничений. В этой работе участвуют не только законодательные органы, но и судебная власть, которая дает больше возможностей для отклонения жалоб лиц, на которые были наложены санкции. Государства стремятся не удовлетворять условия для снятия санкций, что можно квалифицировать как определенную страте-

1 Ограничительные меры государств против отдельных юридических и физических лиц, включая частные и государственные компании, за нарушение ранее принятых санкционных программ [Тимофеев, 2019, с. 22].

гию поведения на международной арене [Blanchard, 1999, p. 226].

Данная тенденция характерна для канадской судебной системы. Канада не только использует законодательные механизмы, но и задействует судебное толкование, функции которого расширяются до судебного правотворчества, формулирующего из нормы закона новые правила, особенно в случаях, когда законодательная норма является неясной [Марченко, 2016, с. 26].

Степень научной разработанности тематики канадских санкций остается невысокой, особенно в русскоязычных публикациях. Отсутствуют развернутые комментарии к законодательным новеллам, а право судебного и административного обжалования санкций Канады не было предметом специального исследования.

Система нормативно-правового регулирования санкций в Канаде

Как и другие западные юрисдикции, Канада имеет свою классификацию санкций. Основанием деления ограничений на виды, согласно официальной доктрине, выступают применяемые санкционные меры, такие как полное эмбарго или частичные ограничения импорта и экспорта, «заморозка» (арест) активов, запрет технического сотрудничества, финансовые ограничения (в отношении банковских переводов и иных финансовых операций с лицами, включенными в санкционные списки), связанные меры.

Группируются данные ограничения в рамках закона, предусматривающего введение специальных экономических мер (далее – закон о специальных экономических мерах), и Закона о правосудии для жертв незаконных действий со стороны иностранных должностных лиц в санкционные режимы². По состоянию на сентябрь 2023 г. их можно сгруппировать в два блока:

- 5 – тематические санкции (предотвращение несоблюдения резолюций ООН о наложении санкций, противодействие коррупции, заморозка активов коррумпированных иностранных государственных чиновников, борьба с терроризмом, обеспечение мира и безопасности, защита прав человека);
- 25 – региональные³, из них 2 направлены против террористических организаций, остальные – классические региональные санкции, наложенные в отношении граждан и юридических лиц из таких стран, как Белоруссия, Россия, Иран, Ирак, Украина и т. д.

Нормативную основу данных санкционных режимов составляют следующие нормативные правовые акты:

- Закон о соблюдении ст. 41 Устава ООН (*An Act respecting Article 41 of the Charter of the United Nations 1985*⁴).
- Закон, предусматривающий введение специальных экономических мер (*An Act to provide for the imposition of special economic measures 1992*⁵).
- Закон о правосудии жертв незаконных действий со стороны иностранных должностных лиц (*Justice for Victims of Corrupt Foreign Officials Act*

2 Совокупность финансово-экономических и иных мер, направленных на достижение политических целей, обеспечения интересов внешней политики или национальной безопасности (определение сформулировано на основе определения односторонних мер С. Байса: «меры финансово-экономического характера с целью обеспечения интересов внешней политики или национальной безопасности» [Buys, 1999, p. 55].

3 Меры, введенные в отношении определенного государства [Арапова, Кудинов, 2022, с. 157].

4 United Nations Act, RSC 1985, c U-2. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/U-2/index.html> (дата обращения: 22.03.2023).

5 Special Economic Measures Act, SC 1992, c 17. <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/s-14.5/page-1.html> (дата обращения: 22.03.2023).

2017⁶), официальное краткое название – Закон Сергея Магнитского⁷.

- Закон о заморозке активов коррумпированных иностранных должностных лиц (*Freezing Assets of Corrupt Foreign Officials Act 2011*⁸).

Законы детализируются в 27 подзаконных актах, один из которых направлен против нескольких террористических организаций (Постановление об имплементации Резолюций СБ ООН в отношении «Талибана», ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиды»), один – против акта терроризма в целом (Постановление об имплементации Резолюций СБ ООН о борьбе с терроризмом), остальные детализируют ограничения по страновой принадлежности.

Закон о соблюдении ст. 41 Устава ООН обеспечивает соблюдение и исполнение санкций, налагаемых СБ ООН. В законе установлена ответственность для лиц, нарушающих санкционный режим и не соблюдающих обязанности, предусмотренные в подзаконных актах, принятых во исполнение Закона об ООН (например, за нарушение оператором аэропорта обязанности отказать в предоставлении разрешения на посадку воздушного судна, зарегистрированного в КНДР⁹, по рекомендации министра юстиции).

Закон о специальных экономических мерах расширяет инструментарий законодателей по сравнению с Законом об ООН.

Закон о правосудии для жертв незаконных действий со стороны иностранных должностных лиц (далее – *Закон Магнитского*) позволяет Правительству Канады принимать односторонние меры в случае серьезного нарушения прав человека действиями или решениями должностных лиц иностранных государств. Основная разница с аналогичным обоснованием в Законе о специальных экономических мерах состоит в том, что нормы Закона Магнитского могут применяться исключительно в случаях нарушения прав человека, совершенных в результате действий или решений коррумпированных иностранных чиновников [Rosen, 1993, p. 45], тогда как Закон о специальных экономических мерах не содержит такого ограничения, но в то же время не уточняет, что понимается под «актами значительной коррупции». Ситуация не проясняется и в судебной практике, где судьи обычно ограничиваются тем, что подчеркивают, что акты представляют два разных режима, и обращают внимание на более-менее очевидные аспекты, такие как общее содержание обоих актов¹⁰.

Закон о заморозке активов коррумпированных иностранных должностных лиц (далее – *Закон 2011 г.*) позволяет, как гласит преамбула, «принимать ограничительные меры в отношении имущества должностных лиц и бывших должностных лиц

6 Justice for Victims of Corrupt Foreign Officials Act (Sergei Magnitsky Law), SC2017, c21. – URL: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/J-2.3/FullText.html> (дата обращения: 22.03.2023).

7 Канада не единственная страна, перенявшая опыт США (схожие законы приняты в Эстонии, Великобритании, Литве, Латвии, Гибралтаре, на о. Джерси и в Косово), однако она, в отличие от Великобритании и, например, Литвы, так же, как и США, официально назвала свой закон в честь г-на Магнитского.

8 Freezing Assets of Corrupt Foreign Officials Act, SC2011, c10. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/F-31.6/FullText.html> (дата обращения: 22.03.2023).

9 П. 1 ст. 17 Постановления об имплементации Резолюции СБ ООН в отношении КНДР (Regulations Implementing the United Nations Resolutions on the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) (SOR/2006–287). – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2006–287/FullText.html> (дата обращения: 22.03.2023).

10 Gomez v. Canada (Attorney General), 2021 FC 1300 (CanLII). – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/fct/doc/2021/2021fc1300/2021fc1300.html?searchUrlHash=AAAAAQAvR29tZXogdi4gQ2FuYWRhChBdHRvcn5leSBHcW5lcmFsKSwgMjAyMSBGQyAxMzAAAAAAQ&resultIndex=1> (дата обращения: 22.03.2023).

иностранных государств и членов их семей». Формально данный акт не относится к документам, устанавливающим санкционные ограничения, так как его положения представляют собой «форму помощи, которую Канада предоставляет запрашивающей стране в качестве первоначального шага к возможной взаимной правовой помощи¹¹». Соответственно, с точки зрения канадских законодателей, данный акт формально является частью режима правовой помощи в борьбе с преступностью. Такой подход исходит из некоторых норм международного права. Кроме того, нормы закона применяются исключительно к лицам, государство гражданства которых «переживает внутренние волнения или политическую неопределенность». Условия определения такого состояния законодательно не установлены.

Как следует из пресс-релизов, публикуемых правительством Канады¹², цель рассмотренных актов – это «недопущение финансирования физических лиц и организаций, допускающих грубые нарушения прав человека или нарушающих международную безопасность».

Отдельно официальной доктриной выделяются связанные меры (*related*

measures). В их число входят запрет на предоставление статуса беженца и запрет на въезд, установленные в Законе об иммиграции (*Immigration and Refugee Protection Act*), а также привлечение к уголовной ответственности согласно уголовному кодексу¹³ (*Criminal Code 1985*).

«Связанные меры», на первый взгляд, тоже включаются в разновидности санкций.

Во-первых, в разных официальных источниках Канады¹⁴ многократно говорилось о том, что введение уголовной ответственности как для лиц, подвергнутых санкциям, так и для граждан и промышленности является способом обеспечения соблюдения санкционного режима и борьбы с обходом санкций.

Во-вторых, такой подход вполне согласуется с правом международной безопасности и международным правом борьбы с преступностью, поскольку оба в той или иной степени призывают к криминализации¹⁵ и вводу наказаний за некоторые деяния. Так, цикл конвенций о борьбе с коррупцией и отмыванием денег (главным образом *Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции*, *Конвенция об уголовной ответственности за корруп-*

11 Canadian sanctions legislation. – URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations-relations_internationales/sanctions/legislation-lois.aspx?lang=eng (дата обращения: 16.02.2023).

12 Regulations Amending the Special Economic Measures (Haiti) Regulations: SOR/2023-25. – URL: <https://canadagazette.gc.ca/rp-pr/p2/2023-03-01/html/sor-dors25-eng.html> (дата обращения: 16.02.2023); Statement by Minister Cannon on Iran Sanctions. – URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2010/07/statement-minister-cannon-iran-sanctions.html> (дата обращения: 22.03.2022); Statement by the Prime Minister of Canada announcing additional sanctions. – URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2014/08/statement-prime-minister-canada-announcing-additional-sanctions.html> (дата обращения: 22.03.2022); Regulations Amending the Special Economic Measures (Belarus) Regulations: SOR/2022-240. – URL: <https://www.gazette.gc.ca/rp-pr/p2/2022/2022-12-07/html/sor-dors240-eng.html> (дата обращения: 22.03.2022) и т. д.

13 Имеются в виду преступления и наказания за них, установленные в разделах (sections) с 83.02 по 83.04 или с 83.18 по 83.23 УК Канады (Criminal Code, RSC 1985, с C-46. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (дата обращения: 22.03.2023).

14 Government to ban sanctioned Russians from entering Canada. – URL: <https://www.canada.ca/en/border-services-agency/news/2022/05/government-to-ban-sanctioned-russians-from-entering-canada.html> (дата обращения: 22.03.2022). Примечательно, что схожий подход можно найти в правовой доктрине ЕС: Sanctions EU Map. – URL: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main/details/26/?search=%7B%22value%22:%22%22%22%22searchType%22:%7B%7D%7D> (дата обращения: 16.02.2023); EU restrictive measures against Russia. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 16.02.2023).

15 Здесь используется юридический термин, означающий следующее: «[...] процесс установления [...] государством общественной опасности определенного явления в жизни общества, представляющего угрозу сложившимся общественным отношениям и требующего уголовно-правовой защиты» [Криминализация и декриминализация..., 2018, с. 59].

цию от 27 января 1999 г. и Конвенция Совета Европейского союза от 26 мая 1997 г. о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие Европейских сообществ или служащие государств – членов Европейского союза) криминализует целый ряд деяний и вводит обязанность сторон договора разработать на национальном уровне адекватные наказания. Говоря конкретно о Канаде, можно также обратить внимание на то, что ведение списка санкций с процедурной точки зрения отнесено к компетенции органов, осуществляющих уголовное преследование, и Службе внешней разведки и обеспечения национальной безопасности [Nesbitt, 2017, p. 570].

Подтверждает такое видение и судебная практика. В деле *Djilani v. Canada (Foreign Affairs)* Верховный суд Канады прямо сказал, что Закон 2011 г. был принят для пресечения попыток отмывания денег¹⁶.

Однако более корректно квалифицировать «связанные меры» в качестве способов обеспечения исполнения (enforcement) санкций. Это справедливо как для уголовной ответственности в качестве меры воздействия на нарушителей санкций, так и для ограничений согласно миграционному законодательству: экстрадиции, запрета на въезд¹⁷, лишения возможности получения временного или постоянного проживания по отдельным основаниям¹⁸.

Рассмотрение мер уголовной ответственности в качестве разновидности санкционных ограничений является особенностью канадской и отчасти американской доктрины [Charron, 2019, p. 11; Andreas, 2005, p. 5], где делается особый акцент на «криминализации» санкций, то есть на их переводе в компетенцию органов, осуществляющих уголовное преследование, а также на введении уголовного наказания за нарушение санкционных ограничений.

Судебная практика по спорам о защите прав и свобод лиц, внесенных в санкционные перечни

Наличие у физического или юридического лица права на оспаривание санкций зависит от юрисдикции и статуса лица. Согласно документам ООН (Резолюция 1730 (2006) «Процедура исключения из перечня», Резолюция 2255 (2015¹⁹) и Резолюция 2610 (2021²⁰)), этого права может не быть [Niederberger, Biersteker, 2022, p. 50].

Наличие права административно-го обжалования обычно включается в само решение о введении санкций. Например, в Постановлении о специальных экономических мерах (Иран)²¹ в статьях 11–14 устанавливается право лица обратиться к министру иностранных дел с заявлением об исключении его из списка. При этом аналогичной

16 *Djilani v. Canada (Foreign Affairs)*, 2017 FC 1178 (CanLII), at para 48. – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/fct/doc/2017/2017fc1178/2017fc1178.html?searchUrlHash=AAAAAQAYRGppbGFuaSB2LiBDYW5hZGEGKEZvcnVpZ24gQWZmYmlycyksIDlwMTcgRk-MgMTE3OCMAAAAAAQ&resultIndex=1> (дата обращения: 22.03.2023).

17 EU sanctions against Russia explained. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 22.03.2023).

18 *Figueroa v. Canada (Attorney General)*, 2019. – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2019/2019scc1/2019scc1.html> (дата обращения: 22.03.2023).

19 Резолюция 2255 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7590-м заседании 21 декабря 2015 г. – URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/568fd25f4.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

20 Резолюция 2610 (2021), принятая Советом Безопасности на его 8934-м заседании 17 декабря 2021 г. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/408/00/PDF/N2140800.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.03.2022).

21 Special Economic Measures (Iran) Regulations SOR/2010–165 // Justice Laws Website – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2010–165/FullText.html> (дата обращения: 12.09.2023).

формулировки нет в Положении об исполнении резолюций Совета Безопасности ООН по Ирану²². В данном акте предусмотрена только административная процедура исключения из списка для лиц, которых спутали с лицами, включенными в санкционные списки. При этом, напротив, указано, что «настоящим актом не допускается никакое судебное разбирательство в Канаде по иску правительства Ирана, любого лица в Иране, лица, внесенного в список, ... или любого лица, ... действующего от имени такого лица в связи с любым контрактом или другой сделкой» (ст. 15).

В иных случаях, согласно оценке канадских юристов, право на судебное обжалование исходит не из внутреннего законодательства, а из международных договоров, в особенности из соглашений об избежании двойного налогообложения²³. Об этом косвенно также говорит приведенная цитата из Положения об исполнении резолюций Совета Безопасности ООН по Ирану.

Таким образом, право на судебное обжалование санкций в канадском праве презюмируется, в то время как административное определяется конкретными нормативными актами. Фактически эта особенность позволяет канадским судам отказывать заявителям в судебной защите²⁴.

Как было сказано выше, канадские суды придерживаются устаревшей по-

зиции в вопросе предоставления судебной защиты прав и законных интересов лиц, которые были внесены в санкционные списки. Однако сначала необходимо кратко передать суть данной позиции и объяснить, почему она была признана судебной системой ряда стран некорректной.

Ключевым делом, признавшим старую практику национальных судов в отношении вопроса отмены санкционных мер, стало дело *Kadi v. Commission*. Суть данного спора заключалась в следующем.

Активы заявителя (Яссина Кади) оказались заморожены в результате принятия регламента Комиссии ЕС от 19 октября 2001 г. № 2062/2001, принятого в свою очередь во исполнение Резолюции Совета Безопасности 1333 (2000), Резолюции 1617 (2005) и др., вводящих санкции против «Талибана», «Аль-Каиды» и иных террористических организаций, и в результате его внесения в санкционный список. Заявитель обратился в Суд ЕС, утверждая, что были нарушены его право на собственность, право быть заслушанным органом, принявшим решение о включении в список, а также право на эффективную защиту. Суд ЕС принял аргументы заявителя, объявил данные акты противоправными и нарушающими права человека. В решении Суда ЕС была подвергнута критике тактика региональных судов, которые использовали ссылки на ст. 25

22 Regulations Implementing the United Nations Resolutions on Iran SOR/2007–44 // Justice Laws Website. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2007-44/FullText.html> (дата обращения: 12.09.2023).

23 «Конфискация может быть оспорена на основании ст. 9 Соглашения между Правительством Канады и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о поощрении и взаимной защите капиталовложений в качестве нарушения ст. 4 «Экспроприация». Ожидается появление пилотного дела в течение 2023 г., который послужит обязательным прецедентом для разрешения всех будущих споров, касающихся новых правил о конфискации» Webster J., Somera E., Xu J. 2023 CANADIAN TRADE OUTLOOK: ECONOMIC SANCTIONS // bakermckenzie.com. – 2023. – URL: <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/2023-canadian-trade-outlook-economic-sanctions/> (дата обращения: 22.03.2023).

24 Чуприянова П. Восьмой санкционный пакет ЕС // РСМД. – 2022. – 19 августа. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions/vosmoy-sanktsionnyy-paket-es/> (дата обращения: 17.02.2023); Мельникова Ю. «Санкционный шторм» 2022 г. и его последствия для российской экономики // РСМД. – 2022. – 14 января. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions/sanktsionnyy-shtorm-2022-g-i-ego-posledstviya-dlya-rossiyskoy-ekonomiki/> (дата обращения: 13.02.2023).

(резолюции Совета Безопасности обязательны к исполнению) и ст. 103 Устава ООН (обязательства по Уставу ООН имеют приоритет перед обязательствами по другим международным договорам), что позволяло им не признавать свою юрисдикцию и лишать заявителей права на судебную защиту.

Суд ЕС обратил внимание, что лицо, на которое были наложены санкции, фактически не имеет возможности напрямую обжаловать решение о наложении санкций в порядке административной процедуры. В изначальных же редакциях этих резолюций право на административное обжалование в Комитет по санкциям ООН отсутствовало. Однако сама процедура, по описанию Суда ЕС, «остается по-прежнему дипломатической и межправительственной»²⁵.

Суд указал, что Комиссия не способствовала Суду в установлении справедливости внесения заявителя в список, не предоставив ему конкретные основания внесения лица в санкционный перечень. При этом отмечено, что на уровне Совета Безопасности ООН отсутствовали (и отсутствуют до сих пор) гарантии эффективной судебной защиты лиц, внесенных в санкционные списки.

Схожие проблемы можно встретить в решениях канадских судов, однако они всё же восприняли международную практику и не настаивают на отсутствии своей юрисдикции. Также за счет поправок, принятых в апреле 2022 г., формально была решена проблема с правомочностью оснований внесения лиц в список по вопросу о конфискации имущества. Требование о конфискации, передаваемое министром иностранных дел в суд, обязано соответствовать определенным крите-

риям и иметь развернутое обоснование для конфискации. Факт внесения лица в санкционный перечень более не является достаточным основанием.

Однако основа позиции, критикуемой в деле *Kadi v. Commission*, осталась неизменной. Так же, как национальные суды в прошлом, канадские суды продолжают фокусироваться больше на правомерности самих актов и по возможности уходят от вопроса фактического нарушения прав и законных интересов затронутых санкциями лиц, а также соразмерности принимаемых мер и причин, послуживших для включения лиц в списки.

Вопрос о действии актов санкционного законодательства рассматривался наиболее полно в 11 спорах. В них представлены ситуации нескольких типов. Для их демонстрации предлагается рассмотреть следующие споры.

***Djilani v. Canada (Foreign Affairs)*, 2017.** Было подано заявление на исключение заявителя из санкционного списка *Freezing Assets of Corrupt Foreign Officials (Tunisia) Regulations* (Постановление о заморозке активов коррумпированных иностранных должностных лиц, далее – Постановление) министру иностранных дел Канады. Однако его заявление было отклонено на том основании, что заявитель всё еще находился в статусе политически значимого лица (*politically exposed foreign person*). Кроме того, не были удовлетворены критерии, позволяющие приостановить или отменить действие Постановления.

Заявитель выдвинул следующие утверждения: Закон 2011 г. и Постановление нарушают его право на свободу и безопасность, а также пункт Канадской хартии прав и свобод, гарантирующий право быть выслушанным

25 Joined cases C-402/05 and C-415/05, Jassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and the Commission of the European Communities // [2008] ECR I-0635. Цит. по: [Исполинов, 2013, с. 29].

в суде; решение министра является необоснованным; министр превысил свои полномочия; процесс подачи заявления в соответствии со статьей 13 Закона нарушает принципы процессуальной справедливости.

В результате рассмотрения данного заявления суд отклонил все утверждения заявителя. Суд указал на то, что неспособность заявителя открывать счета в канадских банках не является нарушением его свобод²⁶. Таким образом, Закон и Постановление не нарушают конституционных прав и свобод заявителя.

Вторым основным выводом суда было то, что невозможно требовать соблюдения стандартов справедливости в том смысле и объеме, которые применяются в суде в отношении административной процедуры, которой является процедура рассмотрения заявки на исключение из санкционного списка.

Решение министра иностранных дел об отклонении заявления об исключении из списка также, по мнению суда, является обоснованным, поскольку заявитель и его родственники продолжали на момент рассмотрения заявления сохранять тесные связи с семьей Бена Али, а также получать от него финансовую поддержку. Задачей Закона в этой ситуации является предотвращение отмывания денег, чтобы родственники Бена Али не могли воспользоваться материальными средствами и привилегиями, которые семья заявителя получает в качестве беженцев.

***Figueroa v. Canada (Foreign Affairs and International Trade)*, 2015.** Заявитель г-н Фигероа был членом Фронта Фарабундо Марти за национальное освобождение (ФНОФМ) во время

гражданской войны в Сальвадоре, в результате чего ему было отказано в предоставлении статуса беженца, однако ему удалось добиться разрешения на постоянное проживание по другим основаниям. Тем не менее в итоге был выпущен приказ о его депортации из-за членства в прошлом в террористической группировке. Заявитель утверждал, что такие меры не должны к нему применяться, так как его спутали с лицом, занесенным в санкционный список, составленный в соответствии с *Постановлением об имплементации Резолюций СБ ООН о борьбе с терроризмом*.

В своем заявлении г-н Фигероа просит о выдаче судебного приказа (*mandamus*) с требованием к министру о выдаче ему документов и истребовании дела вышестоящим судом из нижестоящего суда для пересмотра (*certiorari*) с целью проверки правомерности решения министра.

Суд отклонил требования заявителя, аргументировав свое решение следующим образом: «Суд не располагает основаниями, которые позволили бы ему оценить, совершил ли министр ошибку непредставлением сертификата г-ну Фигероа» (сертификат о нераспространении действий санкций на конкретное лицо по определенным в Законе и соответствующем Постановлении основаниям)²⁷.

***Portnov v. Canada (Foreign Affairs)*, 2018 и *Portnov v. Canada (Attorney General)*, 2019.** Заявителю было отказано в исключении его из санкционного списка, составленного в соответствии с *Постановлением о заморозке активов коррумпированных иностранных должностных лиц (Украина)*. В данном деле решение о внесении заявителя

26 Djlani v. Canada (Foreign Affairs) 2017. – Абзац 65. – URL: <https://www.canlii.org/en/> (дата обращения: 22.03.2023).

27 Figueroa v. Canada (Foreign Affairs and International Trade), 2015. – Абзац 23. – URL: <https://www.canlii.org/en/> (дата обращения: 22.03.2023).

в список основывалось на результатах следственных действий, проведенных украинскими правоохранительными органами для расследования ряда уголовных дел о коррупции.

Суд при анализе позиции заявителя сделал попытку учесть аргументацию Суда ЕС, вынесшего решение **в пользу** заявителя по вопросу о внесении его в санкционный список²⁸. Тем не менее Суд не нашел достаточных оснований для исключения его из санкционного списка Канады. Такое решение основывается главным образом на аргументации ответчика (министр иностранных дел), указавшего, что для того, чтобы имя заявителя было убрано из санкционного списка, со стороны Украины должно быть направлено формальное письмо с соответствующим запросом. В силу того, что Украина направила официальные обращения министру иностранных дел, однако не рекомендовала заявителя к исключению из списка, заявление было отклонено. Другими словами, суд не принял во внимание факт неправомерных действий в отношении заявителя.

Второй аргумент суда в данном деле заключался в следующем. Суд отклонил довод заявителя о том, что согласно подразделу 4 (1) Закона 2011 г. министр иностранных дел должен при принятии решения о включении в список исходить из фактически вынесенного решения иностранного суда о незаконном присвоении имущества, а не из самого факта проведения расследования и судебного разбирательства. Суд посчитал, что такое узкое применение и толкование Закона 2011 г. противоречило бы цели его принятия и привело бы к ситуации,

при которой нормы закона признаются в большинстве случаев недействительными²⁹.

Суд сложно уличить в судебном правотворчестве, поскольку оригинальная формулировка подраздела 4(1) не уточняет, в какой конкретно форме иностранное государство должно направлять запрос о внесении лица в список и какие конкретно документы должны быть приложены к этому запросу. Достаточно простого *заявления* о незаконном приобретении имущества (*If a foreign state, in writing, asserts to the Government of Canada that a person has misappropriated property of the foreign state*). Приходится признать внимательность канадских судей.

Mohammadi v. Canada (Citizenship and Immigration), 2022. Это одно из немногих дел, решение по которому было вынесено в пользу заявителя. Это также единственный случай, когда суд признал наличие ошибки, совершенной ответственным административным лицом. Однако для этого фактически потребовалось изначально получить положительные решения двух зарубежных инстанций.

В 2020 г. заявителю было отказано в предоставлении права постоянного проживания на территории Канады. В период с 1999 по 2011 г. заявитель был исполнительным директором *Neka Novin Co.* Компания в 2013 г. была занесена в санкционные списки в Великобритании и ЕС. Компания также значится в Списке особо обозначенных граждан и заблокированных лиц (*Specially Designated Nationals And Blocked Persons List*), который ведется Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов

28 Portnov v. Canada (Foreign Affairs), 2018 FC 1248. – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/fct/doc/2018/2018fc1248/2018fc1248.html?searchUrlHash=AAAAAQoUG9ydG5vdiB2LiBDYW5hZGEgKEZvcnVpZ24gQWZmYWlycykgMjAxOAAAB&resultIndex=1> (дата обращения: 22.03.2023). – Абзац 12.

29 Portnov v. Canada (Foreign Affairs) 2018. – Абзац 30.

Соединённых Штатов (далее – Управление). Об этом заявителю было сообщено в письме от визового офицера (*visa officer*), в котором также содержалось отрицательное решение относительно разрешения на постоянное пребывание. Офицер также активно ссылаясь на информацию, размещенную на ресурсе *Iran Watch* (создан НКО *Wisconsin Projection Nuclear Arms Control*).

Заявитель объясняет, что он обратил внимание визового офицера на то, что *Neka Novin Co.* на момент подачи заявления о постоянном проживании была исключена из британского и европейского списков. Компании пока что не удалось получить ни положительного, ни отрицательного ответа от Управления. Визовый офицер предоставил дополнительную аргументацию своего решения, указав на то, что компания находится в канадском санкционном списке, являющемся частью *Постановления о специальных экономических мерах (Иран)*.

Суд посчитал решение визового офицера необоснованным. Суд определил, что визовый офицер не принял к сведению тот факт, что *Neka Novin Co.* незамедлительно обратилась в ответственные органы по поводу своего включения в британский и европейский списки (при этом суд не сделал акцент на положительном решении об исключении компании из этих списков). Таким образом, решение офицера о том, что компания и, как следствие, заявитель представляют угрозу для национальной безопасности Канады, является необоснованным.

Любопытно, что суд не принял к сведению то, что компания до сих пор находится в санкционном списке Канады. Суд также не дал конкретных комментариев по этому основанию.

Поправки в санкционное законодательство, принятые в апреле 2022 г.

Данное событие является довольно примечательным. Билль *C-19 An Act to implement certain provisions of the budget tabled in Parliament on April 7³⁰* ввел ряд существенных поправок в Закон о специальных экономических мерах и Закон о правосудии для жертв незаконных действий со стороны иностранных должностных лиц (далее – поправки). Сами изменения в нем аналогичны и сводятся к тому, что по запросу министра иностранных дел суд издает распоряжение (*order*) о конфискации имущества у лиц, внесенных в санкционные списки, и после консультации с министром финансов может использовать средства, полученные в результате конфискации имущества, для:

- восстановления иностранного государства, пострадавшего в результате серьезного нарушения международного мира и безопасности;
- восстановления международного мира и безопасности;
- компенсации жертвам серьезного нарушения международного мира и безопасности, грубых и систематических нарушений прав человека или актов значительной коррупции.

Это первый в мире случай законодательного закрепления использования средств от конфискации имущества лиц, к которым применены односторонние меры, для «возмещения ущерба».

Процедура компенсации заключается в направлении заявления в суд о выдаче приказа о том, что факт компенсации не повлиял на права и интересы лица, и о предписании министру иностранных дел выплатить соответствующую компенсацию любым заинтересованным

30 Government Bill (House of Commons) C-19 (44-1) – Royal Assent – Budget Implementation Act, 2022, No. 1 – Parliament of Canada. – URL: <https://parl.ca/DocumentViewer/en/44-1/bill/C-19/royal-assent> (дата обращения: 22.03.2023).

лицам, кроме тех, в отношении которых издан указ о запрещении определенных видов деятельности и которые совершили следующие деяния: внесудебные казни, пытки или другие грубые нарушения прав человека, коррупционные действия, контроль над ними или соучастие в них и т.д. На подачу такого заявления дается 30 дней с даты конфискации имущества. После получения приказа и консультаций с министрами финансов и иностранных дел министр внутренних дел, уполномоченное должностное лицо (министр коммунального хозяйства Канады), принимает решение о выплате суммы, не превышающей дохода от реализации конфискованного имущества для выплаты компенсации жертвам.

В поправках дается ссылка на Закон об управлении конфискованным имуществом (*Seized Property Management Act*). Он предусматривает конфискацию имущества лица, признанного виновным в совершении деяний, установленных в Законе о подкупе иностранных публичных лиц (*Corruption of Foreign Public Officials Act 1998*; не путать с Законом Сергея Магнитского, так как документ является актом национального уголовного законодательства и действует в первую очередь в отношении канадцев). Раздел 11 может послужить опорной схемой для передачи дохода от реализации конфискованного имущества³¹. Генеральный прокурор может, с одобрения генерал-губернатора, заключить соглашение с правительством любого иностранного госу-

дарства, касающееся взаимного обмена доходами от реализации конфискованного имущества и активов.

Эта ссылка важна в пояснении механизма контроля за тем, чтобы переданные средства использовались по целевому назначению. При этом вопросы о валюте транзакции, об учете инфляции и многие другие технические вопросы транзакций в Билле не разрешены.

Пока однозначно о последствиях такой политики говорить нельзя. Канадские юристы рекомендуют ожидать в скором времени первые судебные разбирательства. И как минимум два иска уже находятся в процессе подготовки. В течение полугода и года соответственно после вступления поправок в силу Канада начала их апробацию³². Речь идет о 26 млн долларов российского бизнесмена Романа Абрамовича в банке *Citco Bank Canada*³³ и самолете Ан-124, принадлежащем крупнейшему грузовому авиаперевозчику России – Группе «Волга-Днепр»³⁴. В обоих случаях применен Закон о специальных экономических мерах – параграф *b* ст. 4 (1) и подпункт *b* ст. 4 (1.1). Это означает, что был издан указ об аресте или удержании имущества, расположенного в Канаде, которым владеет иностранное лицо, указанное в этом приказе. Основанием ареста является серьезное нарушение международного мира и безопасности, которое привело или может привести к серьезному международному кризису.

По мнению канадских законодателей, процедура является легитимной,

31 *Seized Property Management Act*, SC 1993, c 37, s 11. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/S-8.3/FullText.html> (дата обращения: 22.03.2023).

32 Canada starts first process to seize and pursue the forfeiture of assets of sanctioned Russian oligarch // www.canada.ca. – 2022. – URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2022/12/canada-starts-first-process-to-seize-and-pursue-the-forfeiture-of-assets-of-sanctioned-russian-oligarch.html> (дата обращения: 28.08.2023).

33 Order Respecting the Restraint of Property Situated in Canada (Roman Arkadyevich Abramovich) SOR/2022–279 // Justice Laws Website. – 2022. – URL: [https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2022–279/FullText.html](https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2022-279/FullText.html) (дата обращения: 08.09.2023).

34 Order Respecting the Seizure of Property Situated in Canada (Volga-Dnepr Airlines or Volga-Dnepr Group) SOR/2023–120 // Justice Laws Website. – 2023. – URL: [https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2023–120/FullText.html](https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2023-120/FullText.html) (дата обращения: 08.09.2023).

так как направлена против преступлений международного характера или международных преступлений, является сложной и многосоставной, включая в себя ряд согласований между государственными органами, из числа которых итоговое решение принимает суд. Однако специалисты справедливо выражают опасение, что данная мера не просто лишает иностранных инвесторов собственности, но и затрудняет дальнейшее судебное восстановление в правах на нее, включая международные инвестиционные механизмы³⁵.

Заключение

Санкционное законодательство остается инструментом национальной внешней и внутренней политики. Канада через законодательные и судебные механизмы затрудняет вывод активов и обжалование включения в санкционные списки вне зависимости от причины такого включения. Наиболее ярко это отражается в позиции судов, которые в мотивировочной части решений не дают детального анализа норм оспариваемых актов или действий, совершенных органами власти во их исполнение. Основа позиции, критикуемой в деле *Kadi v. Commission*, осталась неизменной. Так же, как национальные суды в прошлом, канадские судьи продолжают фокусироваться больше на правомерности самих актов и по возможности уходят от вопроса фактического нарушения прав и законных интересов затронутых санкциями лиц, а также соразмерности принимаемых мер и причин, послуживших для включения лиц в списки. Поправки в санкционное законодательство Канады, принятые в апреле 2022 г., создали

задел для конфискации собственности иностранных лиц. Под новый механизм уже попали активы российского бизнеса, что с точки зрения международного инвестиционного права имеет перспективу на обжалование.

Список литературы

Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 151–165. – DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11.

Исполинов А.С. Суд Европейского союза, Яссин Кади и статья 103 устава ООН // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6 (93). – С. 27–35.

Кёхлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 27–47. – DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02.

Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / под ред. В.П. Кашепова. – Москва : ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. – 280 с.

Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право : учебное пособие. – Москва : Проспект, 2017. – 447 с.

Силаева В.А. Эффективность санкций в международной политике // Вестник МГИМО. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 136–153. – DOI: 10.24833/2071-8160-2021-4-79-136-153.

Тимофеев И.Н. Почему вторичные санкции эффективны? Опыт принудительных мер властей США против американского и зарубежного бизнеса // Международные процессы. – 2019. –

35 Oromoni A. Feds introduce amendments to seize and redistribute assets of sanctioned Russians // canadianlawyermag.com. – 2022. – May 22. – URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/general/feds-introduce-amendments-to-seize-and-redistribute-assets-of-sanctioned-russians/366851> (дата обращения: 16.04.2023).

Т. 17, № 3 (58). – С. 21–35. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.2.

Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 136–152. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.

Andreas P. Criminalizing consequences of sanctions: Embargo busting and its legacy // International Studies Quarterly. – 2005. – Vol. 49, N 2. – P. 335–360.

Blanchard J.-M.F., Ripsman N.M. Asking the right question: When do economic sanctions work best? // Security Studies. – 1999. – Vol. 9, N 1. – P. 219–253.

Buys C.G. United States Economic Sanctions: The Fairness Of Targeting Persons From Third Countries // Boston University International Law Journal. – 1999. – Vol. 17, N 2. – P. 54–55.

Charron A. Expert Roundtable on Canadian Economic Sanctions: Summary

of Findings and Recommendations. – University of Manitoba, 2019. – 16 p. – URL: <https://umanitoba.ca/arts/sites/arts/files/2022-07/Canadian-Economic-Sanctions-Nov-2019.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).

Nesbitt M. Canada's "Unilateral" Sanctions Regime Under Review: Extraterritoriality, Human Rights, Due Process, and Enforcement in Canada's Special Economic Measures Act // Ottawa Law Review. – 2017. – Vol. 48, N 2. – P. 509–576.

Niederberger A., Biersteker T. UN Individual Sanctions Listing and Delisting Patterns and Their Interaction with Autonomous Measures: Considerations for Mediators. – New York : United Nations University, 2022. – 67 p.

Rosen A. Canada's Use of Economic Sanctions for Political and Human Rights Purposes // University of Toronto Faculty of Law Review. – 1993. – Vol. 51, Winter. – P. 2–53.

Law and Politics

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.06

Features of Canada's Sanctions Legislation and Trends in Sanctions Appeal Jurisprudence

Anastasiya A. LOPUSHINSKAYA

Master's Student of the MGIMO University International Law School
MGIMO-University
Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: lopushinskaya_a_a@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0004-1457-9970

Aleksey S. KUDINOV

PhD (Law), Research Fellow at Center of Sanction Policy Expertise
MGIMO-University
Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: kudinov-as@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9223-7678

Ekaterina Ya. ARAPOVA

PhD (Econ.), Director of Center of Sanction Policy Expertise, Leading Research Fellow
MGIMO-University
Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: arapova_katrin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8765-9825

CITATION: Lopushinskaya A.A., Kudinov A.S., Arapova E.Ya. (2024). Features of Canada's Sanctions Legislation and Trends in Sanctions Appeal Jurisprudence. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 105–121 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.06

Received: 18.06.2023.

Revised: 01.10.2023.

ABSTRACT. *The authors have considered Canada's sanctions legislation, as well as the jurisprudence of its application. As a result, they have quantified the existing sanctions regimes and made a classification distinction between thematic and regional sanctions. It was found that among the sanctions regime legally formalized*

in Canada, 5 are thematic sanctions and 25 are regional ones. It is determined that the regulatory framework is formed by 4 laws and 27 by-laws. In addition to direct sanctions restrictions (entry ban, asset freezing), the Canadian system of sanctions provides for related measures such as criminal prosecution for violations of the

sanctions regimes and restrictions under the migration law. The authors conclude that the right to judicial review of sanctions in Canadian law is presumed, while administrative appeal is determined by specific regulations. Canadian courts in sanctions appeals focus more on the legality of the acts themselves and move away from the question of the actual violation of the rights and legitimate interests of the sanctioned persons, as well as the proportionality of the measures taken and the reasons for the listing. The amendments to the Canadian legislation adopted in April 2022 effectively legalized the confiscation of property under the sanctions restrictions, which was the world's first departure from the classic formula of blocking assets while retaining the property rights of the sanctioned person. The authors conclude that the innovation is legally weak and that it is highly likely to be subject to judicial appeal.

KEYWORDS: *Canada, sanction policy, unilateral restrictive measures, case law, legislation, decisions of international courts, freezing of assets.*

References

- Andreas P. (2005). Criminalizing consequences of sanctions: Embargo busting and its legacy. *International Studies Quarterly*. Vol. 49, no. 2, pp. 335–360.
- Arapova E.Ya., Kudinov A.S. (2022). Features of sanctions regulation in the US, EU and UK: comparative analysis. *Polis: Political Studies*. No. 6, pp. 151–165 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11.
- Blanchard J.-M.F., Ripsman N.M. (1999). Asking the right question: When do economic sanctions work best? *Security Studies*. Vol. 9, no. 1, pp. 219–253.
- Buys C.G. (1999). United States Economic Sanctions: The Fairness Of Targeting Persons From Third Countries. *Boston University International Law Journal*. Vol. 17, no. 2, pp. 54–55.
- Charron A. (2019). *Expert Roundtable on Canadian Economic Sanctions: Summary of Findings and Recommendations*. University of Manitoba, 16 pp. Available at: <https://umanitoba.ca/arts/sites/arts/files/2022-07/Canadian-Economic-Sanctions-Nov-2019.pdf>, accessed 08.09.2023.
- Ispolinov A.S. (2013). Court of Justice of the European Union, Yassin Kadi and Article 103 of the UN Charter. *Russian Juridical Journal*. No. 6 (93), pp. 27–35 (in Russian).
- Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya... (2018). Kashepov V.P. (ed.). *Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation*. Moscow: Yuridicheskaya firma KONTRAKT, 280 pp. (in Russian).
- Kochler H. (2019). Sanctions and international law. *International Organizations Research Journal*. Vol. 14, no. 3, pp. 27–47 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02.
- Marchenko M.N. (2017). *Judicial Law-making and Judicial Law: A Textbook*. Moscow: Prospekt, 447 pp. (in Russian).
- Nesbitt M. (2017). Canada's "Unilateral" Sanctions Regime Under Review: Extraterritoriality, Human Rights, Due Process, and Enforcement in Canada's Special Economic Measures Act. *Ottawa Law Review*. Vol. 48, no. 2, pp. 509–576.
- Niederberger A., Biersteker T. (2022). *UN Individual Sanctions Listing and Delisting Patterns and Their Interaction with Autonomous Measures: Considerations for Mediators*. New York: United Nations University, 67 pp.
- Rosen A. (1993). Canada's Use of Economic Sanctions for Political and Human Rights Purposes. *University of Toronto Faculty of Law Review*. Vol. 51, Winter, pp. 2–53.
- Silaeva V.A. 2021. The effectiveness of sanctions in international politics. *Vestnik MGIMO*. Vol. 14, no. 4, pp. 136–153 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2021-4-79-136-153.

Timofeev I.N. (2019). Why are secondary sanctions effective? Experience of coercive measures by US authorities against American and foreign businesses. *International Trends*. Vol. 17, no. 3 (58), pp. 21–35 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.2.

Timofeev I.N. (2022). Questionable effectiveness? Sanctions against Russia before and after February. *Rossiya v global'noj politike*. Vol. 20, no. 4, pp. 136–152 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.

УДК 341.3

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.07

Современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний

Елена Евгеньевна КОРОЛЬКОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного
и международного права

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Комсомольская, д. 50, г. Оренбург, Российская Федерация, 460000

E-mail: Korolkovaintlaw@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8932-5044

ЦИТИРОВАНИЕ: Королькова Е.Е. Современные тенденции международно-
правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний
// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17.
№ 1. С. 122–135.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.07

Статья поступила в редакцию 14.01.2024.

Исправленный текст представлен 16.03.2024.

АННОТАЦИЯ. За последние десятилетия частные военные и охранные компании (ЧВОК) приобрели разнообразный характер деятельности и расширили географию. Сотрудники ЧВОК заняты логистикой, разведывательной деятельностью, поставками и обслуживанием систем вооружения, участием в вооруженных конфликтах. Изучение проблем, связанных с международно-правовым регулированием их деятельности, до сих пор актуально, так как государства привлекают частных подрядчиков для решения различных задач в сфере безопасности и правопорядка. Деятельность сотрудников ЧВОК связана с высоким риском для жизни,

что требует принятия механизма регулирования, позволяющего обеспечить правовую защиту, в том числе при реализации социальных прав, получении гарантий в связи с участием в вооруженных конфликтах. ЧВОК не действуют в «правовом вакууме», однако некоторые аспекты требуют установления специального международно-правового режима. В связи с этим в статье показаны этапы переговорных процессов государств, длящиеся более 15 лет, на различных площадках ООН, изучены проекты документов, предложенных экспертами ООН, перспективы международно-правового регулирования, в том числе принятия юридичес-

ки обязательного документа по этому вопросу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: частные военные и охранные компании, международное право, вооруженный конфликт, международная безопасность, ООН, государство.

За последние десятилетия стремительно изменились способы и методы ведения военных действий. Государственно-частное партнерство в сфере безопасности позволило эффективнее реагировать на угрозы путем быстрого развертывания контингента частных подрядчиков, обеспечения ЧВОК логистики и других необходимых функций, связанных с поддержкой вооруженных сил. Однако в условиях отсутствия специального правового регулирования как на национальном, так и международном уровнях большинство государств столкнулись с проблемами, связанными с контролем за их деятельностью и привлечением к ответственности за совершенные нарушения.

Международное гуманитарное право (МГП) регулирует общие положения, связанные с участием сотрудников ЧВОК в военных действиях, при этом определение статуса по нормам МГП осуществляется в каждом конкретном случае. Практика непосредственного участия сотрудников ЧВОК в военных действиях в государствах мира различна, зачастую противоречива.

В целях более детального регулирования данного вопроса были разрабо-

таны Документ Монтрё и Международный кодекс, положения которых носят рекомендательный характер¹. С учетом востребованности ЧВОК по всему миру на протяжении более 15 лет на различных площадках ООН обсуждается перспектива международно-правового регулирования их деятельности.

Впервые о сотрудниках частных компаний, принимающих участие в вооруженных конфликтах, в 1994 г. заявил Специальный докладчик ООН по вопросу об использовании наемников в связи с трансформацией феномена наемничества.

Изучив практику африканских государств, Специальный докладчик отметил, что правительства допускают деятельность наемников, которые вербуются посредством частных компаний. При этом он отметил, что поддержание безопасности является неотъемлемой обязанностью государства, которая не может быть делегирована, так как по мере развития такие компании могут создать реальную угрозу правительствам². Специальный докладчик считал, что передача государственных функций частным компаниям также приводит к ограничению суверенитета государства³.

Изложенное позволило Специальному докладчику сделать вывод о необходимости запрета деятельности таких компаний как поощряющих наемничество, однако позднее он скорректировал позицию в пользу правового регулирования в том случае, если государства сочтут их участие в вооруженных конфликтах возможным.

1 The Montreux Document On pertinent international legal obligations and good practices for States related to operations of private military and security companies during armed conflict. – URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0996.pdf (дата обращения: 16.03.2024).

2 Report of the Special Rapporteur on the use of mercenaries. – 1999. – January 13. – E/CN.4/1999/11. – URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?m=105 (дата обращения: 13.01.2024).

3 Note by The Secretary-General on the Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of the Right of Peoples to Self-Determination. – 1997. – October 16. – A/52/495. – URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?m=105 (дата обращения: 13.01.2024).

Работу Специального докладчика продолжила соответствующая Рабочая группа ООН, по окончании мандата в 2010 г. представившая на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект международной конвенции [Skuratova, Korolkova, 2020, p. 84]. По итогам обсуждения проект не был принят в предложенном виде, так как не все государства изъявили согласие на подписание юридически обязательного документа.

Межправительственной Рабочей группой ООН текст проекта был повторно изучен в целях выяснения перспектив международно-правового регулирования деятельности ЧВОК с учетом противоположных подходов государств к этой проблеме. С тех пор обсуждение проводится параллельно в двух рабочих группах (по вопросу изучения наемников и по вопросу изучения перспектив международно-правового регулирования ЧВОК).

В первую очередь эксперты предлагают выявить критерии для дифференцирования сотрудников ЧВОК от наемников. В 2020 г. Рабочая группа ООН по вопросу об использовании наемников представила Генеральной Ассамблее ООН доклад о проявлениях наемничества. В нем основной акцент сделан на несовершенство международно-правовой базы о деятельности наемников. База отражает конкретный исторический контекст, в котором она развивалась, не отвечая современным реалиям.

Международная конвенция против вербовки и использования, а также финансирование и обучение наемников 1989 г. не наделяет полномочиями

по контролю за соблюдением ее положений ни один конкретный орган на международном уровне.

Само определение понятия «наемник» в международном праве стало предметом многочисленных исследований, суть которых можно свести к чрезмерно ограничительному характеру определения. Рабочая группа ООН в докладе также отмечает, что критерии понятия «наемник» труднодостижимы, особенно в отношении современных форм деятельности, связанной с наемничеством.

Изучение Рабочей группой национального законодательства 60 государств, проведенное в период 2012–2017 гг., показало отсутствие норм, разрешающих принимать сотрудникам ЧВОК участие в военных действиях. При этом в ряде случаев сотрудник может быть квалифицирован как наемник в связи с его деятельностью в вооруженном конфликте.

В отсутствие консенсуса в мире о правовом статусе сотрудников ЧВОК по МГП отдельные государства считают нецелесообразным в настоящее время принятие международного договора.

В частности, Великобритания выступила в поддержку Документа Монтрё⁴ и Международного кодекса⁵, несмотря на рекомендательный характер документов.

В свою очередь, США призвали разработать на основе предыдущих докладов экспертов «план действий», в котором также необходимо учесть современную практику государств по найму ЧВОК для участия в вооруженных конфликтах⁶. Такое предложение о приня-

4 The Montreux Document On pertinent international legal obligations and good practices for States related to operations of private military and security companies during armed conflict. – URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0996.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

5 The International Code of Conduct for Private Security Service Providers. – URL: <https://icoca.ch/the-code/> (дата обращения: 13.01.2024).

6 Fifth Session of the Open-Ended Intergovernmental Working Group on Private Military and Security Companies. U.S. Government Delegation Closing Statement. – 2016. – December 12–16. – URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/WGMilitary/Session5/US_closing_statement.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

тии очередного документа рекомендательного характера свидетельствует о незаинтересованности США участвовать в обсуждении международного договора по этому вопросу.

Аналогичной позиции придерживается Европейский союз, который предложил альтернативу Документу Монтрё и Международному кодексу в виде нового документа рекомендательного характера в связи с отсутствием их широкой поддержки среди государств.

В поддержку международного договора выступили те государства, в которых ЧВОК оказывали услуги, в том числе участвовали в вооруженных конфликтах, мотивируя позицию тем, что механизмы национального законодательства не позволяют в полной мере контролировать ЧВОК и привлекать к юридической ответственности.

В 2017 г. Совет ООН по правам человека учредил новую межправительственную Рабочую группу, которой предоставил мандат на разработку международно-правовых механизмов, не предопределяя характер регулирования.

В основу обсуждений, состоявшихся в 2022 и 2023 гг., был взят «нулевой» проект документа, который дважды пересматривался. Представители правительственных делегаций не смогли договориться о формате обсуждаемого документа, сфере действия, затрагиваемых в проекте положениях о правах человека, условиях привлечения ЧВОК к юридической ответственности и средствах правовой защиты.

В пересмотренном втором варианте проекта по-прежнему отражены формулировки, применимые как к международному договору, так и к документу рекомендательного характера. На очередной сессии Рабочей группы в апреле 2023 г. предложен компромиссный проект документа, не имеющего обязательной силы, но включающего фор-

мулировку, гарантирующую появление на его основе в отдаленной перспективе международного договора. Это предложение не получило широкой поддержки присутствующих.

Изначально экспертами предложен так называемый нулевой проект документа (*Zero Draft Instrument*). При этом термин *Instrument* выбран целенаправленно, чтобы показать нейтральный подход для открытой дискуссии с вовлечением большего количества потенциальных государств-участников. В пояснительной части проекта эксперты представили несколько вариантов формулировок терминов, которые смогли бы отразить оба подхода для параллельного обсуждения перспектив принятия международного договора либо документа рекомендательного характера. Основу нулевого проекта составляют предыдущие рекомендации экспертов и позиции правительственных делегаций.

Несмотря на длительное обсуждение государствами, до сих пор не сформирована общая позиция по фундаментальным вопросам, хотя по отдельным аспектам правового регулирования произошли определенные изменения.

В проекте конвенции 2010 г. предлагалось распространить ее действие, помимо вооруженного конфликта, на «сложные ситуации» (участие ЧВОК в дестабилизации конституционного режима, чрезвычайных операциях вооруженных сил иностранных государств и т.д.) для того, чтобы исключить узконаправленный характер действия международного договора. Одновременно с этим предлагалось разработать разные документы для регулирования деятельности ЧВОК в вооруженных конфликтах и в условиях мирного времени.

В нулевом проекте предложен иной подход: сфера действия распространяется на все ситуации, включая

ситуации «конфликта, где будет применяться международное гуманитарное право»; однако эта формулировка не нашла среди государств поддержки, так как использует не устоявшийся в международном праве юридический термин.

Под частной военной и/или охранной компанией в нулевом проекте понимается частная коммерческая организация, которая оказывает на платной основе военные и/или охранные услуги. Предложенное определение аналогично определениям, содержащимся в Документе Монтрё и проекте конвенции.

Представителями делегаций, а также в научной литературе указанное определение уже подвергалось критике при обсуждении проекта конвенции, так как формулировка допускает широкое толкование и позволяет применять документ к любым подрядчикам.

К военным услугам в нулевом проекте относят специализированные услуги, которые схожи либо связаны с военными действиями, включая любой вид передачи военных знаний и материально-техническую поддержку вооруженных сил, в том числе в киберпространстве.

Нулевой проект вновь дублирует положения проекта конвенции, определяя военные услуги через перечисление отдельных примеров деятельности ЧВОК. Государства до сих пор не могут прийти к общему пониманию относительно содержания конкретных видов услуг, возможности отнесения их к военным услугам и передаче для исполнения ЧВОК. В частности, Европейский союз считает вышеназванное определение слишком широким и расплывчатым. Некоторые государства предлагают дополнить перечень военных услуг; например, Панама предложила считать военной услугой, наряду с передачей военных знаний, передачу воен-

ных технологий. Бразилия настаивает на более универсальном определении, так как уже в краткосрочной перспективе может возникнуть необходимость в корректировке предлагаемого списка военных услуг и сферы применения документа с учетом эволюционирующего характера деятельности ЧВОК и появления новых технологий.

Сам термин «военные услуги» имеет несколько возможных толкований, что может привести к правовой неопределенности [Kees, 2011, p. 205]. Например, в российском законодательстве указанный термин отсутствует. Изучавший возможность правового регулирования ЧВОК профессор И.И. Котляров считал, что «военные услуги связаны с военной деятельностью» [Котляров, 2013, с. 185]. Деятельность ЧВОК в вооруженных конфликтах не может быть охарактеризована как оказание военных услуг, так как военная деятельность осуществляется вооруженными силами государств. В данном случае корректно говорить о военнизированных услугах, свойственных военной деятельности. В США для обозначения подобных услуг применяется термин *armed services*.

Позиция государств по правовому регулированию с момента обсуждения проекта конвенции в 2010 г. не изменилась ввиду того, что эта сфера общественных отношений является наиболее чувствительной с точки зрения национальной безопасности. Нулевой проект вновь воспроизводит спорные положения, не определяя, например, правомочность защиты военных объектов в условиях вооруженного конфликта персоналом ЧВОК, при том что такие услуги востребованы среди заказчиков.

В Руководстве Министерства обороны США для сотрудников ЧВОК, участвующих в чрезвычайных операциях, указано, что подрядчиков не сле-

дует привлекать к исполнению военных задач за пределами заключенного контракта только потому, что они вооружены, или потому, что обладают специальными знаниями или навыками. Подобная практика считается ненадлежащим делегированием государственных функций⁷.

При этом соответствующая инструкция Министерства обороны США, положения которой обязательны для исполнения, фактически позволяет осуществлять вышеуказанную деятельность⁸.

Эксперты Ассоциации Международного кодекса обратили внимание участников дискуссии на отличия сектора охранных услуг, который развивался гибче, от сферы военных услуг, требующих применения разных механизмов регулирования.

Противоположной позиции придерживаются эксперты Рабочей группы ООН, полагая, что в условиях вооруженного конфликта невозможно дифференцировать деятельность по предоставлению военной или охранной услуги.

Следует согласиться с мнением экспертов о смешении в связи с этим понятий, так как те или иные виды деятельности лишь условно можно отнести к военным или охранным услугам ввиду отсутствия критериев, позволяющих точно квалифицировать деятельность подрядчиков [Francioni, 2008, p. 962].

Представляется, что этой проблематике уделено чрезмерное внимание, так как специальный дифференцирован-

ный правовой режим в связи с оказанием военных (охранных) услуг не подразумевается исходя из анализа текста проекта. При этом целесообразно определить функции, которые не могут выполняться ЧВОК ввиду особой значимости. В этом государства солидарны, несмотря на различие в понимании концепции военных и охранных услуг.

Для обсуждения представлен термин «исклчительно государственные функции» (*inherently governmental functions*), однако определить его содержание до сих пор не удалось из-за различных нормативно-правовых подходов государств, отсутствия указанного термина в источниках международного права.

Например, Правила федеральных закупок США содержат обширный перечень исключительно государственных функций, которые не могут быть переданы частным лицам. При этом в параграфе 7.5 Правил содержится оговорка о том, что Административно-бюджетным управлением США в отдельном случае может быть принято решение о том, что конкретная функция является исключительно государственной⁹.

В нулевом проекте предложен термин «государственные функции», который означает «функции, соответствующие принципу государственной монополии на законное применение силы, включая, например, непосредственное участие в военных действиях, передачу военных знаний в сфере безопасности и правопорядка»¹⁰.

7 Handbook for Armed Private Security Contractors in Contingency Operations. – U.S. Joint Forces Command. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pams_hands/apsc_hbk.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

8 Private Security Contractors (PSCs) Operating in Contingency Operations, Humanitarian or Peace Operations, or Other Military Operations or Exercises. A Rule by the Defense Department. – 2022. – September 9. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/09/09/2022-18992/private-security-contractors-pscs-operating-in-contingency-operations-humanitarian-or-peace> (дата обращения: 13.01.2024).

9 Subpart 7.5 – Inherently Governmental Functions. Federal Acquisition Regulation. – URL: <https://www.acquisition.gov/far/subpart-7.5> (дата обращения: 13.01.2024).

10 Revised Zero Draft Instrument On An International Regulatory Framework On The Regulation, Monitoring Of And Oversight Over The Activities Of Private Military And Security Companies. – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-04/revised-zero-draft-instrument.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

В данном случае наблюдается противоречие между двумя положениями в проекте нулевого документа о перечнях военных услуг и государственных функций. В проекте разрешается передача военных знаний; при этом указано, что этот вид деятельности является государственной функцией, запрещенной к передаче на исполнение ЧВОК¹¹.

То же справедливо для предлагаемого запрета на непосредственное участие сотрудников ЧВОК в военных действиях, однако до сих пор «ясного и единообразного определения ... в практике государств не сложилось» [Русинова, 2011, с. 20].

Международная комиссия юристов предложила установить на национальном уровне запрет на заключение контрактов, предполагающих непосредственное участие ЧВОК в боевых действиях, под угрозой применения уголовных санкций. Предложение обосновано необходимостью соблюдения принципов МГП, в частности проведения различия между гражданскими лицами и комбатантами, – ведь выполнение сотрудниками ЧВОК некоторых видов военных услуг позволяет квалифицировать их как комбатантов, что означает, что они становятся законной целью нападения. Эта проблема особенно актуальна в условиях ведения боевых действий в городской среде, когда многократно увеличиваются риски для тех, кто не участвует в военных действиях [Соколова, 2022, с. 26].

Положения нулевого проекта о государственных функциях подверглись широкой критике со стороны предста-

вителей государств и экспертов. Европейский союз выразил мнение о том, что указанное определение вызывает юридические трудности и требует дальнейшего разъяснения и доработки. Международная комиссия юристов пояснила, что концепция *state functions* с течением времени эволюционирует, государства вкладывают в это понятие различный смысл, в связи с этим предложено изменить формулировку для того, чтобы обеспечить минимальный порог деятельности, которая может рассматриваться как выполнение *state functions*. Женевский центр по управлению сектором безопасности поддержал эту позицию, добавив, что вместо перечисления государственных функций следует указать услуги, которые не должны выполняться ЧВОК.

В статье 4 проекта нулевого документа содержатся основные обязательства государств-участников, которые дублируют положения Женевских конвенций 1949 г.

Механизм лицензирования и регистрации ЧВОК остался без изменений в том виде, в каком был изложен в проекте международной конвенции. В частности, в США, Великобритании, Германии деятельность ЧВОК подлежит лицензированию по национальному законодательству. В Китае лицензия необходима только для иностранных ЧВОК¹², в то время как деятельность китайских ЧВОК, оказывающих услуги за пределами Китая, не требует получения лицензии¹³.

Российская Федерация приветствовала включение конкретных опреде-

11 Legally Binding Instrument To Regulate, In International Human Rights Law, The Activities Of Transnational Corporations And Other Business Enterprises, OEIGWG Chairmanship Third Revised Draft. – 2021. – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/LBI3rdDRAFT.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

12 Transparency and Governance of Private Military and Security Services. Workshop Report // Josef Korbel School of International Studies, University of Denver. – 2021. – URL: <https://korbel.du.edu/sites/default/files/2021-11/Transparency%20and%20Governance%20Conference%20Report.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

13 Guardians of the Belt and Road. The internationalization of China's private security companies. – URL: <https://merics.org/en/report/guardians-belt-and-road> (дата обращения: 13.01.2024).

лений, которые могут послужить основой для дальнейшего обсуждения, но при этом заявила, что некоторые из них требуют более детальной проработки. Например, определения государства-заказчика, государства происхождения, государства гражданства, государства места осуществления деятельности в том виде, в котором они изложены в проекте нулевого документа, могут привести к коллизии правовых норм, так как сотрудники ЧВОК могут быть гражданами различных государств. Более того, обязанности, указанные для государства места осуществления деятельности, подразумевают возможность привлечения указанных государств к международно-правовой ответственности за деятельность ЧВОК, которые могут присутствовать и действовать на территории такого государства незаконно.

Также российская делегация выступила с предложением об обсуждении терминов «военные услуги» и «государственные функции», обратив внимание на формулировку в проекте, из которой следует, что статус сотрудников ЧВОК регулируется нормами МГП. Данное положение некорректно, так как в МГП отсутствуют специальные нормы о статусе ЧВОК и их сотрудников, критериях отнесения их к комбатантам или гражданским лицам. По мнению представителей Российской Федерации, этот пробел серьезно препятствует обсуждению вопроса о детальном правовом регулировании деятельности таких компаний.

При этом в российской науке признается необходимость принятия международного договора, который установит механизмы контроля и привлечения к юридической ответственности ЧВОК и их сотрудников [Небольсина, 2021, с. 95], а также будет способствовать совершенствованию национально-правового регулирования в целях

укрепления обороноспособности России [Додонов, 2023, с. 93].

В проекте нулевого документа государствам-участникам предложено принять нормы в уголовном законодательстве к ЧВОК и их сотрудникам, осуществляющим деятельность без регистрации и (или) лицензирования, включая нарушение запрета на экспорт и импорт военных (охранных) услуг. Указанное положение не учитывает различий в подходах государств об уголовной ответственности юридических лиц, которые в случае принятия международно-правового документа потребуют внесения соответствующих изменений [Егорова, 2022, с. 106].

Необходимо отметить и то, что согласно положениям нулевого документа государства осуществляют юрисдикцию над ЧВОК и их сотрудниками в тех случаях, когда компания инкорпорирована (зарегистрирована) или осуществляет преимущественную деятельность на территории этого государства.

Также в проекте государствам предложено не предоставлять иммунитет от уголовного (судебного) преследования ЧВОК и их сотрудникам в случае совершения преступлений в связи с оказанием военных и (или) охранных услуг.

Отдельного упоминания заслуживают положения о правовой помощи государствам при уголовном преследовании ЧВОК и их сотрудников. Заявленный механизм оказания правовой помощи сводится к необходимости заключения дополнительных двусторонних договоров по этому вопросу либо внесению изменений в действующие международные соглашения. В частности, из проекта нулевого документа следует, что государства, в соответствии с внутренним законодательством или двусторонними и многосторонними соглашениями, выдают или передают лиц, подозреваемых в совершении

преступлений, государству или международному уголовному трибуналу, обладающему юрисдикцией в отношении такого преступления. Это положение является спорным с учетом конституционных норм, запрещающих выдачу граждан иностранным государствам, международным уголовным трибуналам в целях уголовного преследования, отдельных государств, которые потенциально могут быть участниками нулевого документа.

Одним из ключевых аспектов международно-правового регулирования является правомерность применения силы сотрудниками ЧВОК. В случае признания за указанными негосударственными акторами права на применение силы в вооруженном конфликте возникает необходимость в правовом регулировании оборота оружия, предоставляемого для нужд ЧВОК.

Международная торговля оружием расширилась за счет деятельности ЧВОК, которые, помимо прочего, участвуют в закупке большого количества оружия [Private..., 2001, р. 7]. Только в 2021 г., по данным СИПРИ, продажи оружия и военных услуг в этой индустрии достигли 592 млрд долларов¹⁴.

Экспорт оружия является важным инструментом для демонстрации влияния страны во всем мире. В частности, чтобы проиллюстрировать распространение глобального военного влияния Китая, исследователи RAND разработали карту, на которой показано, какие страны получили китайское оружие и услуги китайских ЧВОК. Так, с 2018 по 2021 г. Китай экспортировал оружие и услуги ЧВОК в 48 стран

мира¹⁵. Аналогичные исследования в связке вооружения и деятельности ЧВОК эксперты RAND провели в отношении России и Китая применительно к Африке¹⁶.

Исполнение военных услуг неотъемлемо связано с продажей и поставкой оружия и способствует спросу на него в тех регионах, где действуют ЧВОК. Однако это обстоятельство не находит отражения в проекте нулевого документа.

В проекте предложено установить таможенный контроль за (ре)импортом и (ре)экспортом оружия, предназначенного для ЧВОК. Изучив проект, Панама и Пакистан предложили включить положения о запрете поставки определенных видов оружия для ЧВОК.

Представители государств также высказали различные позиции о формате нового документа, регулирующего деятельность ЧВОК, в том числе о его юридической силе.

Так, Европейский союз выступил за разработку нового документа рекомендательного характера. В свою очередь Швейцария заявила о том, что положения нулевого документа дополняют и развивают Документ Монтрё. Аналогичной позиции придерживается Панама, выступая за разработку документа, который должен быть дополнен положениями по оказанию услуг в киберпространстве, использованию новейших технологий: от беспилотников до биометрических систем, систем распознавания лиц и автономных комплексов вооружения [Пузырева, 2023, с. 34].

14 Arms sales of SIPRI Top 100 arms companies grow despite supply chain challenges // Stockholm International Peace Research Institute. – 2022. – URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/arms-sales-sipri-top-100-arms-companies-grow-despite-supply-chain-challenges> (дата обращения: 13.01.2024).

15 Weinbaum, C. China's Weapons Exports and Private Security Contractors // RAND Corporation. – 2022. – URL: <https://www.rand.org/pubs/tools/TLA2045-1.html> (дата обращения: 15.01.2024).

16 Weinbaum, C. Mapping Chinese and Russian Military and Security Exports to Africa // RAND Corporation. – 2022. – URL: <https://www.rand.org/pubs/tools/TLA2045-3.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Пакистан выразил поддержку положений проекта о запрете ЧВОК по выполнению государственных функций, включая ситуации, когда отдельные государства в одностороннем порядке направляют ЧВОК в другие государства без их согласия или с использованием политического давления.

Турция раскритиковала проект в части излишнего дублирования действующих норм международного права, отсутствия четкого терминологического аппарата, при этом отметив необходимость принятия документа рекомендательного характера.

По мнению российской делегации, нулевой проект содержит ряд ценных положений, которые могут послужить отправной точкой для более детального обсуждения (например, определение ключевых терминов, вопросы лицензирования, юрисдикции государств в отношении ЧВОК, приобретения и использования оружия, международно-правовой ответственности государств). Тем не менее Российская Федерация считает преждевременными дискуссии в отношении конкретных вопросов, связанных с правовым регулированием ЧВОК, до тех пор, пока участники не достигнут взаимного понимания относительно принципиальных вопросов о правомерности участия ЧВОК в вооруженных конфликтах и статусе их сотрудников по МГП.

Бразилия считает, что международная конвенция могла бы обеспечить более высокую степень правовой определенности по всем видам деятельности таких компаний и необходимый механизм возмещения ущерба пострадавшим, а также послужить ориентиром для национального законодательства.

Подводя итог, следует отметить, что на 4-й сессии межправительственной Рабочей группы ООН государствам не удалось добиться сколько-нибудь

значимых результатов по следующим причинам:

- отдельные положения проекта содержат отсылки к документам рекомендательного характера, в которых не все государства принимают участие;
- в проекте допускаются многочисленные отсылки к действующим нормам международного права, в связи с этим размывается ценность разработки и принятия нового документа;
- среди государств отсутствует общая позиция по фундаментальным аспектам регулирования, например, о статусе сотрудников ЧВОК по МГП, правомерности их участия в вооруженных конфликтах;
- проект нулевого документа содержит некорректные формулировки, термины, которые отсутствуют в международном праве, либо применяются термины в ином толковании, противоречащем действующим нормам международного права [Вылегжанин, 2023, с. 207];
- в проекте не дифференцированы механизмы регулирования в условиях вооруженного конфликта и в мирное время, что может привести к коллизии различных национально-правовых режимов и затруднит согласование, так как отдельные положения затрагивают внутренние дела государства;
- в проекте отсутствует предложение о контроле за обращением оружия ЧВОК;
- не проработан механизм международно-правового сотрудничества в целях привлечения ЧВОК и их сотрудников к юридической ответственности.

Заключение

Переговорный процесс о механизмах регулирования деятельности ЧВОК ведется на протяжении более 15 лет. До сих пор между государствами отсут-

ствуется согласие по фундаментальным аспектам – начиная с необходимости принятия юридически обязательного документа на международном уровне и заканчивая положениями, регулирующими конкретные аспекты деятельности ЧВОК.

В связи с этим заключение международного договора в этой сфере является преждевременным.

Внутренний рынок услуг ЧВОК по-разному регулируется государствами: в частности, национальное законодательство США более подробно, в отличие от остальных государств, привлекающих ЧВОК, в том числе в плане участия в вооруженном конфликте.

Несмотря на то, что США занимают лидирующие позиции на мировом рынке частных военных и охранных услуг, они не являются сторонниками принятия международного договора по этому вопросу. Такие государства, как Китай и Великобритания, также активно используют ЧВОК при реализации внешней политики, однако они поддерживают принятие документа политического характера. Россия же не видит в настоящее время перспектив для принятия международного договора.

При этом деятельность ЧВОК на территории иностранных государств, их влияние на развитие вооруженных конфликтов, рост дестабилизирующих поставок оружия, необходимого для исполнения военных и охранных услуг, требует совершенствования системы международно-правового регулирования в указанной сфере. Основной задачей должно являться противодействие незаконной деятельности таких компаний и их сотрудников, связанной с поддержкой террористических организаций, вовлечением ЧВОК в незаконный оборот оружия, противоправную деятельность на территории других государств.

Существующая правовая неопределенность на национальном уровне государств, связанная с процедурой регистрации и контролем за частными компаниями, которые предлагают услуги в условиях вооруженного конфликта, приводит к злоупотреблениям со стороны ЧВОК и их сотрудников, нарушению прав человека.

Отсутствие прозрачной процедуры при заключении и исполнении контрактов с ЧВОК, зарегистрированных в офшорах, позволяет им и контрагентам получать прибыль от оказания услуг, влияющих на состояние национальной и международной безопасности, избегая при этом юридической ответственности.

Кроме того, в некоторых государствах ЧВОК обслуживают и эксплуатируют беспилотные летательные аппараты, применяемые в военных действиях, участвуют в разработке и производстве автономных систем вооружений в отсутствие какого-либо правового регулирования по этому вопросу.

На основе докладов Специального докладчика и Рабочей группы ООН можно сделать вывод о том, что, несмотря на длительную работу международных экспертов, предложенные проекты документов не нашли поддержки среди государств как по причине неточностей применяемой терминологии, недостатков юридической техники, так и в связи с нежеланием государств согласовать позиции по фундаментальным вопросам правового регулирования.

За последнее десятилетие отмечается устойчивая тенденция, направленная на использование ЧВОК совместно с вооруженными силами государств при выполнении военных операций по всему миру, что требует разработки международно-правовых механизмов регулирования их деятельности.

Список литературы

Вылегжанин А.Н. Фундаментальный вклад в исследование проблем права международных договоров. Современная концепция толкования международных договоров // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 204–208. – DOI: 10.31857/S102694520024347-2.

Додонов В.Н. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний в зарубежных странах // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 4 (96). – С. 87–93.

Егорова А.К. Вопросы уголовно-правовой оценки деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности : дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2022. – 218 с.

Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика). – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2013. – 502 с.

Небольсина М.А. Международное конвенциональное регулирование частных военизированных и охранных компаний // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 5. – С. 95–106. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-95-106.

Пузырева Ю.В. Современные тенденции вооруженных конфликтов и трансформация деятельности ЧВОК: международно-правовой аспект // Международное публичное и частное

право. – 2023. – № 1. – С. 32–35. – DOI: 10.18572/1812-3910-2023-1-32-35.

Русинова В.Н. Руководство Международного комитета Красного Креста по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях»: pro et contra // Московский журнал международного права. – 2011. – № 4. – С. 19–36.

Соколова А.И. Геоурбанистика в предмете городского права: перспективы правового регулирования // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2022. – № 3. – С. 24–27. – DOI: 10.18572/2072-4314-2022-3-24-27.

Francioni F. Private Military Contractors and International Law: An Introduction // The European Journal of International Law. – 2008. – Vol. 19, N 5. – P. 961–964.

Kees A. Regulation of Private Military Companies // Goettingen Journal of International Law. – 2011. – N 3. – P. 199–216.

Private Military Companies and the Proliferation of Small Arms: Regulating the Actors / Makki S. [et al.]. – London : British American Security Information Council (BASIC), International Alert and Saferworld, 2001. – 17 p. – URL: https://www.saferworld-global.org/downloadfile.php?filepath=downloads/pubdocs/Btb_brf10.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

Skuratova A.Yu., Korolkova E.E. Private military and security companies in international law // *Moscow Journal of International Law* = Московский журнал международного права. – 2020. – № 4. – С. 81–94. – DOI: 10.24833/0869-0049-2020-4-81-94.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.07

The Evolution of International Legal Regulation for the Activities of Private Military and Security Companies

Elena E. KOROLKOVA

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law

Orenburg Institute of the Kutafin Moscow State Law University

Komsomolskaya Street, 50, Orenburg, Russian Federation, 460000

E-mail: Korolkovaintlaw@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8932-5044

CITATION: Korolkova E.E. (2024). The Evolution of International Legal Regulation for the Activities of Private Military and Security Companies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 122–135 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.01.07

Received: 14.01.2024.

Revised: 16.03.2024.

ABSTRACT. Over the past decades, the activities of private military and security companies (PMSCs) have become diverse and expanded geographically. PMSC employees are engaged in logistics, intelligence activities, supply and maintenance of weapons systems, including armed conflicts. One of the US Department of Defense guidelines notes that there are significant benefits to the US government in engaging PMSCs. Contractors, unlike regular military personnel, can get to work on specific tasks faster due to their mobility of deployment. This flexibility allows for timely adjustments to foreign policy in order to achieve national interests. The activities of PMSC personnel are associated with high risk to life, which requires the adoption of a regulatory mechanism to ensure legal protection, including in the exercise of social rights and guarantees in connection with participation in armed conflicts. States have been discussing mechanisms to regulate PMSCs for over 15 years, but no international treaty on the issue has been adopted yet. PMSCs do not

operate in a “legal vacuum”, but some aspects require a special international legal regime. The purpose of the article is to study draft documents proposed by experts from various UN platforms and the prospects for international legal regulation of the activities of PMSC activities.

KEYWORDS: private military and security companies, international law, armed conflict, international security, the UN, state.

References

Dodonov V.N. (2023). Legal regulation of the activities of private military and security companies in foreign countries. *Vestnik Universiteta Prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. No. 4 (96), pp. 87–93 (in Russian).

Egorova A.K. (2022). *Issues of criminal legal assessment of the activities of employees of private military and security companies in armed conflicts and high-risk areas.*

PhD Thesis. Moscow, 218 pp. (in Russian).

Francioni F. (2008). Private Military Contractors and International Law: An Introduction. *The European Journal of International Law*. Vol. 19, no. 5, pp. 961–964.

Kees A. (2011). Regulation of Private Military Companies. *Goettingen Journal of International Law*. No. 3, pp. 199–216.

Kotlyarov I.I. (2013). *International legal regulation of armed conflicts (main theoretical problems and practice)*. Moscow: Yurlitinform Publisher, 502 pp. (in Russian).

Nebol'sina M.A. (2021). International conventional regulation of private paramilitary and security companies. *World Economy and International Relations*. Vol. 65, no. 5, pp. 95–106 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-95-106.

Private... (2001). Makki S. et al. *Private Military Companies and the Proliferation of Small Arms: Regulating the Actors*. London: British American Security Information Council (BASIC), International Alert and Saferworld, 17 pp. Available at: https://www.saferworld-global.org/downloadfile.php?filepath=downloads/pubdocs/Btb_brf10.pdf, accessed 10.01.2024.

Puzyreva Yu.V. (2023). Modern trends in armed conflicts and transformation of

the activities of PMSCs: international legal aspect. *Public International and Private International Law*. No. 1, pp. 32–35 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3910-2023-1-32-35.

Rusinova V.N. (2011). Guidelines of the International Committee of the Red Cross on the interpretation of the concept of “direct participation in hostilities”: pro et contra. *Moscow Journal of International Law*. No. 4, pp. 19–36 (in Russian).

Skuratova A.Yu., Korolkova E.E (2020). Private military and security companies in international law. *Moscow Journal of International Law*. No. 4, pp. 81–94. DOI: 10.24833/0869-0049-2020-4-81-94.

Sokolova A.I. (2022). Geo-urban studies in the subject of urban law: prospects for legal regulation. *Municipal Property: Economics, Law, Management*. No. 3, pp. 24–27 (in Russian). DOI: 10.18572/2072-4314-2022-3-24-27.

Vylegzhanin A.N. (2023). A fundamental contribution to the study of problems of the law of international treaties. Modern concept of interpretation of international treaties. *State and Law*. No. 2, pp. 204–208 (in Russian). DOI: 10.31857/S102694520024347-2.

Особенности современного экономического развития

УДК 339.972

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.08

Европейские подходы к разработке концептуальных основ политики в области ESG

Татьяна Константиновна ЧЕРНЫШЕВА

аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991;

младший научный сотрудник Института экономической политики

и проблем экономической безопасности

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Российская Федерация, 125167

E-mail: TKChernysheva@fa.ru

ORCID: 0000-0002-4744-7198

ЦИТИРОВАНИЕ: Чернышева Т.К. Европейские подходы к разработке концептуальных основ политики в области ESG // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 136–155. DOI: 10.31249/kgt/2024.01.08

Статья поступила в редакцию 13.02.2024.

Исправленный текст представлен 15.03.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

АННОТАЦИЯ. В настоящее время устойчивое развитие стало ключевой темой для мирового сообщества, отражая осознание неотложности проблем в области экологии, социальной справедливости и проблем обеспечения стабильного экономического роста. Концепция качественного корпоративного управления (ESG – environmental, social, governance) стала разрабатываться в целях ликвидации на корпоративном уровне вызовов, спровоцированных «нерегулируемой» экономической глобализацией, основ-

ными акторами которой выступали транснациональные (мультинациональные) компании, усиленно завоевывающие новые рынки, лоббирующие свою деятельность в условиях слабости национального государственного регулирования в странах, где функционируют филиалы этих компаний. В настоящее время Европейский союз опережает другие юрисдикции в регламентации основ политики экологического, социально ответственного и качественного корпоративного управления. Продолжающиеся усилия по стандар-

тизации и прозрачности регуляторных мер подчеркивают важность ESG в современной Европе. Цель статьи заключается в систематизации ключевых подходов к разработке концептуальных основ политики поддержки экологического, социально ответственного и качественного корпоративного управления на уровне Европейского союза. Рассмотрены особенности реализации политики в области ESG в современных реалиях в контексте глобальных вызовов, а также проведен анализ существующих европейских регуляторных документов, регламентирующих разработку концептуальных основ политики экологического, социально ответственного и качественного корпоративного управления. В результате систематизированы ключевые регуляторные драйверы в сфере ESG в Европейском союзе, выявлены особенности современной таксономии «зеленой» (устойчивой) деятельности компаний Евросоюза. Сделан вывод, что законодательство в области ESG в странах Азиатско-Тихоокеанского региона является довольно фрагментарным и степень единообразия законодательства в области ESG в европейских странах выше, чем в азиатских странах. Идентифицированы ключевые аспекты раскрытия нефинансовой информации по учету ESG-факторов и целей устойчивого развития компаниями Евросоюза и основные регуляторные изменения, произошедшие в 2023 г. в рамках климатического регулирования на уровне ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устойчивое развитие, социально ответственное раскрытие информации, глобальные вызовы, ESG, нефинансовая отчетность, цели в области устойчивого раз-

вития, ЦУР ООН, Европейский союз, климатическое регулирование, углеродные выбросы.

Введение

В условиях кризисных тенденций, вызванных пандемией COVID-19 и современными геополитическими потрясениями, эффективное управление глобальными экономическими процессами становится необходимым условием стабильного развития как ведущих государств мира, так и развивающихся стран [Сильвестров, 2023]. Серьезные последствия изменения экологических условий мирового развития оказывают всё большее давление на правительства стран, представителей бизнес-сообщества и институтов развития в части утверждения и следования определенным нормативным требованиям, которые помогли бы сократить воздействие человека на окружающую среду и привести к устойчивому развитию.

Концепция устойчивого развития на сегодняшний день является одной из ключевых идей в современной научной и общественной дискуссии [Глобальное управление..., 2021; Худякова, 2023]. Устойчивое развитие в современном понимании – это такая характеристика экономического роста и развития, которая обеспечивает удовлетворение экономических потребностей нынешнего поколения, не лишая возможности удовлетворения соответствующих потребностей будущих поколений¹.

Данная концепция основана на идее сбалансированного развития социума, экономики и окружающей среды. 25 сентября 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН по согласованию

1 Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // United Nations: official site. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).

с лидерами 193 стран была принята резолюция, утверждающая 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития (далее – Цели устойчивого развития, ЦУР ООН)². Как отмечается, «цели устойчивого развития, по сути, стали кульминацией многолетнего процесса укрепления концепции устойчивого развития» [Соколова, Теймуров, 2021].

В процессе изучения содержания 17 ЦУР ООН можно сделать вывод о существенном влиянии экологического фактора на устойчивое развитие: 8 из 17 установленных целей соответствуют экологическому направлению. При этом усиливаются запросы на экологичность (E), социальную ответственность (S) и качественное корпоративное управление (G). Именно ESG (*Environmental, Social and Governance* – ESG) является важным экономическим трендом последних нескольких лет и в широком смысле представляет собой набор принципов экологического, социального и корпоративного управления [Жукова, 2021]. Каждый из элементов данной триады направлен на анализ определенных проблем, существующих в той или иной предметной области, а именно:

а) экологических проблем (изменение экологических условий, парниковый эффект, загрязнение окружающей среды и т. д.);

б) социальных проблем (улучшение условий труда, привлечение талантливых сотрудников, социальная ответственность, права человека и т. д.);

в) проблем корпоративного управления (структура управления, взаимоотношения с сотрудниками, прозрачность стратегий управления, расширение содержания раскрытия информации и т. д.).

По мнению автора, политика в области ESG представляет собой регионально (и глобально) значимую регуляторную политику в макроэкономическом, финансовом, инвестиционном и энергетическом пространстве, которая выступает стратегически важным элементом для обеспечения устойчивого развития стран на государственном уровне.

Обращаясь к существующим практикам ESG-регулирования, отметим, что наиболее разработанная система регулирования к настоящему времени сложилась в Европейском союзе. В ряде отечественных исследований подробно рассматриваются аспекты, связанные с эволюцией политики в области ESG в Европейском союзе [Дятлов, Быков, 2022; Ковалев, 2020; Понеделко, 2021; ESG-переход..., 2022]. Зарубежные исследователи в своих работах детально рассматривают вопросы имплементации повестки в области устойчивого развития в Европейском союзе [Bruno, Lagasio, 2021; Pondel, 2021; The impact..., 2022; Studying..., 2020]. Особое внимание в работах [Варнавский, 2023; Дорохина, Сахаров, 2022; Кавешников, 2017] уделяется вопросам пограничного корректирующего углеродного механизма в Европейском союзе. При этом в настоящее время нет комплексных исследований, рассматривающих особенности непосредственно европейских подходов к разработке концептуальных основ политики в области ESG.

В этой связи цель настоящей работы заключается в систематизации ключевых подходов к разработке концептуальных основ политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на уровне Европейского союза.

2 The Sustainable Development Goals // United Nations: official site. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 11.01.2024).

Таксономия «зеленой» (устойчивой) деятельности компаний Евросоюза

В настоящее время Европейский союз является одной из лидирующих юрисдикций в области разработки основ политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления. Принятый Европейским союзом в 2018 г. План действий по устойчивому финансированию вывел европейский интеграционный блок на передовые позиции в разработке принципов глобальной политики в области устойчивого развития³.

Ключевым в данном контексте стал вопрос о том, как сделать инвестирование в экологические, социальные и управленческие проекты более прозрачным и при этом улучшить социально-ответственное раскрытие информации. Это привело к принятию в 2019 г. Положения о раскрытии информации об устойчивом финансировании (*Sustainable Finance Disclosure Regulation*), а в 2021 г. – Регламента Европейского союза по раскрытию информации об устойчивом финансировании, разработанном во исполнение Положения⁴.

Общий эколого-ориентированный консолидирующий вектор политики стран Евросоюза получил название «Европейский зеленый курс» (*European Green Deal*)⁵, основная цель которого – сделать Европу «климатически нейтральной» (сократить количество выбросов CO₂ в Европейском союзе до нулевого уровня к 2050 г.).

Стимулировать усилия по борьбе с изменением экологических условий планируется за счет широкого круга мер. К числу главных из них относится внедрение пограничного корректирующего углеродного механизма (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*), а также обязательное раскрытие информации о том, в какой степени деятельность европейских компаний соответствует критериям устойчивого развития (Регламент 2020/852 от 18 июня 2020 г., или Таксономия устойчивости Евросоюза⁶). Последнее, по задумке функционеров, должно повысить прозрачность европейской экономики и направить потоки капитала в ее «устойчивые» сектора.

Таксономия устойчивости ЕС является частью Европейского зеленого курса и фокусируется на экологической устойчивости экономической деятельности. Две основные цели внедрения Таксономии устойчивости ЕС заключаются в содействии дальнейшему направлению средств на экологически значимые проекты и предотвращении «гринвошинга» (от англ. *greenwashing*, означает безосновательное позиционирование компании, товара или услуги на рынке как экологичного).

Подчеркнем, что деятельность компаний Евросоюза (согласно Таксономии устойчивости ЕС) может считаться устойчивой, если она вносит существенный вклад в достижение одной (или нескольких) из 6 целей, которые отражены на рисунке 1.

3 Sustainable Finance: High-Level Conference Kicks EU's Strategy for Greener and Cleaner Economy into High Gear // European Commission: official site. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-2381_en.htm?locale=en (дата обращения: 14.01.2024).

4 Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R2088> (дата обращения: 17.01.2024).

5 The European Green Deal // European Commission: official site. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/european-green-deal_en (дата обращения: 17.01.2024).

6 Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R0852> (дата обращения: 17.01.2024).

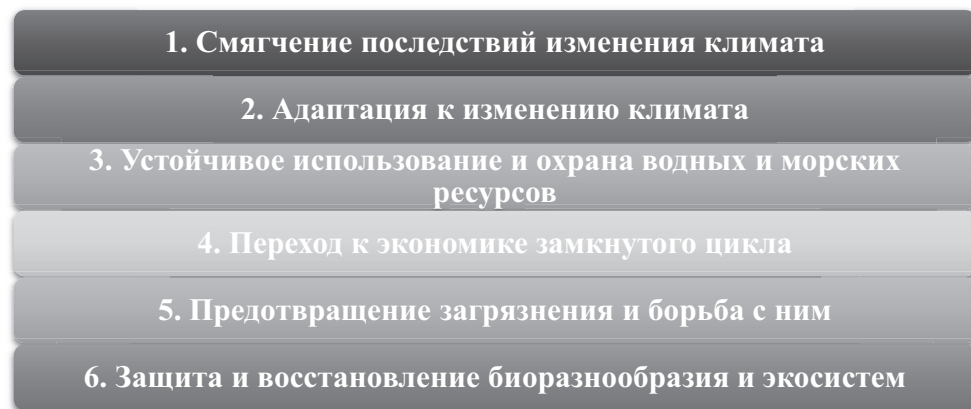

Рисунок 1. Климатические и экологические цели, установленные в рамках Таксономии устойчивости ЕС

Figure 1. Climate and environmental targets set within the framework of the EU Sustainability Taxonomy

Источник: составлено автором на основе Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R0852> (дата обращения: 17.01.2024).

Такая деятельность называется *eligible activity* (приемлемый вид деятельности). Деятельность европейской компании называется *aligned (sustainable) activity* (или согласованная (устойчивая) деятельность), если помимо вклада в реализацию какой-либо из указанных целей она также:

- соответствует техническим критериям мониторинга (*technical screening criteria*), установленным Европейской комиссией в соответствующих нормативных актах;
- не наносит существенного вреда другим целям (принцип *DNSH*, или *Do No Significant Harm*; для каждого вида деятельности установлены свои цели, закрепленные в нормативных актах);
- осуществляется с соблюдением минимально приемлемых социальных гарантий (в соответствии с Декларацией МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда, Всеобщей декларацией прав человека, Руководящими принципами предпринима-

тельской деятельности в аспекте прав человека).

Таким образом, понятие *aligned activities* уже, чем *eligible*, поскольку один и тот же вид деятельности может, к примеру, служить минимизации климатических рисков, но негативно влиять на морские ресурсы, то есть не выполнять условие *DNSH* (быть *eligible*, но не быть *aligned*).

С точки зрения реализации на практике соблюдение Таксономии устойчивости ЕС потребует от компаний:

- а) анализа и категоризации всех видов деятельности компании (выявления *eligible activities*);
- б) оценки их на предмет соответствия техническим критериям мониторинга, *DNSH*-критериям, социальным гарантиям (выявления *aligned activities*);
- в) создания корпоративной системы консолидации и раскрытия финансовых данных в разрезе отдельных видов деятельности, определенных как *eligible* или *aligned*.

По мнению автора, рассмотренные выше планы в части достижения климатической нейтральности на данный момент представляются довольно нереалистичными. Стремление Европейской комиссии одновременно удовлетворить требования климатической повестки, обеспечить энергетическую и экономическую стабильность выглядит как попытка усидеть на двух стульях, что уже приводит к политическим дебатам и весьма напряженному диалогу между ключевыми заинтересованными сторонами.

При оценке актуальной ситуации достижение климатической нейтральности не кажется столь легкой целью: становится понятно, что осуществить план отказа от ископаемого топлива будет не так просто. Так, в 2023 г. выбросы, приходящиеся только на ископаемые источники энергии, в ЕС составили более 800 млн т. В случае отказа от них придется прибегнуть к жестким ограничениям в части расходов энергии. Кроме того, технологии ВИЭ до сих пор имеют ограничения. Например, не решена проблема эффективного накопления энергии, и, соответственно, перспективы энергетической безопасности и стабильности становятся весьма сомнительными.

Раскрытие нефинансовой информации по учету ESG-факторов и целей устойчивого развития компаниями Евросоюза

В настоящее время нет единого международного стандарта нефинансовой отчетности по учету ESG-факторов и целей устойчивого развития (как

и единой методики оценки компаний по ESG-критериям). Более 400 различных агентств и рейтинговых компаний представляют собственную оценку соблюдения принципов ESG в соответствии с разработанными методиками. В ноябре 2021 г. Фонд международных стандартов финансовой отчетности (*International Financial Reporting Standards Foundation, IFRS Foundation*) официально учредил Совет по международным стандартам в области устойчивого развития (*International Sustainability Standards Board, ISSB*⁷), который планирует разработать единый международный стандарт.

В июне 2023 г. Совет по международным стандартам отчетности в области устойчивого развития официально опубликовал первые два стандарта, касающиеся раскрытия ESG-информации. Они опираются на разработки Совета по стандартам раскрытия информации о климате (*Climate Disclosure Standards Board, CDSB*⁸) и Целевой группы по раскрытию финансовой информации (*Task Force for Climate-related Financial Disclosures, TCFD*⁹). Данные стандарты будут постепенно закреплены в качестве обязательных на уровне отдельных стран, прежде всего в странах G7.

Стандарты вступают в силу с января 2024 г., но будут внедряться поэтапно. В первый год компании смогут ограничиться раскрытием информации о климатических рисках по стандарту «Раскрытие информации, связанной с климатом» (S2). Начиная со второго года они должны будут публиковать данные по «Общему стандарту раскрытия информации, связанной с устойчивым развитием» (S1), который включает, по-

7 International Sustainability Standards Board: official site. – URL: <https://www.ifrs.org/groups/international-sustainability-standards-board/> (дата обращения: 17.01.2024).

8 Climate Disclosure Standards Board: official site. – URL: <https://www.cdsb.net/resources> (дата обращения: 17.01.2024).

9 Task Force on Climate-related Financial Disclosures: official site. – URL: <https://www.fsb-tcfd.org> (дата обращения: 18.01.2024).

мимо прочего, информацию о рисках и возможностях, связанных с устойчивым развитием, выбросах парниковых газов и др. Новые стандарты преимущественно ориентированы на инвесторов: в них заложена логика, согласно которой необходимо будет провести оценку того, как показатели устойчивого развития влияют на финансовые показатели компаний.

Подчеркнем, что данные стандарты к моменту их вступления в силу поддерживали в том или ином виде порядка двух десятков юрисдикций, часть из них уже заявила о планируемом прямом внедрении в национальное законодательство, часть проводит консультации внутри своих стран. В частности, на разных стадиях этого процесса находятся Австралия, Бразилия, Великобритания, Гонконг, Канада, Нигерия, Сингапур, Тайвань, Чили, Япония и другие. Один из региональных офисов *ISSB* находится в Китае, поэтому можно ожидать положительного решения китайских властей о принятии в том или ином виде данных стандартов. В декабре 2023 г. амбициозный шаг сделали власти Южной Кореи, представив перевод стандартов *ISSB* на корейский язык. Операторы стандартов – как европейских, так и международных – на этапе внедрения стремятся обеспечить компании различного рода рекомендациями по их применению на практике.

Поскольку Европейский союз крайне активно подходит к разработке законодательства в области устойчивого развития и *ESG*, компаниям необходимо быть готовыми к представлению отчетности по возрастающему числу требований, изложенных во вступивших в силу Директиве о корпоративной

отчетности в области устойчивого развития (*Corporate Sustainability Reporting Directive*, или *CSRD*) и Регламенте раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (*SFDR*). Рассмотрим содержание каждого из указанных актов более детально.

Директива Евросоюза по корпоративной отчетности в области устойчивого развития (*CSRD*) вводится в рамках Европейского зеленого курса и обязывает компании отчитываться по:

- а) экологическим вопросам;
- б) социальным вопросам;
- в) вопросам в части соблюдения прав человека;
- г) аспектам, связанным с борьбой с коррупцией и взяточничеством¹⁰.

Данный документ был разработан взамен Директивы о нефинансовой отчетности (*Non-Financial Reporting Directive*, *NFRD*). Он направлен на повышение уровня детализации информации, раскрываемой по *ESG*-критериям. Информация, раскрываемая в соответствии с *NFRD*, была сочтена недостаточной для обеспечения принятия управленческих решений инвесторов и других заинтересованных сторон.

В сравнении со своим предшественником Директива по корпоративной отчетности в области устойчивого развития расширила сферу охвата, по которой компании будут обязаны отчитываться. Так, компании, зарегистрированные в Европейском союзе или осуществляющие деятельность в юрисдикциях Евросоюза, будут обязаны предоставлять отчетность по установленной форме для обеспечения комплексного раскрытия всех существенных параметров *ESG* (чего и намерены добиться европейские регуляторы за счет внедрения *CSRD*).

10 Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 amending Regulation (EU) No 537/2014, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Directive 2013/34/EU, as regards corporate sustainability reporting // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A32022L2464> (дата обращения: 18.01.2024).

В 2021 г. для повышения уровня прозрачности финансовой информации в области устойчивого развития Европейская комиссия ввела в действие Регламент раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (*EU Sustainable Finance Disclosure Regulation* или *SFDR*)¹¹. В Регламенте изложены конкретные требования к тому, каким образом и какая именно информация об устойчивом развитии должна раскрываться. Раскрытие информации в рамках *SFDR* должно повысить прозрачность экологических и социальных характеристик финансовых продуктов. Таким образом, Регламент направлен на предотвращение «гринвошинга», а также на поощрение дальнейших инвестиций в «устойчивые» компании, продукты и бизнес-проекты.

Регулирование торговли углеродными единицами

Рассмотрим регуляторные изменения, произошедшие в 2023 г. в рамках климатического регулирования на уровне ЕС. К ним относятся, в частности, реформа системы торговли квотами на выбросы (*EU Emissions Trading System, EU ETS*)¹², а также принятый весной 2023 г. Регламент трансграничного механизма регулировки углеродных выбросов (*Carbon Border Adjustment Mechanism*)¹³. Данные документы являются частью программы *Fit for 55*, целью которой является сокращение к 2030 г. выбросов CO₂ в Европейском союзе не менее чем на 55% по сравне-

нию с уровнем 1990-х годов и до нулевого уровня к 2050 г.¹⁴ После принятия данного пакета документов были пересмотрены восемь существующих регуляторных документов в энергетике, транспорте и климатической сфере.

EU ETS является первой в мире межстрановой схемой торговли разрешениями на выбросы для энергоемких отраслей, сектора производства электроэнергии и авиационного сектора. Вводимые правила повышают общую цель сокращения выбросов к 2030 г. в секторах, охватываемых *EU ETS*, до 62% от уровня 2005 г. Установленная цель является значительно более амбициозной, чем предыдущая (43%) (рисунок 2).

При этом *EU ETS* является ключевым элементом инфраструктуры «ограничений и торговли»: Евросоюз устанавливает максимально допустимый совокупный объем выбросов для всех компаний, затем этот объем делится на квоты и распределяется между компаниями. Если объем выбросов окажется больше размера квоты, то компания обязана купить разрешение на дополнительные выбросы.

Подчеркнем, что к настоящему моменту стоимость CO₂ опустились до 2,5-летнего минимума: по состоянию на февраль 2024 г. тонна CO₂ торгуется ниже 56,5 евро (последний раз такая цена была зафиксирована в октябре 2021 г.). В то же время общий объем торгов на *EU ETS*, крупнейшем в мире углеродном рынке, по итогам 2023 г. вырос на 2% (до 770 млрд евро). Год

11 Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/2088/oj> (дата обращения: 18.01.2024).

12 EU Emissions Trading System // European Commission: official site. – URL: https://climate.ec.europa.eu/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets_en (дата обращения: 18.01.2024).

13 Carbon Border Adjustment Mechanism // European Commission: official site. – URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (дата обращения: 18.01.2024).

14 «Fit for 55» // European Council: official site. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/> (дата обращения: 18.01.2024).

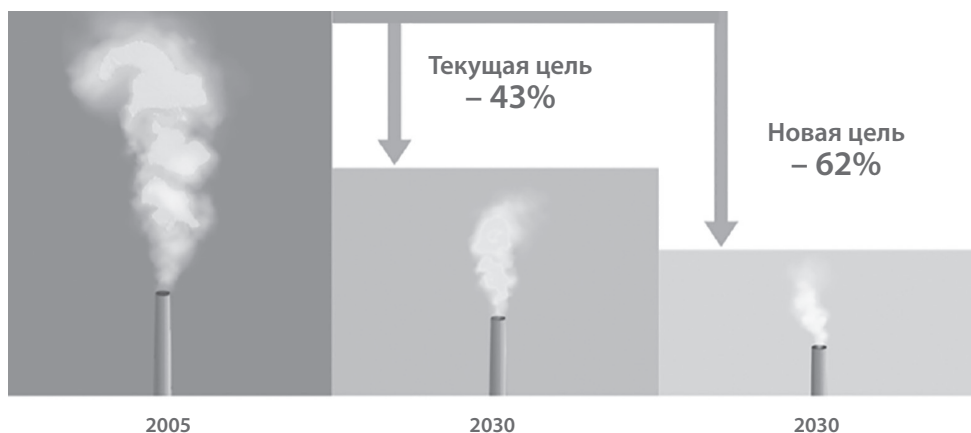

Рисунок 2. Изменение общей цели сокращения выбросов к 2030 г. в секторах, охватываемых EU ETS

Figure 2. Changing the overall emissions reduction target by 2030 in sectors covered by the EU ETS

Источник: составлено автором по Fit for 55: reform of the EU emissions trading system // European Council: official site. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/fit-for-55-eu-emissions-trading-system/> (дата обращения: 18.01.2024).

назад, на пике, квота на тонну углекислого газа торговалась в Евросоюзе более чем за 100 евро, однако затем цена рухнула почти вдвое на фоне слабого спроса предприятий промышленности и энергетики.

Представляется, что низкая цена на CO_2 – индикатор замедления темпов экономического роста Евросоюза, и в ближайшее время тренд может продолжиться (спрос со стороны многих секторов, которые охватывает *EU ETS*, будет снижаться). Тем не менее общемировой тренд сводится к росту торгов на углеродных рынках: их совокупный объем вырос в 2023 г. до рекордных 881 млрд евро (на 2% больше, чем в 2022 г.).

Для поддержания европейских производителей, оказывающихся в более жестких конкурентных условиях из-за *EU ETS*, был введен пограничный

корректирующий углеродный механизм (далее – ПКУМ)¹⁵. ПКУМ должен способствовать предотвращению утечки углеродных выбросов – переноса производства европейских компаний в страны, где политика, применяемая для борьбы с изменением экологических условий, менее амбициозна, чем в Европейском союзе. Представляется, что цели по снижению углеродных выбросов в Европе позволят снизить глобальные выбросы вместо вытеснения углеродоемкого производства в другие страны.

В апреле 2023 г. Регламент пограничного корректирующего углеродного механизма был окончательно одобрен Европарламентом, но общие положения ПКУМ, выработанные в 2022 г., практически не изменились. До конца 2025 г. ПКУМ будет применяться толь-

¹⁵ Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism (Text with EEA relevance) // European Union Law: official site. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (дата обращения: 20.01.2024).

ко как обязательство по отчетности. То есть он будет вводиться поэтапно, параллельно с плавным отказом от бесплатных разрешений. Бесплатные разрешения для таких видов продукции, как цемент, алюминий, удобрения, производство электроэнергии, водород, железо и сталь, будут поэтапно отменены в течение девяти лет (в период с 2026 по 2034 г.).

Отдельно подчеркнем, что усилия Евросоюза по декарбонизации экономики в течение последних двух десятилетий оказали влияние на сокращение выбросов в странах-соседях ЕС. Так, Евросоюз был катализатором перехода к декарбонизации своих непосредственных соседей (Албании, Боснии и Герцеговины, Молдовы, Черногории, Северной Македонии, Сербии и Турции) через экономические и финансовые каналы, а также каналы прямых иностранных инвестиций и технологий.

Ужесточение экологической политики Европейского союза за период 2000–2020 гг. коррелирует с сокращением выбросов в странах-соседях Евросоюза на 10–20%. Согласно оценке МВФ, после полного внедрения ПКУМ в 2026 г. может пострадать прямую экспорт стран-соседей ЕС с интенсивными выбросами (особенно металлургическая и энергетическая отрасли таких стран, как Северная Македония и Сербия)¹⁶.

В долгосрочной перспективе ужесточение пограничного корректирующего углеродного механизма может также повлиять на конкурентоспособность стран-соседей ЕС с учетом их торговой интеграции, что потребует ужесточения национальных поли-

тик по снижению CO_2 . Установление соответствующей цены на CO_2 является наиболее экономически эффективным и справедливым политическим ответом на возникающую проблему декарбонизации в странах-соседях Евросоюза.

Но в то же время директивным органам необходимо помнить об отраслях, которые могут сильно пострадать от политики декарбонизации, и предоставлять социальную помощь тем отраслям и компаниям, которым это в большей степени необходимо. Нельзя не отметить значительное влияние введения ПКУМ на бюджет, особенно при наличии эффективного механизма утилизации отходов. При налоге на выбросы CO_2 в размере 75 долларов за тонну налоговые поступления от него составили бы в среднем (по сравнению с обычным сценарием ведения бизнеса) около 3 п. п. ВВП, что привело бы к сокращению выбросов CO_2 примерно на 25% к 2030 г.

Регулирование раскрытия информации, связанной с учетом ESG-факторов

Помимо рассмотренных выше нормативных изменений в сфере требований к экологичному, социально ответственному и качественному корпоративному управлению, европейские законодатели в июле 2023 г. окончательно утвердили ряд законов, которые вошли в законодательный пакет *Fit for 55*¹⁷. В тот же период Европейская комиссия объявила об утверждении Европейских стандартов отчетности в области устойчивого развития (*European Sustainability*

16 Climate Change Mitigation and Policy Spillovers in the EU's Immediate Neighborhood // IMF: official site. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/11/30/Climate-Change-Mitigation-and-Policy-Spillovers-in-the-EU's-Immediate-Neighborhood-541902> (дата обращения: 07.03.2024).

17 Fit for 55 laws to decarbonise the EU's economy // European Council: official site. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/news/fitfor55-adoptions/> (дата обращения: 18.01.2024).

Reporting Standards, или *ESRS*) для использования всеми компаниями, подпадающими под действие Директивы о корпоративной отчетности в области устойчивого развития. Стандарты охватывают весь спектр вопросов в области *ESG*, включая изменение экологических условий, биоразнообразие и права человека. *ESRS* основаны на концепции «двойственной ответственности», то есть обязывают компании сообщать как о своем воздействии на людей и окружающую среду, так и о том, как социальные и экологические проблемы создают финансовые риски и возможности для компании.

Так, между европейскими и международными стандартами наблюдается высокая степень согласованности, но есть и различия, которые продиктованы целевой аудиторией раскрытия: компании, которые обязаны отчитываться в соответствии с *ESRS* об изменении экологических условий, будут в значительной степени сообщать ту же информацию, что и компании, которые будут использовать стандарт *ISSB* для раскрытия информации, связанной с экологическими аспектами (то есть стандарт МСФО *S2*). Раскрытие информации об изменении экологических условий в рамках *ESRS* предоставит дополнительную информацию о воздействии, актуальном для стейкхолдеров, не являющихся инвесторами (таких как бизнес-партнеры, профсоюзы, представители научного сообщества и др.).

ESRS содержат актуальные стандарты, охватывающие весь спектр экологических, социальных и управленческих вопросов. Стандарты *ISSB*, напротив, сосредоточены в большей степени на том, как социальные и экологические проблемы создают финансовые

риски или возможности для компании. В то же время Еврокомиссия оставила без внимания широкую критику проекта, связанную в значительной степени со смягчением итоговой версии *ESRS* по сравнению с проектом, подготовленным уполномоченной на его разработку Европейской консультативной группой по финансовой отчетности.

Говоря о междоуниверситетских различиях, подчеркнем, что, в отличие от Великобритании, США и Европейского союза, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона нет единого регулирующего органа для формирования законодательства в области *ESG* и раскрытия информации. В этой связи законодательство в области *ESG* в странах Азиатско-Тихоокеанского региона является довольно фрагментарным и разрозненным, варьирующимся от страны к стране. Однако, признавая необходимость повышения прозрачности «устойчивых» товаров, работ или услуг, разработка единой политики в области *ESG* в указанных странах значительно возросла.

К примеру, требования к *ESG*-фондам были введены Гонконгом, Малайзией, Тайванем, Австралией, Индией, Японией, Новой Зеландией, Сингапуром, Таиландом и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). При этом в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона Китай, Гонконг и Сингапур считаются наиболее прогрессивными с точки зрения принятия регламентов и нормативных актов в области *ESG*.

Так, Управление денежного обращения Сингапура ввело руководящие Принципы раскрытия информации и отчетности для *ESG*-фондов, применимые с января 2023 г., чтобы снизить риск возникновения «гринвошинга»¹⁸. Руководящие принципы требуют по-

18 CFC 02/2022 Disclosure and Reporting Guidelines for Retail ESG Funds // Monetary Authority of Singapore: official cite. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/circulars/cfc-02-2022---disclosure-and-reporting-guidelines-for-retail-esg-funds> (дата обращения: 07.03.2024).

стоянного раскрытия информации о фондах с маркировкой *ESG*, которая включает инвестиционную стратегию, критерии и показатели выбора инвестиций, а также все выявленные риски.

Аналогичным образом Сингапурская биржа (*SGX*) в декабре 2022 г. опубликовала консультационный документ, в котором изложены 27 *ESG*-показателей для компаний, котирующихся на бирже *SGX*. Биржа объявила, что с 2023 г. *ESG*-отчетность является обязательной для компаний финансового и энергетического секторов, предприятий сельского хозяйства, пищевой и обрабатывающей промышленности, а для компаний, работающих в транспортно-логистическом комплексе, – с 2024 г. Также отметим, что в ноябре 2021 г. Гонконгская фондовая биржа (*SEHK*) опубликовала Руководство по раскрытию информации о климате, чтобы соответствовать требованиям упомянутой выше Целевой группы по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом (*TCFD*)¹⁹.

При этом фрагментация законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона дополнительно осложняется количеством таксономий, связанных с *ESG*. Так, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии разработала Таксономию АСЕАН для устойчивого финансирования, создав общие нормативы для устойчивой экономической деятельности и финансовых инструментов²⁰. Тем не менее Управление денежного обращения Сингапура поддерживает таксономию «зеленых» и переходных процессов, разрабатываемую Целевой группой по индустрии «зеленых» финансов (*GFIT*) для финансовых уч-

реждений Сингапура. Также в 2023 г. органы государственной власти Индии сообщали, что страна намерена разработать свою собственную таксономию для классификации устойчивой экономической деятельности и технологий. Как следствие, количество требований к раскрытию *ESG* продолжает расти, что может привести к усилению давления в отношении международно признанных стандартов (таких как стандарты, предлагаемые Международным советом по стандартам устойчивого развития (*ISSB*)). Таким образом, указанные аспекты позволяют подтвердить тезис о том, что степень единообразия законодательства в области *ESG* в европейских странах на текущий момент гораздо выше, чем в азиатских странах.

На основании проведенного в работе анализа были систематизированы основные регуляторные драйверы в части разработки концептуальных основ политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления (*ESG*) в Европейском союзе (таблица 1).

По мнению автора, текущая регуляторная политика Евросоюза не в полной мере соответствует постепенному отказу от ископаемых видов топлива в ближайшие десятилетия и нуждается в пересмотре, чтобы достичь установленных в ключевых нормативных документах амбициозных целей. Для устранения названных дисбалансов Европейская комиссия обязала государства – члены ЕС к середине 2024 г. внести корректировки в национальные планы по энергетике и климату (*The national energy and climate plans, NECP*) и детализировать их в части того, каким образом и за счет

19 Guidance on Climate Disclosures // Hong Kong Stock Exchange: official cite. – URL: https://www.hkex.com.hk/-/media/HKEX-Market/Listing/Rules-and-Guidance/Environmental-Social-and-Governance/Exchanges-guidance-materials-on-ESG/guidance_climate_disclosures.pdf (дата обращения: 07.03.2024).

20 ASEAN Taxonomy for Sustainable Finance // ASEAN official cite. – URL: <https://asean.org/book/asean-taxonomy-for-sustainable-finance/> (дата обращения: 07.03.2024).

Таблица 1. Регуляторные драйверы в сфере ESG в Европейском союзе

Table 1. Regulatory drivers in the ESG in the European Union

№ п/п	Год принятия документа	Наименование документа (на русском и английском языках)	Цель принятия документа	Ключевые положения документа
1	2	3	4	5
1	2018	План действий Европейского союза по устойчивому финансированию (<i>The European Union Sustainable Finance Action Plan</i>)	Сделать инвестирование в экологические, социальные и управленческие проекты более прозрачным и улучшить раскрытие информации	План устанавливает три основные цели: 1. Переориентировать потоки капитала на устойчивые инвестиции и сократить количество инвестиций в сектора экономики, способствующие глобальному потеплению. 2. Управлять финансовыми рисками, связанными с изменением экологических условий, истощением ресурсов и ухудшением состояния окружающей среды. 3. Способствовать большей прозрачности и долгосрочности финансовой и экономической деятельности в целях достижения устойчивого и инклюзивного роста
2	2019	Европейский «Зеленый курс» (<i>European Green Deal</i>)	Сформировать дорожную карту по обеспечению устойчивости экономики Евросоюза путем превращения климатических и экологических проблем в возможности, а также сделать Европу «климатически нейтральной» к 2050 г.	Глобальные задачи, которые могут быть достигнуты благодаря принятию документа: 1. Более чистый воздух, вода и почва благодаря снижению загрязнения окружающей среды. 2. Повышение продовольственной безопасности. 3. Более пригодные для жизни экологически чистые города. 4. Снижение зависимости от ископаемого топлива
3	2019	Положение о раскрытии информации об устойчивом финансировании (<i>Sustainable Finance Disclosure Regulation</i>)	Направить ЕС на путь перехода к «зеленой» экономике с конечной целью достижения климатической нейтральности к 2050 г.	Пакет включает инициативы, охватывающие климатические риски, энергетику, транспорт, промышленность, сельское хозяйство и устойчивое финансирование
4	2020	Регламент ЕС по таксономии 2020/852, или Таксономия устойчивости ЕС (<i>The EU Taxonomy Regulation</i>)	Определить критерии для экономической деятельности, которые способствуют достижению климатически нейтральной экономики в ЕС к 2050 г. (при этом должно быть произведено сокращение к 2030 г. выбросов CO ₂ не менее чем на 55% по сравнению с уровнем 1990-х годов)	Ключевые задачи, на решение которых направлен Регламент: 1. Переориентация потоков капитала с акцентом на устойчивые инвестиции. 2. Обеспечение устойчивости как компонента управления рисками. 3. Поощрение долгосрочных инвестиций и экономической активности

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
5	2021	Регламент Европейского союза по раскрытию информации об устойчивом финансировании (<i>EU Sustainable Finance Disclosure Regulation</i>)	Сформулировать конкретные требования к тому, каким образом и какая именно информация об устойчивом развитии должна быть раскрыта	Ключевые цели, на достижение которых направлен Регламент: 1. Улучшить раскрытие информации, чтобы заинтересованные стороны могли понимать, сравнивать характеристики устойчивости финансовых продуктов и фирм. 2. Обеспечить равные «условия игры» внутри Евросоюза, чтобы европейские фирмы не подвергались недобросовестной конкуренции со стороны фирм за пределами ЕС. 3. Противостоять «гринвошингу»
6	2021	Регламент раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (<i>SFDR</i>)	Создать равные условия для участников финансового рынка в отношении прозрачности факторов рисков устойчивого развития, учета воздействий на устойчивость в инвестиционных процессах	Финансовые органы должны предоставлять предписанную и стандартизированную информацию о том, как факторы <i>ESG</i> интегрируются как на уровне компании, так и на уровне продукта
7	2021	Законодательный пакет документов (<i>Fit for 55</i>)	Направить Евросоюз на путь достижения своих климатических целей справедливым, экономически эффективным и конкурентоспособным способом	Пакет представляет собой набор предложений по пересмотру законодательства, связанного с климатом, энергетикой и транспортом, и внедрению новых законодательных инициатив для приведения законов ЕС в соответствие с целями ЕС в области климата
8	2021	Стратегия Евросоюза по адаптации к изменению климата (<i>EU strategy on adaptation to climate change</i>)	Представить долгосрочное видение того, как ЕС станет устойчивым к изменению климата сообществом, полностью адаптированным к неизбежным последствиям изменения климата к 2050 г.	Стратегия направлена на укрепление адаптационного потенциала Евросоюза и минимизацию уязвимости к последствиям изменения климата в соответствии с Парижским соглашением и Европейским законодательством о климате, которое закрепляет изложенную в «Зеленом курсе» цель
9	2022	Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (<i>Corporate Sustainability Reporting Directive</i>)	Обеспечить прозрачность, которая поможет инвесторам, аналитикам, потребителям и другим заинтересованным сторонам лучше оценивать показатели устойчивого развития компаний ЕС, а также связанные с ними последствия для бизнеса и риски	Отчетность в рамках Директивы основана на концепции «двойственной существенности»: организации должны раскрывать информацию о том, как их деятельность влияет на планету и ее людей, а также о том, как их цели, мероприятия и риски в области устойчивого развития влияют на финансовое состояние бизнеса
10	2023	Европейские стандарты отчетности в области устойчивого развития (<i>ESRS</i>)	Повысить прозрачность и сопоставимость корпоративной отчетности в области устойчивого развития и <i>ESG</i>	Стандарты охватывают весь спектр вопросов в сфере <i>ESG</i> , включая изменение климата, биоразнообразие и права человека, и являются ключевым компонентом программы ЕС в области устойчивого развития

Источник: составлено автором.

реализации каких мер они намерены достичь климатической нейтральности. В частности, согласно оценке Европейской комиссии:

- на данном этапе представленные версии национальных планов не позволят достичь цели по сокращению выбросов парниковых газов как минимум на 55% к 2030 г.: запланированные меры приведут к сокращению лишь на 51%;
- представленные в национальных планах меры могут привести к тому, что доля возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе к 2030 г. составит всего 38,6–39,3% (по сравнению с целевым показателем 42,5%);
- также текущие национальные планы позволят повысить энергоэффективность всего на 5,8% (по сравнению с целевым показателем 11,7%)²¹.

Еврокомиссия также подчеркивает важность поэтапного отказа от использования ископаемого топлива в производстве энергии (особенно твердого ископаемого топлива). Кроме того, сохранение субсидий на ископаемое топливо во всех государствах – членах ЕС (в том числе в сфере транспорта) может стать еще одним существенным препятствием на пути ЕС к достижению климатической нейтральности.

Подчеркнем, что доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии на уровне ЕС достигла 23% в 2023 г. (в сравнении с 2022 г. произошло увеличение на 1,1 п. п.). При этом в пересмотренной Директиве Европейского союза о возобновляемых источниках энергии целевой показатель по возобновляемой энергии на 2030 г. был увеличен с 32 до 42,5% (с целью увеличения его до 45%). В этой связи странам ЕС необходимо активи-

зировать свои усилия для коллективного достижения цели до 2030 г., которая требует увеличения доли возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии Евросоюза почти на 20 п. п.

Заключение

За последние несколько десятилетий человечество на собственном опыте убедилось, что устойчивость – это нечто гораздо большее, чем борьба с экологическими рисками. Всё больше внимания стало уделяться устойчивому развитию как основному принципу, который увязывает функционирование корпоративных и финансовых рынков с более широкой глобальной повесткой дня, отраженной в Целях устойчивого развития ООН.

Вне зависимости от ответа вопроса о том, являются ли наблюдаемые изменения экологических условий следствием антропогенной деятельности человека (выбросы CO₂ в атмосферу) или следствием не зависящих от человека глобальных циклических изменений экологических условий, на сегодняшний день приходится констатировать, что ведущие экономики мира направляют мировое развитие по пути декарбонизации, формируя задачу снижения выбросов часто гипертрофированно, как самоцель, в ущерб достижению целей устойчивого развития ООН.

В ряде европейских стран забота об экологических приоритетах превратилась в добровольно-принудительную повестку декарбонизации, социальной ответственности, в то время как приоритеты корпоративного управления стали трансформироваться в нежелание инвестировать деньги в «грязные» и неэкологичные производства, даже

21 National Energy and Climate Plans // European Commission: official site. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6622 (дата обращения 11.03.2024).

если их работа является залогом экономического благополучия и выживания. Наряду с этим во многих компаниях появились идеологи ESG, а крупный бизнес стали принуждать к «озеленению» и сокращению инвестиций в «грязные» производства. С другой стороны, переход к принципам ESG также сопряжен с рисками, связанными со значительной дифференциацией между странами с точки зрения ценностей и готовности к внедрению стандартов ESG.

Действительно, в отношении экологических стандартов существует риск применения «зеленого» протекционизма против ряда стран. Другим риском может быть использование норм ESG в качестве нового универсального принципа, который скорее разделяет, чем объединяет глобальное сообщество. Но, несмотря на это, процессы качественной и опережающей ESG-трансформации происходят как на международном, так и на европейском уровнях, отчасти способствуя достижению целей устойчивого развития и повышению конкурентоспособности ряда компаний²².

В целом, несмотря на указанные ранее препятствия и дисбалансы, цели ЕС по достижению климатической нейтральности к 2050 г. являются необходимыми для обеспечения устойчивого развития. Развитие новых технологий позволит преодолеть некоторые из текущих ограничений и обеспечить переход к устойчивой и конкурентоспособной экономике и устойчивое будущее для последующих поколений не только европейских стран, но и всей планеты.

Анализ, проведенный в данной работе, показал, что в рамках европейских подходов концепция ESG эволюционировала от идеологии устойчивости экономической политики в сторону разработки регионально

(и глобально) значимой регуляторной политики в макроэкономическом, финансовом, инвестиционном и энергетическом пространстве. Растущий интерес инвесторов говорит о том, что эта концепция не просто модный тренд, а стратегически важный элемент для обеспечения устойчивого развития стран европейского континента на государственном уровне. Также сделан вывод о том, что законодательство в области ESG в странах Азиатско-Тихоокеанского региона является довольно фрагментарным, и степень единообразия законодательства в области ESG в европейских странах выше, чем в азиатских странах.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что важным элементом ESG-подхода является прозрачность и раскрытие информации о деятельности европейских компаний и организаций. Внедрение ESG-отчетности позволяет предоставлять стейкхолдерам (акционерам, инвесторам, сотрудникам, клиентам и обществу) объективную и достоверную информацию о практиках устойчивого развития и социальной ответственности, а также о достижении целей и показателей в этих областях.

Применение ESG-подхода на практике способствует созданию эффективной схемы управления, направленной на учет и сбалансированное разрешение экологических, социальных и корпоративных рисков хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, может способствовать достижению целей устойчивого развития в более широком социально-экономическом контексте. Таким образом, концепция ESG представляет собой важный инструмент для управления процессами реализации целей устойчивого развития на уровне компаний.

22 «ESG – how can we measure how 'good' companies are?» // World Economic Forum: official site. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/04/esg-metrics-radio-davos/> (дата обращения: 18.01.2024).

Список литературы

Варнавский В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 1. – С. 5–15. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15.

Глобальное управление: кризис или трансформация? (Мировое развитие. Выпуск 22) / под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. – Москва: ИМЭМО РАН, 2021. – 225 с.

Дорохина К.М., Сахаров А.Г. Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 95–123. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-04.

Дятлов С.А., Быков В.Н. Опыт функционирования институтов устойчивого развития в странах ЕС // *Журнал правовых и экономических исследований*. – 2022. – № 2. – С. 149–154. – DOI: 10.26163/GIEF.2022.35.81.025.

Жукова Е.В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. – 2021. – Т. 18. – № 6 (120). – С. 68–82. – DOI: 10.21686/2413-2829-2021-6-68-82.

Кавешников Н.Ю. Создание системы торговли выбросами парниковых газов ЕС: кто определил дизайн // *Современная Европа*. – 2017. – № 6. – С. 58–69.

Ковалев Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы // *История и современное мировоззрение*. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 82–91.

Понеделко Г.Н. Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС) // *Общественные науки и современ-*

ность. – 2021. – № 1. – С. 85–93. – DOI: 10.31857/S086904990013994-5.

Сильвестров С.Н. Управление глобальными рисками устойчивого развития // *Развитие и безопасность*. – 2023. – № 2 (18). – С. 4–13. – DOI: 10.46960/27132633_2023_2_4.

Соколова Н.А., Теймуров Э.С. Соотношение Целей устойчивого развития и ESG-принципов // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2021. – № 12 (88). – С. 171–183. – DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183.

Худякова Л.С. Устойчивое финансирование в новых политических и экономических реалиях // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 8. – С. 5–15. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-5-15.

ESG-переход: зеленая повестка в глобальной экономике и финансах / Довбий И.П., Кобылякова В.В., Кондратов М.В., Минкин А.А. // *Управление в современных системах*. – 2022. – № 1 (33). – С. 14–23.

Bruno M., Lagasio, V. An overview of the European policies on ESG in the banking sector // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13, № 22. – P. 1–10. – DOI: 10.3390/su132212641.

Pondel H. An attempt to evaluate the level of sustainable development in European Union countries // *Economics and Law*. – 2021. – Vol. 20, № 2. – P. 383–399. – DOI: 10.12775/EiP.2021.023.

Studying the level of sustainable energy development of the European Union countries and their similarity based on the economic and demographic potential / Tutak M., Brodny J., Siwicz D., Ulewicz R., Bindzár P. // *Energies*. – 2020. – Vol. 13, № 24. – P. 1–31. – DOI: 10.3390/en13246643.

The impact of structural reforms on sustainable development performance: evidence from European Union countries / Rapsikevicius J., Bruneckiene J., Krušinskas R., Lukauskas M. // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14, № 19. – P. 1–18. – DOI: 10.3390/su141912583.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.08

European Approaches to the Development of Conceptual Frameworks for ESG Policy

Tatiana K. CHERNYSHEVA

PhD Student at the Department of World Economics, Faculty of Economics
Lomonosov Moscow State University

Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991;

Junior Researcher at the Institute of Economic Policy and Economic Security
Problems

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradskiy Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167

E-mail: TKChernysheva@fa.ru

ORCID: 0000-0002-4744-7198

CITATION: Chernysheva T.K. (2024). European Approaches to the Development of Conceptual Frameworks for ESG Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 136–155 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.08

Received: 13.02.2024.

Revised: 15.03.2024.

ACKNOWLEDGMENT. The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

ABSTRACT. Currently, sustainable development has become a key topic for the global community, reflecting the awareness of the urgency of environmental issues, social justice, and the challenges of ensuring stable economic growth. The ESG concept (environmental, social, governance) began to be developed to eliminate at the corporate level the challenges provoked by “unregulated” economic globalization, the main actors of which were transnational (multinational) companies, intensively conquering new markets, lobbying their activities in conditions of weak national government regulation in the countries where branches of these companies operate. Currently, the European Union is ahead of other jurisdictions in regulating the fundamentals of a policy of en-

vironmentally friendly, socially responsible, and high-quality corporate governance. Ongoing efforts to standardize and make regulatory measures transparent highlight the importance of ESG in modern Europe. The purpose of the article is to systematize the key approaches to the development of conceptual frameworks for policies to support environmentally friendly, socially responsible, and high-quality corporate governance (ESG) at the level of the European Union. The features of the implementation of ESG policy in modern realities in the context of global challenges are considered, as well as an analysis of existing European regulatory documents regulating the development of conceptual foundations for a policy of environmentally friendly, socially responsible,

and high-quality corporate governance. As a result, the key regulatory drivers in the field of ESG in the European Union are systematized, and the features of the modern taxonomy of green (sustainable) activities of the EU companies are revealed. It is concluded that the legislation in the field of ESG in the countries of the Asia-Pacific region is rather fragmented and the degree of uniformity of legislation in the field of ESG in European countries is higher than in Asian countries. The key aspects of disclosure of non-financial information on accounting for ESG factors and sustainable development goals by the EU companies and the main regulatory changes that occurred in 2023 within the framework of climate regulation at the EU level are identified.

KEYWORDS: sustainable development, socially responsible information disclosure, global challenges, ESG, non-financial reporting, sustainable development goals, the UN SDGs, the European Union, climate regulation, carbon emissions.

References

- Bruno M., Lagasio V. (2021). An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector. *Sustainability*. Vol. 13, no. 22, pp. 1–10. DOI: 10.3390/su132212641.
- Dorokhina K., Sakharov A. (2022). Transformation and implementation of environmental and climate provisions in trade agreements of the European Union. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. Vol. 17, no. 4, pp. 95–123 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-04.
- Dyatlov S., Bykov V. (2022). Experience of functioning of institutions of sustainable development in the EU countries. *Journal of Legal and Economic Research*. No. 2, pp. 149–154 (in Russian). DOI: 10.26163/GIEF.2022.35.81.025.
- ESG-transition (2022). Dovbiy I. et al. ESG-transition: the green agenda in the global economy and finance. *Management in Modern Systems*. Vol. 1, no. 33, pp. 14–23 (in Russian).
- Global'noye upravleniye... (2021). Aleshin A.A. et. al. (eds.) *Global governance: crisis or transformation?* (Global Development. Issue 22). Moscow: IMEMO RAS, 225 pp. (in Russian).
- Kaveshnikov N. (2017). Creation of the EU greenhouse gas emissions trading system: who defined the design. *Contemporary Europe*. No. 6, pp. 58–69 (in Russian).
- Khudyakova L. (2023). Sustainable financing in new political and economic realities. *World Economy and International Relations*. Vol. 67, no. 8, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-5-15.
- Kovalev Yu. (2020). EU sustainable development policy: formation, actors, prospects. *History and Modern Perspectives*. Vol. 2, no. 1, pp. 82–91 (in Russian).
- Pondel H. (2021). An attempt to evaluate the level of sustainable development in European Union countries. *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. Vol. 20, no. 2, pp. 383–399. DOI: 10.12775/EiP.2021.023.
- Ponedelko G. (2021). Sustainable development as a factor of interaction between nature and society (on the example of EU countries). *Social sciences and modernity*. No. 1, pp. 85–93 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990013994-5.
- Silvestrov S. (2023). Managing global risks of sustainable development. *Development and Security*. Vol. 2, no. 18, pp. 4–13 (in Russian). DOI: 10.46960/27132633_2023_2_4.
- Sokolova N., Teimurov E. (2021). Correlation of Sustainable Development Goals and ESG principles. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. Vol. 12, no. 88, pp. 171–183 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183.
- Studying... (2020). Tutak M. et al. Studying the level of sustainable energy development of the European Union

countries and their similarity based on the economic and demographic potential. *Energies*. Vol. 13, no. 24, pp. 1–31. DOI: 10.3390/en13246643.

The impact... (2022). Rapsikevicius J. et al. The impact of structural reforms on sustainable development performance: evidence from European Union countries. *Sustainability*. Vol. 14, no. 19, pp. 1–18. DOI: 10.3390/su141912583.

Varnavsky V. (2023). Cross-border carbon regulation of the European

Union: anew instrument of global governance. *World Economy and International Relations*. Vol. 67, no. 1, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15.

Zhukova E. (2021). The main trends in the development of the ESG agenda: an overview in Russia and in the world. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. Vol. 18, no. 6, pp. 68–82 (in Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2021-6-68-82.

УДК 314.742+ 332.85(430)
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.09

Взаимосвязь между расселением иммигрантов и стоимостью жилья в глобальных немецких городах

Дарья Павловна ШАТИЛО

кандидат географических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: shatilo@inion.ru
ORCID: 0000-0003-2575-0927

ЦИТИРОВАНИЕ: Шатило Д.П. Взаимосвязь между расселением иммигрантов и стоимостью жилья в глобальных немецких городах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 156–195.
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.09

Статья поступила в редакцию 06.12.2023.
Исправленный текст представлен 01.03.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках работы по гранту РНФ № 19-18-00251, реализуемому в МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены особенности формирования глобальных немецких городов, их место в международной экономической системе и функции в самой Германии. Экономическая сфера позволяет даже не очень крупным немецким городам стать глобальными. На примере расселения по районам иммигрантов и иностранцев, а также распределения стоимости жилья, данные о котором собирались по проверенному авторскому алгоритму, показана территориальная внутригородская дифференциация. Связка «иммигранты – цены на жилье» помогает соотнести соответствие пространственных особенностей районов городов. В исторически обусловленной немецкой системе – семь глобальных городов (как в Индии, больше только в США и Китае). Это Франк-

фурт-на-Майне, Мюнхен, Гамбург, Берлин, Дюссельдорф, Штутгарт и Кёльн. Было выявлено, что все города отличаются большими числом и долей иммигрантов и/или иностранцев (в каждом городе их более трети). Иммигранты оказывают значительное влияние на демографические показатели, снижая средний возраст населения. Иммигранты часто селятся в более окраинных районах, вблизи промышленных или инфраструктурных объектов. В городах также много иностранцев из стран ЕС. Выявлены дорогие центры городов с постепенным снижением стоимости жилья в периферийных районах. Западные части всех городов значительно дороже. Цены во всех городах значительно выросли, причем исторические центры городов и коммерческие районы обычно самые дорогие. Из всех выбранных

городов лишь в Берлине максимальные доли иммигрантов приходятся на центральные районы с более высокими ценами (это обусловлено историей разделения города). В других городах наблюдается соответствие более дешевых районов с высокой стоимостью жилья. В городских центрах наблюдается большое разнообразие цен и, следовательно, неравномерное распределение. Контрасты особенно заметны в Гамбурге, в то время как Мюнхен в целом является одним из самых дорогих городов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальные города Германии, Франкфурт-на-Майне, Мюнхен, Гамбург, Берлин, Дюссельдорф, Штутгарт, Кёльн, расселение иммигрантов, цены на жилье, социальная дифференциация.

Введение

Иммигранты влияют и изменяют структуру населения, воздействуют в целом на социально-этническую дифференциацию и часто усиливают степень территориальных диспропорций. Мировые города Германии – интересный пример того, как связаны между собой в географическом плане расселение иммигрантов, распределение стоимости жилой недвижимости и некоторые другие социальные показатели. Кроме того, на фоне других стран Германия отличается наиболее полной статистикой о расселении иммигрантов, а обилие мировых и глобальных городов ярко демонстрирует полицентричность страны (в отличие, например, от Франции, Великобритании и России, где столицы играют ключевую роль в формировании и притяжении потоков капитала, информации и населения).

Так как для изучения внутригородских процессов необходима качественная статистическая база по иммигран-

там, а ее просто нет (даже в Германии, где статистическая база является одной из самых полных), то приходится строить некоторые гипотезы и искать взаимосвязи. Территориальная структура иммигрантов и стоимости жилья – один из примеров оценки социальной неоднородности в городах [Шатило, 2022]. Интересно соотнести взаимосвязь расселения иммигрантов и стоимость жилой недвижимости. Уникальность настоящего исследования заключается в проработке объемного фактического материала по внутренней структуре большого числа городов, а сами города представлены не как «точки на карте», а с учетом территориальных проявлений происходящих в городах социально-экономических процессов.

Постановка научной проблемы

Обустройство иммигрантов при приезде в Германию – сложный процесс. Первая проблема иммигранта – где жить и как жить, а потом появляются другие составляющие (с кем жить; в каком районе; стоимость проживания; возможности покупки или аренды жилья; близость дома к работе; вопросы встраивания в общую коммуны; выбор района: место проживания иммигрантов, близких по социально-культурным аспектам, либо принимающее общество). Расселяются иммигранты, разумеется, для решения своих собственных жизненных задач. При этом цель статьи – определить особенности расселения иммигрантов в глобальных городах Германии, дать научно обоснованные модели для лиц, принимающих решения.

Расселение среди прочих изучает социология, но проблема расселения может быть определена и как взаимо-

действие человека и территории. Это, с одной стороны, проблема географическая, с другой – социальная; когда они начинают конфликтовать, возникает проблема на стыке разных наук. Поэтому настоящее исследование – комплексное и междисциплинарное. Решение этих вопросов в рамках только одной науки (например, социологии, демографии или политологии) – крайне узкий и необъективный подход. Необходимо изучать проблему расселения иммигрантов с разных сторон: в плане территории (как она устроена исходно), а также в части включения социальных аспектов.

Проблема научная и методологическая – как совместить изучение объекта с точки зрения разных научных подходов. У каждой науки есть свой методический аппарат. В географии используется методы картографирования, в социологии – статистика и т.д. Поэтому для изучения настоящего объекта (городов) нужно совместить разные методики. В этом заключается научная новизна и актуальность настоящего исследования. Необходимо понять, как этот сложный объект (глобальные города) изучать с социальной (сущностно-гуманитарной) и географической (пространственной) позиций. Однако география – наука пространственно-временная и в то же время гуманитарная. География как нельзя лучше дает возможность взглянуть на объект – города – одновременно с точек зрения и социума, и территории.

Статья гносеологическая, научно-исследовательская. Ее смысл – познание методом разностороннего анализа на основе географического и гуманитарного подходов. География как наука как раз эти подходы и соединяет. Отметим, что экономика также является социально-гуманитарной наукой.

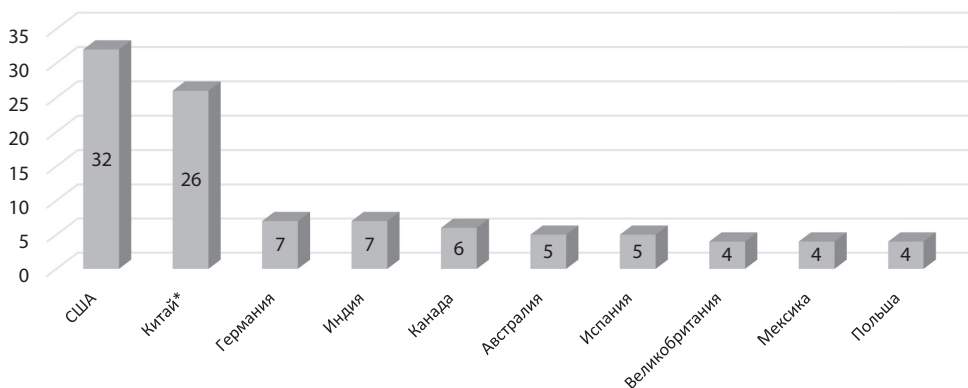
Теоретические основы и методы изучения глобальных городов

Глобальные города – термин, введенный вследствие усиления роли глобализации, чтобы показать, что это те города, в которых сосредотачивается определенный набор качеств. Само понятие глобального города возникло с началом процесса глобализации. Науке точно не известен источник самого первого упоминания данного понятия [Шатило, 2020]. Возможно, впервые его употребили в своей статье в 1983 г. американские социолог и активист Р. Росс и политолог и философ К. Тракте: они вводят понятие «глобальный город», говоря о городах «институциональной вершины распределения ресурсов по всему миру» [Ross, Trachte, 1983]. О концентрации транснациональных корпораций (ТНК) в таких городах писали и другие американские исследователи, например, философ, теоретик культуры и политолог М. Шапиро и политолог Д. Нойбауэр в 1989 г. [Shapiro, Neubauer, 1989]. В научном сообществе считается, что широкую огласку термину «глобальный город» придала С. Сассен [Шатило, 2020]. Она популяризировала понятие и рассмотрела Нью-Йорк, Лондон и Токио как глобальные города [Sassen, 1991; Sassen, 2018].

Схожее, но более раннее понятие «мировой город» связано с историей и культурной ролью урбанизации, а понятие «глобальный город» – исключительно с процессами глобализации. Чаще всего глобальные города выполняют также функции мировых городов. Если раньше ведущим фактором образования мировых городов считалось развитие урбанизации, то дальше важнее становится глобализация.

В рамках изучения концентрации штаб-квартир крупнейших ТНК бри-

Число глобальных городов, 2020

* Эксперты GaWC отдельно выделяют три глобальных города на о. Тайвань и Гонконг.

Рисунок 1. Распределение глобальных городов по странам в 2020 г.

Figure 1. Distribution of global cities by country in 2020

Источник: составлено автором по [GaWC, 2023].

танскими учеными создана Исследовательская группа (сеть) по изучению глобализации и мировых городов (*GaWC Study Group*), результаты исследований которой получили широкую известность в мире. Выделены три класса городов: «Альфа», «Бета» и «Гамма», – каждый из которых делится еще на три группы, например, «Альфа+», «Альфа» и «Альфа – » и т.д. Именно такая сеть глобальных городов считается базовой.

Особенности формирования и развития глобальных городов Германии

Предметом изучения нашего исследования являются глобальные и мировые города Германии. Согласно последним материалам, представленным *GaWC Study Group*, в 2020 г. их насчитывалось 7.

На рисунке 1 представлено распределение глобальных городов по странам. Лидируют США и Китай, далее с большим отрывом следуют Индия

и Германия. Для европейских стран это уникальный феномен.

Германия как страна, для которой характерно полицентричное развитие, представляет широкий спектр сети глобальных городов. Страна в целом и каждый из городов развивались своим путем [Курасов, 2009]. Давняя история полицентричной страны и ее децентрализация, равно как и послевоенное «экономическое чудо», позволили ей стать по-своему уникальной.

Экономическая сфера позволяет даже не очень крупные немецкие города считать глобальными; однако экономическая сфера уступает политической роли городов, за исключением Берлина и Франкфурта-на-Майне (хотя их можно назвать политическими центрами лишь с оговорками). Душевой продукт в этих городах выше среднего, также в них размещены штаб-квартиры крупнейших мировых ТНК. Кроме того, города можно также отнести к международным центрам авиаперевозок (таблица 1).

Таблица 1. Глобальные города Германии по рейтингу GaWC и их население, 2020 г.
Table 1. Global cities in Germany according to GaWC ranking and their population, 2020

Рейтинг GaWC	Класс по GaWC	Город	Население, млн чел.
16	Alpha	Франкфурт	0,73
41	Alpha -	Мюнхен	1,4
55	Beta +	Гамбург	1,89
57	Beta +	Берлин	3,9
59	Beta +	Дюссельдорф	0,59
101	Beta –	Штутгарт	0,62
159	Gamma +	Кёльн	1,1

Источник: составлено по [GaWC, 2023].

На немецкие глобальные города огромное влияние оказал и фактор их взаимной конкуренции: самый яркий пример – это сильное доминирование Франкфурта-на-Майне, а после воссоединения страны на арену глобальных городов вступил и Берлин.

Глобальным городам Германии присуще более равномерное распределение, однако оно несимметричное (кроме Берлина еще шесть городов в западной части). На Рейнской оси расположены только Франкфурт-на-Майне и Дюссельдорф, а Мюнхен и Гамбург размещены подальше от неё.

Материалы и методы исследования городов

В Германии принято (и в статистике тоже) выделять как иммигрантов, так и иностранцев. Иммигрантами считаются те, кто уже получил немецкий паспорт, натурализованные немцы, те, кто имеет миграционные корни (рисунок 2). Иностранцы – те, кто паспорт не получал, однако часто в статистике имеются в виду именно они (за редким исключением). Доля иностранцев с 2015 г. продолжает расти во всех рассматриваемых городах. В целом более трети населения горожан имеют мигра-

ционные корни, кроме того, мигранты снижают средний возраст населения.

Анализ рынка жилья на районном уровне – трудная и отчасти непосильная задача, а потому автор применил доказанную (тоже трудоемкую) методику сбора цен на жилье. По каждому району выбранных городов брались предложения квартир или домов с двумя спальнями (то есть трехкомнатные квартиры) как наиболее распространенные. В каждом районе выборка объектов недвижимости составила 100 предложений (эксперты по недвижимости сочли такую выборку весьма репрезентативной). В целом для изучения важны даже не сами цены как таковые, а их территориальная дифференциация. Кроме того, нет и даже невозможно получить материалы о том, какие предпочтения у самих иммигрантов, кто эти люди (за исключением страны происхождения и иногда – их возраста). Поэтому можно использовать уже доказавшую свою эффективность гипотезу «мигранты живут в дешевых районах» и проверить ее. На ее основе и будут представлены взаимосвязи в городах.

Зачем нужны картографические материалы? При изучении неоднородностей территорий городов и в целом социального расслоения возникают труднопреодолимые сложности, связанные со

Рисунок 2. Жители с миграционным прошлым в Германии

Figure 2. Residents with a migration background in Germany

Источник: составлено по материалам германских статистических данных (URL: <https://www.destatis.de> и др.).

статистическими материалами. Сопоставимость статистической информации, а также универсальность применения одних и тех же социальных индикаторов к различным странам, регионам и городам представляет собой сложную, но важную задачу, требующую тщательного анализа и обработки данных. Городской ландшафт обладает своей спецификой, которая делает его более проницаемым пространством, чем район или страна в целом. Применение методов линейной статистики к анализу географических совокупностей требует учета взаимного расположения точек или ячеек в исследуемом пространстве, что придает особое значение многомерным методам анализа данных. Ни один из стандартных показателей линейной статистики не способен уловить разницу между двумя вариантами размещения социальных групп в городе (рисунок 3). Для учета этой разницы предлагались сложные для расчетов «географизированные» формулы, в которых

ячейкам присваиваются координаты положения. Поэтому карты (тоже несмотря на трудоемкость их составления) могут считаться самым наглядным и наилучшим инструментом для демонстрации территориальной дифференциации.

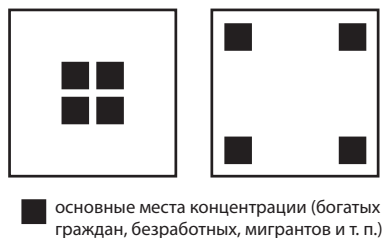

Рисунок 3. Разная дифференциация социальных явлений на условной территории, не отражаемая мерами линейной статистики

Figure 3. Different differentiation of social phenomena on a conditional territory, not reflected by linear statistics measures

Источник: [Шатило, 2018].

Иммиграционная политика Германии и история миграционных волн

На протяжении почти всего XX в. в Германии преобладало стремление к интеграции. После окончания Второй мировой войны стали возвращать репатриантов. Однако с 1960-х годов «железный занавес» сократил их число. Вместе с тем продолжался приток гастарбайтеров из развивающихся стран. В 1990-е годы усилился поток иммигрантов из советских стран [Карачурина, 2008; Савоскул, 2020]. Приезжие сталкивались со сложностями в получении гражданства (во Франции на тот момент было проще). Кроме того, различаются правила приема репатриантов и трудовых иммигрантов. Также в Германии фиксируются люди с миграционным прошлым. Различные группы иммигрантов, прибывающие волнами в страну, стремились концентрироваться внутри городов, формируя территориальные диспропорции с преобладанием той или иной этнической группы. По материалам, опубликованным Статистическим бюро Берлина и Бранденбурга, уровень квалификации у иммигрантов, как правило, значительно ниже, что приводит к структурной безработице, возникновению «кругов бедности» (социально депривированных и неблагополучных кварталов)¹. Социальная поддержка в виде определенных компенсаций и выплат привела к увеличению их доли. Также обостряется проблема беженцев, которых часто расселяют, но их концентрация в таких местах пребывания приводит к антисанитарии и возникновению очагов агрессии. На этом фоне растет недовольство местных

жителей, которые стараются обходить такие места стороной и требуют изменения миграционной политики [Соколов, Давыдов, 2023].

Сообщается, что в 2024 г. будут, с одной стороны, усложнены правила въезда, с другой – привлекаться квалифицированные специалисты, для которых вся процедура будет облегчена, а с третьей – упростится процесс получения гражданства для некоторых категорий².

Миграционная история показывает, что в XXI в. произошел переход от так называемой этнической модели устройства к эмигрантской [Молодикова, 2003; Musterd, 2005; Cassiers, Kesteloot, 2012]. Его вызвали спад рождаемости, дефицит рабочих мест в ряде отраслей, рост рядов «новых меньшинств» и нелегальных мигрантов [Шатило, 2018].

Цикличность процесса иммиграции, которую проходили глобальные немецкие города (как в целом и вся Германия) ярко показывают унифицированные этапы иммиграции. Волны и основные процессы показаны в таблице 1. В целом для городов характерна бурная индустриализация в конце XIX – начале XX в., нестабильность из-за войн, эмиграции и депортации, политические конфликты. После войны последовали «экономическое чудо» – стремительное восстановление экономики Германии (в большей степени Западной Германии), спрос на рабочую силу, рост населения и приток иммигрантов. На современном этапе число иммигрантов продолжает расти, а сами их ряды становятся более этнически разнообразными. Кроме того, усиливается спрос на высококвалифицированных специалистов.

1 Statistik Berlin – Brandenburg. – URL: <http://www.statistik-berlin-brandenburg.de/> (дата обращения: 17.02.2024).

2 Federal Ministry of the Interior and Community – URL: <https://www.bmi.bund.de/> (дата обращения: 25.02.2024).

Таблица 2. Основные факторы, миграционные процессы и события в глобальных немецких городах
Table 2. Key factors, migration processes and events in global German cities

Периоды	Франкфурт-на-Майне	Мюнхен	Штутгарт	Берлин	Гамбург	Дюссельдорф	Кёльн
1 Конец XIX в.	2 Развитие промышленности, транспорта, присоединение окрестных округов, приток иммигрантов	3 Экономический и культурный бум, рост населения	4 Развитие промышленности и присвоение окрестных территорий	5 Промышленный бум, внутренние миграции в имперский центр	6 Развитие порта, промышленность, транзитная миграция многих немцев и жителей Восточной Европы (в большинстве случаев в США)	7 Индустриализация, спрос на рабочую силу, в том числе иностранную	8 Индустриализация, город становится одним из ведущих промышленных центров, расширение территории города
Первая половина XX в.	Нестабильность из-за войн, отток и приток населения	Войны, миграции, депортации, нестабильность	Нестабильность из-за войн, эмиграции и депортации, политические конфликты с Францией и США	Войны, резкие колебания спроса на труд, раздел Берлина	Войны, миграции, депортации, нестабильность, транзитный пункт для переезда в Америку (в основном евреев и русских эмигрантов)	Войны, нестабильность, эмиграции, депортации	Войны, экономический кризис, окупационная зона Франции, а после Второй мировой войны – в Британской; нестабильность, эмиграции, депортации
Конец 1950-х – начало 1960-х гг.	Отток населения в окрестные территории, трудовая миграция, становление экономики	Спрос на рабочую силу (в частности иммигрантов), восстановление города, возрождение экономики	Восстановление, возвращение немецких беженцев и приток мигрантов	Гастарбайтеры из Турции, юга Европы (включая СФЮ), Африки и др.	Вход города в Британскую зону оккупации Германии, восстановление, экономический бум, приток мигрантов	Послевоенное восстановление, приток иммигрантов, отток местного населения в пригороды	Восстановление после войны, экономические чудеса, возрождение промышленности, приток жителей и иммигрантов

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
1960–1970-е гг.	Рост числа иммигрантов, воссоединение семей	Снижение постоянного населения, рост за счет мигрантов	Экономическое чудо и приток иммигрантов	Регулирование притока рабочей силы двусторонними соглашениями	Экономический рост, расширение порта, приток мигрантов	Развитие экономики, продолжающийся отток населения в пригороды, присоединение соседних округов к городу, рост числа иммигрантов	Развитие промышленности, спрос на рабочую силу (в том числе иммигрантов), расширение территории города
1980–1990-е гг.	Увеличение трудовых иммигрантов и репатриантов	Увеличение трудовых иммигрантов и репатриантов	Увеличение трудовых иммигрантов и репатриантов	Падение Стены, приток из стран бывшего СССР, Восточной Европы, Ближнего Востока и др.	Рост территории, развитие экономики, объединение Германии, увеличение притока мигрантов, воссоединение семей, увеличение числа выходцев из стран бывшего СССР	Осуществление многих проектов по городскому развитию, приток выходцев из стран бывшего СССР, Западной и Восточной Европы, Турции	Диверсификация экономики, рост населения города
XXI в.	Лидерство в деловой жизни, увеличение трудовых иммигрантов и репатриантов, политика регулирования миграций	Расцвет экономики, рост числа иммигрантов, в том числе высококвалифицированных специалистов	Подъем экономики, приток иммигрантов, в том числе гастарбайтеров, сегрегация и культурное и этническое разнообразие	Подъем экономики, политика регулирования миграций	Развитие как крупнейшего логистического хаба (порт), связанных с ним отраслей, спрос на иностранную рабочую силу, квалифицированных специалистов, воссоединение семей	Диверсификация мигрантов, развитие экономики	Рост числа иммигрантов и их разнообразия, развитие экономики

Источник: составлено автором.

Обсуждение результатов

Франкфурт-на-Майне

Франкфурт-на-Майне лидирует среди глобальных городов Германии, хотя по численности населения он мал. Он считается главным центром банковских и бухгалтерских услуг. Исторически город развивался как транспортный узел и центр торговли. Он расположен не на Рейне, а на его притоке Майне, в стороне от концентрации городов на самом Рейне, что повлияло на медленный рост города. Однако основной расцвет пришелся на вторую половину XX в., когда в нем стали активно проявляться процессы глобализации и размещаться объекты третичного сектора экономики.

Город как глобальный притягивает иммигрантов. Мировые события 2020 г. повлияли на некоторое сокращение населения, но к настоящему времени всё восстановилось. Население города растет за счет миграционного прироста. Основные национальные общины – из Турции, европейских стран (из Западной Европы (Италии, Испании, Португалии и Франции) и Восточной Европы), а также Японии, США, России, Великобритании и Китая (рисунок 4). Следует отметить и рост прибывших выходцев из Украины в 2022 г. (в основном это женщины). Эксперты считают Франкфурт достаточно молодым городом, в котором средний возраст составил 40 лет. Рисунки 4 и 5 показывают расселение иностранцев из стран ЕС в динамике за три года.

Центральные исторические районы города – Банхофсфиртель близ вокзала, финансовый Нойштадт, промышленный, торговый Гутлейтфир-

тель и экономический Галлус – лидируют по доле иностранцев (45–49%) и считаются мультикультурными; также через них проходит «финансовая ось» Франкфурта (рисунок 6). В самом восточном Фехенхайме, который раньше был рыбацкой деревней, а сейчас это промышленный и финансовый район, также наблюдается большая доля иностранцев: здесь размещены многочисленные предприятия химической, легкой и пищевой промышленности и транспортные компании.

Дифференциация стоимости жилой недвижимости меняется мало, но цены продолжают расти. Удивительно, но средние цены на жилье (около 9 000 евро за кв. м) оказались не такими высокими, как можно предположить для города такого глобального значения (рисунок 7). Понятно, что на рынке много предложений дорогой и элитной недвижимости, однако по выбранным характеристикам (прежде всего площадь) такие объекты из общей базы убирались. Самыми дорогими всегда остаются центральные и деловые районы. Можно отметить переход районов из одной категории в другую за счет изменений цен. В целом в 2023 г. центральные районы по берегам Майна и деловые остаются самыми дорогими и востребованными. Можно отметить сокращение цены в северных районах, что в целом влияет на показатели по городу и в общих цифрах замедляет рост. Карта распределения среднемесячной стоимости аренды показывает концентрацию более высоких цен в центральных деловых районах, и можно даже отметить радиально-кольцевую структуру (рисунок 8).

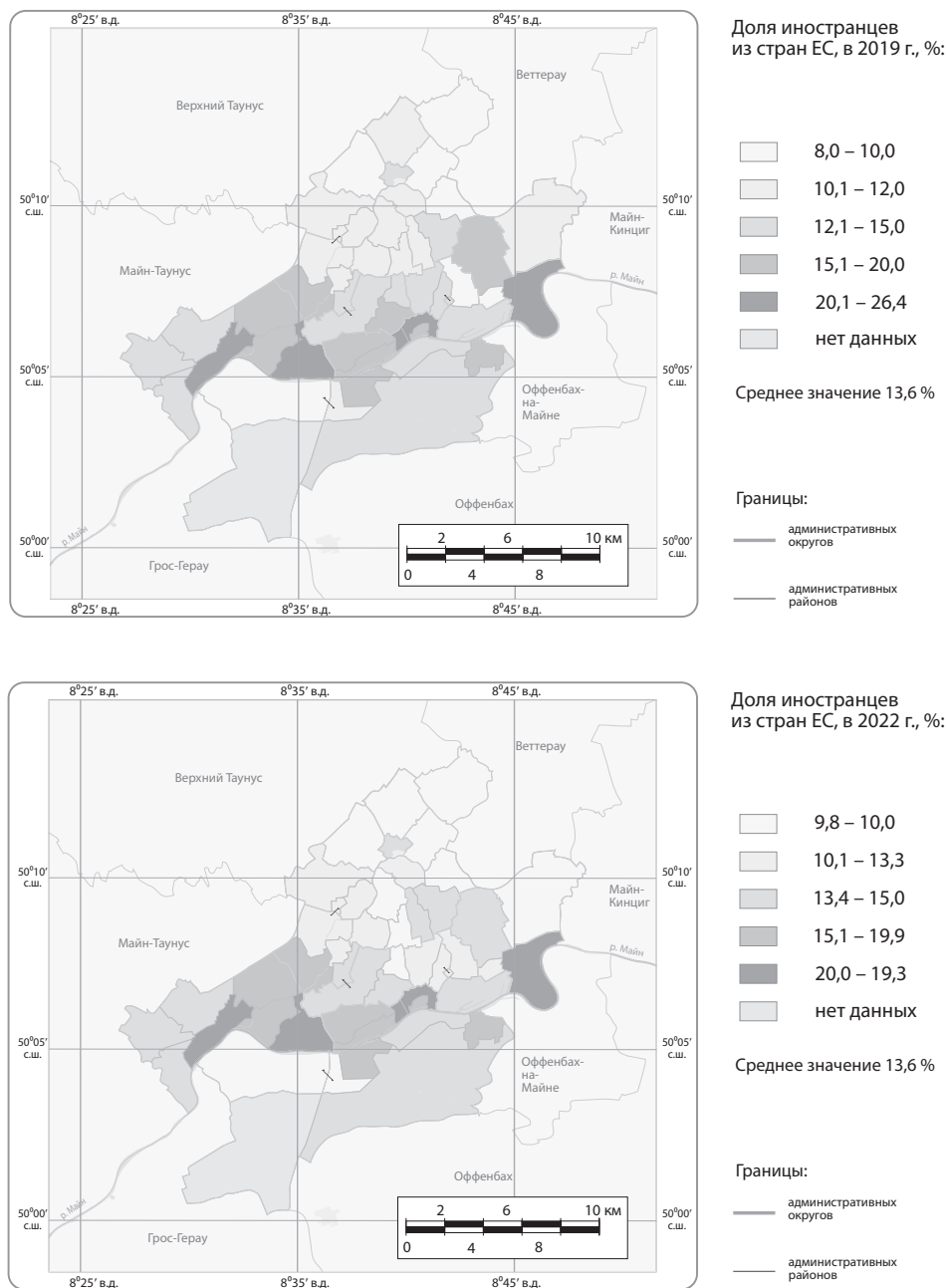

Рисунок 4. Расселение иностранцев из стран ЕС во Франкфурте-на-Майне в 2019 и 2022 гг.

Figure 4. Settlement of foreigners from EU countries in Frankfurt am Main in 2019 and 2022

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

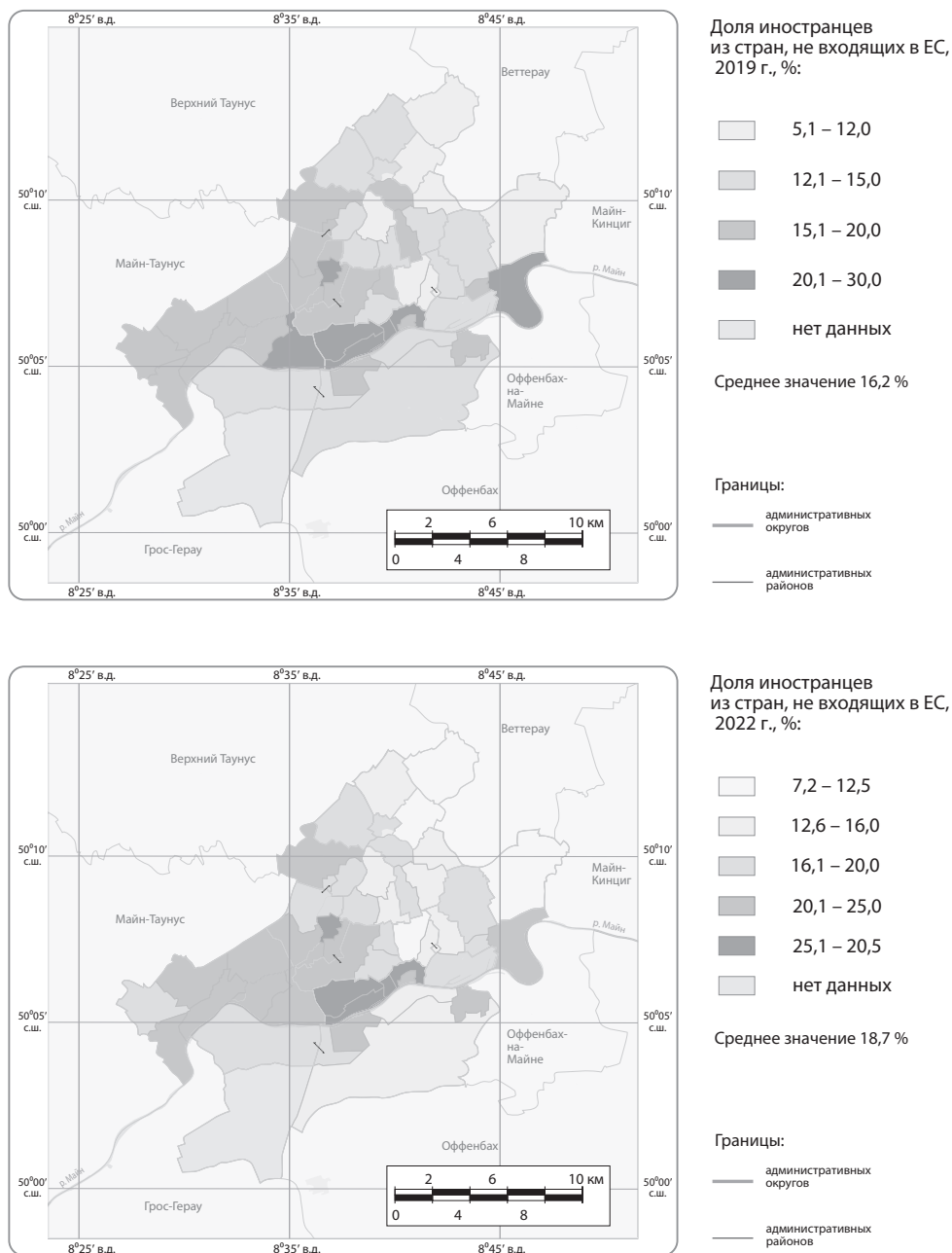

Рисунок 5. Расселение иностранцев из стран, не входящих в ЕС, во Франкфурте-на-Майне в 2019 и 2022 гг.

Figure 5. Settlement of non-EU foreigners in Frankfurt am Main in 2019 and 2022

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

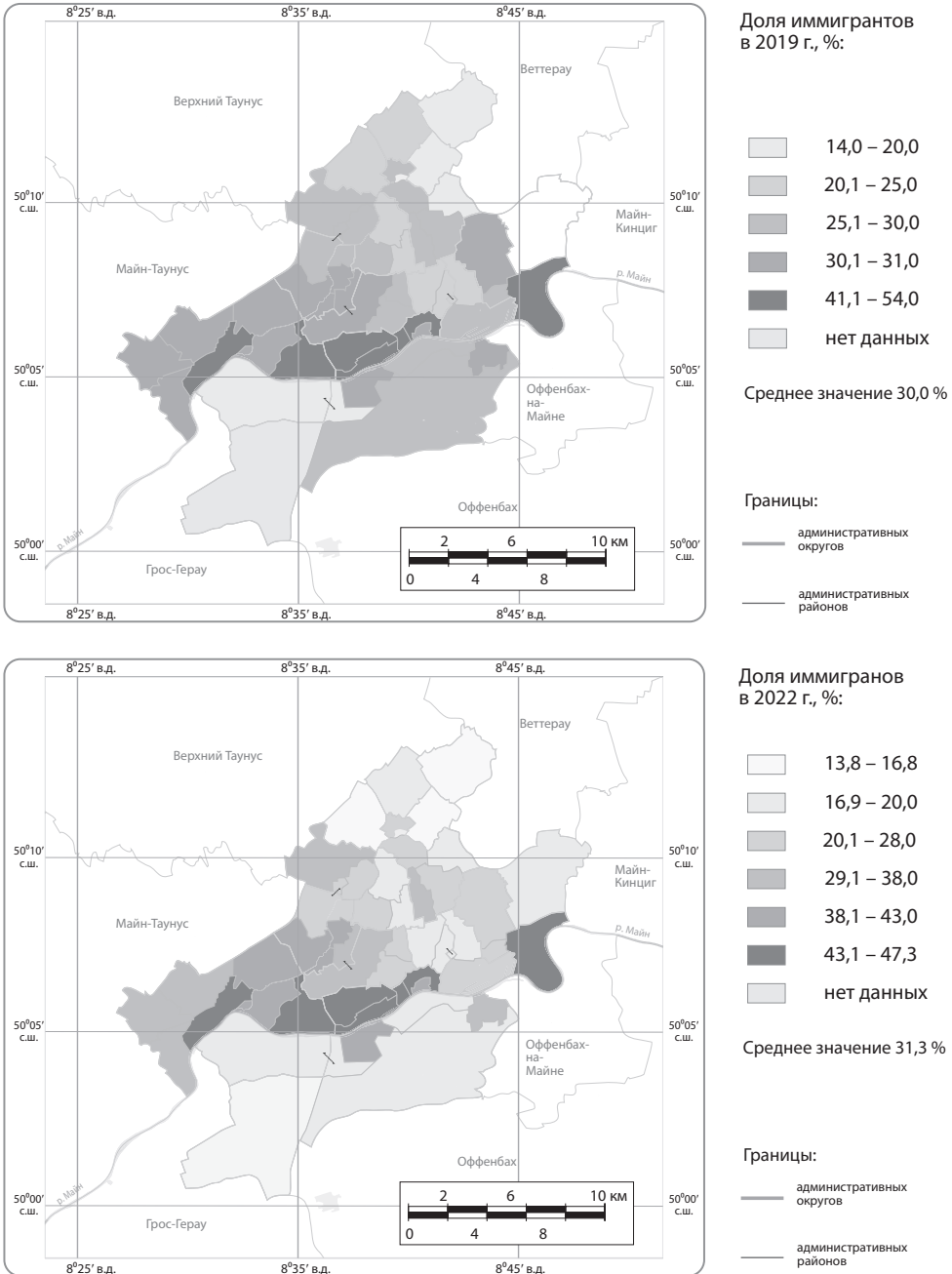

Рисунок 6. Расселение иммигрантов во Франкфурте-на-Майне в 2019 и 2022 гг.

Figure 6. Immigrant settlement in Frankfurt am Main in 2019 and 2022

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

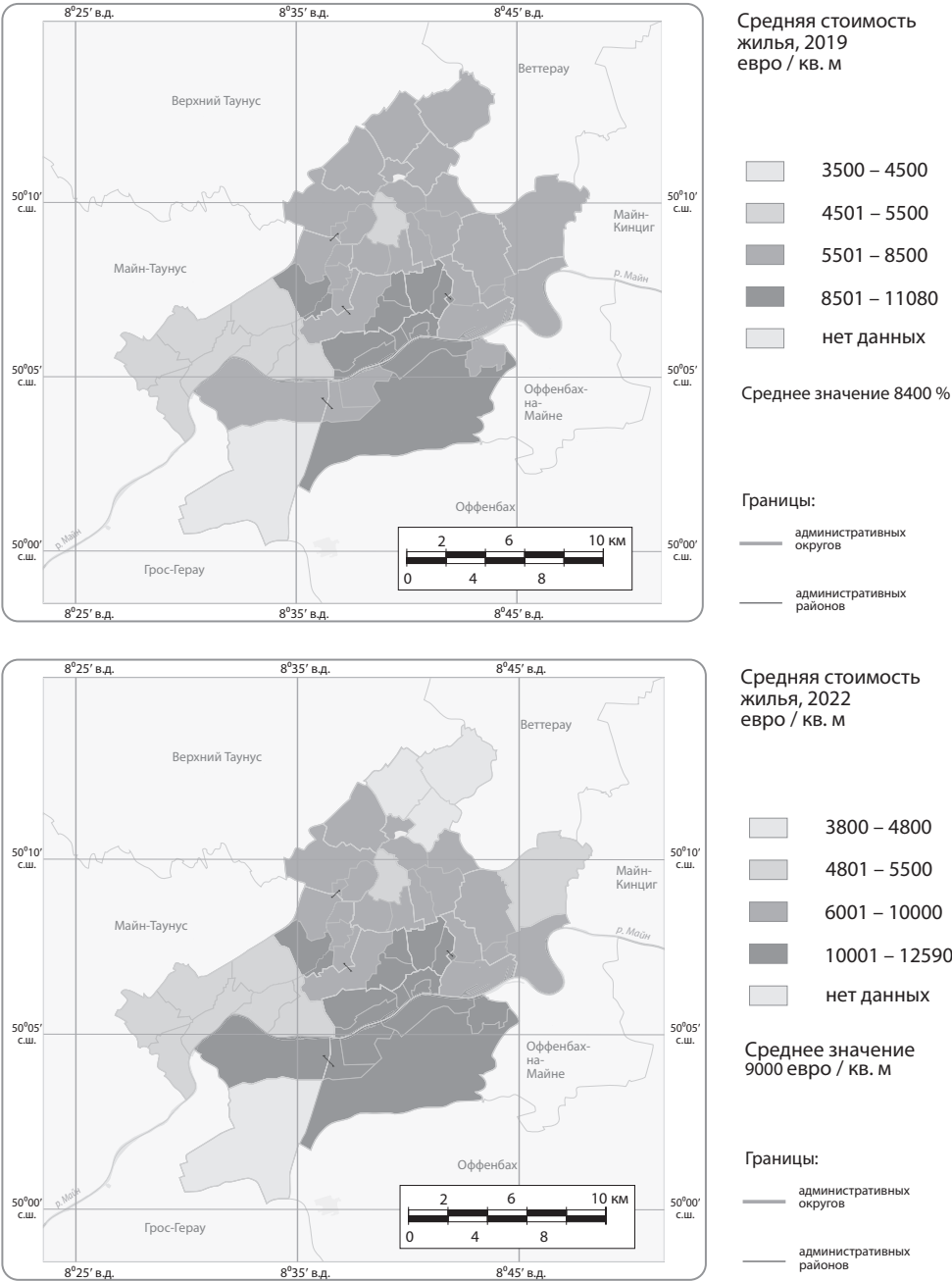

Рисунок 7. Дифференциация стоимости жилой недвижимости во Франкфурте-на-Майне в 2019 и 2022 гг.

Figure 7. Differentiation of the cost of residential real estate in Frankfurt am Main in 2019 and 2022

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

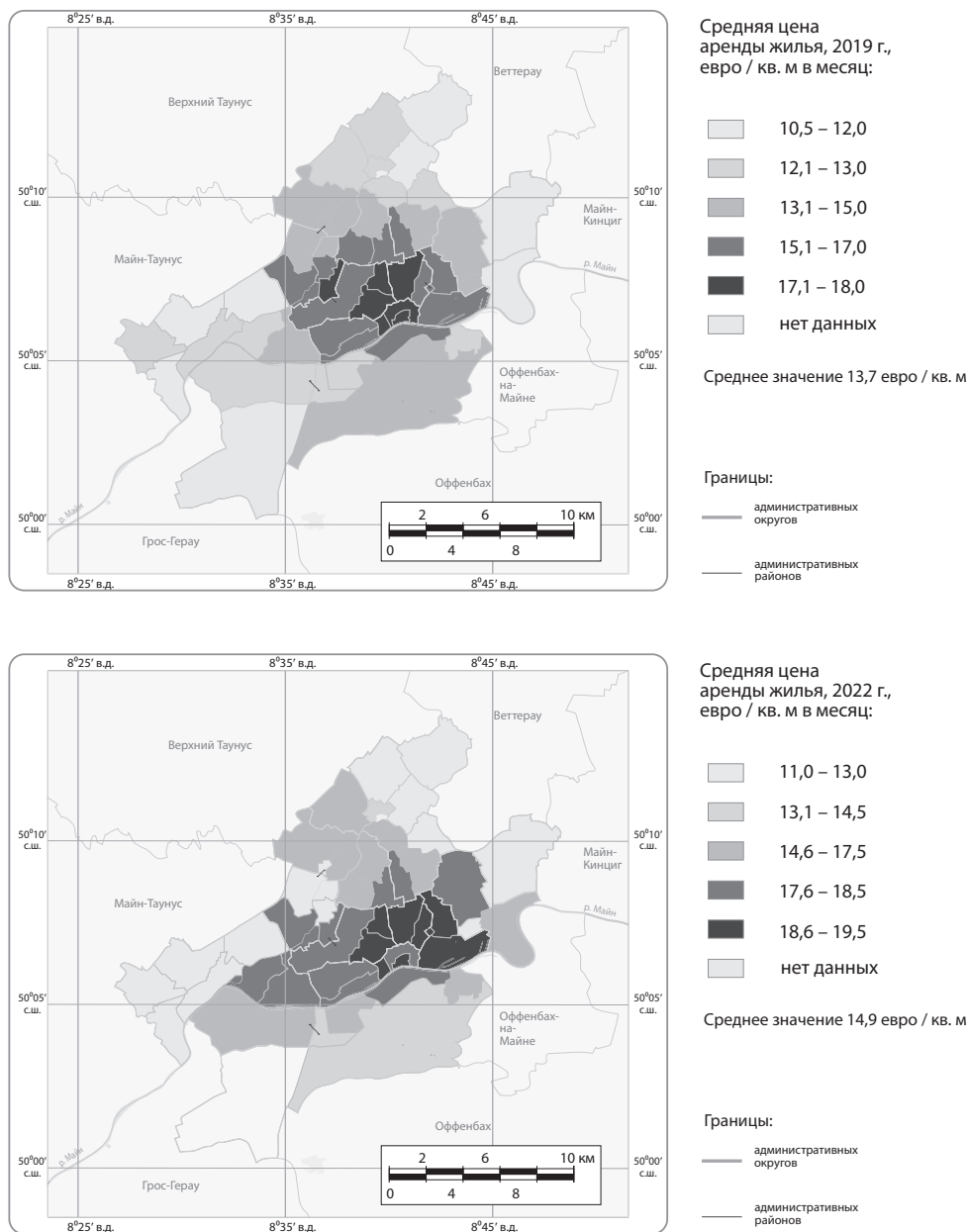

Рисунок 8. Дифференциация стоимости среднemesячной аренды жилья во Франкфурте-на-Майне в 2019 и 2022 гг.

Figure 8. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Frankfurt am Main in 2019 and 2022

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

Мюнхен

Как столица Баварии Мюнхен, можно сказать, вне конкуренции (Нюрнберг не обладает таким центральностью). Город лидирует среди глобальных городов Германии по числу штаб-квартир и ВВП, а также считается одним из крупнейших центров по авиаперевозкам. Однако глобальным город делает не выгодное экономико-географическое положение, а главенствующая роль столицы богатой Баварии и роль ее центра.

Мюнхен «живет разнообразием» и может считаться центром мультикультурной интеграции. Его население растет в основном за счет иммигрантов. Почти 40% горожан имеют миграционные корни. Самая многочисленная группа иммигрантов – это выходцы из Турции, за ними – из Греции и Хорватии.

Исследование социальной сегрегации мюнхенских экспертов показало, что в 2017 году выходцы из западных промышленно развитых стран и стран, из которых ранее прибывали гастарбайтеры (Италия, Испания, Португалия и Греция), были наименее сегрегированы по сравнению с немцами, а самые сегрегированные группы – приезжие из Юго-Восточной Европы и Северной Африки [Hanslmaier, Peter, Heimerl, 2019].

Иностранцы проживают в северных и западных районах города, в районе вокзала, а также на южной и восточной окраинах (рисунок 9).

Спрос на аренду, по материалам немецких риелторских компаний, рухнул на 40% за 2023 г., а спрос на покупку – на 10% по сравнению с предыдущим годом. Эксперты отмечают сильное влияние роста процентных ставок, поэтому

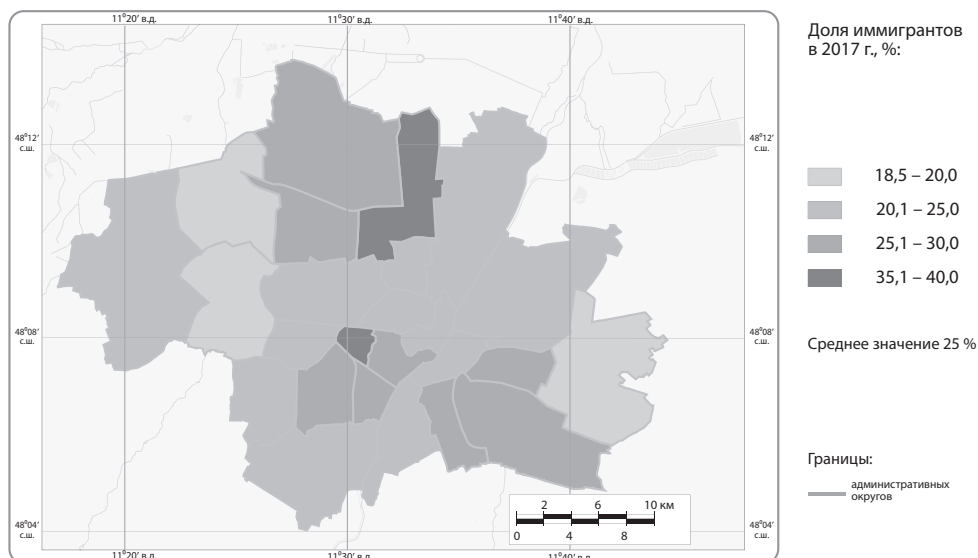

Рисунок 9. Расселение иммигрантов в Мюнхене в 2017 г.

Figure 9. Immigrant settlement in Munich in 2017

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

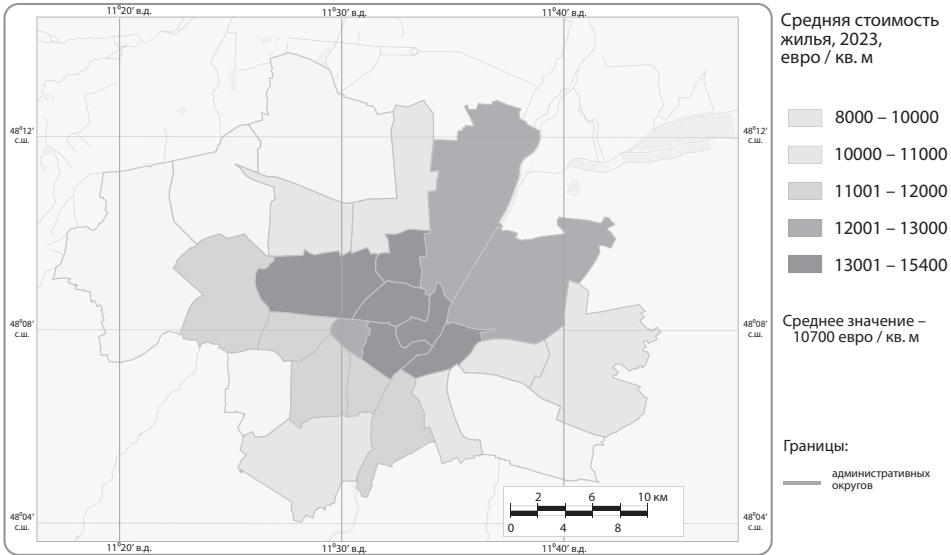

Рисунок 10. Дифференциация стоимости жилой недвижимости в Мюнхене в 2023 г.

Figure 10. Differentiation of residential property prices in Munich in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

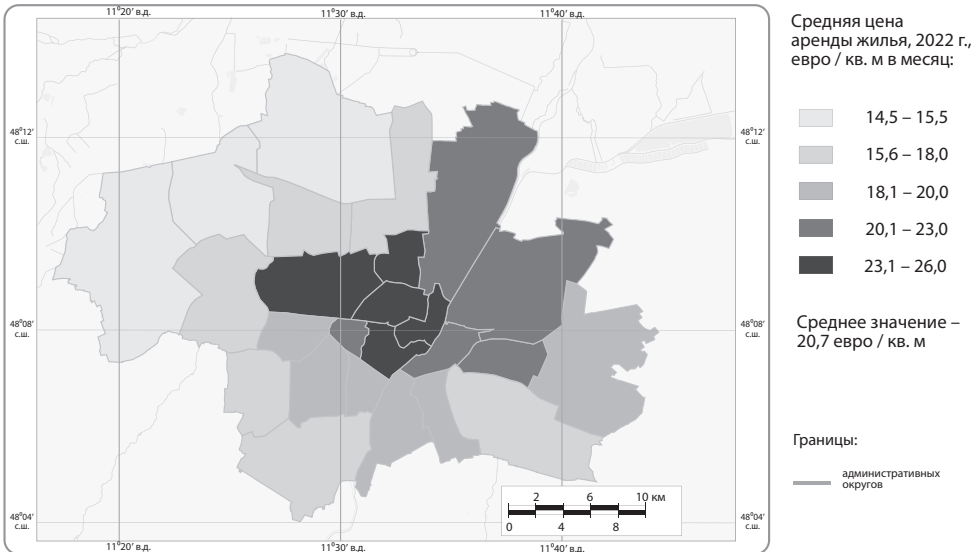

Рисунок 11. Дифференциация стоимости среднемесячной аренды жилья в Мюнхене в 2023 г.

Figure 11. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Munich in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

те, кто хотел бы приобрести жилье, часто не может его себе позволить. Этим объясняется большой спрос на съём жилья. Кроме того, тенденцией после 2020 г. стало желание людей иметь больше места для домашнего офиса, поэтому отмечено сокращение офисных площадей³. В Мюнхене огромный спрос на аренду жилья из-за большого количества новых жителей, которые приезжают ежегодно, и роста процентных ставок. После небольшого спада во время коронавируса спрос продолжает расти.

Цены жилой недвижимости в Мюнхене самые высокие в Германии. Дифференциация стоимости жилья представлена на карте (рисунок 10). По районам разброс цен, естественно, больше, чем по крупным административным округам. Самые дорогие – привлекательные районы центра с исторической застройкой. Также высокие цены на жилье наблюдаются в районах близ парков и исторически значимых объектов. Квартиры в старых исторических домах с высокими потолками по-прежнему пользуются спросом. Самые дорогие районы Мюнхена – это Альт-Богенхаузен, Херцогпарк, Нимфенбург и Герн, а также территории внутри Старого города и возле Английского парка. Среди южных районов можно отметить недвижимость в Харлахинге и Зольне. В целом для Мюнхена характерно большое число дорогих вилл и элитного жилья. Однако недвижимость на окраине Мюнхена, которая нуждается в ремонте или отличается плохим коммунальным обслуживанием, может стоить намного дешевле. Дифференциация стоимости покупки и среднемесячной аренды жилья в Мюнхене практически совпадают (рисунок 11).

Гамбург

Гамбург – старинный порт Германии, знаменитый «ганзейский свободный город», который всегда был важным транспортным и торговым центром. Сейчас это самый большой порт страны и второй по величине в Европе после Роттердама. Город конкурирует с Берлином (первенство за Гамбургом), однако спады экономики влияют на сложное традиционное соперничество даже не с городами Германии, а с другими городами Европы: Роттердамом, Антверпеном и отчасти Копенгагеном [Кура-сов, 2007]. Тем не менее Гамбург – один из важнейших центров в северо-западной Европе.

Население Гамбурга составило в 2023 г. более 1,89 млн человек (на втором месте после Берлина). Аэропорт города по сравнению с другими хабами Германии довольно скромный. Зато большая численность населения влияет на размер экономики. Вся экономика Гамбурга связана с портовыми функциями и судоремонтными предприятиями, заметны уклон на более технологичное производство и внедрение инноваций, научно-технический прогресс, импорт и реэкспорт. Помимо своих основных международных функций, компании внешней торговли предлагают множество дополнительных (сопроводительных) услуг (финансовые, транспортные, аналитические, коммерческие и т. д.).

По состоянию на конец 2022 г. в Гамбурге проживало более 700 тыс. мигрантов (36,7%). В эту цифру статистические источники включают не только недавно приехавших в ганзейский город, но и людей с миграционным прошлым, которые родились или натурализовались в Германии.

3 Abendzeitung München. – URL: [173](https://www.abendzeitung-muenchen.de/(data обращения: 15.05.2023); Das Offiziell Statistik. – URL: https://stadt.muenchen.de/(data обращения: 20.05.2023).</p>
</div>
<div data-bbox=)

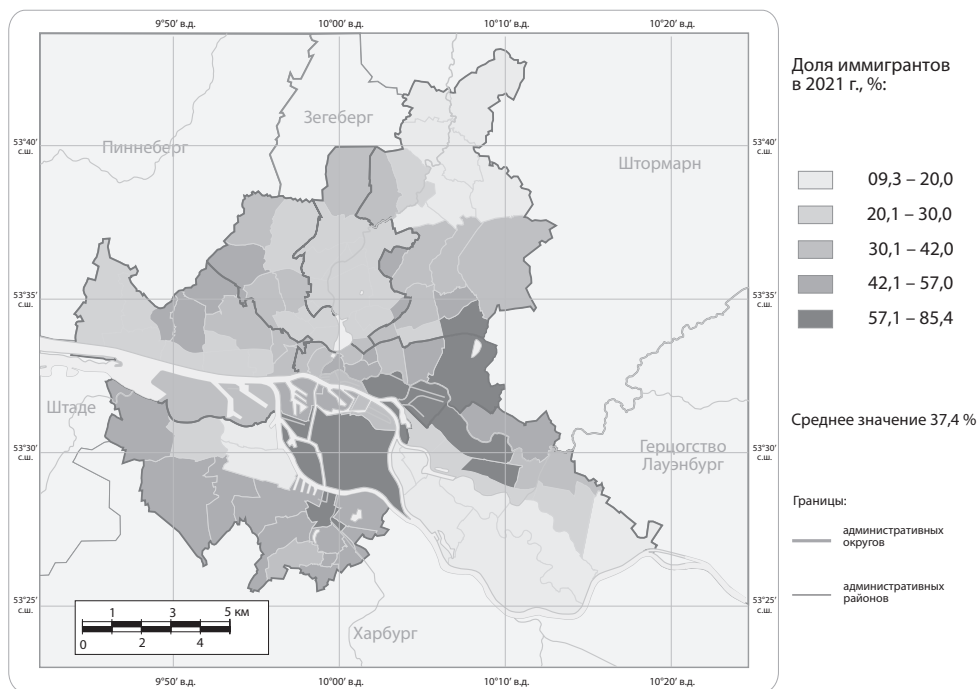

Рисунок 12. Расселение иммигрантов в Гамбурге в 2021 г.

Figure 12. Immigrant settlement in Hamburg in 2021

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

По данным статистического ведомства Гамбурга, дети и молодые люди с немецким гражданством учитывались, если хотя бы один из родителей имел миграционное прошлое⁴. Самые крупные группы жителей с миграционным прошлым имеют турецкие корни, за ними следуют выходцы из Польши и Афганистана.

Карты демонстрируют расселение иммигрантов и иностранцев по районам Гамбурга в 2021 г. (рисунок 12). Районы с самой низкой долей иммигрантов наблюдаются в районах Шпаденланд, Райтбрук, Альтенгамме и Кирхвердер (10–13%), которые вхо-

дят в состав юго-восточного округа Бергедорф, на территории которого размещены объекты транспортной инфраструктуры, в том числе железнодорожный вокзал Бергедорф, много складских предприятий и торговых точек. Большинство районов этого округа имеют сельский характер, с большой долей частного сектора. Инфраструктура в округе в целом развита слабо, в основном из-за малого количества жителей и удаленного расположения от Эльбы (рисунок 13).

Интересны районы с максимальной долей людей, имеющих миграционное прошлое. В районе Биллбрук в окру-

4 Statistisches Amt für Hamburg und Schleswig-Holstein. – <https://www.statistik-nord.de/> (дата обращения: 20.05.2023).

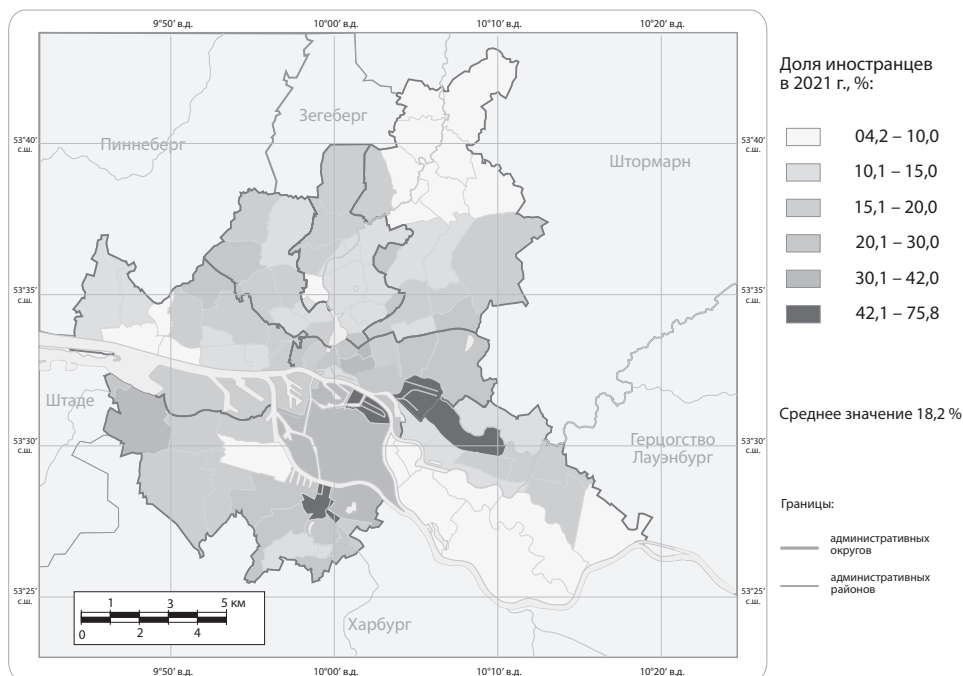

Рисунок 13. Расселение иностранцев в Гамбурге в 2021 г.

Figure 13. Settlement of foreigners in Hamburg in 2021

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

ге Гамбург-Митте (центр) она достигла 85,4%, а в районе Веддель – 75,5%. Здесь традиционно много коммерческих и промышленно-портовых объектов. В 17 из 105 районов города доля иммигрантов составляет свыше 50%. Расселение иностранцев и расселение иммигрантов схожи. Можно выделить промышленный центр и восток по максимальной доле иммигрантов. Также более четверти иностранцев прибыли из стран ЕС.

Выходцы из Турции селятся в портовых районах. Максимальное их число отмечено в самом крупном по площади районе Вильгельмсбург. Здесь распо-

ложены НПЗ *Nynas*, исследовательская лаборатория *Shell* и другие нефтехимические компании, верфь *Theodor Buschmann* и предприятия пищевой промышленности⁵.

Дифференциацию районов по стоимости жилья можно охарактеризовать следующими аспектами. По количеству продаж жилой площади цифры разнятся мало, растут только цены (начиная с 2020 г., когда цены пошли вверх из-за потребности людей к расширению собственного пространства). Отмечено, что снижение процентных ставок в 2020 г. привело к тому, что инвесторы стали

5 Guthmann, 2023. – URL: <https://guthmann.estate/> (дата обращения: 16.08.2023).

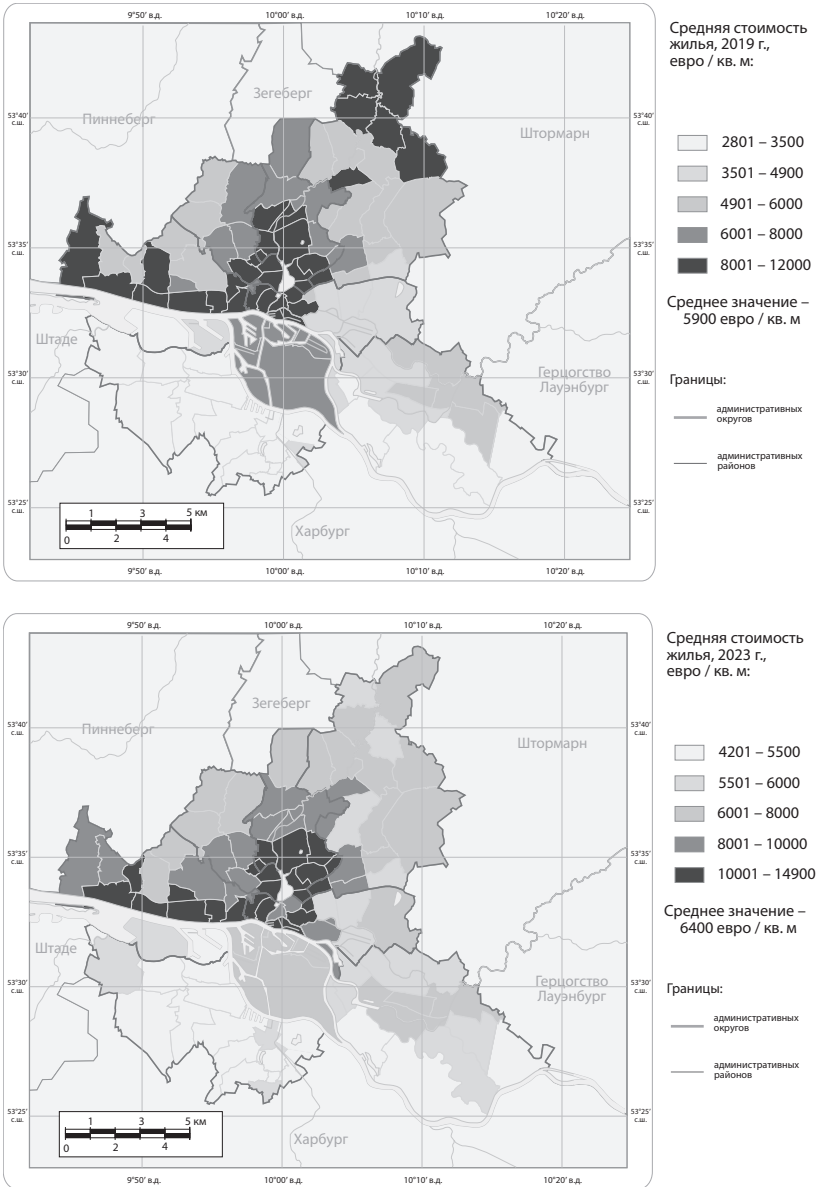

Рисунок 14. Дифференциация стоимости жилой недвижимости в Гамбурге в 2019 и 2023 гг.

Figure 14. Differentiation in the cost of residential real estate in Hamburg in 2019 and 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

приобретать дорогую недвижимость. В Гамбурге особенно дорого стоит недвижимость в центре города и его западных районах на правом берегу

Эльбы. В северных районах отмечено колебание цен (рисунок 14). В итоге чем ближе к центру, тем выше стоимость жилья. Дешевле становится

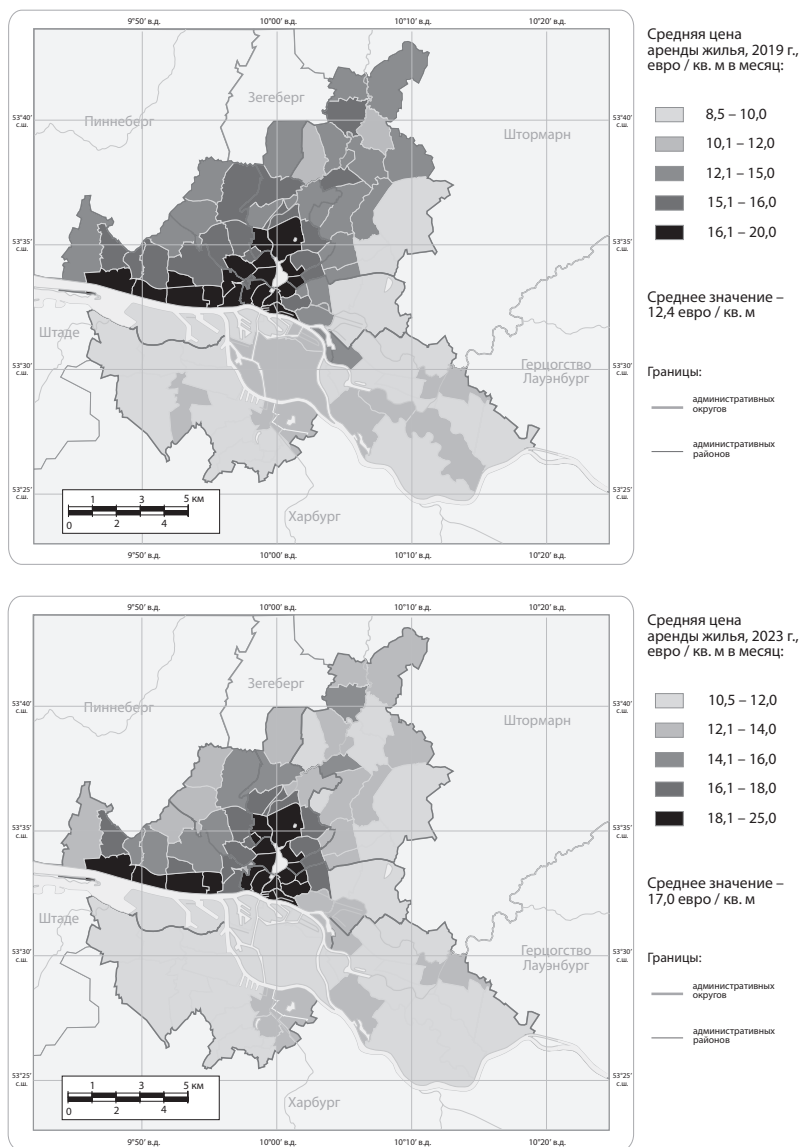

Рисунок 15. Дифференциация стоимости среднемесячной аренды жилья в Гамбурге в 2019 и 2023 гг.

Figure 15. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Hamburg in 2019 and 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

жилье на окраинах ганзейского города (районы Биллштедте, Йенфельде и Ральштедте). К югу от Эльбы цены на квартиры ниже среднего показате-

ля по Гамбургу (здесь он составляет 5 400 евро за кв. м). В целом по величине стоимости аренды и продажи районы совпадают (рисунок 15).

Берлин

Берлин считается одним из самых мультинациональных городов, в котором проживают выходцы из почти всех стран мира. Самые крупные группы иммигрантов – выходцы из Турции, затем следуют граждане, имеющие арабское происхождение, выходцы из стран СНГ, Польши и стран бывшей Югославии.

В 2020 г. доля иностранцев в Берлине составила 19,6%. Доля людей мигрантского происхождения в 2020 г. составила 36,9%. Из 96 районов Берлина в более чем 20 районах доля лиц с миграционным прошлым достигает 50%, а максимум отмечен в Гезундбруннене в округе Митте (64%, или почти 60 тыс. человек). В том же округе в районе Тиргартен доля лиц миграционного происхождения составляет 61%, а в районе Нойкёльн на севере одноименного округа достигает 55%. В Веддинге и Кройцберге 53% населения имеют миграционное происхождение, Шарлоттенбург-Норд – 49%, районы Райникендорф и Сименсштадт (округ Шпандау) – 45% (рисунок 16).

Согласно материалам статистического бюро Берлин-Бранденбург, увеличивается доля молодежи и детей. Доля лиц с миграционным прошлым среди школьников в возрасте от 6 до 14 лет в Гесундбруннене составляет 88%. Для всех детей и молодежи от младенцев до 17 лет этот показатель составляет 85%. То же самое наблюдается по показателям среди школьников в возрасте от 6 до 14 лет в округах Нойкёльн (82%), Веддинг (80%) и Кройцберг (71%)⁶.

Следует отметить, что на окраинах доля лиц с миграционным прошлым мала. Доля немцев без миграционного происхождения среди совсем малень-

ких детей до пяти лет в районах окраины выше. Затем их доля падает: возможно, потому, что семьи переезжают из этих районов в более удобные, когда детям нужно идти в школу.

Кроме того, здесь вновь заметна и разница между восточной и западной частями города. Автором ранее показано, что вдоль бывшей Берлинской стены образовалась так называемая мигрантская Берлинская стена [Шатило, 2022].

Самая крупная группа иммигрантов и одна из старейших в Берлине – это турецкая община (почти 4%), представители которой проживают в округах Митте (больше всего в районе Веддинг), Нойкёльн и Кройцберг. В отличие от турецкой общины, среди второй группы иммигрантов – выходцев из Польши – не наблюдается такой концентрации, они расселены более равномерно. Районы с высокой долей поляков – Митте, Нойкёльн и Темпельхоф-Шёнеберге. Среди русской общины можно выделить три основных района проживания и две зоны концентрации: в восточной части города (Марцан-Хеллерсдорф и Лихтенберг) и на западе (Шарлоттенбург-Вильмерсдорф). Однако традиционные места Марцана постепенно стали терять свою привлекательность среди переехавших сюда россиян. Районы же проживания итальянцев тяготеют к городской железной дороге. Большинство расселены в районах Митте, Пренцлауэр-Берг, Фридрихсхайн-Кройцберг и Кройцкёльн.

Сирийскую общину в Берлине сложно идентифицировать в контексте проблемы беженцев. Вероятно, возникнет сообщество, но до сих пор сирийцы рассеяны по всему городу. Сейчас их уже около 40 тыс. человек.

6 Statistik Berlin-Brandenburg. – Amt für Statistik Berlin-Brandenburg, 2023. – URL: <https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/> (дата обращения: 12.12.2023).

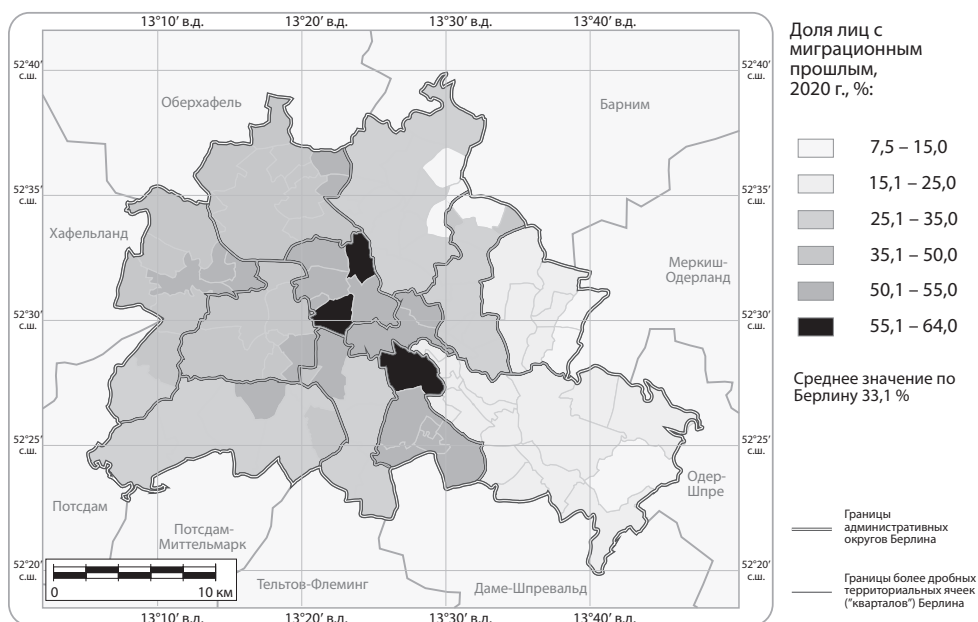

Рисунок 16. Расселение иммигрантов в Берлине в 2020 г.

Figure 16. Resettlement of immigrants in Berlin in 2020

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

Следует отметить и американскую общину (численность ее представителей в 2022 г. составила более 22 тыс. человек). Большинство выходцев из США живут в Штеглиц-Целендорфе. Здесь можно вспомнить и исторический фактор: именно здесь до 1994 г. концентрировалось большинство американских военных, которые «привезли с собой» свою культуру и образ жизни. Сейчас этих мест концентрации в бывшей «американской зоне» Западного Берлина нет, американцы рассеяны по всему городу. Судя по тенденции последних 10 лет, они предпочитают модные районы Кройцберга, особенно Шамиссо и Грефекиес, Митте и Пренцлауэр-Берг.

По сравнению с 2018 г. цены на жилую недвижимость в Берлине сильно выросли. Особо востребованы двух-

комнатные квартиры, но и на изучаемые трехкомнатные квартиры рост цен достиг почти 20%. Однако конфликт на Украине, увеличение затрат на электроэнергию, инфляция и резкое повышение процентных ставок по кредитам привели к тому, что покупатели стали более осторожными. Первоначальный взнос составляет более 60% от общей стоимости, который многие (особенно молодые люди) не могут себе позволить, что сказалось на снижении цен в некоторых районах Берлина (рисунок 17).

2023-й стал годом консолидации с хорошими перспективами роста стоимости недвижимости к 2024 г. Ставки по ипотечным кредитам в последнее время снизились, а инфляция снижается⁷.

7 Guthmann, 2023. – URL: <https://guthmann.estate/> (дата обращения: 16.08.2023).

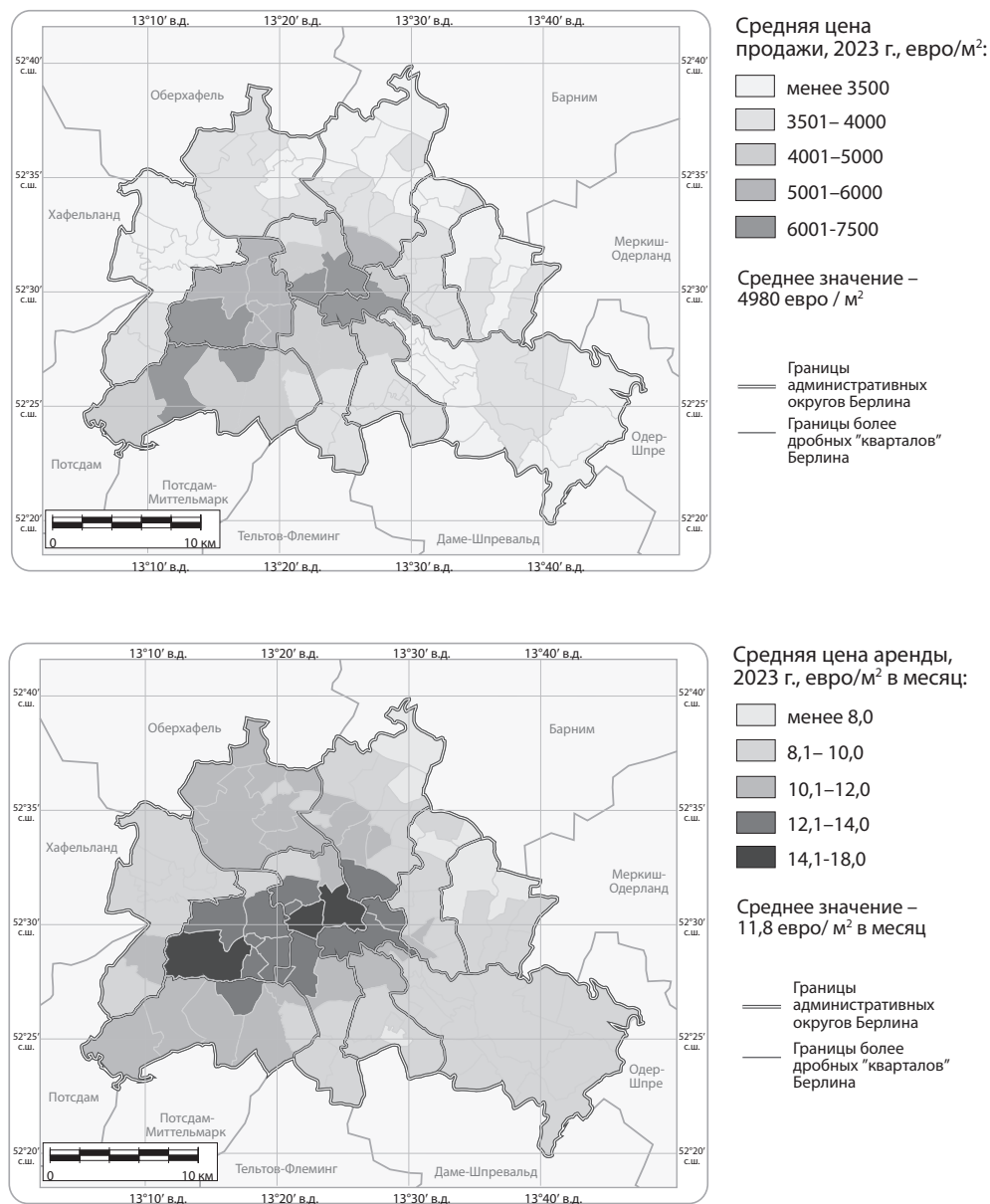

Рисунок 17. Дифференциация стоимости продажи и аренды в Берлине в 2023 г.

Figure 17. Differentiation of sales and rental prices in Berlin in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

Дюссельдорф

Дюссельдорф – столица немецкой земли Северный Рейн-Вестфалия и важный глобальный город класса «Бета+». Это центр рекламного бизнеса, бухгалтерских и других деловых услуг, а также финансовой сферы. В нем размещен третий по величине в Германии аэропорт, который обслуживает Кёльн и всю территорию Рейн-Рура. Город не крупный, однако его агломерация всё же обширная, хотя ее границы сильно размыты.

Что касается национального состава, то иностранцев здесь 24% (2019 г.), и 43% имеют миграционные корни. Самые крупные национальные группы – турки, греки, поляки, итальянцы, сирийцы, японцы, румыны и китайцы. Большинство иностранцев – из Европы. В Дюссельдорфе и окрестностях проживает около 11 тыс. японцев – это третья по величине японская община в Европе и крупнейшая в Германии; также есть третья по величине еврейская община в Германии – около 7 тыс. человек⁸.

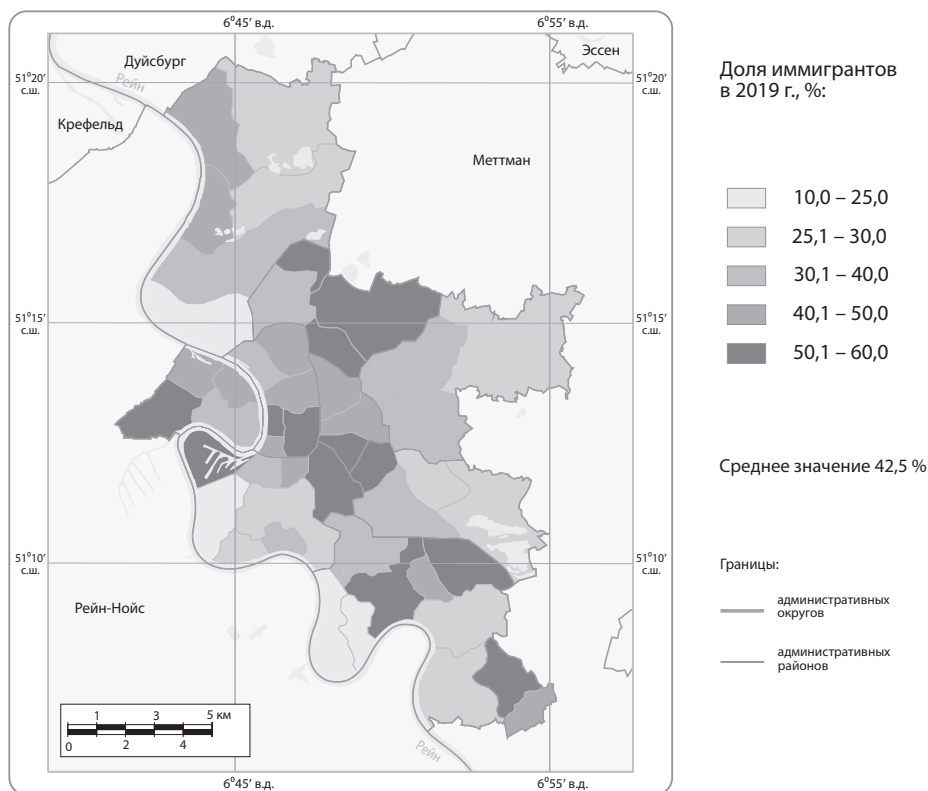
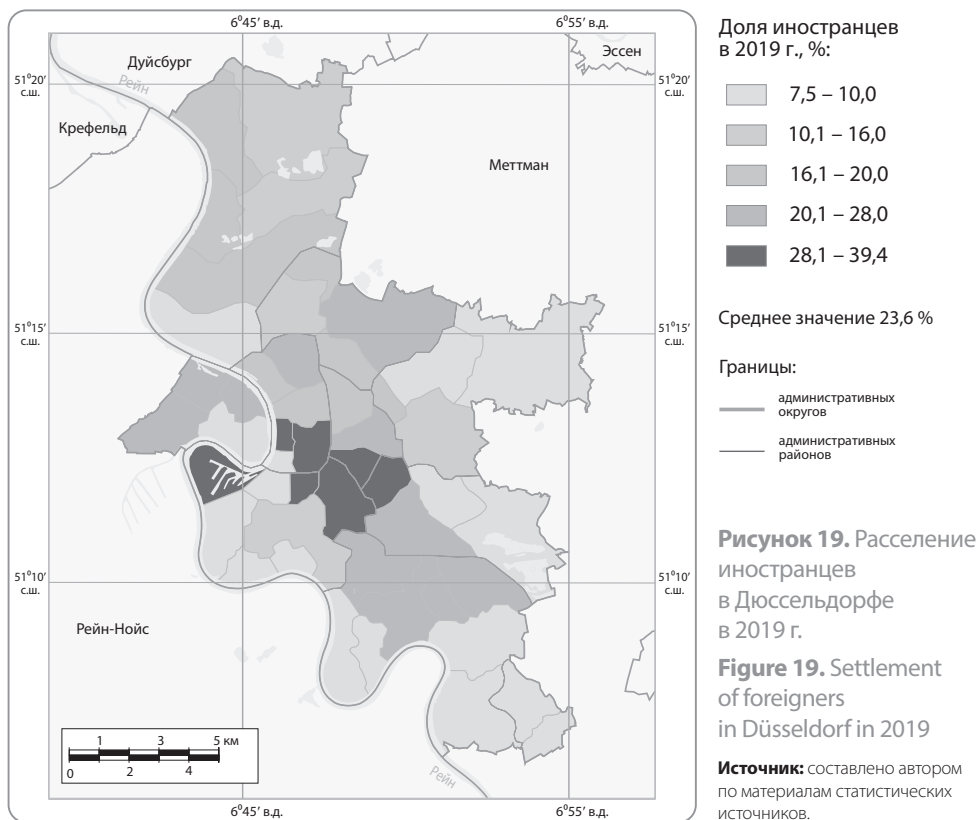

Рисунок 18. Расселение иммигрантов в Дюссельдорфе в 2019 г.

Figure 18. Settlement of foreigners in Düsseldorf in 2019

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

8 Japantag Duesseldorf. – URL: <http://www.japantag-duesseldorf-nrw.de/> (дата обращения: 10.09.2023).

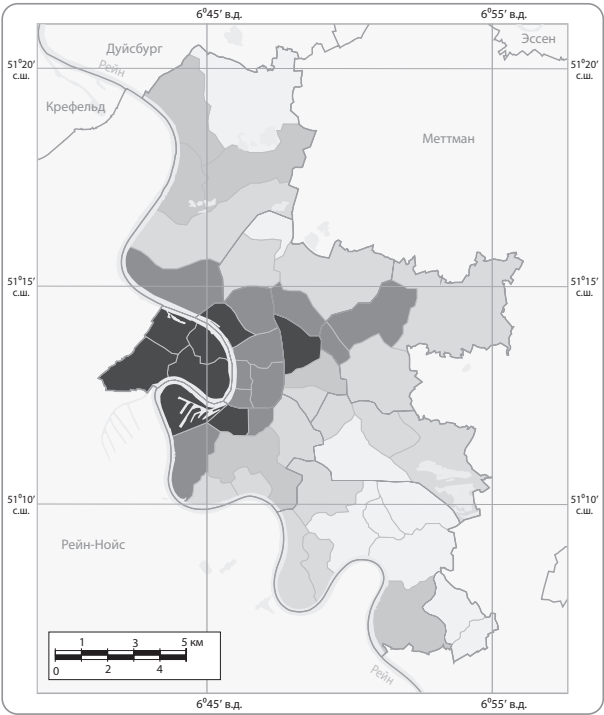

Пространственное распределение иммигрантов на районном уровне неравномерно. Меньше всего иммигрантов проживает на окраинах города, особенно на севере и востоке, а также вблизи Рейна, а в центральной части города и районах, близких к центру, наблюдаются сильные концентрации иммигрантов. Больше всего иммигрантов проживают в Штадтмитте, Обербилке, Флингерн-Зюде и Хассельсе. Треть всех иммигрантов концентрируется в шести районах, а остальные расселены в остальной части города (рисунок 18).

В старом центре города большинство иммигрантов – это лица без немецких паспортов. Районы с наибольшим числом иммигрантов – Обербилк, Билк и Эллер, Пемпельфорт, Верстен и Хассельс (свыше 10–15 тыс. человек).

Во Флингерн-Зюде, Штадтмитте, Хассельсе и Обербилке доля мигрантов самая высокая – более 50% населения в каждом из этих районов. Самая высокая доля иностранцев наблюдается в округах Штадтмитте, Флингерн-Зюд, Альтштадт, Обербилк и Фридрихштадт, а самая низкая – в округах Иттер, Химмельгейст, Унтербах, Хеллерхоф и Хуббельрат (рисунок 19).

На рисунке показано распределение цен на жилье. В центральных районах и районах, близких к центру, цены значительно выше (в городе реализуется множество программ по реконструкции старых районов) (рисунок 20). Стоимость аренды также выше в центральных районах на Рейне и в северных, близлежащих к аэропорту (рисунок 21).

Средняя стоимость жилья, 2023 г., евро / кв. м:

- 4001 – 6000
- 6001 – 7000
- 7001 – 8000
- 8601 – 10000
- 10001 – 13000

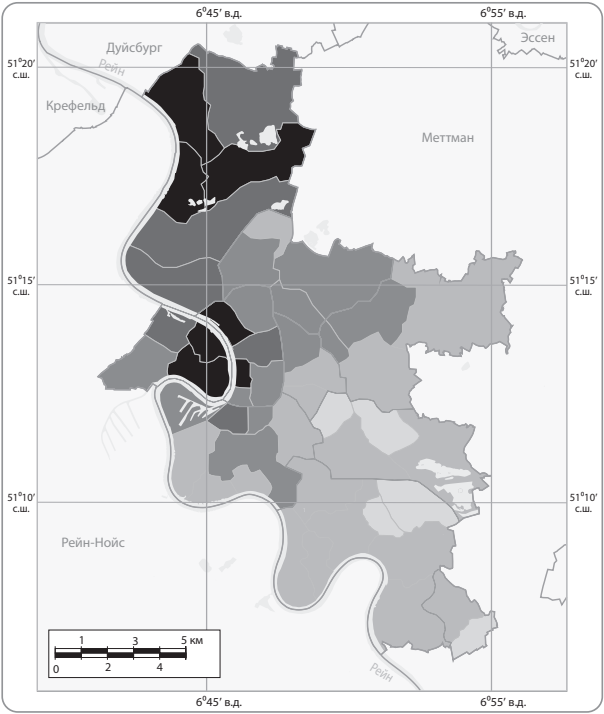
Среднее значение – 7200 евро / кв. м

Границы:

- административных округов
- административных районов

Рисунок 20. Дифференциация стоимости жилой недвижимости в Дюссельдорфе в 2023 г.
Figure 20. Differentiation of the cost of residential real estate in Düsseldorf in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

Средняя цена аренды жилья, 2023 г., евро / кв. м в месяц:

- 12,7 – 14,0
- 14,1 – 14,8
- 14,9 – 15,5
- 15,6 – 17,0
- 17,1 – 19,0

Среднее значение – 15 евро / кв. м в месяц

Границы:

- административных округов
- административных районов

Рисунок 21. Дифференциация стоимости среднемесячной аренды жилья в Дюссельдорфе в 2023 г.
Figure 21. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Düsseldorf in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

Штутгарт

Штутгарт – столица земли Баден-Вюртемберг, в котором в 2022 г. проживало 630 тыс. человек, однако сама агломерация считается одной из крупнейших в Германии (более 5 млн человек). Сам город – культурный и промышленный центр. Штутгарт – это важный транспортный узел Германии, там находится шестой по величине аэропорт страны. Несколько крупных компаний, такие как *Porsche*, *Bosch*, *Mercedes-Benz*, *Daimler* и *Dinkelacker*, имеют здесь свои головные офисы. Штутгарт – центр высоких технологий и машиностроения, предприятия которого связаны в основном с развитием автомобильной промышленности,

электроники, микроэлектроники и машиностроения. Штутгартская биржа занимает второе место по значимости после Франкфуртской фондовой биржи. Штутгарт отнесен к группе глобальных городов класса «Бета –».

В городе создано много условий для учебы и профессиональной подготовки, поэтому население города относительно молодое: средний возраст составил в 2020 г. 41 год. Пенсионеры проживают на окраинах. Однако население растет за счет иммигрантов, в основном из стран Южной и Восточной Европы. С 2014 г. растет число беженцев из Азии и Африки. С 2010 г. в Штутгарт стало приезжать больше иммигрантов, поэтому доля иностранцев увеличи-

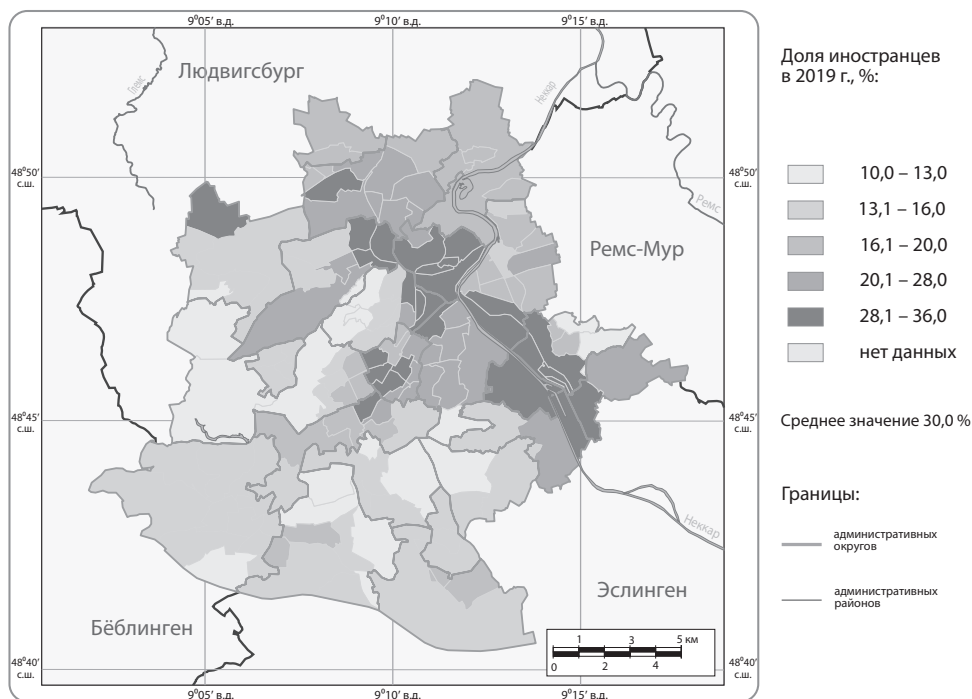

Рисунок 22. Расселение иностранцев в Штутгарте в 2019 г.

Figure 22. Settlement of foreigners in Stuttgart in 2019

Источник: составлено автором по материалам статистических источников.

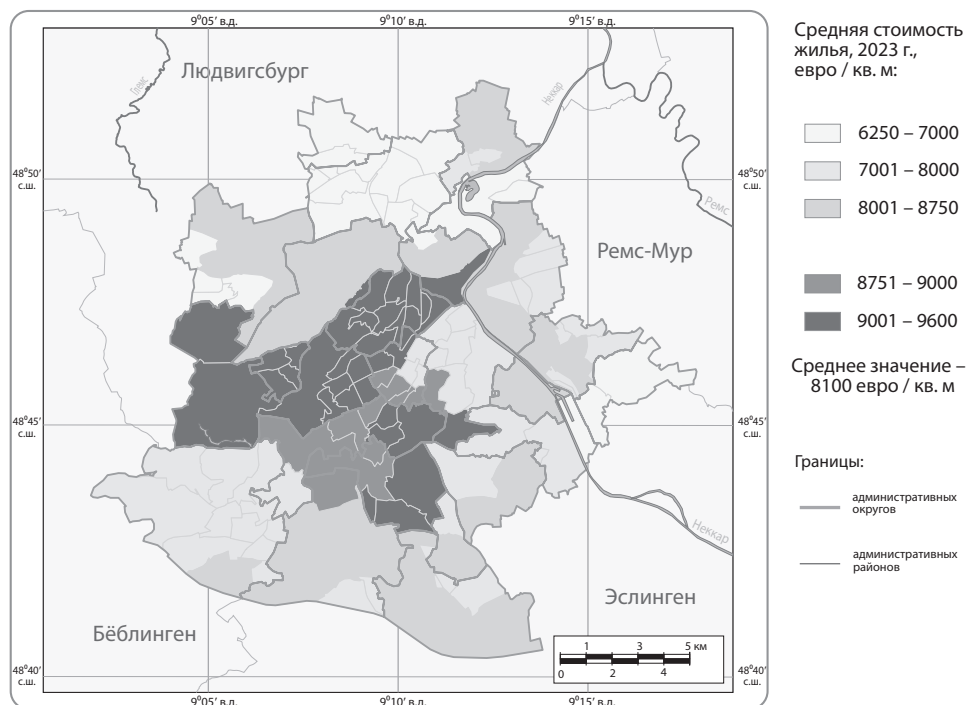

Рисунок 23. Дифференциация стоимости жилой недвижимости в Штутгарте в 2023 г.

Figure 23. Differentiation of the cost of residential real estate in Stuttgart in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

лась. Сейчас в городе проживают люди из 180 стран, они составляют более 25% населения. В целом около 40% жителей города имеют иностранное происхождение. Особенно много людей с миграционным прошлым среди детей до 6 лет: почти каждый второй ребенок сам является иммигрантом или имеет родителей-иммигрантов. Напротив, только 1 из 10 детей, зарегистрированных в Штутгарте, не имеют немецкого гражданства⁹.

Самая крупная группа иммигрантов – турки (32% от всех иммигран-

тов), далее следуют сербы, хорваты, итальянцы и греки. Представителей стран ЕС зарегистрировано не так много. Многие молодые люди родились в Штутгарте, натурализовались и считают себя немцами.

Самая большая доля иммигрантов отмечена по обоим берегам Неккара (где размещены некоторые транспортные предприятия и широко представлен частный сектор) и в центральной части города. Выходцев из Турции больше всего в районе Ванген, где размещены несколько компаний, в том числе *Kodak*

⁹ Stuttgarter Einwohnerdaten: Landeshauptstadt Stuttgart. – 2018. – 4 S. – Нем. яз. – URL: [https://www.domino1.stuttgart.de/web/komunis/komunissde.nsf/715a84c741dea0de412565f3003c484d/9b1459556142870fc12584d300482eaf/\\$FILE/bpl01_.PDF](https://www.domino1.stuttgart.de/web/komunis/komunissde.nsf/715a84c741dea0de412565f3003c484d/9b1459556142870fc12584d300482eaf/$FILE/bpl01_.PDF) (дата обращения: 13.10.2023).

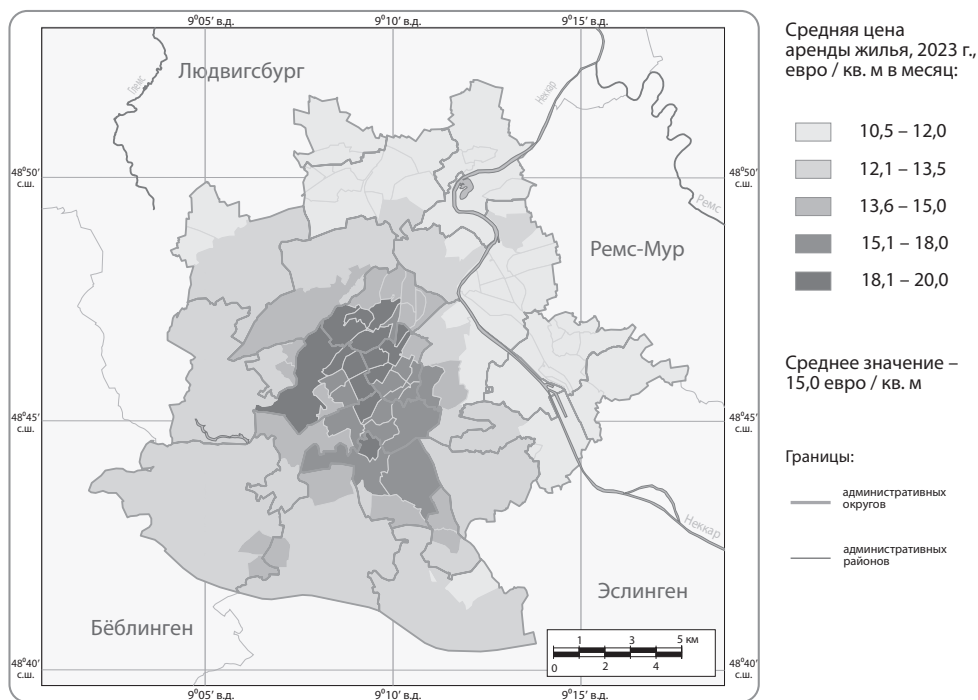

Рисунок 24. Дифференциация стоимости среднемесячной аренды жилья в Штутгарте в 2023 г.

Figure 24. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Stuttgart in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

и Sony. Хорваты проживают в западных районах, где обширные лесные массивы, много объектов розничной торговли и практически весь район состоит из таунхаусов и частных домов. Боснийцев много в центре и в восточных районах, где размещены транспортные компании и виноградники. Представители Греции сконцентрированы в районах Фейербах, где много штаб-квартир, и восточных правобережном Вангене и левобережном Обертюркхайме. Итальянцы селятся в двух крупных зонах – в северных районах. Один из них – Цуффенхаузен, где много предприятий, в том числе штаб-квартира и музей Porsche AG, а второй – Штаммхайм, для которого характерны старые жилые районы и современные поселения с одно- и много-

квартирными домами. Другая зона – районы Ванген и Штутгарт-Ост, где расположен курорт на минеральных водах Лёзе.

Самые высокие цены наблюдаются в центральных и западных районах и характерны для района Штутгарт-Юге: здесь цены достигают 10 000 евро за кв. м. Далее следует округ Фрауэнкопф (9 200 евро за кв. м). Больше всего цены выросли в Ротенберге. Дешевле всего недвижимость в районе Хаузен: «эталонная» квартира здесь стоит около 5 625 евро за кв. м (рисунок 23).

Для распределения стоимости аренды жилья также характерна радиально-кольцевая структура (рисунок 24). В самом центре в округе Штутгарт-Митте аренда жилья достигают

своего максимального уровня – 20 евро за кв. м. Далее следует западная часть города, где аренда жилья стоит от 17 до 19 евро за кв. м. Ближе к центру города жилая недвижимость предлагает более качественные объекты жилой недвижимости, при этом цены за кв. м начинаются от 16 евро и выше, отражая выгодное расположение этих районов. Пригороды Филдера и городские районы долины Неккара предлагают аренду жилья по ценам, превышающим 14 евро за кв. м, тем самым демонстрируя более доступные варианты для жителей и гостей города.

Кёльн

Кёльн – единственный глобальный город Германии статуса «Гамма+». Хотя по населению город крупный, одна-

ко занимает 4-е место после Берлина, Гамбурга и Мюнхена. Кёльн до сих пор сохраняет свою роль как торговый город с хорошим транспортным положением. Это важный экономический и культурный центр. Здесь много предприятий химической и автомобильной промышленности, (например, вместе с прилегающими территориями здесь расположены штаб-квартиры и заводы *Ford* и *Toyota*), медиа-концерны, представительства спортивных клубов и объекты искусства. Также город является крупным образовательным и научным центром.

Открытые статистические источники Кёльна публикуют сразу картографические материалы (без исходных цифр). Это не всегда хорошо, но стоит опереться хотя бы на них. Кроме того, тер-

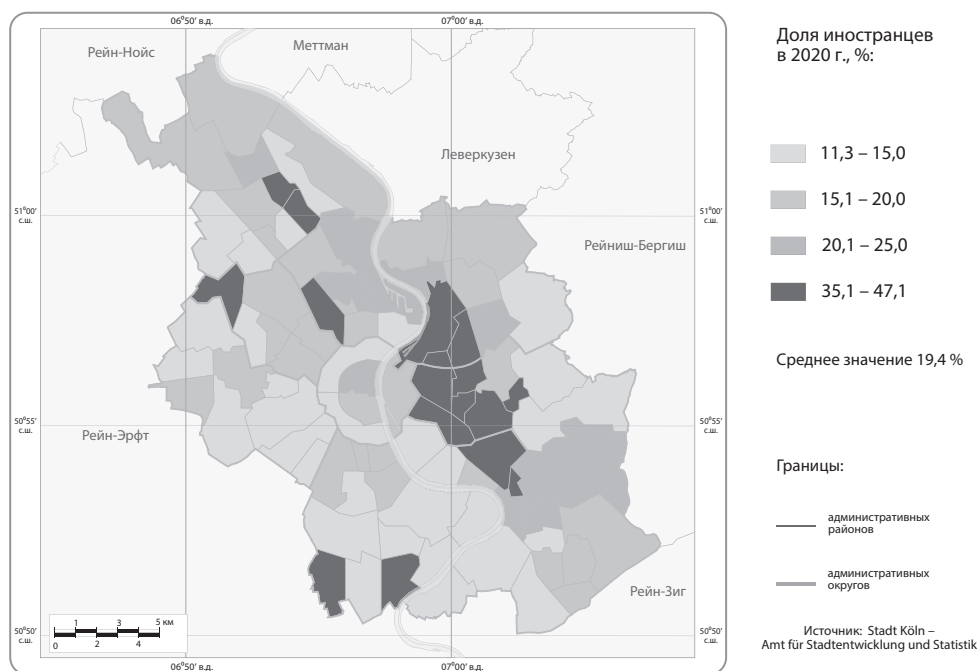

Рисунок 25. Расселение иностранцев в Кёльне в 2020 г.

Figure 25. Settlement of foreigners in Cologne in 2020

Источник: Stadt Köln – Amt für Stadtentwicklung und Statistik (URL: <https://www.stadt-koeln.de/>).

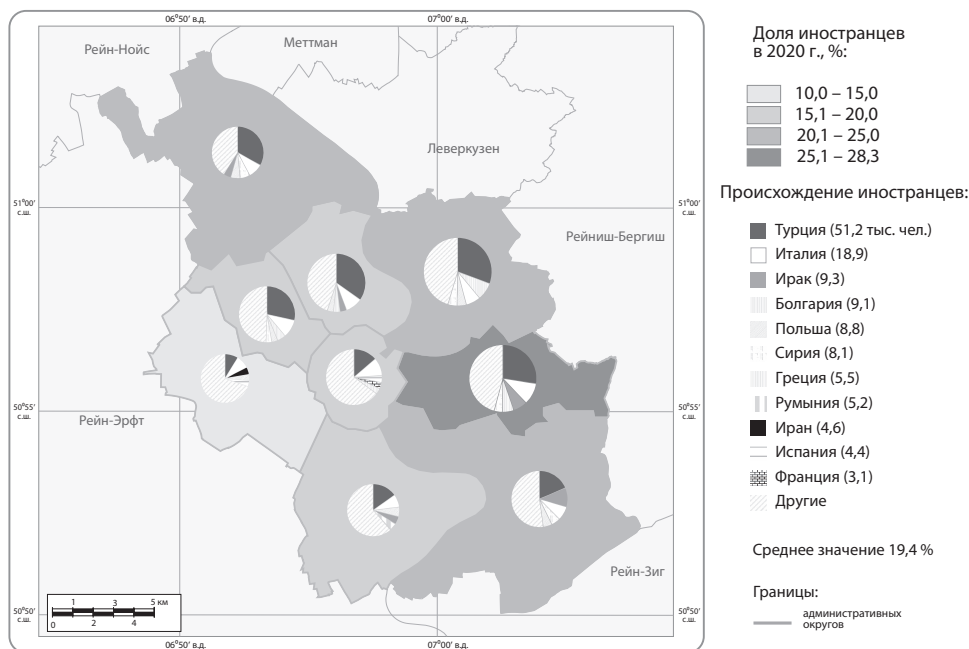

Рисунок 26. Происхождение иностранцев по округам Кёльна, 2020 г.

Figure 26. Origin of foreigners by district of Cologne, 2020

Источник: Stadt Köln – Amt für Stadtentwicklung und Statistik (URL: <https://www.stadt-koeln.de/>)

риториальную дифференциацию всё равно видно.

В Кёльне в 2017 г. доля жителей без миграционного прошлого составляла 62%, с миграционным – 38%, из которых иммигранты в первом поколении составили 15%, во втором и третьем поколении – 4%, эмигранты – 4%, натурализованные – 12%, дети и молодые люди с семейным миграционным прошлым – 3%¹⁰.

Почти 20% жителей Кельна в 2020 г. не имели немецкого паспорта. Однако распределение по городу неравномерно. Округ с наибольшей долей иностранцев – Кальк (восточный), с наименьшей – Линденталь (наоборот, западный). По районам разброс боль-

ше, максимальная доля наблюдается в Финкенберге (47,1%) – районе округа Порца (рисунок 25).

Расселение иммигрантов соответствует расселению иностранцев. В целом иммигрантов больше в восточных и северных районах (округ Шорвайлер).

На уровне девяти округов Кёльна можно увидеть распределение, а иногда и концентрацию представителей разных национальностей на территории города. Из пяти ведущих национальностей в каждом из девяти районов города представлены только выходцы из Турции и Италии. Представителей Турции в каждом районе больше всего, кроме округа Линденталь, где выходцев из Турции и Италии поровну (рисунок 26).

¹⁰ Zahlen und Statistik 2023. – URL: <https://www.stadt-koeln.de/> (дата обращения: 25.05.2023).

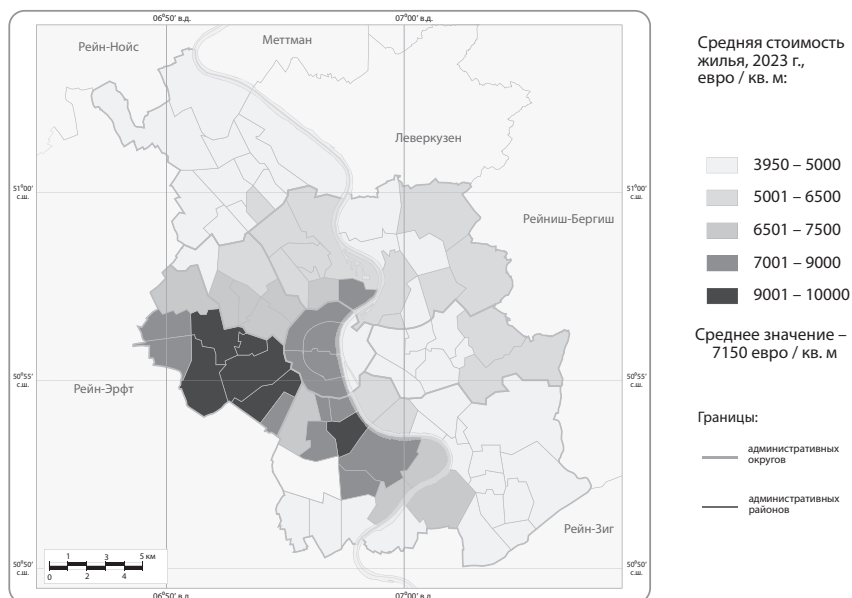

Рисунок 27. Дифференциация стоимости жилой недвижимости в Кёльне в 2023 г.

Figure 27. Differentiation of the cost of residential real estate in Cologne in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

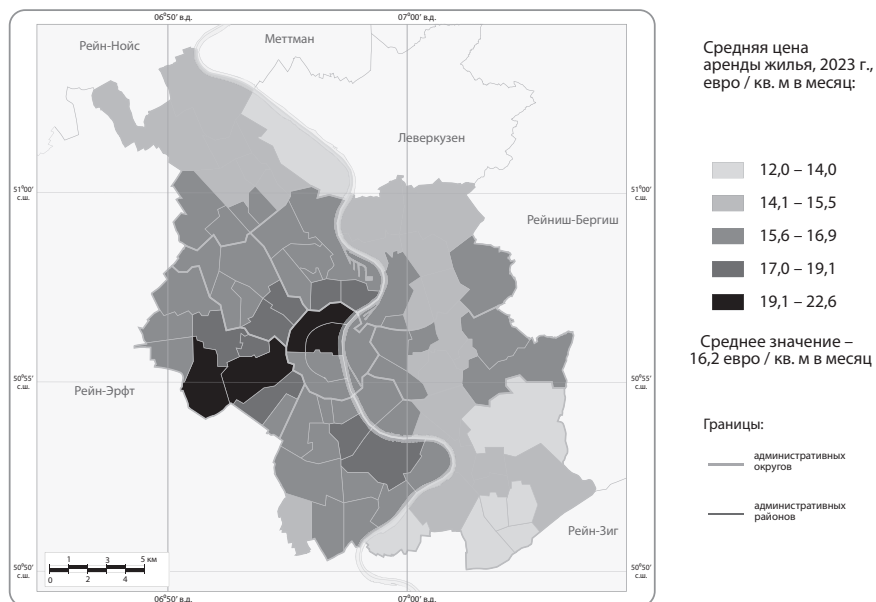

Рисунок 28. Дифференциация стоимости среднемесячной аренды жилья в Кёльне в 2023 г.

Figure 28. Differentiation of the cost of average monthly rental housing in Cologne in 2023

Источник: составлено автором по материалам риелторских компаний.

На рисунке видно, что в центральном округе среди иностранцев более всего выходцев из Турции, далее идут представители из стран ЕС: Италии, Испании, Франции и Греции. Поляки рассеяны по всей городской территории без значительной концентрации, тогда как около половины болгар проживают в двух округах: Мюльхайм и Кальк. Выходцы из двух стран – Ирака и Сирии, – среди которых также достаточно много беженцев, распределены по городу неравномерно: две трети людей с иракским гражданством проживают в Порце, Кальке или Мюльхайме. Самая большая группа, около 2,5 тыс. человек, селится в Порце. Аналогичная ситуация у сирийцев: две трети распределены между Хорвайлером, Порцем, Кальком и Мюльхаймом. Самая большая группа, насчитывающая около 1,5 тыс. человек, проживает в Мюльхайме.

В плане распределения средних цен стоимости жилья выделяется исторический центр (на левом берегу Рейна). В целом левый берег (то есть восточная часть города) более дорогой (рисунок 27). По аренде видны еще восточные районы округа за счет более широко представленного частного сектора (а он, как правило, дороже) (рисунок 28).

Расселение иммигрантов и стоимость жилья

Для Франкфурта выявлено не очень явное колебание доли иностранцев. Дифференциация с 2019 г. поменялась не сильно, однако максимумы были снижены (с 54 до 50% в районе Фехенхайм, где размещены многочисленные химические компании, объекты пищевой промышленности и транспортной инфраструктуры). Можно выделить и преобладание иностранцев из ЕС. С миграционным прошлым – больше половины жителей города, без гражданства Германии – свыше трети.

По разнообразию и доле иммигрантов Мюнхен может поспорить с Берлином. Однако состав иммигрантов Мюнхена исторически схож с составом иммигрантов, населяющих западную часть Берлина. В Мюнхене в 2022 г. 30,1% населения составляли иностранцы. Самый максимум наблюдается в районе завода BMW AG и близлежащих (на севере города), а также в юго-восточных районах, где цены на жилье средние, ближе к дешевым.

Несмотря на то, что население Штутгарта немногочисленно, цены на жилье в нем одни из самых высоких (дороже только в Мюнхене). Иностранцев горожан – 22%, население довольно молодое. Центральные районы Штутгарта самые дорогие, в них наблюдается самая малая концентрация иммигрантов не из Европы.

Статистические источники иногда публикуют по районам Берлина данные о гражданах как с немецкими паспортами, так и без немецких паспортов. В центральных районах Митте и Нойкельн проживает больше всего иммигрантов (причем если в Митте цены на жилье средние, то для Нойкельна характерны низкие цены, большая доля безработных и разнообразие групп иммигрантов). На окраинах иммигрантов меньше. Кроме того, исторический фактор до сих пор виден по расселению отдельных групп иммигрантов (выходцев из стран капиталистического и социалистического лагеря соответственно). Берлин по стоимости жилой недвижимости достаточно однороден. Микродинамика дифференциации цен есть, однако она не сильно выражена. Несколько сглаживаются различия между ценами в восточной и западной частях города. Дифференциация по стоимости аренды тоже не так ярко выражена. Можно отметить более современные комфортные районы в юго-западной части города, где соблюдены бо-

более комфортные условия проживания, недвижимостью более новая, хорошая обеспеченность парками и объектами социальной инфраструктуры. Центр города по-прежнему остается (на фоне берлинских цен) более дорогим. Можно отметить, что распределение стоимости продажи и аренды жилья практически совпадают.

Статистические источники также публикуют материалы по иммигрантам, проживающим в Гамбурге. Почти 37% горожан имеют миграционные корни, иностранцев – 20% населения. При этом прослеживается соответствие районов концентрации иммигрантов и ареалов сравнительно низких цен на жилье.

Доля иностранцев, проживающих в Дюссельдорфе, составляет 20% всего населения города. В основном это выходцы из Турции, Греции, Польши и Италии. Цены на жилую недвижимость здесь на фоне других городов низкие. Для центральных районов характерен процесс джентрификации, причем для этих же районов характерны большая доля иммигрантов и средний возраст около 40 лет. Также иммигранты проживают в зоне бывшего промышленного пояса города (соответственно, низких цен на жилье).

В Кёльне доля иммигрантов составляет 40%, иностранцев вдвое меньше. Районы правого берега Рейна характеризуются большей долей иммигрантов и более низкими ценами на жилье. Самая высокая доля иностранцев наблюдается в Финкенберге (округ Порц), который можно назвать самым социально депривированным в городе.

Выводы

Таким образом, при рассмотрении связи распределения цен на жилье с расселением иммигрантов наблюдается определенное соответствие ис-

ходной гипотезе, сформулированной в начале (за исключением Берлина). В целом видно, что большая доля иммигрантов проживает в районах с более низкими ценами на жилье. Отмечен процесс переезда из более крупных городов в пригороды из-за высоких цен и повышенных процентных ставок на строительство. Однако и в самих городах велик разброс цен и, соответственно, дифференциация. Самым контрастным в этом плане является Гамбург, а Мюнхен – одним из самых дорогих городов. Во всех городах цены значительно выросли; исторические центры городов и деловые районы – самые дорогие. Иммигранты сильно влияют на рост населения, а также на его средний возраст.

Исследование показало, что как таковой геттоизации не наблюдается. Есть мигрантские районы, например, Нойкёльн в Берлине, где низкие цены на жилье и много мигрантов. Конечно, они создают определенную напряженность в районе. Однако она всё равно (как считают немецкие эксперты по мигрантам) значительно ниже, чем в Лондоне или Париже. Геттоизация может проявляться среди вынужденных иммигрантов (беженцев) – вот где местные опасаются социальной напряженности, и ситуация складывается сложная. Эта категория не исследуется в статье, так как зачастую беженцы не сами выбирают то место, где им жить. Для их более равномерного расселения немецкие власти даже пытаются создать определенные нормативы по расселению беженцев, но они часто не соблюдаются.

В исследованиях часто упоминалось понятие «геттоизация», однако последнее упоминание приходится на 2018 год. Поэтому можно говорить о замалчивании проблемы, с одной стороны, недовольстве коренного немецкого населения – с другой, с третьей –

о невозможности выявить статистически иммигрантов и беженцев. Большинство исследований направлены на изучение вопросов, связанных с последними. В статье же изучаются вопросы, связанные с иммигрантами, прибывшими на более длительный срок. Однако возможно говорить о том, что Германия находится на пороге повторения ошибок Франции: число мигрантов постоянно растет, а принимающее общество не справляется с таким потоком.

Список литературы

Карачурина Л.Б. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 7. – С. 50–60.

Курасов А.В. Особенности формирования глобальных городов Германии. Меняющаяся география зарубежного мира / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Том 17 / под ред. Ивановой И.С., Кузиной И.М., Фетисова А.С. – Москва – Смоленск : Ойкумена, 2007. – С. 163–184.

Молодикова И.Н. Основные этапы и методы управления трудовой миграцией в западноевропейских странах // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – Москва : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2003. – С. 270–285.

Савоскул М.С. Иммиграция в ФРГ во второй половине XX века // Вестник Московского университета. Серия 5 : География. – 2020. – № 6. – С. 86–98.

Соколов А.П., Давыдов А.Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 41–57. – DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57.

Шатило Д.П. Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов в крупных столицах Европы : дис. ... канд. геогр. наук. – Москва, 2018. – 250 с.

Шатило Д.П. Трансформация социального пространства глобальных городов : аналит. обзор. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 78 с.

Шатило Д.П. Социальная дифференциация в «новых» центрах иммиграции (на примере расселения иммигрантов) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 183–215. – DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11.

Cassiers T., Kesteloot C. Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities // Urban Studies. – 2012. – Vol. 49, N 9. – P. 1909–1924.

GaWC – Globalization and World Cities 2023. – 2023. – URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/> (дата обращения: 27.09.2023).

Hanslmaier M., Peter A., Heimerl A. Räumliche Muster sozialer Ungleichheit: soziale und ethnische Segregation in München. Stadtforschung und Statistik // Zeitschrift des Verbandes Deutscher Städtestatistiker. – 2019. – Bd. 32, N 2. – S. 51–59. – Нем. яз. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-64115-9> (дата обращения: 10.12.2023).

Musterd S. Social and ethnic segregation in Europe: levels, causes and effects // Journal of Urban Affairs. – 2005. – Vol. 27, issue 3. – P. 331–348. – DOI: 10.1111/j.0735-2166.2005.00239.x.

Ross R., Trachte K. Global cities and global classes: The peripheralization of labor in New York City // Review (Fernand Braudel Center). – 1983. – Vol. 6, N 3. – P. 393–431.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. – Princeton, New York : Princeton University Press, 1991. – 480 p.

Sassen S. The global city: Strategic site, new frontier // *Moving Cities – Contested Views on Urban Life* / ed. by L. Ferro [et. al.] – Wiesbaden : Springer VS, 2018. – P. 11–28.

Shapiro M., Neubauer D. Spatiality and policy discourse: Reading the global city // *Alternatives XIV*. – 1989. – Vol. 14, issue 3. – P. 301–325.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.09

The Relationship between Immigrant Settlement and Housing Costs in Global German Cities

Daria P. SHATILO

PhD (Geography), Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID: 0000-0003-2575-0927

CITATION: Shatilo D.P. (2024). The Relationship between Immigrant Settlement and Housing Costs in Global German Cities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 156–195 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.09

Received: 06.12.2023.

Revised: 01.03.2024.

ACKNOWLEDGEMENTS. The article was prepared within the study financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) (project no. 19-18-00251) and realized at the MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

ABSTRACT. The article examines the formation of global German cities features, their place in the international economic system and functions in Germany. The economic sphere allows even small German cities to become global. Using the immigrants and foreigners' settlement example in regions and housing prices distribution territorial intra-city differentiation is shown. Housing prices were collected by using a proven author's algorithm. The "immigrants – housing prices" relation helps to correlate the city districts spatial features correspon-

dence. There are seven global cities in the historically determined German system (just like in India, and more only in the USA and China). These are Frankfurt, Munich, Hamburg, Berlin, Dusseldorf, Stuttgart and Cologne. It was found out that all cities are distinguished by a large number and share of immigrants and/or foreigners. In each city there are more than a third part of immigrant population. Immigrants have a significant impact on demographics, reducing the average age of the population. They often settle in more peripheral areas, near

industrial or infrastructure facilities. There are also many foreigners from the EU countries in the cities. In general, expensive city centers were identified with a gradual decrease in housing costs in peripheral areas. The western parts of all cities are significantly more expensive. Prices have increased significantly in all cities, with historic city centers and commercial areas typically the most expensive. Of all the cities under the study, only Berlin has the largest share of immigrants in central areas with higher prices (this is due to the city's history of division). In other cities, there is a matching of cheaper areas with higher housing costs. Urban centers experience a wide variety of prices and therefore an uneven distribution. The contrasts are particularly noticeable in Hamburg, while Munich is generally one of the most expensive cities.

KEYWORDS: global cities of Germany, Frankfurt, Munich, Hamburg, Berlin, Dusseldorf, Stuttgart, Cologne, immigrant settlement, housing prices, social differentiation.

References

- Cassiers T., Kesteloot C. (2012). Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities. *Urban Studies*. Vol. 49, no. 9, pp. 1909–1924.
- GaWC (2023). *Globalization and World Cities 2023*. Available at: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/>, accessed 27.09.2023.
- Hanslmaier M., Peter A., Heimerl A. (2019). Räumliche Muster sozialer Ungleichheit: soziale und ethnische Segregation in München. *Stadtforchung und Statistik = Spatial patterns of social inequality: social and ethnic segregation in Munich. Urban research and statistics. Zeitschrift des Verbandes Deutscher Städtestatistiker*. Vol. 32, no. 2, pp. 51–59 (in German). Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ss0ar-64115-9>, accessed 10.12.2023.
- Karachurina L.B. (2008). Immigration policy of Germany: successful and unsuccessful experience. *World Economy and International Relations*. No. 7, pp. 50–60 (in Russian).
- Kurasov A.V. (2007). Features of the formation of global cities in Germany. The changing geography of the foreign world. In: Ivanova I.S., Kuzina I.M., Fetisov A.S. (eds.). *Issues of economic and political geography of foreign countries*. Vol. 17. Moscow – Smolensk: Oikumena, pp. 163–184 (in Russian).
- Molodikova I.N. (2003). Main stages and methods of managing labor migration in Western European countries. In: Zayonchkovskaya Zh.A. (ed.). *Labor migration in the CIS: social and economic effects*. Moscow: Center for the Study of Problems of Forced Migration in the CIS, pp. 270–285 (in Russian).
- Musterd S. (2005). Social and ethnic segregation in Europe: levels, causes and effects. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 27, issue 3, pp. 331–348. DOI: 10.1111/j.0735-2166.2005.00239.x.
- Ross R., Trachte K. (1983). Global cities and global classes: The peripheralization of labor in New York City. *Review (Fernand Braudel Center)*. Vol. 6, no. 3, pp. 393–431.
- Sassen S. (1971). *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton, New York: Princeton University Press, 1991, 480 pp.
- Sassen S. (2018). The global city: Strategic site, new frontier. In: Ferro L. et al. (eds.). *Moving Cities – Contested Views on Urban Life*. Wiesbaden: Springer VS, pp. 11–28.
- Savoskul M.S. (2020). Migration in Germany in the second half of the 20th century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. No. 6, pp. 86–98 (in Russian).
- Shapiro M., Neubauer D. (1989). Spatiality and policy discourse: Reading the global city. *Alternatives XIV*. Vol. 14, issue 3, pp. 301–325.

Shatilo D.P. (2018). *Social differentiation of urban areas in major European capitals (on the housing prices and immigrant settlement example)*. PhD. Thesis. Moscow, 250 pp. (in Russian).

Shatilo D.P. (2020). *Social space transformation of global cities: Analytical review*. Moscow, INION, 78 pp. (in Russian).

Shatilo D.P. (2022). Social Differentiation in the “New” Immigration Centers (on the

Immigrants Settlement Pattern Example). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 3, pp. 183–215 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11.

Sokolov A.P., Davydov A.D. (2023). Germany’s Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness. *Journal of International Analytics*. Vol. 14, no. 3, pp. 41–57 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57.

В рамках дискуссии

УДК 327.3

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Инвайронментализм как постидеология: концептуальная рамка постмодерна

Николай Сергеевич СКИПИН

научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: skipin@inion.ru

ORCID: 0000-0003-4267-0099

ЦИТИРОВАНИЕ: Скипин Н.С. Инвайронментализм как постидеология: концептуальная рамка постмодерна // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 196–208.
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Статья поступила в редакцию 06.11.2023.

Исправленный текст представлен 18.02.2024.

АННОТАЦИЯ. Исследования такого явления, как постидеология, в отечественной научной литературе нельзя назвать популярными (на конец октября 2023 г. всего 19 научных работ с ключевым словом «постидеология» включены в РИНЦ на базе ELibrary), тогда как западные исследователи заговорили о конце «старых» идеологий еще в 1960-х годах. Несмотря на это, сам феномен постидеологии изучен слабо и требует концептуализации. Данной статьей автор попытался показать концептуальную рамку проработанного другими исследователями такого явления, как идеология, и, отталкиваясь от результата, обозначить существенные характеристики и атрибуты уже постидеологии. Такой подход позволит обнаружить сходства и различия рассматриваемых явлений, а также обнаружить существующие проявления постидеологии в современном мире. Так, на примере политического движения «зеленых» автор показывает, что ин-

вайронментализм, который является их идеологической платформой, нельзя отнести к классическим идеологическим течениям, но можно охарактеризовать как постидеологическое явление. Под полученную структуру постидеологии подходят и другие популярные современные общественные и политические движения, такие как феминизм, Black Lives Matter, трансгуманизм, популизм, глобализм, антиглобализм и пр. В статье дается сравнительная таблица, где показаны основные различия идеологии и постидеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, постидеология, метанарратив, инвайронментализм, модерн, постмодерн, легитимация, структурализм.

По причине того, что объектом данного исследования выступает постмодернистский феномен – постидеология – текст будет начинаться с ироничного замечания, что еще в 2012 г.

в отечественном журнале «Логос» был опубликован перевод статьи 2008 г., где американский исследователь оповещает, что «настала эпоха постидеологии» [Гренинг, 2012, с. 217]. И лишь в 2017 г. выходит статья отечественного автора, где в первом же предложении говорится, что постидеология – «сравнительно новый феномен, по сути своей еще даже не сложившийся в полной мере» [Гаршин, 2017, с. 140]. При этом о «конце» классических идеологий еще в 1960 г. высказался Д. Белл [Bell, 1960], а у самого феномена «постидеология» есть свои глашатаи [Жижек, 1999]. Но наступила ли эпоха постидеологии или данный феномен еще не сложился в полной мере – этому исследовательскому вопросу посвящена данная статья.

Основополагающим тезисом, с которого берет начало исследование, является положение о том, что идеологии – это модернистские явления, а постидеологии (например, инвайронментализм), соответственно, постмодернистские. Здесь возникает необходимость (для однозначного понимания озвученных предпосылок) остановиться подробнее на используемых понятиях.

Модерн – идеология

Стоит сразу отметить, что под модерном (как и постмодерном) в этом исследовании понимается не историческая эпоха и не направление в искусстве, хотя и то и другое (и, вероятно, многое иное) имеет отношение к тому, что вкладывается в это понятие. Под модерном в этом исследовании понимается та форма мышления, которая и привела к исторической эпохе модерна с присущими для нее явлениями.

Прежде чем дать формулировку модерну, мы опишем некоторые характеристики, которые являются особенными для него. Основное, можно сказать,

главное, что выделяет модерн в нашем понимании от «не-модерна», – появление и главенствование **метанарративов**. Мышление модерна породило такие структуры, как метанарративы, которые сами по себе являются глобальными нарративами истории общества, так как «метанарративы описывают не что иное, как историю человечества» [Маслов, 2015, с. 150]. Разумеется, метанарратив не одно и то же с историческим нарративом; от исторического нарратива предыдущих состояний общества метанарратив отличается тем, что «часть событий метанарратива относится к области будущего, следовательно, говорить об отражении реальности в буквальном смысле нельзя: саму реальность еще нужно предсказать» [Маслов, 2015, с. 150]. Сама же предсказываемая реальность в силу такой особенности мышления модерна, как **рационализм**, является продолжением той действительности, которая есть (или ожидается), а следовательно, сама является действительностью, которую принято называть **прогнозом**. Этот прогноз **детерминирован** логикой и структурой метанарратива, он безальтернативен, так как легитимизирован научно (об этом подробнее будет сказано дальше).

У метанарратива есть **автор** – «истинный жрец и провидец, вещающий от имени Истины и выражающий нравственный идеал» [Лымарь, 2010]. Автором метанарратива выступает конкретный человек или группа людей, а сам метанарратив распространяется также вполне конкретными способами – в виде **документа** (произведение, манифест и т. п.). Появление таких документов приводит к возникновению **метадискурса** – дискурса метанарративов, или дискурса нарративов внутри метанарратива, за пределы которого нарративы выйти не могут. И, апеллируя к авторитету, согласимся, что

«...когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., – то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают называть «модерном»» [Лиотар, 1998, с. 10]. Поэтому методологии, легитимирующие метанарратив тем, что соотносятся с действующими научными парадигмами (тем самым подтверждающие истинность методологии), – рукотворный продукт.

Исходя из всего этого, можно сказать, что метанарратив – это авторская исторически всеобъемлющая трактовка действительности, являющаяся паттерном мышления для общественных масс. **А модерн – это состояние общества, когда основной формой освоения им действительности является метанарратив.**

Ж.-Ф. Лиотар отнес к метанарративам такие идеи, как «рационализм, сциентизм, антропоцентризм, возможность абсолютной свободы личности, освобождение человечества, просветительский исторический прогресс, эмансипация, легитимность знания, просветительская трактовка знания как инструмента разрешения любых проблем, познаваемость всего и вся наукой, классический социализм и коммунизм, христианское спасение, гегельянский мировой дух, романтическое единство, нацистский расизм, кейнсианское равновесие, материальное изобилие и т. п.» [Волков, 2015, с. 3]. Как можно заметить, перечисленные примеры объединяет наличие конечной цели, или присутствие **целеполагания**.

Атрибутивный характер целеполагания у метанарратива отмечают такие исследователи, как П. Рикёр и Д. Карр, которые «утверждают родство структуры нарратива и структуры целепо-

лагания. Выстраивание нарратива ... происходит по тому же принципу, что и планирование действий с ориентацией на некую цель, при этом интрига художественного повествования является подражанием выстраиванию действия в жизни» [Маслов, 2015, с. 151]. В таком случае метанарратив, формируя образ будущего, в том числе подразумевает конкретные шаги или **действия** по претворению этого будущего в действительность. Прогноз, о котором писалось выше, выступает подтверждением необходимости действия, оставаясь важным элементом метанарратива.

Таким образом, метанарратив, устанавливая цель и обеспечивая программой действия по ее достижению, обязан содержать и **этические принципы**, утверждающие и регулирующие социальные отношения. Вся эта монолитная конструкция формирует общественное сознание, состоящее из социальных представлений, ограниченных метанарративом. Социальные представления людей, объединенных метанарративом, являются общим социальным контекстом, формирующим социальную действительность, которая сама по себе **однородна и непротиворечива**. Такой **тотальный** характер метанарратива создает условия, в которых возникают «всеобщие» (в рамках метанарратива) потребности. Это приводит к выводу о том, что ядром метанарратива являются **ценности**, под которыми здесь понимаются «абстрактные, культурно объективированные идеи» [Karwat, 1982, р. 198]. «Всеобщие» потребности определяют «общечеловеческие» ценности, которые, в свою очередь, связаны с социальными представлениями, формирующими социальный контекст/ действительность, в рамках которого есть определенная цель, чей путь достижения регламентирован этической

рамкой, заданной метанарративом. Несмотря на сложность предыдущего положения, оно позволяет подойти вплотную к феномену *идеологии*.

Само появление идеологии является едва ли не главным достижением модерна в нашем понимании. В зрелом модерне метадискурс – это дискурс идеологий. Для того, чтобы связать идеологию и метанарратив, вернемся к ценностям. Современные российские исследователи отмечают, что «фундаментальная ценностная природа политических идеологий обозначается первоначально на уровне определения сущности данного феномена, в какой бы теоретико-методологической парадигме оно не представлялось, а уже затем в процессе анализа его различных аспектов» [Селезнева, 2017, с. 369]. То есть ценности – это стержень идеологии, который определяет этические принципы деятельности, у которой есть конкретная цель, связанная с претворением в действительность определенного образа будущего. Ценности «продуцируются сверху политическими институтами и акторами (государством, политическими партиями, лидерами, политической элитой) и существуют в политико-идеологическом дискурсе (представлены в политических документах, программных и агитационных материалах, политических текстах и выступлениях политических лидеров и представителей элиты и транслируются с помощью средств массовой политической коммуникации)» [Селезнева, 2019, с. 178]. Здесь мы видим, что идеология содержит в себе все характеристики метанарратива, не отличима от него.

Емкую иллюстрацию в подтверждение нашего тезиса еще в 2001 г. привел российский политолог А.И. Соловьев. Схему идеологии в «эпоху *Modernity*» исследователь визуализирует следующим образом: «групповая идентифика-

ция (источник производства интеллектуальных продуктов) ® групповой интерес (объект символического отображения) ® идеология (ведущая идеальная матрица, содержательно представляющая рационально аргументированную систему групповых политических предпочтений и целей) ® идеологическая борьба (условие формирования базовых ценностей и метакодов, обеспечивающих стабильность и интеграцию общества) ® идеологи (центральная страта воспроизводства идеальной сферы политики) ® партии (главный элемент соответствующей системы представительства) ® отношения правящих элит и гражданского общества (основных контрагентов публичной политики) ® политическая демократия (институциональная форма организации нормативно-символической сферы и политического дискурса)» [Соловьев, 2001, с. 14]. Этот алгоритм формирования «нормативно-символических продуктов» содержит в себе все ключевые звенья, упомянутые нами в описании метанарратива: автор (идеологи, партии, правящие элиты), документ (в схеме А.И. Соловьева именуется идеологией), метадискурс (идеологическая борьба и отношения правящих элит между собой и с обществом), цель (групповой интерес), действия (идеологическая борьба), а также этические принципы, ценности и потребности (в виде групповой идентичности).

Позже мы подробнее рассмотрим характеристики «трех главных идейных течений Модерна – либерализма, консерватизма и социализма» [Россия в поисках идеологий..., 2016, с. 65].

Постмодерн – постидеология

Говорить о постмодерне и постидеологии мы будем при помощи основных категорий модерна, отталкиваясь от них, как это делали исследователи до нас.

Исходным положением постмодерна является его «недоверие в отношении метарассказов» [Лиотар, 1998, с. 10], «обнаружилось, что они представляют собой дискурсы господства» [Подорога, 2018]. Это недоверие к метанарративам начинается с критики «методологии и онтологии (преимущественно французского) структурализма, центральным понятием которого являлось понятие структуры» [Найдыш, 2012, с. 7]. Представители данного направления постулировали наличие и тождество универсальных структур бытия и мышления. Любая система содержит в себе структуру – устойчивые связи между элементами, которые вместе с отношениями системы с другими структурами и определяют саму систему. Структурализм продолжает детерминистскую традицию модерна, доказывая, что глубинные структуры мышления формируют действительность, что отмечает в своей работе «Отсутствующая структура» У. Эко. Он видит, что «философский структурализм уже в лице своего основателя К. Леви-Стросса рано или поздно делает невозможный с точки зрения строго научного исследования шаг: переход от понимания «структуры» в качестве «оперативной модели», цель которой – упростить и упорядочить наш опыт, к представлению об «онтологической структуре», выражающемуся в совершенно неправомерном полагании результатов наших исследований непосредственно в ткань самой реальности» [Кондратьев, 2015, с. 99]. Выявление глубинных структур и «подстраивание» под них картины мира можно проиллюстрировать на примере углубления науки начала XX в. в «ткань самой реальности». Так, открытие Резерфордом ядра атома показало наличие новых, более глубоких структур – элементов материи. Не вдаваясь в физические доктрины и результаты современных исследований квантовой физики, скажем,

что реакция на это открытие укладывается в структуралистскую логику: были исследователи, которые объявили о неисчерпаемости материи как принципе [Ленин, 1986], и эта позиция никуда не делась [Водянов, 2008], как и противоположная, находящаяся в поиске бесструктурной материи [Круглый, 2019]. На эти две стратегии указывает и сам У. Эко: «Однако, признав факт сущностного отсутствия Пра-Кода, я должен буду иметь мужество согласиться также и с тем, что в качестве отсутствующей структура, являющаяся конститутивной для всякой структуры, сама по себе не может быть структурирована. А если она таковой предстанет, то это лишь знак того, что за ней скрывается другая, еще более окончательная, еще более отсутствующая, как ни парадоксально это звучит, структура. В таком случае естественным завершением всякого последовательного структуралистского начинания явится умерщвление самой идеи структуры. И всякий поиск констант, желающий называться структурным исследованием и рискующий быть таковым, заранее обречен на провал, грозит обернуться мистификацией, утешительной попыткой выдать неполноту за исчерпанность, очередной ход в игре – за последний» [Эко, 2006, с. 417–418].

При такой дихотомии возникает недоверие не только к метанарративу как структуре, но и к способу легитимации (или самолегитимации) его через соотнесение с научными данными, так как сами данные находятся в статусе антиномий, и их примирение на данном этапе не происходит. Более того, и это отмечает сам Лиотар, *знания и политика* взаимозависимы в процессе легитимации: «В этой перспективе право решать «что верно, а что нет» не может не зависеть от права решать «что справедливо, а что нет», даже если высказывания, подчиненные соответственно той и другой власти, имеют различную

природу. Существует родство одного рода языка, который называется наукой, с другим, называемым этикой и политикой...» [Лиотар, 1998, с. 27–28]. В таком случае действительность, расширенная метанарративом в будущее (прогнозирование, как это было в модерне), – на самом деле не действительность, а фантазия, обман, иллюзия.

Здесь стоит упомянуть о том, что такой проект модерна, как марксизм, обличал идеологию в том, что это «ложное сознание», «иллюзорное сознание». То есть можно предположить, что марксистский проект является постидеологией, так как демонстрирует «недоверие к метарассказам», и рушит логику утверждения о прогнозе как обмане в постмодерне. Противоречий никаких нет, Ю. Хабермас давно отметил, что «изначально идеологии равнозначны с критикой идеологии» [Хабермас, 2007, с. 79], то есть критика идеологий друг другом – естественная процедура метадискурса.

Недоверие к метанарративам, средствам их легитимации и прогностической функции идеологии приводит к тому, что в обществе «начинает формироваться ощущение растерянности, отсутствия определенной «системы координат» и доверия к каким-либо социальным институтам» [Кукарников, Гаршин, 2019, с. 26]. В такой ситуации, когда нет доверия ни образам прошлого, ни образам будущего, на первый план выходит поиск «точек опоры» в настоящем, тем самым дается импульс развития медиа: «масс-медиа и медийные образы и знаки становятся “ключом” для познания современной реальности и иногда даже выступают в роли самой реальности» [Чистяков, 2014, с. 199].

Феномен подмены реальности фантазией, или симуляцией реальности, описал Ж. Бодрийяр. Под влиянием масс-медиа происходит формирование симулякров – нарративов, репрезенти-

рующих нереальные объекты/события/явления [Бодрийяр, 2017]. С одной стороны, критическое восприятие метанарративов приводит к тому, что определенная «иллюзия» уходит из общественного сознания, с другой стороны, нарративы, замещающие метанарратив, не могут претендовать на стройную длительно живущую рациональную самолегитимирующую природу модернистской идеологии. Из-за этого главным элементом постидеологии становится эклектичный краткосрочный эмоциональный и не требующий легитимации нарратив постмодернистской постидеологии. Такой нарратив называется постправдой, а в мире постправды «эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [Чугров, 2017, с. 42].

Всё это подрывает доверие к «авторам» идеологии – идеологам, политическим партиям. Постмодернистская концепция смерти автора снимает легитимацию политической идеологии через авторитет, характеризует постидеологию как анонимный продукт. Само появление документа (без автора) постидеологии происходит неестественным для модерна образом. Если для политического движения модерна свойственно то, что первым появляется манифест/программа и лишь потом политические акторы, то рождение постидеологического документа возникает после появления активистов, озаченных определенной проблемой.

В таком случае говорить о целеполагании постидеологических проектов сложно. Если идеологии модерна подразумевают вполне конкретное видение будущего и четкий план по его осуществлению, то постидеологические продукты формируются вокруг волнующей и не всегда первоочередно важной проблемы. Поэтому действия,

ведущие к достижению цели, такие разные и не могут быть охарактеризованы в рамках модернистских идеологий.

Если нет конкретной единой стратегии (как правило, даже наличие программных документов не решает такой проблемы) у представителей постидеологических политических сил, то невозможно выстраивать этическую рамку, которой необходимо придерживаться для достижения политических целей. Отсюда такой этический плюрализм у современных постидеологических продуктов, потому внутри этих политических сил – динамическая ценностная структура.

Инвайронментализм: идеология или постидеология?

Рассмотрим различия идеологии и постидеологии (таблица 1).

Закрепить указанные различия можно на примере такого постидеологического, на наш взгляд, продукта, как инвайронментализм. Сам инвайронментализм – это «основанное на экологической культуре мышления ... социально-политическое движение, которое борется за сохранение и восстановление окружающей среды, ее воспроизводство ради эффективного для человека протек-

ания экологических процессов» [Скипин, 2023, с. 139].

«Зеленое» движение и инвайронментализм как его основа возникли «в 1960-е годы «снизу» (из недр гражданского общества стран Запада) в ответ на экологические вызовы» [Ровинская, 2021, с. 25]. Каких-либо манифестов или программных документов у зарождающегося инвайронментализма не было. Безусловно, можно перечислить некоторых авторов, повлиявших на создание и развитие инвайронментализма, но как на Западе [Ровинская, 2017; Ровинская, 2021], так и в России [Скипин, Моргун, 2023] «зеленые» движения зародились без своих «95 тезисов» или «Манифеста коммунистической партии». У «зеленого» движения, разумеется, есть программные документы, но важно зафиксировать, что они появляются не для создания движения, а для объединения уже зародившихся очагов общественной организации. На сегодняшний день примером такого документа может служить «Глобальная хартия Зеленых»¹, где обозначены основные принципы и ценности инвайронменталистской идеологии.

Также стоит обратить внимание на реакционный характер инвайрон-

Таблица 1. Основные различия идеологии и постидеологии

Table 1. Main differences between ideology and post-ideology

Идеология	Постидеология
Метанарратив	Критика метанарратива
Автор документа (манифеста, программы)	Отсутствие автора, анонимный и общественный характер
Образ идеального будущего	Решение проблемы
Конкретные ценности и этические принципы	Этический плюрализм и динамическая ценностная структура

Источник: составлено автором.

¹ Charter // Global Greens. – URL: <https://globalgreens.org/about/charter/> (дата обращения: 10.10.2023).

ментализма. Появление «зеленых» движений и их идеологической основы происходит из критики как экологического состояния (будь то глобальный масштаб или локальный), так и других политических и идеологических проектов, приведших, по мнению «зеленых», к такому экологическому состоянию. И не важно, в какой политической культуре происходит критика со стороны инвайронментализма: так, на примерах СССР, США, Франции и Японии было показано, что развитие «зеленых» в этих странах происходило по схожему сценарию [Скипин, 2023; Скипин, Моргунов, 2023].

«Зеленый» спектр политических движений имеет множество оттенков: эколиберализм, экосоциализм, экофашизм, «зеленые» анархизм и либертарианство – и это далеко не полный список идеологических ориентаций инвайронментализма. Кроме того, важной особенностью постмодерна как формы мышления является эклектичность и заимствование. Так, Ф. Джеймисон пишет, что постмодернизм «более не производит монументальных работ модернистского типа, но безостановочно перетасовывает фрагменты уже существующих текстов, строительных блоков былого культурного и социального производства в некий новый раздутый бриколаж» [Джеймисон, 2014, с. 174]. В этой связи сложно четко определить инвайронментализм как «левое» или «правое» политическое явление – оно эклектично, заимствует из различных политических платформ удобные под текущие задачи элементы.

Поэтому инвайронментализм не предлагает никакого образа будущего, кроме представлений о решении актуальных экологических проблем. При этом сам характер этих проблем не ясен до конца: в то время как социологи осмысливают глобальное потепление [Beck, 2010] и его последствия

для общества, географы пытаются развернуть фокус внимания на доказательную базу предстоящего глобального похолодания [Корытный, Веселова, 2022]. И здесь происходит столкновение симулякра, нарратива постправды с объективной реальностью. Но если проекты модерна требовали легитимации через науку, проекты постмодерна легитимируются через медиа.

Заключение

Концептуализация «постидеологии» – необходимый шаг к пониманию текущих политических процессов. Используя сравнительный подход, когда анализируются схожие (или родственные) явления по определенным «реперным точкам», удалось показать различия между идеологией и постидеологией. Ключевым, основополагающим различием между этими явлениями является отношение к метанарративам, что клубком разворачивается в дальнейшие расхождения в частностях. «Живым» примером, иллюстрирующим это различие, был выбран инвайронментализм – политическая основа современного движения «зеленых».

Современные политические проекты, из которых возникают общественные и политические движения, не укладываются в систему координат модернистских идеологий. Инвайронментализм, феминизм, BLM, трансгуманизм, популизм, глобализм, антиглобализм и другие течения могут быть охарактеризованы и поняты с точки зрения феномена постидеологии. Критически осмысливая метанарративы эпохи модерна, принимая во внимание специфику постмодерна с его атрибутами: постправдой, симулякром, анонимностью и этическим плюрализмом, – можно подойти к сущности постмодернистской политической реальности.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – Москва : ПОСТУМ, 2017. – 320 с.

Водянов Н.Г. Основы струйной теории элементарных частиц // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 2. – С. 24–28.

Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. – 2015. – № 2. – С. 3–11.

Гаршин Н.А. К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3–1 (57). – С. 140–142. – DOI: 10.23670/IRJ.2017.57.126.

Гренинг С. «Южный Парк»: цинизм и другие постидеологические полумеры // Логос. – 2012. – № 2 (86). – С. 215–233.

Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / пер. с англ. – Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – Москва : Художественный журнал. – 1999. – 236 с.

Кондратьев К.В. Кривое зеркало «Я»: к теории возрожденного субъекта. – Казань : Казан. ун-т. – 2015. – 145 с.

Корытный Л.М., Веселова В.Н. Мифы и рифы климатической повестки // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 8–30. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-7-8-30.

Круглый А.Л. К вопросу об «окончательной теории» // Метафизика. – 2019. – № 2 (32). – С. 55–59.

Кукариков Д.Г., Гаршин Н.А. Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Философия. – 2019. – № 2 (32). – С. 24–32.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – Москва : Политиздат. – 1986. – 478 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Москва : Институт экспериментальной психологии; Санкт-Петербург : Алетейя. – 1998. – 160 с.

Лымарь О.В. Категория автора в метанарративном тексте: сравнительно-исторический анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 123. – С. 135–142.

Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2–2 (52). – С. 150–152.

Найдыш В.М. Рационализм и постмодернизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Философия. – 2012. – № 2. – С. 6–14.

Подорога Б.В. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна // Полилог. – 2018. – Т. 2, № 3. – DOI: 10.18254/S0000056-3-1.

Ровинская Т.Л. Американский инвайронментализм как политическая идеология // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 7. – С. 64–72. – DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-64-72.

Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 4. – С. 24–33. – DOI: 10.20542/afij-2021-4-24-33.

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. – Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2016. – 334 с.

Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Фи-

лософия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: 10.17223/1998863X/49/18.

Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политико-психологический анализ // Политическая наука. – 2017. – № 5. – С. 365–384.

Скипин Н.С., Моргун А.В. История развития экологического движения в России: политические аспекты // Политолог. – 2023. – Т. 7, № 2. – Статья 9. – DOI: 10.18254/S258770110026422-6.

Скипин Н.С. Развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в 1950–2000 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 98. – С. 138–150. – DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-138-150.

Соловьев А.И. Политическая Идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5–23.

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. – Москва : Праксис. – 2007. – 208 с.

Чистяков Д.И. Модерн и постмодерн: динамика форм социологического теоретизирования // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 193–205.

Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59. – DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Симпозиум. – 2006. – 544 с.

Beck U. Climate for change, or how to create a green modernity? // Theory, culture and society. – 2010. – Vol. 27, N 2–3, March–May. – P. 254–266.

Bell D. The end of ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Illinois : Free Press, 1960. – 415 p.

Karwat M. Political values as ideas of social needs // International Political Science Review. – 1982. – Vol. 3, N 2. – P. 198–204.

Under Discussion

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity

Nikolai S. SKIPIN

Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: skipin@inion.ru

ORCID: 0000-0003-4267-0099

CITATION: Skipin N.S. (2024). Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 196–208 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Received: 06.11.2023.

Revised: 18.02.2024.

ABSTRACT. *The research on such a phenomenon as “post-ideology” in the domestic scientific literature cannot be called popular (at the end of October 2023, only 19 scientific works with the keyword “post-ideology” are included in the RSCI based on ELibrary), while Western researchers have been talking about the end of “old” ideologies even in the 1960s. Despite this, the phenomenon of “post-ideology” itself has been poorly studied and requires conceptualization. With this article, the author tried to outline the conceptual framework of the “ideology” phenomenon developed by other researchers, and, starting from the result, to identify the essential characteristics and attributes of “post-ideology”. This approach will make it possible to discover the similarities and differences of the phenomena under consideration, as well as to detect existing manifestations of post-ideology in the modern world. Thus, using the example of the political movement “greens” and their ideological platform that is environmentalism, the author shows that environmentalism*

cannot be classified as a classical ideological movement, but can be characterized as a post-ideological phenomenon. Other popular modern social and political movements, such as feminism, Black Lives Matter, transhumanism, populism, globalism, anti-globalism, etc., also fit into the resulting structure of post-ideology. The article provides a comparative table that shows the main differences between ideology and post-ideology.

KEYWORDS: *ideology, post-ideology, metanarrative, environmentalism, modernity, postmodernity, legitimation, structuralism.*

References

- Baudrillard J. (2017). *Simulacres et simulation*. Moscow: POSTUM, 320 pp. (in Russian).
- Beck U. (2010). Climate for change, or how to create a green modernity? *Theory, culture and society*. Vol. 27, no. 2–3, March–May, pp. 254–266.

Bell D. (1960). *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Illinois: Free Press, 415 pp.

Chistyakov D.I. (2014). Modernity and postmodernity: dynamics of the fundamental theoretical forms. *The Humanities and Social Sciences*. No. 1, pp. 193–205 (in Russian).

Chugrov S.V. (2017). Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? *Polis. Political Studies*. No. 2, pp. 42–59 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.

Eco U. (2006). *The structure is absent. Introduction to semiological research*. Sankt-Petersburg: "Symposium", 544 pp. (in Russian).

Garshin N.A. (2017). On the question of the ontological status of the phenomenon of post ideology. *International Researching Journal*. No. 3–1 (57), pp. 140–142 (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2017.57.126.

Groening S. (2012). Cynicism and Other Postideological Half Measures in South Park. *Logos*. No. 2 (86), pp. 215–233 (in Russian).

Jameson F. (2014). *Marxism and interpretation of culture*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 414 pp. (in Russian).

Karwat M. (1982). Political values as ideas of social needs. *International Political Science Review*. Vol. 3, no. 2, pp. 198–204.

Kondratiev K.V. (2015). *Distorting mirror "I": towards the theory of the reborn subject*. Kazan: Kazan university, 145 pp. (in Russian).

Korytny L.M. Veselova V.N. (2022). Myths and reefs of the climate agenda. *ECO Journal*. No. 7 (577), pp. 8–30 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-8-30.

Krugly A.L. (2019). On the "final theory". *Metaphysics*. No. 2 (32), pp. 55–59 (in Russian).

Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2019). Postideology and risk society: sys-

tem analysis of concepts. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*. No. 2 (32), pp. 24–32 (in Russian).

Lenin V.I. (1986). *Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy*. Moscow: Politizdat, 478 pp. (in Russian).

Lymar O.V. (2010). The category of author in the metanarrative text: a comparative analysis. *Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 123, pp. 135–142 (in Russian).

Lyotard J.-F. (1998). *Postmodern condition*. Sankt-Petersburg: Aletejya, 160 pp. (in Russian).

Maslov E.S. (2015). Conception "meta-narrative" by Jean-François Lyotard in the context of narratology. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No. 2–2 (52), pp. 150–152 (in Russian).

Naydysh V.M. (2012). Rationalism and postmodernism. *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2, pp. 6–14 (in Russian).

Podoroga B.V. (2018). The concept of metanarrative in Jean-François Lyotard's philosophy: crisis of enlightenment and postmodern alternative. *Polylogos*. Vol. 2, no. 3 (in Russian). DOI: 10.18254/S0000056-3-1.

Rossiia v poiskakh ideologiy... (2016). Martianov V.S., Fishman L.G. (eds). *Russia in search of ideologies: the transformation of value regulators of modern societies*. Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 334 pp. (in Russian).

Rovinskaya T.L. (2017). Development of the U.S. Green Movement: Reliance on Civil Society. *World Economy and International Relations*. Vol. 61, no. 11, pp. 43–56 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56.

Rovinskaya T.L. (2021). The European Green Movement in Times of Crisis: New Approaches. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 24–33 (in Russian). DOI: 10.20542/afj-2021-4-24-33.

Selezneva A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of political and psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 49, pp. 177–192 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/18.

Selezneva A.V. (2017). Value Foundations of Political Ideologies: Political-Psychological Analysis. *Political Science*. Special Issue, pp. 365–384 (in Russian).

Skipin N.S., Morgun A.V. (2023). History of the development of the environmental movement in Russia: political aspects. *Polylogos*. Vol. 7, no. 2, article 9 (in Russian). DOI: 10.18254/S258770110026422-6.

Skipin N.S. (2023). The Development of Environmentalism and Environmen-

tal Policy in Japan, France and the United States in 1950–2000. *Public administration. Electronic Bulletin*. No. 98, pp. 138–150 (in Russian). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-138-150.

Soloviev A.I. (2001) Political ideology: the logic of historical evolution. *Polis. Political Studies*. No. 2, pp. 5–23 (in Russian).

Vodyanov N.G. (2008). Fundamentals of the jet theory of elementary particles. *Bulletin of the Chuvash University*. No. 2, pp. 24–28 (in Russian).

Volkov V.N. (2015). Postmodernity: distrust by metanarrative. *Cultural heritage of Russia*. No. 2, pp. 3–11 (in Russian).

Žižek S. (1999). *The Sublime Object of Ideology*, Moscow, 236 pp. (in Russian).

Вокруг книг

УДК 331:378.12

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11

«Как выжить в поле»: альтернативы научно-образовательной карьере в области общественных наук

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вилисов М.В. «Как выжить в поле»: альтернативы научно-образовательной карьере в области общественных наук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 209–222.

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11

Статья поступила в редакцию 19.03.2023.

Исправленный текст представлен 18.04.2024.

АННОТАЦИЯ. Статья является рецензией на книгу «Карьеры в области общественных наук за пределами академического сектора», вышедшую в 2023 году в США. Прикладная по своему содержанию, книга на примерах из американской практики ставит ряд важных научно-практических вопросов, актуальных и для современной России: где за пределами научно-образовательного сектора могут найти работу специалисты, имеющие научную степень по общественным наукам? какие их знания и навыки будут там востребованы? смогут ли они потом вернуться на академическую стезю и/или совмещать научно-образовательную деятельность с работой в других секторах или с ведением собственного бизнеса? Содержащиеся

в книге исследования и практические рекомендации могут оказаться полезными для широкого круга российских читателей: от студентов, аспирантов и молодых ученых до специалистов карьерных центров вузов. Структура книги, использованные в ней методы исследования и изложения материала могут послужить образцом для проведения аналогичных исследований, а также для подготовки научно-практических и учебно-методических материалов, актуальных и востребованных в современных российских условиях для научно-образовательного сектора в области общественных наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карьера в общественных науках, аспирантура, профориентация, рейнмейкеры.

Введение

Настоящая статья представляет собой рецензию на книгу «Карьеры в области общественных наук за пределами академического сектора», которая была издана в США в 2023 г. [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023]¹.

Факт появления этой книги свидетельствует об актуальности данной темы как минимум для исследователей и читателей в США, что совпадает и с актуальными российскими проблемами.

Авторский состав книги представляет собой междисциплинарный коллектив, члены которого имеют разнообразный профессиональный опыт². Несмотря на различия, авторов объединила схожесть карьерного пути – выбор профессионального трека (после защиты диссертации и получения степени *PhD*) за пределами академического сектора, но всегда в тесном взаимодействии с ним. Академический сектор взят за точку отсчета потому, что объект исследования и целевая аудитория книги – специалисты, получившие степень *PhD*, не нашедшие достойного для себя карьерного пути в академической сфере после защиты диссертации или не задумывавшиеся всерьез об альтернативах академической карьере.

Подчеркнуто практическое позиционирование книги оставляло некоторые сомнения в необходимости подготовки рецензии на нее для научного журнала. Однако анализ российских исследований по данному вопросу, а также самостоятельные исследования

автора рецензии эти сомнения устранили.

В России, особенно в последнее время, выходит достаточно много исследований, посвященных карьере ученого: затрагиваются как общие вопросы мотивации российских исследователей [Shmatko, Volkova, 2017], так и мотивация молодых ученых к исследованиям [Мотивация..., 2019] и построению научной карьеры [Душина, Ломовицкая, 2016; Казаков, 2016], в том числе их правовое положение [Волкова, Путилова, Аксу, 2022], а также проводятся науковедческие исследования [Науковедческие исследования, 2009]. Но при этом внимание ученым в сфере общественных наук (да и самим этим наукам как сферам строительства карьеры) уделяется недостаточно – скорее оно обращено в прошлое³, чем в настоящее. Результаты же собственных исследований автора, в том числе проведенных ранее с коллегами, показали, что запрос на такого рода исследования, вернее, на их результаты и актуальное понимание карьерных трендов в общественных науках, всё же есть.

Таким образом, данная статья немногим вышла за рамки просто рецензии и содержит некоторые размышления и постановки, появление которых отчасти спровоцировано содержанием книги. Данная предметная область представляется чрезвычайно актуальной для продолжения междисциплинарных исследований, результаты которых будут востребованы как в академической сфере, так и за ее пределами. Остается открытым и пространство для срав-

1 Полные данные об авторах: Stacey S. Merola, John Hitchcock, Mercedes Rubio.

2 Стэйси Мерола имеет степень PhD по социологии (2001 г.), опыт работы в Американской социологической ассоциации и в консалтинговом бизнесе. Джон Хичкок имеет PhD в области психологии образования (2003 г.), опыт работы в консалтинговом бизнесе и в университетской среде, где он добился позиции штатного профессора и даже руководителя центра в университете Индианы, а потом опять ушел в консалтинг. Мерседес Рубио имеет PhD в сфере эпидемиологии и опыт работы в государственных агентствах и неправительственном секторе.

3 Козлова Л.А. Особенности профессиональных карьер обществоведов в период социальных трансформаций в России, 1990-е – начало 2000-х годов. – НИР: грант РФФИ № 06-06-80275. – 2006.

нительных исследований: состояния российского академического сектора в сфере общественных наук с аналогичными секторами в США и других западных странах, а также в странах «мирового большинства», что в настоящих условиях становится даже более актуальным.

Статья состоит из трех частей: в первой описывается общее предметное поле книги в сравнении с российскими реалиями; во второй изучаются конкретные практические рекомендации по формированию карьеры за пределами научно-образовательного сектора, а в третьей приводится обзор рекомен-

даций книги относительно возможности возврата в академическую среду или совмещения работы там с профессиональной деятельностью в других областях.

Кандидаты в доктора

Книга структурирована в формате ответов на часто встречающиеся вопросы по поводу планирования карьеры после завершения образования в сфере общественных наук и получения ученой степени *PhD*. Общее представление о содержании книги дает таблица из главы 1 книги (таблица 1).

Таблица 1. Обзор рецензируемой книги по главам
Table 1. Overview of the book under review by chapter

Номер главы	Наименование главы	Содержание
2	В какие организации меня возьмут на работу?	Предоставляет общее описание типов организаций, которые могут взять на работу исследователей в области общественных наук, описание их деятельности, источников финансирования и размышления по поводу того, как получить в них работу
3	На какие виды работ я могу быть привлечен и каковы типичные задачи?	Описывает типы работ, круг профессиональных обязанностей и типичные карьерные перспективы
4	Какие навыки мне потребуются?	Описывает типы задач и навыки, необходимые для их решения. Содержит некоторые прогнозы относительно навыков, востребованных в ближайшем будущем
5	Как мне получить работу на этих позициях?	Как получить работу в любых секторах за пределами федеральных государственных органов США
6	Что если я хочу работать на федеральное правительство?	Как получить работу в федеральных органах власти США
7	Что если я захочу вернуться в академическую сферу?	Как попасть в научно-образовательную сферу впервые или вернуться туда после работы в других областях
8	Что если я хочу заняться бизнесом?	Как вести собственный бизнес, связанный с общественными науками
9	Что если я не могу принять решение и хочу работать и там и там?	Совмещение работы в научно-образовательной сфере с другими видами профессиональной активности
10	Как вы еще можете мне помочь с вопросами моего бытия?	Выводы, дополнительные советы, ободряющие наставления и дерево принятия решений

Источник: [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 11].

Как видно из таблицы 1, книга весьма прагматична по содержанию и кажется даже немного публицистичной. Однако ее содержание всё же является результатом исследований авторов, которые демонстрируют применение широкого спектра методов – как количественных, так и качественных. Кроме того, в сфере их исследования – карьерное поведение специалистов, получивших степень *PhD*, и, следовательно, способных претендовать на работу в научно-образовательной сфере в области академических наук. Подобная постановка вопроса является очень актуальной и для России в контексте реформирования системы аспирантуры.

К общественным наукам авторы относят следующие направления: антропология, психология, политические науки и государственное управление, социология, экономика, педагогика в ее разнообразных проявлениях, менеджмент и корпоративное управление, коммуникации и «другие общественные науки» [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 5]. Анализ диссертационной активности по этим направлениям показывает, что за последние 10 лет (2010–2020 гг.) она в среднем умеренно росла (4%), но при этом весьма неравномерно по направлениям: от 13%-го роста в психологии и экономике до сокращения на 13 и даже 54% в политических науках и педагогике соответственно [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, table 1.1, p. 5].

Аналогичная статистика по России также весьма разнонаправленна.

Буквально в феврале 2024 г. Российская книжная палата (РКП) опу-

бликовала информацию о том, что количество диссертаций по итогам 2023 г. сократилось на 22%⁴. Выводы были сделаны на основе сопоставления количества авторефератов диссертаций, изданных и поступивших в РКП по итогам 2022 (их было 10,2 тыс.) и 2023 (менее 8 тыс.) годов. Эта информация практически сразу же была опровергнута со стороны Минобрнауки России, в заявлении которого было отмечено, что судить о динамике защит на основе данных о публикации авторефератов некорректно. Само министерство свои данные не представило (отметив, что пока не располагает статистикой за 2023 г.), но зафиксировало рост числа аспирантов в 2022 г. – их было 47,1 тыс. человек (для сравнения: в 2020 г. – 27,7 тыс. человек)⁵. По информации из статистического справочника Минобрнауки России, Росстата и НИУ ВШЭ, прием в аспирантуру стабилизировался в 2016 г. после резкого падения в 2015-м и находился примерно на одном уровне с показателями (26–27 тыс. в год) до 2022 г., а вот выпуск из аспирантуры все эти годы имел тренд на снижение (от почти 26 тыс. в 2016 г. до 13,8 тыс. в 2022 г.), при этом показатели по числу защиты диссертаций сокращались опережающими темпами: с 3,7 тыс. в 2016 г. до 1,79 тыс. в 2022 г., с провалом до 1,2 тыс. в 2020 г. Такие же тенденции отмечены и в докторантуре⁶. Отдельной информации о трендах в сфере общественных наук в целом и по отдельным научным специальностям в частности в упомянутых источниках нет.

4 Количество диссертаций в России за год сократилось на 22% // РБК. – 2024. – 21 февраля. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d49b5f9a79474bfaa9e935 (дата обращения: 25.02.2024).

5 Минобрнауки не согласилось со статистикой Книжной палаты по диссертациям // РБК. – 2024. – 21 февраля. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d5f3729a79470b2bc76565?ysclid=lteaim6skw593978787 (дата обращения: 25.02.2024).

6 Наука. Технологии. Инновации: 2024: краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 104 с. – URL: <https://ai.gov.ru/upload/iblock/801/bsr2sp2pcviga4tj8dt29sm280ktmw17.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

Как представляется, есть две фундаментальные причины, объясняющие такое состояние дел, включая приведенную полемику: реформа аспирантуры и взаимосвязь аспирантуры с правом на отсрочку от службы в армии по призыву.

Реформа аспирантуры началась в 2012 г. и привела к последовательному сокращению количества аспирантов и количества защит (минимум которых был достигнут в 2020 г.): в результате количество защитивших диссертации сократилось втрое – с 22,7 тыс. в 2013 г. до 6,6 тыс. в 2020 г.⁷ Данная тенденция была переломлена только в 2021 г., так что ситуация 2022 г. вполне может быть продолжением этого повышательного тренда, а падение числа защит в 2023-м может быть его опровержением. Очевидно, что споры по поводу концепции и логики этих реформ всё еще продолжаются, что и отражается в описанной выше публичной полемике.

Тема с отсрочкой от службы в армии по призыву и частичной мобилизации,

которая предоставляется поступившим в аспирантуру, не находится в активном публичном обсуждении (равно как и мало отражена в научных исследованиях: автору удалось найти только одно исследование по этому вопросу – [Груздев, Терентьев, 2017]), – но именно интересом к этому аспекту обучения в аспирантуре можно объяснить упомянутый Минобрнауки России рост (почти в 2 раза) числа аспирантов в 2022 г. Впрочем, этот вопрос также требует самостоятельного и весьма тщательного изучения.

Два этих фундаментальных обстоятельства делают дальнейшие системные сравнительные исследования ситуации в США и России в этих временных промежутках крайне затруднительными, причем, такие исследования выходят за пределы настоящей статьи.

Каковы основные карьерные планы защитивших диссертации по общественным наукам в США? Общее представление дает таблица 2.

Таблица 2. Карьерные планы специалистов со степенью PhD в области общественных наук в США

Table 2. Career plans of specialists with a PhD in social sciences in the USA

Направление	Имеют конкретные планы (%)	Продолжение обучения в США (%)	Работа в США: в академической сфере / производственном секторе / другая (%)	Работа за пределами США (%)
Психология	68	40	11/8/8	2
Антропология	55	16	19/2/9	9
Экономика	76	11	19/16/11	19
Политические науки и госуправление	70	20	27/5/8	9
Социология	71	17	35/4/7	7

Источник: [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 7].

⁷ Защиты кандидатских диссертаций снова на подъеме // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2023. – 8 сентября. – URL: <https://issek.hse.ru/news/858083982.html> (дата обращения: 25.02.2024).

Как видно, разница карьерных планов между различными профилями является существенной.

В целом объяснима более высокая готовность экономистов скорее работать, чем продолжать обучение (что на фоне роста диссертационных защит за последние 10 лет показывает успешность подготовки соответствующих кадров), а также их готовность к поиску работы за пределами страны.

Также показательно фокусировка политологов на работе в академическом секторе; в совокупности с данными о снижении числа диссертаций в этой сфере в 2010–2020 гг. это может свидетельствовать о некотором кризисе системы образования по данному направлению: низкие возможности найти работу за пределами академической среды увеличивают конкуренцию за рабочие места в научно-образовательном комплексе и снижают мотивацию к защите диссертации. Хотя, возможно, это всего лишь отражение нелинейного взгляда на профессиональную карьеру, когда работа в академической сфере рассматривается в качестве важного условия для последующего перехода в другие сферы (государственное управление, консалтинг и аналитические структуры) или для совмещения позиций – исследование авторов не дает ответа на эти вопросы, так как они не уходят в детали по направлениям в сфере общественных наук.

В любом случае сравнить американские показатели с аналогичными российскими без проведения самостоятельного исследования невозможно – современных российских исследований по этой теме найти не удалось, хотя их актуальность (в контексте реформирования аспирантуры, совершенствования деятельности вузовских

карьерных центров и (в более широкой постановке) в рамках прогнозирования развития российского рынка труда, который проходит активные трансформации⁸) сейчас достаточно высока.

Среди вопросов для такого рода исследований могли бы быть такие, как мотивация к получению ученой степени кандидата и доктора в сфере общественных наук, карьерные траектории, характерные для лиц, обладающих разными учеными степенями, статистика перехода из академической сферы на государственную службу и наоборот, а также совмещение этих позиций, востребованность специалистов с российской ученой степенью в бизнесе и сравнительная конкурентоспособность специалистов с российскими и зарубежными учеными степенями на российском рынке труда.

Все эти вопросы не находятся пока в активной исследовательской повестке в России применительно именно к общественным наукам, хотя исследовательский интерес к аспирантуре как форме подготовки научных кадров в целом возрос (см., например: [Терентьев, Бедный, 2020; Терентьев, Кузьминов, Фрумин, 2021]). В этой связи американская карьерная практика специалистов по общественным наукам со степенью *PhD* за пределами научно-образовательной сферы представляет определенный интерес.

Кандидаты «в поле»

В главе 2 авторы дают классификацию возможных работодателей [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 15], которая может оказаться очень полезной на практике для продолжения самостоятельного поиска и анализа места возможного трудоустройства и в России:

8 Эксперты предсказали «революцию зарплат» и конец дешевого труда в России // РБК. – 2024. – 18 апреля. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/04/2024/661fb0ab9a79477de1080a16?ysclid=lv54firo4j838770500> (дата обращения: 18.04.2024).

1) государственные и муниципальные структуры всех уровней и видов;

2) поставщики услуг для государственного и муниципального сектора (эта категория нуждается в специалистах по общественным наукам как важных коммуникаторах);

3) аналитические центры (*think tanks*);

4) консалтинговые фирмы;

5) компании производственного сектора (самого разнообразного профиля – от учебных центров и ИТ-компаний до фармацевтических – все те, которые имеют дело со сбором и анализом данных);

6) некоммерческие организации разных типов.

Как показывают интервью, проведенные автором со студентами и выпускниками российских вузов по специальности «политология», даже такая простая классификация потенциальных работодателей уже является весьма полезной на этапе профориентации (во время обучения и после его завершения), так как ощущается недостаток этой информации, в том числе для самостоятельного поиска возможных работодателей. Парадоксально, но студенты, обучающиеся в сфере общественных наук, мало знакомы с объектом своего исследования, получают незначительный опыт работы «в поле», и в конечном итоге к реальной работе «на земле» оказываются готовыми только самостоятельно озаботившись получением практического опыта. Один из респондентов выразился: «Примерно до третьего курса я страдал «синдромом отличника»: думал, что если буду отлично учиться, то меня сразу заметят и пригласят куда-нибудь на «работу мечты» (консультантом к видному политику или руководителю). Но к третьему курсу все иллюзии рассеялись, и я понял, что мое трудоустройство зависит только от меня –

поэтому начал изучать практическую сторону профессии самостоятельно».

При этом надо отметить, что карьерные центры действуют во всех ведущих российских вузах, а в некоторых случаях – и в рамках больших факультетов. В рамках экспресс-опроса, проведенного при подготовке рецензии, представители таких центров подтвердили практическую полезность рецензируемой книги для России и недостаток соответствующих российских исследований. В то же время можно отметить и позитивные российские примеры таких учебных пособий [Менеджмент..., 2022].

В главах 3 и 4 авторы разрушают многие стереотипы и мифы о практической работе в сфере общественных наук в США, существующие у молодых специалистов. Честно отмечается, что «сначала вы будете работать на примитивной технической работе и переучиваться», «среди типичных задач будут обзоры литературы, сбор, обработка и анализ данных, подготовка и редактирование отчетов, подготовка и контроль планов исполнения проектов, формирование исследовательского дизайна рабочих проектов, работа с инфографикой, разработка конкретных исследовательских инструментов (например, подготовка протоколов интервью) и др.» [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 21].

Авторы считают эту рутину важным этапом профессионального становления, своего рода «практическим переучиванием», так как такая работа существенно отличается от подготовки академических текстов и имеет свою специфику – для ее качественного исполнения как раз и нужны те навыки, которые работодатель ожидает от специалистов в области общественных наук: донести необходимую информацию до целевых аудиторий подходящим языком, без потери со-

держась в ней знания и времени на усвоение: «объяснять сложные идеи просто». По сути дела, здесь описаны так называемые мягкие навыки (*soft skills*): умение учиться, умение эффективно коммуницировать устно и письменно, эффективное планирование и управление, умение мыслить [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 27].

Это кажется банальным, однако именно эти качества были отмечены как наиболее важные для профессиональной реализации респондентами в ходе интервью, проведенных автором с выпускниками российских вузов по специальности «политология». Выделяя наиболее важные навыки и знания, приобретенные в процессе обучения, все из них отмечали «умение мыслить», «мыслить критически», «мыслить системно», «умение решать сложные задачи» и «уверенность в том, что решение обязательно найдется». При этом респондентам было сложно объяснить, как именно у них сформировалось это умение: по их мнению, это происходило «за счет воздействия среды», в которой они находились в процессе обучения. Как видно, один из главных «активов» обществоведов еще недостаточно изучен в части его генерации, хотя надо отметить, что все эти компетенции подробно прописаны в качестве универсальных в федеральных государственных образовательных стандартах.

Успешная демонстрация таких навыков, по мнению авторов, открывает широкие возможности для профессионального роста в США на разных позициях. В консалтинге, например, специалистов по общественным наукам будут приветствовать на позициях руководителей проектов, исследователей и даже рейнмейкеров (*rainmakers*) [Merola,

Hitchcock, Rubio, 2023, p. 27]. Для выяснения смысла этого профессионального термина из бизнеса пришлось воспользоваться словарем⁹, который помог установить суть этой позиции: привлечение крупных заказов, «денежных потоков» и богатых клиентов в организацию. Очевидно, что это одна из ключевых позиций в бизнесе, которые делают карьерные возможности обществоведов в бизнесе не только широкими, но и потенциально довольно высокими и финансово привлекательными. Следует заметить, что позиция рейнмейкера очень востребована и в академической сфере – это отмечают авторы книги и подтверждает российская практика. Представляется, что это серьезный аргумент для публичного позиционирования и рекламы соответствующих специальностей высшего образования и аспирантуры в области общественных наук.

Книга содержит подробные рекомендации для тех, кто выберет работу в государственном секторе, с описанием сложного алгоритма рассмотрения кандидатуры и важных точек принятия решений. Важно, что описаны разные стратегии получения позиции на государственной службе: «столбовая дорога» трудоустройства через отклики на вакансии на официальном сайте; более нелинейная тропа поиска работы через стажировки в различных государственных структурах, а также работы на крупных федеральных подрядчиков. Оба последних варианта позволяют лучше понять, как работает государственный сектор, причем не только в США [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 57–76].

Однако академическая сфера всё же является важной «точкой при-

9 Кембриджский словарь дает такое определение этому термину: «A person who is able to bring large amounts of money into a company, for example by attracting rich clients (= customers for a service)». – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rainmaker> (дата обращения: 25.02.2024).

тяжения» для авторов, которые снабжают читателя инструкциями по поводу того, как вернуться в научно-образовательную сферу и как совместить работу там с работой в других направлениях. Обе эти темы представляются весьма актуальными и для российского читателя.

Можно ли вернуться в «башню из слоновой кости»?

Следуя своей традиции, авторы дают сначала описание «линейной» академической траектории после получения степени *PhD*: от работы на срочном контракте к получению штатной должности, затем должности полного профессора, а потом, может быть, заведующего кафедрой или декана [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 78].

Показаны сложности, возникающие на этом пути, развеиваются некоторые мифы, которые связываются с представлениями о том, что профессора являются некими небожителями, «пишущими книги на тенистой террасе своего загородного дома»: описанная в книге суровая реальность американского профессорско-преподавательского состава [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 78–79] оказалась похожей на российскую, поэтому приводить ее в рецензии нет необходимости.

В книге приведено детальное описание практического кейса поиска работы в академической среде после защиты диссертации [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 81–83], которое показывает существенные отличия от российской практики:

1) готовность к трудовой миграции в пределах разных регионов США (рассматриваемые в кейсе варианты для соискателя – Айдахо на западном побережье и Джорджия на восточном);

2) наличие развитой практики проведения конференций по трудоустрой-

ству национального (*National, American*) и макрорегионального (*European*) масштаба, которые являются настоящими «ярмарками вакансий».

Формальные требования по публикациям для профессоров в американских университетах сильно разнятся: от пресловутого требования публикаций в высокорейтинговых научных журналах международного или национального уровня, которое выдвигается в самых престижных университетах, до практически полного отсутствия требований по публикациям на (особенно) преподавательских позициях в университетах среднего уровня [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 86–87]. Выполнение требований по публикациям является основным «входным билетом» на позицию штатного профессора, что дает достаточно высокий уровень социальной защищенности и перспективы получить вожделенное «пожизненное» профессорство. Это является одним из основных материальных факторов, которые заставляют думать о возвращении в академическую сферу после бизнеса или государственного управления в США. К нематериальным факторам относится стремление к научному творчеству. При этом уровень базового дохода в бизнесе в США всё же будет выше, однако это потребует более высокой интенсивности труда и предприимчивости, так как от них напрямую зависит заработок.

Интервью автора рецензии с китайским аспирантом, завершающим свое обучение в России, показало, что в Китае путь построения академической карьеры точно такой же и он уже значительно проигрывает перспективам карьеры в бизнесе. Оценка респондента была такова: «После получения кандидатской степени по общественным наукам в России я смогу вернуться в Китай и получить позицию в одном из университетов среднего уровня с оплатой

труда, эквивалентной 2 тыс. долларов США в месяц, и проведу на этой позиции около 10 лет, чтобы потом, может быть, после написания нескольких важных статей и монографии, получить должность штатного профессора и доход около 5 тыс. долларов США в месяц. Если же я вдобавок к своей кандидатской получу высшее образование в сфере естественных наук, то я сразу смогу получить работу за 5 тыс. долларов США в месяц в какой-нибудь государственной компании». По оценке этого китайского аспиранта, ситуация в США примерно такая же.

Это подтвердил автору рецензии и один из молодых преподавателей Пекинского университета, проходивший обучение в Гарварде. На вопрос о том, была ли у него возможность остаться работать в США и существует ли проблема «утечки мозгов» из Китая в США после обучения в американских университетах, он ответил, что выбор определяется прагматическими интересами, исходя из которых он и вернулся в Китай: конкуренция за работу в сфере общественных наук в США намного выше, чем в Китае, а материальные условия не сильно привлекательнее.

Таким образом, конкуренция, в том числе международная и межсекторальная, является важным фактором построения карьеры в сфере общественных наук в США, и переходы из научно-образовательной сферы в бизнес или государственное управление и обратно, равно как и отъезд из страны с возвращением обратно, – нормальные карьерные траектории. Стимулом здесь являются соображения экономической безопасности, которые оказываются на другой чаше весов, по сравнению с творческим поиском и желанием двигаться дальше – выбор, актуальный и для России, также недостаточно изученный именно через призму построе-

ния научно-образовательной и других карьер в сфере общественных наук.

Особое внимание в книге уделено возможности заняться собственным бизнесом наряду с продолжением академической карьеры. Для многих это является реальным выходом по улучшению собственной материальной ситуации, которая не является блестящей в научно-образовательной сфере в США. При этом авторами даются базовые маркетинговые подсказки по поводу организации собственного бизнеса учеными в виде простого и эффективного «вопросника»: какие услуги я собираюсь оказывать? кто мои будущие клиенты? как я буду продвигать себя на рынке? как буду структурировать свой бизнес? в чем заключаются мои промежуточные и конечные цели? [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 90–91].

Такие рекомендации являются ограничено применимыми к российской академической действительности, в которой, по ощущениям, доминирующей бизнес-практикой в научно-образовательном секторе общественных наук является репетиторство наряду с форматом полунформальных консалтинговых компаний и экспертно-аналитических групп, которые могут существовать на базе академических структур (соответствующие практики также были выявлены автором рецензии в ходе проведенных исследований).

Особенно важно, что в десятой, заключительной, главе, в которой авторы суммируют свои советы и пытаются предвидеть новые вопросы к ним, в качестве отправной точки размышления для своих читателей они предлагают обратиться к их собственным ценностям: ведь именно от соответствия им и будет зависеть степень удовлетворенности от профессиональной деятельности [Merola, Hitchcock, Rubio, 2023, p. 103–104].

В предложенном алгоритме (визуализированном в виде «дерева») нет вопросов об уровне дохода или социальном престиже – только содержательные вещи, касающиеся увлеченности преподаванием, проведением исследований, организационной или коммуникационной работой, чувствительности к риску, способности фокусироваться долго на одной теме или желании разнообразить исследовательский фокус и предмет деятельности... Эти вопросы, наверное, являются банальными с точки зрения консультантов по трудоустройству, но, к сожалению, не являются очевидными для сегодняшних студентов и аспирантов в сфере общественных наук, задумывающихся о своих карьерных перспективах.

Заключение

Рецензируемая книга была задумана авторами как своего рода «навигатор» для молодежи, ищущей свое наилучшее профессиональное применение после завершения аспирантуры, что определило ее замысел, структуру и содержание. Этот замысел достаточно хорошо реализован: книга не лишена информативности и содержит результаты прикладных исследований и аналитику, что делает ее саму по себе важным примером того, как могут выглядеть практические продукты специалистов в области общественных наук. Книга могла бы стать хорошим учебным пособием или «методичкой» для сотрудников карьерных центров вузов, студентов и аспирантов в сфере общественных наук. Конечно, ее нужно адаптировать под российские реалии (устройство консалтингового бизнеса и государственной службы, сектора НКО и «аналитических центров» в России сильно отличается от устройства подобных институтов в США), а также под стремительно

меняющийся формат международных профессиональных коммуникаций, в котором роль и значение контактов со странами «глобального большинства» будет только возрастать.

В этом контексте важно иметь подобные исследования, основанные не только на российском материале, но и на материале Китая, Индии, Турции, Бразилии, ЮАР, Ирана и других крупных стран, отношения с которыми сейчас становятся всё более интенсивными.

Помимо практического значения, рецензируемая книга может стать поводом задуматься и на более фундаментальные темы. Вот лишь примерный перечень вопросов, которые могут стать предметом как самостоятельных исследований, так и серьезного профессионального разговора:

1. Что в конечном итоге будет представлять собой аспирантура в сфере общественных наук в России: очередную ступень образования, дающую через защиту кандидатской диссертации доступ к полноценной преподавательской деятельности в сфере высшего образования, или же первую ступень профессиональной научной социализации, подтверждающую на выходе готовность исследователя к самостоятельной научно-проектной деятельности?

2. Как в этом контексте должны соотноситься кандидатская и докторская степени при различных профессиональных траекториях, особенно когда они проходят за пределами научно-образовательной сферы? Какие из этих степеней будут востребованы работодателями и почему? Как это отразится на планах по подготовке соответствующих специалистов и на объемах государственного и внебюджетного финансирования этой подготовки?

3. Каковы перспективы реализации в России принципа «вращающихся

ся дверей», обеспечивающего быстрые и естественные профессиональные переходы из научно-образовательного сектора в аналитические центры и подобные им исследовательские организации, а также на государственную службу и обратно? Какую роль в этих переходах будут играть ученые степени в сфере общественных наук?

4. Как российская система научной подготовки будет выглядеть в контексте интернационализации науки, в том числе при взаимодействии со странами «мирового большинства»?

Список литературы

Волкова Н.С., Путило Н.В., Аксу Э. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 118–127. – DOI: 10.12737/jflcl.2022.081.

Груздев И.А., Терентьев Е.А. Данные против мифов: результаты социологического исследования // Высшее образование в России. – 2017. – № 7 (214). – С. 89–97.

Душина С.А., Ломовицкая В.М. Социальные детерминанты карьеры молодых ученых в период реформирования российской науки (на материалах полевого исследования) // Социологический альманах. – 2016. – № 7. – С. 187–198.

Казаков С.П. Перспективы научной карьеры в оценках студенческой молодежи (на материале социологического опроса в Санкт-Петербурге) // Социология науки и технологий. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 144–157.

Менеджмент: карьерные перспективы для студентов и выпускников специальности «Менеджмент»: учебно-методическое пособие / Говорова А.В., Золотина О.А., Суслова И.П., Щелокова С.В. – Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. – 80 с.

Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах / Долженко Р.А., Карпилянский В.А., Хади Р.А., Диденко А.С. // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 9. – С. 122–153. – DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-122-153.

Научковедческие исследования. 2009 : сб. науч. тр. / отв. ред. Ракизов А.И. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – 208 с.

Терентьев Е.А., Бедный Б.И. Проблемы и перспективы развития российской аспирантуры: взгляд региональных университетов // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29, № 10. – С. 9–28. – DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28.

Терентьев Е.А., Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д. Наука без молодежи? Кризис аспирантуры и возможности его преодоления. – Москва : НИУ ВШЭ, 2021. – 48 с.

Merola S.S., Hitchcock J., Rubio M. Social Science Careers Beyond the Academy. Finding a Path in Consulting and Government Sectors. – New York : Routledge, 2023. – 108 p.

Shmatko N., Volkova G. (2017) Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Foresight and STI Governance*. – 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 54–66. – DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11

"How to Survive in the Field": Alternatives to a Scientific and Educational Career in the Field of Social Sciences

Maxim V. VILISOV

PhD (Political Sciences), Leading Researcher of the Center for Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Vilisov M.V. (2024). "How to Survive in the Field": Alternatives to a Scientific and Educational Career in the Field of Social Sciences. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 209–222 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11

Received: 19.03.2024.

Revised: 18.04.2024.

ABSTRACT. *The article is a review of the book "Social Science Careers beyond the Academy", published in 2023 in the USA. Applied in its content, the book, based on examples from American practice, raises a number of important scientific and practical issues relevant to modern Russia: where outside the scientific and educational sector can specialists with scientific degrees in social sciences find work, what knowledge and skills will be in demand there and whether will they be able to return later to pursue an academic career and/or combine scientific and educational activities with work in other sectors or with running your own business? The research and practical recommendations contained in the book may be useful for a wide range of Russian readers: students, postgraduates and young scientists to specialists from university career centers. The structure of*

the book and the methods of research and presentation used in it can serve as a model for conducting similar research and preparing scientific, practical and educational materials that are relevant and in demand in modern Russian conditions for the scientific and educational sector in the field of social sciences.

KEYWORDS: *career in social sciences, postgraduate studies, career guidance, rain-makers.*

References

Dushina S.A., Lomovitskaya V.M. (2016). Social determinants of careers of young scientists during the reforms of Russian science (based on materials of field studies). *Sociologicheskij al'manah*. No. 7, pp. 187–198 (in Russian).

Gruzdev I.A., Terent'ev E.A. (2017). Data Against Myths: Evidence from the Survey of PhD Students in Leading Russian Universities. *Higher Education in Russia*. No. 7 (214), pp. 89–97 (in Russian).

Kazakov S.P. (2016). Scientific career perspectives in the assessments of student's youth (according to the sociological poll in St. Petersburg). *Sociology of Science and Technology*. Vol. 2, no. 7, pp. 144–157 (in Russian).

Management... (2022). Govorova A.V., Zolotina O.A., Suslova I.P., Shchelokova S.V. *Management: career prospects for students and graduates of the specialty "Management": an educational and methodological manual*. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 80 pp. (in Russian).

Merola S.S., Hitchcock J., Rubio M. (2023). *Social Science Careers Beyond the Academy. Finding a Path in Consulting and Government Sectors*. New York: Routledge, 108 pp.

Motivatsiya... (2019). Dolzhenko R.A., Karpilianskii V.A., Hady R.A., Didenko A.S. Young scientists' motivation for the research activity in Russian regional universities. *The Education and Science Journal*. Vol. 21, no. 9, pp. 122–153

(in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-122-153.

Naukovedcheskiye issledovaniya... (2009). Rakitov A.I. (ed.). *Science Studies: Research collection*. Moscow: INION, 208 pp. (in Russian).

Shmatko N., Volkova G. (2017). Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Foresight and STI Governance*. Vol. 11, no. 2, pp. 54–66. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66.

Terentev E.A., Bednyi B.I. (2020). Problems and Prospects for the Development of Doctoral Education in Russia: The View of Regional Universities. *Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 10, pp. 9–28 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28.

Terentev E.A., Kuz'minov Ya.I., Frumin I.D. (2021). *Science without youth? The crisis of postgraduate studies and the possibilities to overcome it*. Moscow, Higher School of Economics, 48 pp. (in Russian).

Volkova N.S., Putilo N.V., Aksu E. (2022). On the Legal Status of Young Scientists and Novice Researchers: Russian and Foreign Experience. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. Vol. 18, no. 6, pp. 118–127 (in Russian). DOI: 10.12737/jflcl.2022.08.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 1 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 30.04.2024
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 15,4
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6